

ЛЕОНИД СЕРГЕЕВ

СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА УЛИЦЫ

**повести и рассказы для детей,
подростков и взрослых,
которые помнят свое детство**

Москва

Издательство «БПП»

2009

СЕРГЕЕВ
Леонид Анатольевич

«Солнечная сторона улицы»

Повести и рассказы в восьми книгах

Книга восьмая

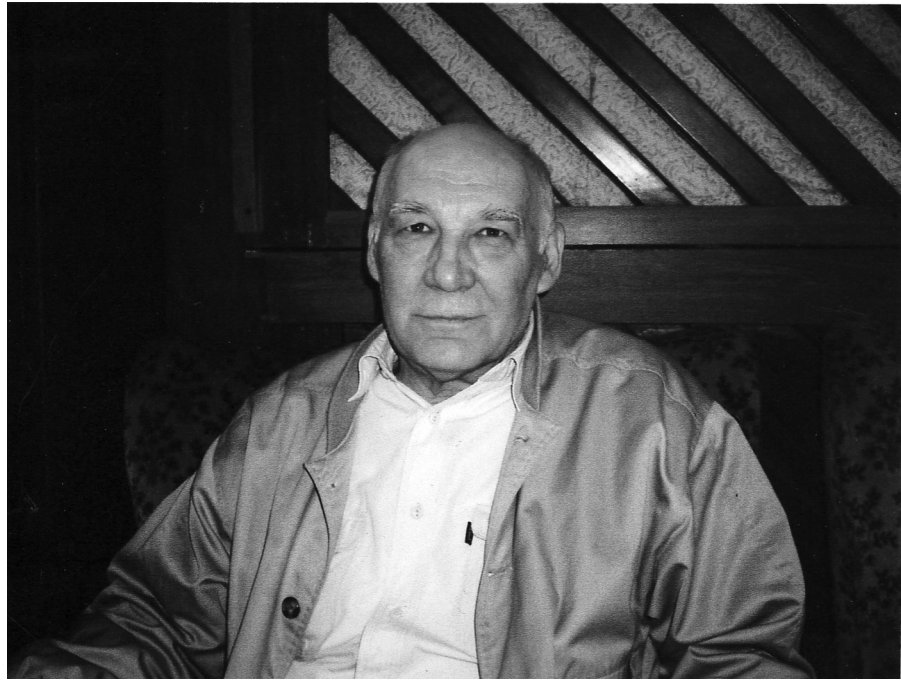
СЕРГЕЕВ Л.А. СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА УЛИЦЫ.
— М.: «ИЗДАТЕЛЬСТВО «БПП», 2009.— 313 с.

Прозу Леонида Сергеева отличает проникновенное внимание к человеческим судьбам, лирический тон и юмор.

Автор лауреат премий им. С. Есенина и А. Толстого, премии «Золотое перо Московии», премии журнала «Московский вестник», Первой премии Всероссийского конкурса на лучшую книгу о животных 2004 г.

ISBN 978-5-901746-09-7

©СЕРГЕЕВ Л.А., 2009
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «БПП», 2009

Непреходящая, яркая «детскость» есть главная составляющая дарования Леонида Сергеева. Можно назвать и другие: зоркое, обостренное (чисто художническое) видение деталей, раскованная, дневниковая манера письма, идущая не от позы, а изнутри. Но все это после главного: он «свой» среди своих героев, свой и для читателей его книг.

Л. Мезинов

Художественная проза Леонида Сергеева выгодно отличается от апологичных абзацев, из которых порой конструируются книги для детей. Небольшие по объему его рассказы совмещают многое — горячее солнце, и теплую речку, и пыльные улочки, и аромат небольшого поселка, и, главное, радостный напряженный пульс человеческой жизни.. Несколькими штрихами Л.Сергеев набрасывает точные запоминающиеся образы. Как это и в жизни бывает, доброго человека, героя рассказов, окружают такие же, добрые люди, взрослые и дети.

Я. Аким

Критик В.Приходько в статье «Очарование простоты» (журнал «Детская литература») пишет о необыкновенной простоте, лиризме и юморе рассказов Леонида Сергеева. Полностью с ним согласен. Разумеется, в литературе за простотой и легкостью стоит большой мастер. Но хотелось бы еще отметить у Л. Сергеева то, что крайне редко встречается в прозе, — искренность и самоиронию. Открытая душевность говорит о светлом взгляде на жизнь и доброте, а насмешливость над собой свойственна лишь сильным личностям.

Н. Халатов

Книги нашего детства... Однажды прочитанные они сопровождают нас всю дальнейшую жизнь. К таким книгам я смело отнес бы и замечательные повести писателя Леонида Сергеева. Автор через мельчайшие детали быта прослеживает становление характера своих героев — их отношение к друзьям и родственникам, зарождающееся чувство любви. Ту самую пору взросления подростковой души, когда по меткому выражению Г. Маркеса «...в этом мире ты всего лишь человек, но для кого-то ты — весь мир».

Прошло уже много лет, как я впервые на одном дыхании прочитал повести Леонида Сергеева, но до сих пор, когда мне становится грустно, в моей памяти оживают далекие звонки «Утренних трамваев», превращаясь в музыку, в гимн «утра человеческой жизни» — зовущими открывать, любить, надеяться на лучшее.

Н. Красильников

МОЙ БЕГЕМОТ

ГОШКА

Мой дядя слыл весельчаком. То и дело рассказывал смешные истории и всем дарил необыкновенные подарки, причем эти подарки делал сам — он был мастер на все руки. Однажды из двух баллонов от пятитонки дядя склеил надувного бегемота. Он получился совсем как живой — огромный, с разинутой улыбающейся пастью и хитроватыми глазами. Он был очень большой, но при желании его можно было надуть еще больше — стоило только открутить пробку на задней ноге.

Когда дядя принес к нам бегемота и поставил на пол, толстяк закачался, закивал головой, шевельнул ушами и, как мне показалось, даже чуть-чуть шагнул. Бегемот был добряком — это я понял сразу. Его огромный рот все время растягивался в улыбку, а в глазах так и бегали какие-то смешинки. У меня было несколько любимых игрушек: грузовик, слон со скрученным хоботом, цветные лягушки из тряпок, но когда появился бегемот, мне стало не до них. Я ни на минуту не расставался с Гошкой (так я назвал бегемота). Я целовал Гошку в морду, сажал с собой за стол и кормил супом, ходил с ним во двор гулять; по вечерам читал Гошке книжки, а потом ложился с ним спать, выпустив из него немного воздуха: сильно надутый, он не умещался на моей кровати.

Гошка был весельчак. Весь в дядю. С утра до вечера выкидывал разные штучки. Оставишь его где-нибудь на сквозняке, смотришь — он уже убежал в угол комнаты, прикорнул у шкафа и дрыхнет. А то вдруг ни с того ни с сего перевернется и, задрав ноги, начнет кататься на спине. Или прямо на глазах похудеет — явно просит еды. Кстати, он ужасно любил поесть. Его так и тянуло на кухню. Все думали, Гошка ел понарошку, но я-то знал, что он ел на самом деле. Да еще как! Уплетал за обе щеки. Каждый раз, оставив ему на ночь еду в миске, утром я замечал, что половину он слопал. Бабушка говорила, что к миске подходил кот, а Гошка знай себе ухмыляется и незаметно подмигивает мне. Как-то наш кот не ночевал дома, но утром миска оказалась пуста. Я сразу крикнул бабушке:

— Во! Что я говорил? Видала, сколько съел?

Бабушка удивилась и с тех пор стала еду от Гошки прятать.

Целыми днями Гошка веселился и только в жару скисал. Тогда я наполнял ванну водой и пускал его поплавать. Плавать Гошка любил больше всего. Особенно на боку. Разляжется на воде и плывет от одного края ванны к другому. Немного поплавает, начнет крутиться на одном месте — радуется, что очутился в родной стихии. Иногда я тоже забирался в ванну, и мы с Гошкой начинали нырять, и кувыряться, и брызгать друг в друга, а потом я влезал к нему на спину, и мы отдыхали прямо на воде. На воде Гошка держал меня так легко, как будто на него

влез не я, а воробей. Казалось, он спокойно мог бы удержать еще пятерых таких, как я.

С каждым днем мы с Гошкой все больше привязывались друг к другу. Частенько домашние ворчали, что Гошка занимает слишком много места, что от него постоянно беспорядок в комнате и что его вообще неплохо бы отнести в чулан. Особенно недолюбливала Гошку бабушка.

— Ох уж этот бегемот! — все время кряхтела она. — Растет не по дням, а по часам. В квартире от него сплошной кавардак и совсем не осталось свободного места. Хоть мебель выноси. В зоопарк его надо!

В такие моменты я всегда заступался за своего друга и, чуть что, сразу прятал его под кровать. Когда же за что-нибудь распекали меня, вперед, как танкетка, спешил Гошка. Он надувался и топал от негодования и всем своим видом давал понять, что не даст меня в обиду. За всю нашу дружбу мы только один раз повздорили, да и то по пустяку. Как-то я залез на него, а он взял и выбил свою пробку и сразу же, охнув, присел, а я шлепнулся на пол. Отчитал я его тогда как следует, и он больше не устраивал глупых шуточек, а если и был чем-нибудь недоволен, то просто стоял и скрипел. Он был такой тихоня, что даже ссорился со мной шепотом.

Однажды бабушка сказала:

— Давай съездим в зоопарк. И Гоше будет интересно. Покажем ему разных животных, познакомим с родственниками.

— Ой, бабуля! — крикнул я. — Здорово ты придумала! Поедем!

Мы жили на окраине города и до зоопарка добирались на трамвае. В вагоне все пассажиры сгрудились около Гошки. Только и слышалось:

— Ого, вот это зверь, я понимаю!

— И где ж вы такого достали? Не в Африке ли?

Бабушка объясняла, что Африка здесь ни при чем, говорила про дядю, про его золотые руки, а мы с Гошкой гордо смотрели в окно.

В тот день в зоопарке народу было мало, и мы спокойно осмотрели обезьянник, львов и площадку молодняка. Потом обогнули озеро с плавающими утками и остановились у вольера с надписью: «Гиппопотам Маша». За изгородью около бассейна стояла огромная бегемотиха. Она медленно водила головой в разные стороны — посматривала на редких зрителей сонным, безразличным взглядом. Я пододвинул Гошку поближе к изгороди, но бегемотиха совсем закрыла глаза и стала жевать жвачку.

— Сынка нашей Машке принес? — услышал я за спиной.

Обернулся — около нас стоял усатый мужчина в фартуке.

— Да, да, сынка! — обрадовалась бабушка и улыбнулась.

— Мы просто посмотрим, — тихо произнес я.

— А-а! Ну смотрите... А то оставил бы.

— Конечно! — закивала бабушка. — Вместе им будет просто замечательно!

— Ясное дело, — развел руками мужчина. — Я здесь смотрителем работаю. Уж как-нибудь за твоим дружком присмотрю... Кормить его будем три раза в день. Как Машку.

— И не раздумывай! — подтолкнула меня бабушка.

Я подумал, что вообще-то здесь Гошке было бы неплохо. С бегемотихой они подружились бы... Но каково мне было бы без Гошки!

— Нет, — твердо заявил я и повернулся к бабушке:

— Пойдем домой.

КУКЛЫ

До того как дядя подарил мне Гошку, я играл только с девчонками. У меня было три родных сестры и шесть двоюродных. И жили мы во дворе, где были одни девчонки и, как назло, ни одного мальчишки. С утра до вечера сестры играли в куклы. Кукол у них было много: тряпичные в платьях и кофтах, матрешки в сарафанах и кружевах и совсем голые из целлулоида. Были куклы с бантами, с цветами, с зонтиками. Толстые и тонкие. Большие и маленькие. Были куклы, которые сидели на чайниках, и куклы с огромными глазами — они опускали ресницы и пищали. Вся наша квартира была завалена куклами. Куда ни посмотришь, везде сидели эти уродины. Я засовывал их под диван, прятал в чулане — ничего не помогало. Кукол не уменьшалось. Даже наоборот, их становилось все больше.

Сестры были без ума от своих кукол. Они называли их балеринами и принцессами; все время одевали и раздевали их, кормили и укладывали спать. Каждый раз, когда я предлагал сестрам поиграть в футбол или посражаться на шпагах, они начинали меня стыдить.

— Ты какой-то глупый, — говорила одна сестра.

— Все твои игры шумные и неинтересные, — морщилась другая.

А третья подсовывала мне куклу и тащила играть в дочки-матери. Я ужасно злился, но ничего не мог поделать. Ведь сестер было много, а я один. Вот и приходилось мне играть с ними в куклы. Вместе с сестрами я вышивал и вязал, готовил обеды для кукол и пел им колыбельные. Постепенно сестры стали принимать меня за свою подругу. Иногда кто-нибудь из них забывался и говорил мне:

— Ты не так постелила балерине Тане.

— Ты мало качала принцессу Зину.

Я злился до слез. Но это еще что! Сестры в день моего рождения подарили мне... куклу. Тут уж я взбунтовался и выкинул все их кукольное царство в окно. Но они снова принесли своих любимиц и вдобавок на-

летели на меня вдвоем и отлупили. А потом пришел дядя и подарил мне... Гошку.

Я думал, что теперь сестры забросят своих кукол и начнут подлизываться ко мне, чтобы я разрешил им поиграть с бегемотом. Но Гошка не произвел на них никакого впечатления. С кислыми лицами они осмотрели моего друга, и одна из сестер фыркнула:

— Он слишком большой и неуклюжий.

— И страшный, — добавила другая сестра.

Гошка обиделся, наклонил голову, и его пасть задрожала от горькой усмешки.

— Ничего вы не понимаете, — сказал я. Привязал Гошке на шею веревку, и мы отправились гулять во двор.

Но и девочкам из нашего двора мой Гошка не понравился.

— Пряма и не знаем, во что с ним можно играть, — сказали.

— Как во что?! — чуть не вскричал я. — Да во что хотите! Бегемот это вам не куклы какие-то! Это...

Но девочки уже меня не слушали — они отправились в глубину двора.

Для начала мы с Гошкой занялись акробатикой. Я залез на Гошку и стал прыгать на нем. Он подбрасывал меня все выше и выше.

Потом мы с Гошкой боролись: кто кого — он меня или я его. Хитрец Гошка все пытался навалиться на меня и прижать к земле. Он надувался, пыхтел и сопел, но ему так и не удалось повалить меня. А я Гошку повалил. Дал ему подножку, и он плюхнулся на бок.

Потом мы играли в футбол. Гошка стоял в воротах, а я бил по мячу. Сообразительный Гошка сразу встал боком и заслонил все ворота. Забить ему гол было очень трудно, но я все же забил штук десять.

Теперь целыми днями я играл только с Гошкой.

А вскоре произошло еще одно событие: в наш дом приехали новые жильцы. Они приехали поздно вечером, но я успел заметить мальчишку. Вихрастого мальчишку моего возраста! Правда, я заметил и двух девочек, по виду сестер мальчишки: одну высокую, явно школьницу, другую — намного младше. Но главное — в той семье был мальчишка! Я долго не мог уснуть. Все представлял, как буду играть с новым соседом; достал из-под дивана мяч, заточил деревянную шпагу, подкрасил пробочный пистолет.

— Теперь-то начнется новая жизнь, — сказал я Гошке, и он понимающе закивал головой, и в его глазах появился озорной блеск.

Наутро мы с Гошкой выбежали во двор, и я стал гонять мяч перед окнами новых жильцов. Вначале из дома вышла высокая девочка. Она

тащила две куклы. За ней появилась ее младшая сестра. С тремя куклами! А потом показался и мальчишка. В руках он... тоже держал куклу.

— Пойдем погоняем мяч, — предложил я. — А он будет вратарем. — Я кивнул на Гошку.

— Не-ет, — протянул мальчишка. — Я лучше пойду играть с сестрами.

Он небрежно оттолкнул Гошку и поплелся за девчонками.

Я уже хотел было огреть шпагой этого слюнтяя, как вдруг его старшая сестра обернулась и, бросив кукол, сказала:

— Я с удовольствием попинаю мяч. Надоели эти куклы. И бегемот у тебя симпатичный. Как его зовут?

С того дня мы играли втроем: Настя, Гошка и я. Настя — девчонка, а отлично играла в футбол, сражалась на шпагах, стреляла из пугача. Гошка в нее прямо влюбился. Только и смотрел в окно, ждал, когда Настя выйдет во двор, и ужасно страдал, если она долго не появлялась.

ГНОМ

По вечерам я читал Гошке книжки. Особенно он любил сказки про гномов. Прижмется ко мне, прикроет глаза и внимательно слушает.

Я верил, что веселые и добрые карлики живут где-то среди нас, и долго разыскивал их маленькую страну. Облазил чердак, холодный сырой подвал, постройки вокруг дома, сумрачные закутки за сараем; обошел забор, заросший мышинным горохом, осмотрел все кусты с бело-розовыми граммофонами выюна, но гномов нигде не встретил.

Я уже почти отчаялся их найти, как вдруг обнаружил какие-то странности в нашем доме: по вечерам слышались разные шорохи, скрипы, вздохи... Потом ни с того ни с сего остановились часы, в шкафу просыпалась крупа. Потом сам собой потух самовар, упало полено, исчезло мыло.

— Видал?! — обратился я к Гошке, и тот разинул пасть от удивления.

Каждый день я находил следы веселых шуточек, но самих шутников не видел. И только зимой мне повезло.

Мы с Гошкой катались с горы за нашим домом. Я залезал на Гошку, он ложился на живот, и мы неслись по укатанному склону. Внизу Гошка немного отдыхал, а я рассматривал разные снежные бугорки и кочки, и подтаявшие корки снега, и заиндевевшие сухие травы. На бугорках то тут, то там виднелись какие-то рисунки: маленькие полукружки и лесенки. Я нагибался и рассматривал эти загадочные картинки, но понять их никак не мог. Иногда осторожно, чтобы не сбить иней, я пробирался сквозь торчащие из-под снега травы. И эти травы мне уже казались не травами, а деревьями в лилипутском лесу. Я различал их тонкие, как карандаши, стволы и корявые ветви, заснеженные рыхлыми шапками. Кое-

где меж этих деревьев, как стеклянные змейки, тянулись застывшие подтеки. Они напоминали наши водопады, но были совсем маленькие.

Я ходил у подножия склона, между возвышений, впадин, деревьев и водопадов, и все представлял, как здесь играют гномы. «Только где они сейчас? — думал. — Может, от меня спрятались?»

Мы с Гошкой снова взбирались на гору, я прятался за сугроб и украдкой посматривал вниз. Но гномы не появлялись. Целый день мы с Гошкой провели на горе, но все было бесполезно. Когда начало темнеть и ветер погнал вихри, я решил прокатиться на Гошке последний раз — и внезапно увидел его, маленького человечка в красном колпачке. Я увидел его в тот момент, когда мы мчались с горы. Он был высотой с ладонь и ехал прямо перед нами на крохотных лыжах; то и дело оборачивался и со страхом смотрел на нас, и изо всех сил семенял вниз, отчаянно отталкиваясь малюсенькими палками. И все-таки мы догнали его. Какое-то мгновение даже скользили рядом. Я отчетливо видел его бородку и полные страха глаза, но Гошка не смог притормозить, и мы пронеслись вперед.

Съехав с горы, я слез с Гошки, обернулся и стал поджидать гнома, но он не появился. Я подумал, что он упал где-то на горе, и заспешил наверх, но и на склоне его не оказалось.

Я бегал по горе до тех пор, пока у меня не закружилась голова. Только тогда взял Гошку за поводок, и мы побрели домой. По дороге я отругал Гошку за нерасторопность, за то, что он не смог затормозить на горе. В такой момент! Ведь не каждый день мы видим гномов! Но Гошка был невозмутим, он как бы говорил: «Подумаешь — гном! Ничего удивительного! На свете и не то бывает!»

Войдя в дом, я крикнул:

— Мам! Я видел гнома!

— Где же ты был так долго? — сказала мать. — И Гошку своего заморозил. Ведь бегемоты любят тепло... Но что это с тобой? Ты весь красный! — она тревожно приложила руку к моему лбу. — Да у тебя температура!

Мать стряхнула с моей куртки снежную пыль, развязала шарф, сняла валенки, и на пол шлепнулись слежавшиеся лепешки снега, как вафли. Я смотрел на них и думал о гноме.

В ДЕРЕВНЕ

Однажды летом отец сказал:

— Завтра поедем в деревню.

— А Гошку возьмем? — поспешил выяснить я.

— Нет. Мы едем не одни, в грузовике и так мало места. Не знаю, куда вещи погрузить. Впрочем ладно, сдувай его и сворачивай.

— Как это сдувай и сворачивай?! — возмутился я. — Он же живой!..

— Пусть тогда бежит за машиной, — неудачно пошутил отец, но тут же примирительно добавил:

— Ну хорошо, хорошо, закинем его в кузов, только надо будет привязать веревкой, чтобы не свалился.

— Я буду его крепко держать, — ответил я и показал, как буду держать Гошку.

В деревне было раздолье. С утра мы с Гошкой бегали по лугу за домом, причем Гошка сразу придумал скользнуть за мной на веревке, как за буксиром. Выставит вперед свои толстые ноги и скользит по траве, приминая головки цветов.

Днем мы гуляли по деревне, и Гошка пугал разную живность. Завидев Гошку, кошки впрыгивали на деревья, а куры и утки бросались врассыпную. Гошка казался им каким-то ископаемым чудищем. Даже собаки побаивались Гошку. Спрячутся за заборы и облаивают нас. Некоторые, самые смелые, подкрадывались сзади, принохивались, пытались цапнуть Гошку за ногу. Но Гошка развернется, затопчется на месте, забурчит — и собаки бегут наутек. Еще бы! Ведь Гошка был толще самых толстых свиней и ростом с теленка!

Только козел не боялся Гошку. Он пасся посреди деревни; огромный, лохматый, медленно вышагивал среди коз и жевал траву. Он долго угрожающе смотрел на Гошку, а потом без всякого повода, точно сумасшедший, подбежал и ударил моего друга рогами в живот. Бедняга Гошка застонал и упал; из него со свистом стал выходить воздух. Пришлось мне срочно бежать домой, лечить Гошку — ставить ему заплатку.

Когда Гошка выздоровел, мы обходили козла стороной.

Гошка понравился всем жителям деревни. Случалось, идем по улице, а навстречу нам косцы.

— Отличная у тебя охрана! Лучше всякой овчарки! — скажет кто-нибудь.

— Его бы стадо научить пасти! Или в огород поставить — вмиг всех ворон распугает!

А ребята нам просто прохода не давали. Они то и дело гладили, обнимали Гошку, пытались залезть за него, но я не разрешал.

— Он еще не совсем здоров, — говорил и показывал на Гошкину рану. — И вообще, он же не лошадь! С какой стати он должен вас катать?

Больше других за нами ходил Вовка, остроносый мальчишка в драной рубашке. Вовка не отходил от нас ни на шаг. Он хотел знать все: сколько весит Гошка, что ест, как плавает? Он меня просто замучил своими вопросами. Он явно хотел с нами подружиться и сразу показал самые интересные места: ручей с запрудой, куст орешника, из

веток которого получались отличные дудки, старую кузницу, где обитал еж, болотце с пучеглазыми жабами.

Чтобы Вовка особенно не хвастался и не зазнавался, я рассказал ему, как мы с Гошкой видели гнома.

ЛЮБИТЕЛИ КОМПОТА

В деревне мать часто варила компоты — густые, сладкие. Я очень любил эти компоты. Часто даже обедать начинал с них. Выпью три стакана, немного поковыряю второе, а до первого так и не дотронусь. Компоты я мог пить в любое время дня. Даже если только пообедал, спросят: «Хочешь компота?» — никогда не отказывался. Да что там днем! Ночью разбудят — все равно пил!

Как-то я простудился. Все лекарства перепробовал, ничего не помогло, выпил горячего компота — все как рукой сняло. И кстати, Гошка очень любил компоты. Только холодные. На горячие всегда подолгу дул — боялся обжечься. А вот Вовка компоты не любил и никогда не пил их. Даже компоты моей матери не производили на него никакого впечатления. Много раз он заходил к нам, и мать угощала его компотом, но он всегда отказывался. Такой был чудак!

Обычно днем мы с Вовкой играли у ручья около запруды. Плавали на Гошке, строили водяную мельницу, рыли каналы, наводили мосты. Недалеко от нас всегда играла Свечка — темноволосая худая девчонка. Она делала из глины пироги, калачи и лепешки. Варила кашу из клевера и суп из лебеды, разноцветный, как мармелад. Этими кушаньями Свечка кормила своих кукол и плюшевого кота Сёму.

Иногда Свечка подходила к нам и просила «обмолоть» на мельнице ее муку — песок, смешанный с мелким ракушечником. Или просила разрешения походить Сёме по нашему мосту.

Однажды Свечка полоскала кукольное белье в запруде. Рядом стоял Сёма и стеклянными глазами смотрел на воду.

— Эх, Сёма, компотику бы сейчас! — сказал я и щелкнул кота по носу.

Свечка тут же бросила белье, подбежала к Сёме и зашептала ему в ухо:

— Скажи мальчикам, что я сейчас сварю компот, — и побежала к своей кухне.

Вскоре она вернулась и протянула мне бутылку с водой, в которой плавали головки цветов.

— Вот, пейте! — сказала и улыбнулась.

Я схватился за живот и захохотал:

— Вот дурочка! Пейте! Ты что?! Нас на тот свет отправить хочешь?! Пусть эту дрянь твой Сёма пьет! — сказал я и наподдал ее коту. — Это

даже мой Гошка пить не будет. Он ест только настоящее... — Я посмотрел на своего друга, и Гошка кивнул, поморщился и фыркнул.

Свечка схватила Сёму, прижала к себе и, закусив губу, отвернулась. Тут подошел Вовка, взял Свечкину бутылку и вдруг выпил компот со всеми цветами. Целую бутылку с настоящими цветами! Выпил одним махом, не отрываясь. Я думал, он умрет. А он выпил и потянулся.

— Очень вкусный компот, — сказал. — Никогда таких не пил.

Свечка повернулась и заулыбалась снова. А потом засмеялась и отбежала от нас. И Гошка понесся за ней — видно, тоже захотел попробовать цветочного компота.

С того дня Свечка каждый день приносила Вовке компоты. Она выбирала ему самые лучшие цветы, подолгу растирала их в ладонях, крошила в бутылку с водой и взбалтывала. И Вовка всегда пил ее компоты. И еще закатывал глаза, гладил себя по животу и крякал от удовольствия. И Гошка пил эти компоты, и тоже с не меньшим удовольствием. Свечка смеялась и прыгала от радости, а я немного жалел, что отказался от ее компотов.

ОТВАЖНЫЙ И ПРЕДАННЫЙ

Однажды мы с Вовкой у ручья лепили дворец из глины. Рядом стоял Гошка и как бы давал нам советы. Одобрительно кивал, если мы делали правильно, и, наоборот, мотал головой, если мы что-нибудь делали не так.

Невдалеке, у запруды, как обычно, играла Свечка.

Внезапно мы услышали всплеск и крик Свечки:

— Помогите! Тону!

Как Свечка упала в воду, ни Вовка, ни я не заметили. Мы только увидели, что она отчаянно барахтается в воде и рядом плавают ее кот Сёма.

— Я не умею плавать, — пробормотал я.

— И я не умею, — с дрожью в голосе откликнулся Вовка.

Я бросился искать палку, чтобы протянуть ее Свечке, но вдруг услышал гулкий плеск и увидел, что к Свечке на всех парах мчится Гошка. То ли его Вовка спихнул, то ли он сам прыгнул. Гошка быстро подплыл к Свечке, и она ухватилась за его шею. Когда они пристали к берегу, мы помогли им выбраться из воды. Свечка начала чихать и плакать и целовать Гошку, благодарить его. А нам крикнула:

— Что ж вы Сёму не спасаете?! Он же утонет!

Я нашел палку, подогнал кота к берегу, и Вовка выудил его за хвост.

За деревней стоял огромный узловатый дуб. Его раскидистая крона закрывала целую поляну. Даже в самые жаркие дни на поляне было прохладно.

Как-то Вовка, Гошка и я сидели под дубом и смотрели на дальнее шоссе, где проносились разные грузовики и легковушки.

— Эх, набрать бы желудей! Были бы отличные солдаты в нашем дворце, — вдруг сказал Вовка и показал на ветви над нами. Там висели светло-зеленые плоды с чашками-шлема-ми.

— Давай собьем их, — предложил я.

Мы начали кидать камни в желуди, но они, еще незрелые, крепко держались на ветвях — ни один не упал. Эти упрямые желуди не на шутку раззадорили нас.

— Подсади-ка меня, влезу на дерево, — сказал я Вовке.

Сбросив ботинки, я засучил брюки, и Вовка помог мне долезть до нижнего сука. Потом я уцепился за толстую ветвь и по ней полез выше. Шершавая кора обдирала руки и ноги, но я продолжал карабкаться. Я забрался так высоко, что почувствовал, как ветер раскачивает дерево. Прямо надо мной проплывали облака, но казалось, что они стоят на месте, а по небу плывет дерево и я вместе с ним.

Гроздь желудей были совсем рядом, но я все равно не мог до них дотянуться.

— Нужна палка! — крикнул я Вовке и посмотрел вниз.

И только в этот момент понял, что залез слишком высоко. И Вовка и Гошка выглядели совсем маленькими. У меня закружилась голова. Я хотел опуститься на нижнюю ветку, но ноги не дотянулись до нее. Обхватив ветвь, я висел в пустоте.

— Зови на помощь! Я не могу слезть! — в страхе закричал я.

— Прыгай! — откуда-то издали донесся Вовкин голос.

Я еще раз посмотрел вниз и увидел, что Вовка подталкивает Гошку под ветвь, на которой я повис. Мои руки ослабели, и я полетел к земле.

Я упал на Гошку, как в мягкую перину. Даже ни капли не ушибся...

А потом Гошка и Вовку спас.

Тот козел, который боднул Гошку, совсем спятил. Начал гоняться по деревне за ребятами. Одни говорили, что ребята его дразнили, другие — что он просто объелся перебродившей вишни. Вовка козла не дразнил. Он спокойно шел ко мне — мы договорились идти к ручью. Вовка уже подошел к нашей изгороди, как вдруг я увидел, что к нему во всю прыть несется козел. Я не успел и рта раскрыть, как в калитку протиснулся Гошка и встал между Вовкой и своим обидчиком. У Гошки был очень грозный вид. Видимо, он решил проучить козла раз и навсегда. И козел это понял — остановился точно вкопанный. Потом как-то извинительно заблеял, брыкнулся и убежал.

В ЗООПАРКЕ

Осенью я пошел в школу. Мать уложила в портфель школьные принадлежности и сказала:

— Ну вот, теперь ты стал взрослым. Теперь ты должен хорошо учиться, а Гошку давай уберем в чулан.

— Нет, — заявил я. — Гошка будет учиться со мной. Я приду из школы, и мы будем вместе решать задачки.

Мать только вздохнула.

Вначале в школе я сильно скучал по Гошке и после занятий сразу же мчал домой; выгуливал Гошку и рассказывал ему, что было на уроках. Гошка слушал рассеянно, зевал от скуки. Почему-то мои занятия его совсем не интересовали. И решать задачки он не хотел. Он как бы говорил: «Зачем мне учиться, я и так умный!»

Позднее в школе у меня появились новые друзья и новые увлечения: я стал собирать марки и оловянных солдатиков. Марками обменивался с одноклассниками, а солдатиков делил на две армии и устраивал сражения. С Гошкой играл все реже, но он не обижался: откуда-нибудь из угла следил за моими баталиями или дремал, прислонившись к шкафу.

...Так прошел весь учебный год. На лето меня отправили в лагерь, а когда я вернулся, Гошку дома не застал.

— Я отвела его в зоопарк, — пояснила бабушка. — Там ему с бегемотихой просто замечательно. Помнишь бегемотиху Машку?

Я побежал в зоопарк. Еще издали в вольере заметил бегемотиху, но Гошки рядом с ней не было. У вольера я столкнулся с усатым мужчиной — смотрителем. И только хотел спросить про Гошку, как внезапно в бассейне что-то плеснуло, и на поверхности воды показалась вначале голова, а потом и вся серо-зеленая туша еще одного бегемота.

— Видал, как твой бегемот подрос? — спросил меня мужчина и кивнул на животное. — Все говорят, его недавно к нам доставили, но мы-то с тобой знаем, кто это, правда? — Он улыбнулся и обнял меня за плечи.

Я посмотрел на вылезшего из воды бегемота и вдруг заметил, что его пасть дрожит от улыбки, а в глазах мелькают знакомые озорные смешинки. Бегемот посмотрел в мою сторону, закивал головой и пошевелил ушами, и я сразу узнал в нем Гошку. И Гошка меня узнал: подмигнул мне, подбежал к изгороди, и его пасть растянулась в радостном приветствии.

СПУСТЯ МНОГО ЛЕТ

Закончив школу, я уехал в другой город, но Гошка всегда оставался со мной. Как мечта о друге. Он всегда появлялся, когда я вспоминал о

нем. И больше меня радовался моим успехам, и больше меня огорчался, если мне не везло. Гошка исчезал только когда я забывал о нем.

Спустя много лет я вернулся в город своего детства. Разыскал наш дом и случайно на чердаке среди рухляди нашел пыльный сверток резины. Стряхнув пыль, я вынес сверток на улицу, развернул и, обнаружив пробку, надул.

Гошка сильно постарел: был весь в морщинах и складках, вместо улыбки виднелась горькая гримаса. Что-то далекое и радостное охватило меня.

Некоторое время Гошка обидчиво смотрел в мою сторону, как бы укоряя за долгое отсутствие, за то, что я совсем забыл его. Я рассказал Гошке все. И он все понял и простил меня. Снова, как когда-то, он кивнул головой и шевельнул ушами; подмигнул мне, и его пасть растянулась в улыбку. Гошка уткнулся в мои ноги, и я обнял его.

Нас окружили ребята. Одни — с заводными игрушками, другие — с новыми блестящими велосипедами.

— Что это за чучело, дядь?! — спросил один из мальчишек, и ребята рассмеялись.

Где им было знать, что старый облезлый бегемот был моим самым близким другом в детстве, что он мне дороже самых дорогих игрушек и ничто никогда не заменит его.

**МОИ
ЧУДАКОВАТЫЕ
РОДСТВЕННИКИ**

В НАШЕЙ СЕМЬЕ

В детстве я отличался умением приврать, причем временами врал с такой фантазией, что сам удивлялся своим способностям. Надо сказать, что первоклассным вралем я слыл только в нашей семье, во дворе мои штучки не проходили. Раза два я пытался что-то загнать ребятам, что-то легкое, почти правдоподобное, но меня быстро разоблачили, и я оставил свои замашки. Собственно, и в семье мне мало кто верил, разве что младший брат и бабушка. Брату я сочинял такие небывлицы, что у него захватывало дух.

— Вот это история, я понимаю! — прищелкивал он языком. Правда, иногда сомневался:

— А ты не выдумываешь?

Чтобы развеять его сомнения, я клялся пиратскими клятвами:

— Пусть меня схватит осьминог, если вру!..

Или:

— Разрази меня молния!

Или что-нибудь еще в таком роде.

Ну, а бабушка всегда без тени сомнения верила каждому моему слову. Однажды я пролил чернила на скатерть и всем объявил, что они сами пролились. Как всегда ни отец, ни мать мне не поверили, брат неопределенно пожал плечами, а бабушка сказала:

— Вполне возможно. Это очень похоже на правду, ведь в окно дул ветер, — и таинственно улыбнулась.

В другой раз я съел банку варенья и сказал, что ее съел кот. Мать сразу на меня накричала:

— Ты закоренелый врун! Я вижу тебя насквозь! Учти, мое терпение имеет пределы!

А бабушка мягко сказала:

— Вообще-то кот любит сладкое, — и подмигнула мне, давая понять, что в жизни и не такое бывает.

Нередко, распалив свое жгучее воображение, я и сам верил в то, что говорил. Как-то бабушка спросила:

— Кажется, дождь за окном?

Я тут же откликнулся:

— Ага! — Хотя на улице было сухо. Но бабушка поверила и, собираясь на рынок, взяла зонт.

В тот же вечер бабушка обратилась ко мне:

— Что-то я слышала шум во дворе? Будто ловили кого?

— Да, было дело, — ответил я. — Ловили. Тигра!

— Как тигра! — удивилась бабушка. — Да откуда же он взялся?

— Сбежал из зоопарка! — моментально бросил я.

— Неужто?! — ужаснулась бабушка. — Так ведь он мог загрызть кого-нибудь?!

— Так он и загрыз! — хмыкнул я. — Пять человек!..

Бедная моя доверчивая бабушка! Мне иногда даже было жалко ее, но я уже не мог остановиться, и с каждым днем врал со все возрастающим напором.

— Черт-те что, а не сын! — сердился отец.

— И в кого он, что из него получится? — вторила ему мать. — В один прекрасный день мое терпение лопнет.

Но бабушка меня защищала:

— Он очень способный. Находчивый, с богатым воображением. Из него выйдет хороший художник или артист, или даже слесарь (эту профессию бабушка считала самой престижной и сложной, поскольку ее муж, мой дед, был слесарем-виртуозом, мастером высочайшего класса, довольно известным в пределах нашей улицы).

«Бабуля у нас ничего, — думал я. — Жаль, такая старомодная, и вкус у нее того...». По моим понятиям бабушка смотрела не те кинофильмы, которые следовало смотреть, и слушала какие-то дурацкие пластинки. К единственному достоинству бабушки я относил ее увлечение настольными играми, и прежде всего — шашками. Она вполне прилично играла в шашки, но, конечно, не так хорошо, как я. Кстати, в нашей семье все играли неплохо, и по вечерам мы часто устраивали затяжные баталии. В табели о рангах я стоял вто-рым, после отца.

Я любил играть в шашки с матерью и с братом, с соседкой теткой Викой, которую постоянно ловил на зевках, но больше всего — с бабушкой. С бабушкой у нас был счет 97 : 1 в мою пользу. Шутка сказать! Я выиграл у бабушки 97 партий и только одну проиграл. И то случайно. Обычно бабушка не успевала сделать и семи ходов, а я уже ставил дамку. И тут начиналось самое интересное: моя дамка врывалась в бабушкины боевые порядки и щелкала ее шашки, как орехи! Одну за другой! Бабушка то снимала, то надевала очки. После игры с бабушкой у меня всегда было прекрасное настроение. Весь вечер я ходил, насвистывал и всем давал разные советы.

Мое настроение не портилось и после игры с матерью, братом и соседкой теткой Викой. У них я тоже выигрывал, не так часто, как хотелось бы, но гораздо чаще, чем они у меня.

Единственно, кто портил мне настроение — это отец. Он у меня все время выигрывал. Игра с ним была сплошной нервотрепкой; он никому не разрешал подсказывать мне и не давал ходы обратно, а выиграв партию, победоносно заявлял:

— Вот так мы вас, врунов и хвастунов!

Я не любил играть с отцом, и не на шутку злился, когда ему проигрывал. Как-то он выиграл у меня пять партий подряд, так я не разговаривал с ним целую неделю. Но однажды, в момент отличного настроения, я вдруг выиграл у отца сразу две партии; выиграл начисто, в атакующем стиле.

— Все! — воскликнул я. — Больше не играю! Я — чемпион!

— Сию минуту! Это нечестно! — возмутился отец. — Ты две партии выиграл, две проиграл. Давай играть контрольную партию.

— Ничего не знаю! — сказал я. — Последнюю партию я у тебя выиграл, значит, я — чемпион. Последняя партия — главная!

— Ничего подобного! — отец все больше выходил из себя. — Чепуха! Почему это последняя главная?!

Отец горячился, грозил, что больше вообще не будет со мной играть, но мне уже было все равно, я присвоил себе звание «чемпиона квартиры и лестничной клетки» (тетка Вика жила в квартире напротив нашей).

С того дня я играл только с матерью, с братом, с бабушкой и соседкой теткой Викой. Среди них я вполне заслуженно носил титул «Абсолютного чемпиона», и носил его года два, не меньше.

Однажды брат принес из библиотеки книжку «Игра в шашки» и сказал:

— Давайте изучим комбинации и ходы, научимся играть по-настоящему хорошо!

Я засмеялся:

— Научимся! Это вам надо учиться. Мне-то зачем? Я и так чемпион! Учитесь, а когда научитесь, я вам дам сеанс одновременной игры!

Мои слабосильные партнеры, все, кроме отца и бабушки, начали азартно штудировать книжку, а я ходил, посмеивался, ждал, когда они усовершенствуют мастерство. Но через неделю у меня с ними все чаще стали получаться ничьи, а затем и мать, и брат стали у меня выигрывать каждую партию.

Даже соседка тетка Вика, которая вечно зевала шашки и до этого никогда ни у кого не выигрывала, неожиданно расчихвостила меня, словно начинающего игрока. Как и с отцом, играть с ними стало сплошной мукой. Чтобы не портить себе настроение, я бросил с ними играть вообще, попросту добровольно, без всякого турнира, сложил с себя чемпионское звание, вернее к нему добавил приставку «экс».

Я продолжал сражаться только с бабушкой. Ее-то я громил по-прежнему, безжалостно разбивал в пух и прах. Как-то я похвалился брату:

— Я уже выиграл у бабушки больше ста партий! Я могу выиграть у нее с закрытыми глазами!

Брат усмехнулся:

— Сегодня вечером бабушка сразится с отцом. Вот это будет баталия!

— Какая баталия?! — скривился я. — Бабушка продует, и все. Как пить дать.

После ужина бабушка с отцом сели за доску. Мать, брат и соседка тетка Вика были зрителями, а я встал за бабушкиной спиной, приготовился ей подсказывать. Но моя старушенция сразу обрушила на отца такую мощную атаку, что после пятнадцати ходов он поднял руки и выдохнул:

— Сдаюсь!

Во второй партии отец продержался еще меньше.

— Ничего не понимаю, — шепнул я брату.

— Чего ж здесь непонятно, — усмехнулся брат. — Бабушка играет лучше отца. Это давно всем известно...

ВЕЛИКОЕ СРАЖЕНИЕ

В нашем дворе ребята тоже сражались в шашки, и если семейные игры я рассматривал, как бои местного значения, то дворовые — боями мирового масштаба. И это понятно, ведь в то время мир для нас ограничивался территорией вокруг наших домов. Не случайно и чемпиона двора по шашкам — Генку нарекли «чемпионом мира».

Было и еще одно отличие домашних игр от дворовых: после поражений в семье, противники в худшем случае дулись друг на друга, а во дворе частенько пускали в ход и кулаки. Не раз мирные боевые действия за доской переходили в рукопашную (если кто-то подсказывал), а то и заканчивались всеобщей потасовкой (если кто-то двигал шашки за игроков). Как правило, после потасовок, тут же заключалось перемирие и игра возобновлялась вновь.

Во дворе, как и в семье, я занимал почетное второе место. Первое — прочно удерживал Генка.

Обычно Генка выходил во двор со своей доской. Шашки у него были старые, деревянные, лак с них давно облез, и мы с трудом разбирали, какие из них белые, какие черные.

А у меня шашки были новенькие, костяные (кроме шашек, которыми мы играли в семье, у меня были собственные — в них я играл только особо ответственные партии). Много раз Генка просил меня обменяться шашками; предлагал впридачу массу заманчивых вещей: перочинный нож, линзы от бинокля, но я не менял.

Я часто проигрывал Генке, но однажды при всех ребятах сдал ему сразу десять партий. Это было самое позорное сокрушительное

поражение за всю мою спортивную жизнь, как шашиста. И кстати, оно случилось сразу же после того, как я сложил свои чемпионские полномочия в семье. Такой двойной удар я еле выдержал, расстроился жутко, так, что подумал: «а не забросить ли эти проклятые шашки вообще?».

Вечером я пришел к Генке и сказал:

— Ладно, давай меняться.

Генка обрадовался, протянул мне свою старую доску, перочинный нож, линзы от бинокля... — а я все медлю, не решаюсь расстаться со своими новенькими шашками. Генка заметил мое колебание и вдруг сказал:

— Ну хочешь, еще при всех во дворе обыграешь меня? Я нарочно буду тебе поддаваться?!

Это было довольно оскорбительное предложение, но я уцепился за него. Привыкнув врать, я и в этом подвохе не увидел ничего страшного.

— Давай десять раз, — сказал я Генке, чтобы себя полностью реабилитировать перед ребятами.

— Хорошо, — Генка расплылся, и мы обменялись шашками.

На следующий день, когда во дворе собрались ребята, я зашел к Генке снова.

— Пойдем, — сказал ему, — уже все в сборе. И смотри, больше поддавайся, а то еще выиграешь случайно.

Генка кивнул, взял мои шашки и мы вышли во двор. Торжественным шагом я продефилировал к середине двора и широким жестом пригласил ребят рассаживаться, давая понять, что предстоит великое сражение, бой не на жизнь, а на смерть.

Как только мы начали играть, некоторые ребята стали мне подсказывать удачные, по их мнению, ходы. И вдруг одним ходом я уничтожил сразу четыре Генкиных шашки. Генка тут же сдался.

Во второй партии Генка сопротивлялся чуть дольше. В третьей только и успел сделать пару-тройку ходов, но его бастионы уже трещали по всем швам.

Выиграв три партии, я посмотрел на ребят. Они сидели молча, с разинутыми ртами.

Мы принялись за четвертую партию. Больше мне уже никто не подсказывал, а наоборот, подсказывали Генке. Я великодушно разрешал. После пятой партии я привстал и обратился к ребятам:

— Ну, кто еще хочет?

Ребята играли на моем уровне, кто-то чуть лучше, кто-то чуть хуже, но в этот момент все сдрейфили. Никто из них не отважился бросить мне вызов — ведь мне проиграл сам Генка! И целых пять партий

подряд! Генка, который до этого расправлялся с нами, как с младенцами, всех сокрушал на своем пути к вершине славы.

Я расставил шашки для шестой партии, и тут меня занесло, с чего — и сам не знаю, что-то ударило в голову, будто шарахнуло молнией. Мне показалось, что я и в самом деле стал лучше Генки играть. Достав из кармана нож и линзы, я положил их перед своим противником и сказал:

— На! Я передумал меняться. Я и так лучше тебя играю.

— Ты что? — зашептал Генка, наклонившись, и стал корчить мне разные гримасы. — Мы же договорились!..

— Не буду меняться! — твердо повторил я. — Расставляй шашки, обыграю тебя в последний раз!

Генка опустил голову, тяжело вздохнул, а потом молниеносно, за несколько ходов, съел все мои шашки. Одним махом убил меня наповал.

МУЖЧИНЫ С ЖЕЛЕЗНЫМ СЕРДЦЕМ

Самая большая глупость, которая может втемяшиться мальчишке в голову — это стать охотником. Что бы мне ни говорили о мужестве, смелости и выносливости, которые прививает этот вид спорта, я убежден — охота жестокий, непростительный грех.

Теперь-то я состою в «обществе защиты животных», стараюсь быть вегетарианцем, дома держу собаку, кошку и множество птиц, а приятелям, которые занимаются охотой, не подаю руки. Но в детстве, начитавшись всяких охотничьих рассказов, я решил стать охотником. К счастью, мне так и не удалось никого подстрелить, только однажды ранил одну птаху, но и тот случай до сих пор лежит темным пятном на моей совести.

В десять лет я имел все виды оружия: рогатку, самострел, лук, пробочный и водяной пистолеты, деревянную шпагу, булаву и копье, фанерный щит, тростниковый дротик, пистоночный пугач и несколько глиняных гранат. Все это оружие я постоянно носил при себе. Видя, как я сгибаюсь под тяжестью доспехов, многие надо мной смеялись. Находились и такие, которые говорили, что я похож на бандита с «большой дороги», но я был уверен — они просто мне завидовали. Зато родственники единодушно поддерживали мое увлечение. Особенно дядя, он был большой любитель охоты.

Я все время хотел столкнуться с опасностями, попасть в самое пекло сражений, но это мне никак не удавалось. Каждый вечер я бегал по городской окраине и в каждом кусте видел непонятного злобного зверя. Я надувался, принимал угрожающие позы, делал выпады и хрипел — пугал противника.

Днем я был еще смелее; носился по окрестностям и безостановочно палил в воздух, а чтобы еще поддерживать в себе воинственный дух, во все горло орал марши.

Как-то заглянув в сарай, я увидел там полчища любителей мрака — огромных пауков-домовиков. Я сразу представил себя в стаде осьминогов, испустил боевой клич и набросился на врагов с яростью. В другой раз на каких-то кустах заметил множество гусениц. Мгновенно приняв их за ядовитых змей, начал крушить одну ветку за другой. На месте побоища не осталось ни одного куста.

Самым обидным было то, что никто из приятелей не разделял моей страсти к охоте. Даже близкий приятель Венька занимался рисованием и разводил рыбок. Много раз я уговаривал Веньку заняться охотой, обещал научить прятаться в зарослях и выслеживать добычу, и неожиданно стрелять из засады. Но каждый раз Венька говорил:

— Какая это охота! Да и все пауки и гусеницы полезные. Пауки ловят мух, а не станут гусениц, чем птицы будут питаться? И откуда появляются бабочки, ты знаешь?

— Много ты понимаешь! — усмехался я, уверенный, что Венька просто трусит.

И вот однажды иду на очередную охоту и вдруг вижу, впереди меня вышагивает Венька с... самострелом в руках. «Странно!» — подумал я и прибавил шагу.

Подойдя ближе, увидел, что у Веньки на голове маскировочный шлем, а за поясом торчат стрелы, но главное, в фокусе моего внимания не осталось незамеченным, что этот горе-охотник шел мягкой, охотничьей походкой. Это просто меня взбесило. Какое он имел право походить на охотника, если даже ни разу в руках не держал ружье? Да и зверей-то видел только в кино и на картинках!

Самое неожиданное произошло, когда я окликнул Веньку. Он обернулся, подбежал и с жаром стал рассказывать, как только что выслеживал ворону, как подкрадывался к ней, когда она что-то клевала, как стрельнул из-за кустов и немного ее ранил.

Выпалив все это залпом, Венька передохнул и как-то нахально на меня посмотрел. А потом вдруг начал говорить о том, что в километре от окраины обнаружил сусликов, и что они едят посева, и что завтра он пойдет их вылавливать.

Это уже было слишком! Я прямо не помнил себя от злости. Человек, который первый раз вышел на охоту, который до этого и «пороха не нюхал», столько болтал об охоте! У него прямо чесался язык поболтать. И самое смешное — кому он все это рассказывал?! Мне, который всю жизнь занимался охотой! Другой бы на моем месте, не раздумывая,

выстрелил бы в Веньку пробкой, но я сдержался и, преодолев волнение, усмехнулся:

— Ну, ну, давай охоться, вылавливай! Посмотрим, что у тебя получится! — и, повернувшись, пошел в сторону.

На другой день Венька поймал суслика и тем самым поверг меня в унынье. Обидно было до чертиков — какой-то Венька, не посоветовавшись, ничего у меня не расспросив, ходит на охоту и приносит трофеи, а я столько времени занимаюсь охотой, и мне никто не попадается. Расстроившись, я даже нехотя пошел на охоту, но именно в тот день мне повезло. На меня свалилась баснословная удача.

На окраине в овраге я увидел какую-то редкую птицу, серо-черную, с длинным клювом и красными перьями на голове. Птица прыгала по ветвям дерева и клювом долбила кору, мне она представилась грифом, поедающим падаль. Подойдя к дереву поближе, я натянул тетиву самострела и пустил стрелу. Было отчетливо видно, как острый наконечник вонзился в крыло птицы; она пискнула и свалилась вниз. Я со всех ног бросился к дереву, но птица снова поднялась, как-то боком пролетела несколько метров и плюхнулась в кустарник. Я чуть не задохнулся от волнения, бросил самострел, подбежал к кустам и стал шарить среди ветвей, но птицы нигде не было. До позднего вечера искал ее, но тщетно.

На другой день я с утра забежал к Веньке и все рассказал о необыкновенной птице. Венька слушал рассеяно, усмехался, а когда я закончил, подошел к окну и отодвинул штору:

— Не эта?

У меня пересохло во рту — в клетке сидела моя птица. На ее забинтованном крыле виднелись капли крови.

— Это дятел, — сказал Венька. — Самая полезная птица. Хорошо, что нашел ее, а то умерла бы.

Венька бросил в клетку сосновую шишку, птица повернула голову набок и стала внимательно ее рассматривать. Потом, прихрамывая, подскочила и начала долбить, разбрасывая чешую. Шишка то и дело отлетала в угол клетки, и птица, распушив оперенье, смешно гонялась за ней. Я смотрел на перебинтованную хромоножку, и мне вдруг стало не по себе оттого, что хотел ее убить.

По дороге к дому мне вообще расхотелось становиться охотником. Я решил поговорить с отцом насчет аквариума и заняться рыбками.

С тех пор я не ходил на охоту, только рассказывал о своих охотах в прошлом. Если приятели мне не верили — тут же ссылались на Веньку, который прекрасно помнил, каким я был охотником, когда он еще только разводил рыбок.

Надо сказать, что мое решение покончить с охотой, сильно огорчило моих родственников. Особенно дядю. Несколько дней он обиженно-угрожающим или угрожающе-обиженным тоном втолковывал мне, какие качества прививает охота, но когда я объявил, что мое решение окончательное, хлопнул дверью и ушел.

Вскоре дядя переключился на моего младшего брата. Он взялся за воспитание брата довольно серьезно и обрабатывал его несколько лет, а когда брату исполнилось двенадцать лет, подарил ему одностволку. До этого брат никогда никого не убивал, даже из рогатки не подбил ни одного воробья. Он любил музыку и мечтал стать музыкантом.

Целый год ружье висело на стене необстрелянным. Каждый раз, заходя к нам, дядя спрашивал, много ли брат набил дичи, и узнав, что он не ходил на охоту, начинал метать громы и молнии.

— Все мое воспитание идет насмарку! — гремел он.

Разумеется, со мной, который уже во всю занимался аквариумными рыбками, дядя не разговаривал вообще. На меня он давно махнул рукой, вернее, я как бы для него умер.

— Все мое воспитание идет насмарку! — повторял дядя. — Не парень, а парниковый цветок!

И родственники поддакивали ему. Вначале они только поддакивали, потом подтрунивали, а потом, видя, что до брата ничего не доходит, стали откровенно над ним издеваться. Двоюродный брат, заядлый охотник, ехидно рассказывал анекдоты про трусов, двоюродные сестры в глаза брату хихикали и стеснялись ходить с ним по улице (меня они и вовсе называли «ни с чем пирог»).

Больше всех горячилась тетя. У нее был искрометный, даже агрессивный характер, она имела высокие цели и строгие принципы. Тетя как бы на все смотрела с колокольни высоких целей и принципов; она просто требовала соблюдать семейные традиции, говорила, что «мужчина не охотник — это вообще не мужчина».

— Хватит нам одного слюнтяя! — тетя кивала в мою сторону и подсовывала брату справочники по охотничьим угожьям.

Брат робко заикался о музыке, но тетя и слышать об этом не хотела, утверждала, что у него совершенно нет слуха, что ему еще в детстве «медведь на ухо наступил». Дальше тетю охватывал властвующий зуд и она говорила, что вообще не потерпит в семье «всяких сенсанчиков и мендельсончиков».

— Мужчины делятся на два типа, — философски изрекала тетя, которая, кстати, никогда не была замужем и рассуждала на эту тему чисто теоретически.

— Два типа, — повторяла тетя. — Есть настоящие мужчины с твердым характером, железным сердцем, и есть всякие одуванчики, которых и мужчинами-то назвать нельзя. Между ними — огромный водораздел, вернее, между ними — огненная черта. Не всем дано ее перейти.

Остальные родственники соглашались с тетей и говорили брату:

— Эх ты, голова! И что из тебя выйдет?! Неужели то же, что из старшего брата?

И вот однажды родственники, наконец, уговорили брата пристрелять ружье на окраине. Они прикрепили на сарае мишень, отсчитали пятнадцать шагов и дали брату ружье. Он прицелился и выстрелил. И не попал не только в мишень, но и в сарай. Во время выстрела ствол ружья подкинуло и вся дробь улетела в воздух.

Не найдя в досках ни одной дробины, родственники схватились за животы и стали покатываться со смеху. Особенно хохотала тетя, с ней чуть не случился обморок.

Брат наивно полагал, что после этого случая, его оставят в покое, но не тут-то было. Родственники решили, что у него просто нет навыка, но что он появится сам собой, непосредственно на охоте. Они были убеждены, что мы с братом — прирожденные стрелки, что у нас в крови охотничьи инстинкты, но я — отпетый лентяй, а у брата всего лишь нет практики.

Через неделю брату купили снаряжение: куртку, рюкзак, патронташ и болотные сапоги. Надели все это на него, набили в рюкзак провизии и пожелали «ни пуха ни пера».

Позднее брат рассказывал мне, что ему совершенно не хотелось идти на охоту, но он не знал куда деться, и ноги сами несли его к лесу.

— ...Я ведь и в сарай нарочно не попал, — признался брат. — Нарочно пальнул в воздух, думал отстанут от меня, но где там!.. И вот иду я к лесу, и вдруг мне пришла в голову блестящая мысль. Я заворачиваю к приятелю музыканту, скидываю у него доспехи и... сам понимаешь — мы стали заниматься музыкой.

С того дня родственники не могли нарадоваться на брата. Он уходил на «охоту» с раннего утра и возвращался поздно вечером, правда, без дичи, но для начала родственников устраивало и это. Дичь им заменяли его рассказы о приключениях, а сочинять он умел здорово — научился у меня.

С «охоты» брата встречали как героя: усаживали за стол, ставили перед ним ужин и смотрели на него с восхищением. Особенно тетя — она то и дело подкладывала брату добавки и вся сияла от счастья — наконец-то семейная традиция была соблюдена!

— Ты радуешь меня своими успехами, — говорила тетя брату. — Я верю в тебя. Ты станешь настоящим мужчиной, не то, что некоторые, — тетя метала в мою сторону уничтожающий, полный презрения взгляд, — которые докатились до неизвестно чего...

Так мой брат стал музыкантом. В тайне от родственников он поступил в музыкальную школу и окончил ее. Благодаря какой-то хитрости, затащил родственников на выпускной концерт, а после концерта подошел и с содроганием спросил их мнение.

— Занимайся, может из тебя что-нибудь и получится, — сказал дядя и приказным тоном добавил:

— Но охоту не бросай!

Остальные родственники одновременно закивали.

— Если человек в чем-то одном талантлив, он талантлив и во многом другом, — многозначительно произнесла тетя и поцеловала брата в щеку. — Понятно, охотники — народ особый, несколько сумасбродный — что им взбредет в голову никогда не знаешь.

ВЕЛОСИПЕД МОЕГО ДЯДИ

В нашем городке некоторые старые холостяки жили в захлапленных комнатах с ободранными обоями, вспученным паркетом и облупившейся побелкой. Эти холостяки одевались кое-как, питались урывками, много курили, жаловались на болезни и завидовали семейным друзьям. К таким, например, относился дядя Кирилл, электромонтер с нашей улицы.

Но были у нас и другие старые холостяки, которые, наоборот, отличались повышенной чистоплотностью — в их комнатах царил идеальный порядок, они тщательно следили за своим внешним видом, завтракали, обедали и ужинали по расписанию, бахвалились здоровьем и интересным времяпрепровождением и посмеивались над разными семейными, над их вечными заботами и суетой. К этим вторым принадлежал мой дядя-охотник.

Дядя жил в конце нашей улицы, в небольшой комнате большой коммунальной квартиры. Дядя был невероятный аккуратист: ходил в накрахмаленных, отутюженных рубашках, в его комнате не было ни соринки, ни пылинки и, конечно, все вещи лежали на своих местах. Не дай бог я что-нибудь возьму и потом положу не на то место! Дядя заметит — разнос мне обеспечен.

— Твой отец и твоя мать, моя легкомысленная сестрица, совершенно не занимаются твоим воспитанием, — говорил дядя. — Воспитание — это некоторые границы, за которые нельзя переступать. Ты к этому абсолютно не приучен.

У дяди был четко заведенный ритм жизни, он не пил, не курил, не ел ни острого, ни соленого, ни слишком сладкого, ни слишком жирного.

— Хочет быть бессмертным, — усмехался мой отец, заядлый курильщик и большой любитель пива.

— Лучше быть молодым и здоровым, чем старым и больным, — очень просто объясняла моя мать.

По воскресеньям дядя устраивал генеральную уборку квартиры, причем в основном все делал сам, а жильцы только ему помогали. В минуты трудового энтузиазма, покончив с квартирой, дядя выходил на лестничную клетку — начинал и там наводить чистоту. Случалось, он совсем входил в раж и переключался на соседние этажи.

Однажды, в момент особого трудового подъема, дядя добрался до чердака и ужаснулся — перед ним открылся целый склад пыльной рухляди. Не долго думая, дядя пришел к нам и сказал мне:

— Нужна твоя помощь. Я буду кидать с чердака всякий хлам, а ты стой внизу, смотри, чтобы никому не упало на голову.

Задание было ответственное и я с радостью согласился.

Целый час я никого не подпускал к подъезду — все это время из чердачного окна летели поломанные стулья, торшеры, зонты; словно кометы с хвостами пыли они описывали в воздухе дугу и падали на землю, разбиваясь вдребезги. И вдруг вещепад прекратился и в подъезде появился дядя с... покореженным велосипедом.

— Вначале хотел его тоже запустить, — заявил он. — А потом подумал: «может, ты починишь и будешь кататься»... Только ко мне эту колымагу не приноси, — дядя брезгливо скривился, но тут же рассмеялся:

— По-моему, я хороший подарок тебе отгрохал!

Велосипед был старый, женский и настолько ржавый, что я так и не разобрал, какой он марки.

Надо сказать, к тому времени я уже достаточно хорошо катался на велосипеде. Своего у меня не было (в нашей семье и на более необходимые вещи не хватало денег), я катался на чужих, но ездил по-настоящему здорово. Мог ехать «без рук» и «без ног», мог лежать на седле и крутить педали руками, мог вообще не ехать, балансируя на одном месте — короче, довел технику вождения до совершенства и вполне мог бы выступать в цирке.

Когда я прикатил велосипед во двор, мои друзья чуть не лопнули от смеха:

— Вот это да! Драндулет! Ну и керосинка!

Не обращая на них внимания, я отнес велосипед в подвал и принялся за ремонт. Разобрал всю машину до болтов и гаек, каждую деталь отчистил от ржавчины и смазал машинным маслом. Выправил раму, из

колес вынул погнутые спицы и заклеил камеры. После всей этой процедуры собрал велосипед и попробовал прокатиться.

В общем-то ехать было можно. Правда, все время лопались шины и велосипед сносило в сторону из-за кривой передней вилки. И от того что не хватало спиц, колеса восьмерили и подпрыгивали. И постоянно соскакивала цепь. Ну и, само собой, велосипед скрипел, лязгал, трещал, выл, только что не лаял и не мяукал. Временами задняя втулка так страшно тарыхтела, что прохожие останавливались и обалдело смотрели мне вслед не в силах понять — где на машине мотор и что это вообще за грохочущее ископаемое чудовище? А меня рапирало от счастья — наконец-то я стал владельцем собственного транспорта. Старый допотопный велосипед был мне особенно дорог, потому что я отремонтировал его своими руками. Самостоятельно, без всякой помощи дал машине вторую жизнь. И новое имя — «велик».

На следующий день я выкрасил велосипед ярко-красной краской и поставил его сохнуть во дворе на видном месте для всеобщего обозрения. Мои дружки уже, ясное дело, не смеялись; они вздыхали и ахали:

— Вот это да! Классная машина!

Некоторые робко тянули:

— Дай прокатиться?

— На драндулетах и керосинках не катаются! — безжалостно отрезал я.

Теперь каждое утро я выносил велосипед во двор, протирал его тряпкой, отходил и смотрел на него со стороны, ждал, пока ребят собиралось побольше. Потом небрежно вскакивал на свое сокровище и проделывал коронный номер — ехал «без рук» и «без ног». Ребята стояли от зависти.

Через несколько дней я приехал на велосипеде в автоинспекцию за номером (во времена моего детства велосипед приравнивался к мотоциклу, то есть считался транспортом «повышенной опасности» и владельцу надлежало иметь номер). Инспектор осмотрел мою машину и поморщился:

— Номер не получишь! Он вот-вот развалится. Катайся во дворе без номера, а на центральных улицах не показывайся. Отберем!..

Грустновато мне стало. С неделю катался только во дворе и взад-вперед по нашей улице и вдруг нашел замечательный выход. Я стал ездить где угодно. Если меня останавливал постовой милиционер утром и спрашивал про номер, я говорил, что еду за ним в автоинспекцию, а если останавливал вечером, объяснял, что еду из автоинспекции и что меня просили кое-что исправить.

Через месяц меня уже знали все постовые-регулирующие. Они не останавливали меня, а, наоборот, утром махали рукой и желали удачи, а по вечерам, видя, что я опять не прошел осмотр, сочувствовали и давали всякие советы. Так я и прокатался бы все лето, если бы не попался однажды — забыл, что по воскресеньям автоинспекция не работает. Мой транспорт не отняли, но пригрозили сурово. После этого я не выезжал дальше нашей улицы.

ПОЕЗДКА ЗА МАЛИНОЙ

Лето кончалось. Мой велосипед ломался все больше: рама треснула и ее пришлось обмотать проволокой, от седла остались одни пружины, и я заменил его подушкой; переднее колесо напоминало яйцо, а заднее — восьмерку. На велосипеде уже нельзя было проехать и одного километра, чтобы не потерять какую-нибудь гайку. Но все же ехать было можно.

И вот в эти последние летние дни в наших домах появилось незнакомое существо, похожее на сказочную Мальвину. Она вышла во двор со стаканом вишни. Идет по двору, ест ягоды, а косточки выплевывает. Увидев меня (я устранял очередную поломку велосипеда), подошла и проговорила, выплюнув косточку:

— Красивый у тебя велосипед. Дай прокатиться?

Я подтолкнул машину, сказочная героиня поставила на землю стакан, разбежалась, ловко впрыгнула на седло-подушку и отлично откатала два больших круга. Потом подъехала и сказала:

— Хороший велосипед! Немного громко катит, но это даже интересно, правда? — И, подняв стакан, отсыпала мне несколько ягод, в награду за доставленное удовольствие.

— Я из Винницы, — объяснила Мальвина. — Мы с мамой приехали в гости к бабушке. Скоро уезжаем обратно. Надо идти в школу. Меня зовут... — Мальвина мгновенно превратилась в Наташу, вполне земную остроносую девчонку. — А тебя как?

Позднее мы встретились у колонки, когда я брызгал себе на лицо, подставив ладонь под тугую, как жгут, струю воды (взмок от гонки на велосипеде). Наташа спросила:

— А здесь где-нибудь купаться можно?

— На окраине отличная речка. Серебрянка. Три километра отсюда, — объяснил я.

— Далеко, — Наташа покачала головой. — А я так люблю плавать и нырять. Я умею нырять «солдатиком», и «ласточкой», и «рыбкой»...

«Вот это девчонка!» — подумал я и почувствовал сильное волнение, но все же справился с ним и проговорил:

— На велосипеде до Серебрянки десять минут.

— А лес? — спросила Наташа. — Там есть лес?

Я кивнул.

— Давай завтра поедем за малиной? — Наташа погладила руль моей машины. — На твоём велосипеде... Сейчас должно быть много малины.

До позднего вечера я подтягивал различные узлы велосипеда — готовился к поездке, и все бормотал: «Смотри, велик, не подведи!» Особенно я укреплял багажник — сиденье для своей будущей спутницы.

Утро началось с удачливых примет — в нашу комнату влетела бабочка, в комод я нашел трамвайный билет со счастливым номером. День начинался как нельзя лучше.

Мы с Наташей договорились встретиться в три часа, но уже в половине третьего я стоял около ее дома. День был жаркий, от раскаленной мостовой струился горячий воздух.

Наташа выбежала с бидоном, поздоровалась и сказала:

— Только ненадолго, а то я маме не сказала.

На мощенных камнем улицах велосипед трясло и подбрасывало, и Наташа то и дело «ойкала», но когда мы выехали на окраину и началась грунтовая дорога, велосипед покатил стремительно и ровно. До леса мы доехали без происшествий. «Молодец, велик!» — похвалил я велосипед про себя.

Въехав в лес, я сбавил скорость. Примерно через километр, мы свернули с дороги, замаскировали велосипед в чащобе трав около проселочного колышка и пошли в глубь леса. Вскоре набрали на густой малинник и стали обрывать сладкие перезревшие ягоды. Когда наполнили треть бидона, Наташа увидела в стороне еще одни заросли малины и мы перебрались на новое место. Потом я набрел на кусты, сплошь усыпанные ягодами. Забыв о времени, мы ходили по лесу, пока не набрали полный бидон малины, а уж съели ее столько, что во рту появилась оскомина — я еле ворочал языком.

— Ты весь перепачкался соком! — смеялась Наташа.

Потом мы долго искали проселочную дорогу и когда, наконец, подошли к колышку, стало темнеть. Вытащив велосипед из-под кустов, я очистил спицы от травы и листьев, привязал бидон к раме и сказал своей спутнице:

— Садись!

Наташа впрыгнула на багажник, я оттолкнулся и нажал на педали.

Сумерки сгущались, но накатанная дорога была светлее окружающей травы, и мы ехали довольно быстро. Недалеко от опушки велосипедная цепь странно закрипела. Я сбавил ход, но скрип усилился, перешел в скрежет и вдруг цепь... лопнула. Надо же! В самый неподходящий мо-

мент «велик» меня подвел! Наша безмятежная прогулка приобретала неприятную окраску.

— Что случилось? — тревожно спросила Наташа, когда мы остановились.

— Цепь сломалась, — растерянно пробормотал я.

— Так, что ж ты не чинишь?

— Сейчас, — я попробовал соединить перетершееся звено в цепи, но ничего не получилось.

— И так пройдем, здесь недалеко, — с напускной бодростью сказал я.

— Мне надо скорее домой, — дрогнувшим голосом сказала Наташа, и внезапно выбежала на середину дороги, подняла руку и закричала:

— Пожалуйста, остановите! Пожалуйста!

Я обернулся — к нам приближался какой-то велосипедист — на дороге прыгало светлое пятнышко от фары.

— Что случилось? — около нас остановился высокий мужчина, и я сразу узнал в нем дядю Кирилла, электромонтера с нашей улицы.

— Да вот велосипед сломался, — тяжело вздохнул я.

— А мне надо скорее домой, — чуть не плача произнесла Наташа. — Пожалуйста, отвезите меня домой...

— Какие могут быть разговоры?! Садись на раму, — дядя Кирилл позвонил в звонок, как бы подчеркивая, что доставит Наташу с полным комфортом.

— А как же ты? — обратился он ко мне. — У меня багажника нет, а твой будем перекручивать, провозимся неизвестно сколько.

— Доберусь! — буркнул я.

— Ну, конечно, чего там! — дядя Кирилл махнул рукой. — Через полчаса доберешься.

Наташа подбежала к моему велосипеду, отвязала бидон и быстро вернулась к дяде Кириллу. Он посадил ее на раму и бросил мне:

— Полный вперед, за нами! — и снова позвонил, как бы приободряя меня.

— До свидания! — крикнула Наташа, когда они отъезжали.

Выходя из леса, я чувствовал себя жутко подавленным. Меня не огорчал сломанный велосипед и не пугала темнота — было обидно от неожиданного предательства. Я даже не спешил домой; толкал перед собой велосипед и еле перебирал ногами... А впереди уже один за другим зажигались огни на окраине городка.

В ту ночь долго не мог уснуть — горечь обиды переполняла меня.

Проснулся от стука — кто-то кидал в окно... ягоды малины; все стекло было в красных подтеках. Вскочив с кровати, я распахнул окно и увидел перед крыльцом Наташу с банкой малины в руках.

— Прости меня, пожалуйста, — тихо сказала она, когда я вышел из дома. — Знаешь, как мне попало дома... И когда стемнело в лесу, мне стало страшно... Не сердись, пожалуйста...

«В самом деле она могла испугаться, ведь она девчонка», — подумал я. Мне вдруг захотелось сказать ей что-нибудь хорошее, но я только сказал:

— И не сержусь я вовсе...

— Хочешь, завтра поедем на речку купаться? Только утром, чтобы днем вернуться. — Наташа посмотрела мне прямо в глаза.

— Не на чем ехать! Велосипед-то сломался.

— Ничего! И так сходим. Хочешь? — Наташа улыбнулась и протянула мне банку с малиной. — Это тебе...

И радость и грусть одновременно нахлынули на меня. Радость — от предстоящего романтического похода на речку, грусть — от того что Наташа через несколько дней уезжала. О велосипеде и думать не мог — сразу боль пронзала сердце. Если бы не Наташа, просто не знаю, что было бы со мной. Вообще, я не представлял, как буду жить дальше без нее и велосипеда.

ПОЖАРНЫЙ

Кроме дяди, старого холостяка, большого любителя охоты и невероятного аккуратиста, у меня был еще один дядя — пожарный, правда, пожарный-любитель, но, это для меня не имело значения. Этим своим дядей я гордился больше, чем ребята, у которых отцы и дяди были артистами, крупными начальниками или даже военными в больших чинах.

— Чтобы быть пожарным, нужно быть смелым, ловким и сообразительным, — говорил я ребятам. — Но эти три качества редко бывают у одного человека. Обычно как? Человек сильный и смелый, но неуклюжий. Или ловкий и сообразительный, но хилый и трус. Вот поэтому и мало хороших пожарных, вот поэтому они и приезжают к шапочному разбору, — заключал я и, как образец идеального пожарного, приводил в пример дядю.

В отличие от дяди-холостяка, дядя-пожарный имел большую семью, слыл добропорядочным образцовым семьянином, но и чудачком. В самом деле у него было несколько странных привычек. Например, по пути на работу он на ходу читал газеты, и часто сталкивался с прохожими, а то и врезался в столбы электропередачи. Дядя вечно носил рубашки с драными локтями, тем самым подчеркивая, что для него внешний вид не имеет никакого значения — он был первым «хиппи» во всем

нашем городке, да и во всей стране. Жене он категорически запрещал зашивать рубашки, а любопытным объяснял:

— Порвал на пожаре! В жару чрезвычайной удобно — хорошая вентиляция, — и улыбался, довольный своим юмором.

Дядя-пожарный жил в нашем дворе, в доме напротив; у входа в его квартиру красовалась надпись: «Чины, звания и плохое настроение оставьте за дверью!». Этим дядя давал понять, что ценит в людях личные качества и хороший характер, а не должности, которые они занимают. Стоило в нашем дворе появиться участковому или коменданту общежития, или, чего доброго, районному инспектору, как многие начинали лебезить и заискивать перед высоким начальством. Многие, но не дядя — он-то со всеми говорил одинаково и любому начальнику мог сделать внушение, если тот халатно относился к своим обязанностям или разговаривал с жильцами в неуважительном тоне. У дяди было сильно развито чувство собственного достоинства.

Не менее сильно у дяди было развито и другое чувство — ответственность за все происходящее в нашем городке. По словам дяди, в нашем городке царила полная безалаберность и неразбериха.

— ...Возьмите пожары, — говорил он. — На случай пожара ровным счетом ничего не предусмотрено. Противопожарных средств на улицах нет, телефонная будка одна на девять улиц и в ней, как правило, аппарат не работает. А ведь пожар — самая страшная штука из всех стихийных бедствий! Понимаете, что я хочу сказать?! Что наше районное начальство — сплошь безмозглые, деревянные люди!..

Чувство достоинства и чувство ответственности не мешали дяде оставаться открытым, дружелюбным человеком. Особенно это проявлялось в общении с нами, мальчишками. Дядя частенько принимал участие в наших играх — судил футбольные матчи и даже стоял вратарем. А после игры садился на лавку под деревьями в затененной части двора и рассказывал нам о своей жизни. Его жизнь была до предела насыщена событиями, и все их связывали пожары.

До того как стать пожарным, дядя часто менял занятия — он был талантлив во многих областях. А менял занятия он не потому, что не находил работы по душе — просто ему не везло. Вначале дядя работал художником по рекламе, точнее шрифтовиком. Но однажды по неосторожности он бросил папиросу в спиртовые лаки, и рекламная мастерская сгорела дотла. Дядя отделался гигантским штрафом, причем деньги собирали все наши родственники, справедливо решив, что гигантский штраф все-таки лучше самого малого срока в тюрьме.

Выплатив штраф, дядя устроился актером в какую-то гастрольную труппу (актером вспомогательного состава конечно, у дяди не было

необходимого образования, зато была колоритная внешность, хорошие манеры и низкий, густой голос). Но как-то после спектакля дядя забыл выключить утюг в костюмерной и чуть не спалил весь театр. Дядю уволили, но он, неунывающий, стал парикмахером. Только, делая завивку какой-то важной даме, немного подпалил ей волосы, и из парикмахерской ему пришлось уйти.

После этого дядя работал часовщиком, садовником, поваром, и везде по его вине что-нибудь горело — прямо заклятье какое-то! Даже работая спасателем на водной станции, он умудрился что-то прожечь под водой! Вот тогда-то у дяди и появилось невероятное чутье на пожары. Вернее, после всего этого.

В то время он работал музыкантом — играл на барабанах в заводском оркестре. Однажды на концерте дядя уловил запах гари и бросился через весь зал к выходу. Зрители зашумели — никто ничего не понял, и дядю сразу же хотели уволить за срыв концерта, но позднее оказалось, что, действительно, в соседнем квартале что-то загорелось, а поскольку дядя первым вызвал пожарную команду, его не только не уволили, а, наоборот, о нем, как о герое, напечатали в газете.

С тех пор, где бы дядя ни был: дома, на улице или на концерте — всегда первым чувствовал запах дыма, раньше всех прибегал на пожар и организовывал тушение. За это профессиональная пожарная команда присвоила ему звание «Почетного пожарного». Хотели дать и медаль, но, к сожалению, не дали.

— Пожадничали, — сказал я дяде и с досады махнул рукой.

— Не надо мне никаких медалей, — буркнул дядя. — Слава — это чепуха. Я просто выполняю свой долг. Долг честного человека, понимаешь, что я хочу сказать?! Во всяком случае, мне за свою жизнь краснеть не приходится (к этому времени дядя начисто забыл о предыдущих пожарах, которые случались из-за его головотяпства; забыл, что когда-то за пожар в мастерской ему грозила тюрьма).

Как «почетный пожарный», дядя постоянно следил, чтобы на улицах все тушили окурки и спички, расклеивал плакаты о том, как предупредить пожар, читал лекции о борьбе с огнем. Но главное, дядя перестал менять профессии — до самой пенсии стучал на барабанах в заводском оркестре. Кстати, лекции дядя читал вдохновенно, артистично, и под конец непременно говорил:

— ...Возможна такая вещь — в огне есть колдовство! Огонь заворачивает, парализует волю. Потому на пожаре многие и стоят обалделые и ничего не делают. Понимаете, что я хочу сказать?! Нужно иметь колоссальную силу воли, чтобы взять себя в руки. И чем раньше вы

придете в себя, тем быстрее укротите огонь — это ненасытное чудовище.

После таких слов у многих мурашки бежали по спине, в том числе и у меня (я был постоянным слушателем дядиных лекций), но тем не менее я знал, что непременно буду пожарным. Таким, как дядя.

В те дни я с утра ходил по двору и ждал, когда что-нибудь загорится. «Вот, — думал, — сейчас загорится забор, подожду, пока разгорится получше, чтобы был настоящий пожар, и начну тушить». Перед крыльцом я заранее приготовил ведро воды, лопату, ящик с песком; дома имел бинты и мазь от ожогов, на случай если кому-то придется оказывать первую помощь. С утра ходил и ждал пожара, но, как назло, ничего не загоралось, хоть самому поджигай.

Пожар случился, когда я меньше всего на него рассчитывал: сидел на крыльце и читал приключенческую книгу. Так увлекся чтением, что и не заметил, как из сарая в дальнем углу двора пошел дым. Заметил только, когда дым повалил густой, перекрученной струей. Эта струя, словно темная река, пересекла весь двор и хлынула на крыльцо.

Вбежав в сарай, я увидел — из урны с газетами вырывается пламя. План тушения созрел не сразу; минут десять я в растерянности глазел на огонь (дядя был прав — огонь полностью парализовал мою волю, а заодно и способность соображать), потом все же пришел в себя и понесся к дому за ящиком с песком.

Когда я вернулся, огонь уже охватил стену сарая и от нее било таким жаром, что нельзя было подойти. Едкие клубы дыма с невероятной скоростью заполняли весь двор. Мне стало страшно. И вдруг я увидел — к сараю с полными ведрами воды спешит дядя. Выплеснув воду на пламя, дядя отломал горящие доски, отбросил в сторону. Потом снял куртку, стал ею сбивать красные языки. Я крикнул:

— Может позвонить в пожарную команду?!

— Позвони своей бабушке! — отрезал дядя.

Огонь потух, но отдельные обугленные доски еще тлели и дымили. Я сбегал за лопатой и начал присыпать доски песком. Когда засыпал, дядя пожал мне руку и сказал:

— Все же из тебя выйдет пожарный, такое у меня соображение. Ты все же не поддайся колдовству огня, не то что некоторые, — дядя кивнул на соседние дома.

Только тут я заметил, что во всех окнах виднеются неподвижные, словно маски, обитатели нашего двора. Они зачарованно смотрели на сарай, полностью околдованные огнем.

КУПАЙТЕСЬ В СЧАСТЬЕ, МНЕ ДО ВАС НЕТ ДЕЛА!

Мой героический дядя-пожарный имел сына и двух дочерей, то есть у меня были двоюродные брат и сестры.

Брат сыграл заметную роль в моей жизни. Он был старше меня на пять лет; когда я учился в шестом классе, он уже заканчивал техникум, серьезно занимался охотой и втайне от родителей ходил на танцы в парк Культуры и Отдыха. На всяких школьников, вроде меня, брат смотрел с ироничной усмешкой. Случалось, я ему говорил:

— Мы обыграли в футбол ребят соседнего двора.

Он усмехался:

— Купайтесь в счастье, мне до вас нет дела!

Как-то я похвастался про домашние шашечные сражения, сказал, что стал «чемпионом квартиры и лестничной клетки». Брат снова усмехнулся:

— Купайтесь в счастье, мне до вас нет дела!

— До чего же тебе есть дело? — вспыхнул я.

— Настоящее дело — то, что парень делает своими руками, — многозначительно произнес брат и объяснил, что имеет в виду коллекцию оружия, которую сделал сам.

Надо сказать, у него, действительно, была потрясающая коллекция самодельного оружия: шпаги, кинжалы, пистолеты всех систем; было даже духовое ружье. Брат всюду собирал разные трубки и проволоки, и целыми днями строгал, вытачивал, шлифовал, он был большим умельцем, настоящим оружейным мастером.

— Гонять мяч и двигать шашки может каждый, — продолжал брат, — а вот сделать что-нибудь ценное!.. Некоторые только и развлекаются. А некоторые вообще спятили — забивают квартиры мебелью, коврами, дорогой посудой, обогащаются одним словом. Таким я говорю: «Купайтесь в роскоши, но не утоните! Накопительство ведет в тупик». Чем больше имеешь, тем больше хочется иметь. За квартирой пойдет дача, ну две дачи, а дальше что?!

Я слушал брата не отрываясь, а он меня все просвещал:

— Ну, неплохо, конечно, иметь мотоцикл. Или машину. Для путешествий. Это я понимаю. Это расширяет кругозор и прочее. Но забивать квартиры всякой всячиной — извините!.. Сам знаешь, мы живем скромно, зато у нас крепкая, дружная семья. Отец — почетный пожарный, а у меня коллекция оружия...

Долгое время брат являлся для меня объектом подражания. Именно он заразил меня охотой, к счастью, я во время одумался и забросил этот жестокий вид спорта. Брат же отучил меня от жадности.

Все считали меня добрым, а на самом деле я был жадный. То есть, не такой жмот, что вообще никому ничего не давал, но все же жадный. К примеру, мне было жалко отдавать свои вещи, даже пустяковые. Я не показывал вида и говорил: «Бери, пожалуйста», а самому было жалко. Даже если эти вещи мне были не нужны, но раз они кому-то понадобились, значит, и мне могли пригодиться.

В какой-то момент и мои друзья заметили, что я отдаю вещи с пре-великим трудом. Однажды ко мне подошел Генка.

— Дай, — говорит, — почитать «Королевских пиратов».

— Не могу, — говорю. — Сам читаю.

— Когда прочитаешь, дашь?

— Угу!

Венька попросил у меня краски порисовать, а Петька бинокль — посмотреть на дальние дома.

— Не могу дать, — сказал я Веньке. — Сегодня самому надо рисо-вать.

И Петьке:

— Вечером сам хочу посмотреть на луну.

Через два дня Генка встречает меня и спрашивает:

— Прочитал?

— Что?

— «Королевских пиратов».

— А-а, — вспомнил я. — Нет. Еще только половину. Я медленно читаю. Каждую страницу. Не как некоторые.

— Ну, ладно, — вздохнул Генка. — Когда закончишь, дашь?

— Угу!

В тот же день ко мне подошел Венька.

— Сегодня дашь? — спрашивает.

— Нет, не могу, — говорю. — Сам... читаю!

— Что читаешь? — удивился Венька.

— Книгу.

— Да я у тебя краски просил!

— А да! — поморщился я. — Рисую еще, рисую.

Чуть позже я встретил Петьку.

— Ну как? — спрашивает он. — Сейчас дашь?

— Нет, нет, — говорю. — Сам читаю!.. то есть рисую!.. то есть смотрю!..

После этого ребята перестали со мной общаться. Так, поздороваются и сразу отходят в сторону.

«Ничего, — думал я. — Вот погодите, отец купит кожаный мяч, я посмотрю, как вы начнете ко мне липнуть!»

Вскоре отец купил мне мяч. Новый, кожаный, футбольный. Надул я его, зашнуровал, вышел во двор. Ребята играли в ножички. Ворвавшись в круг, я ударил мяч о землю и выдохнул:

— Во!

— Отличный мячишко! — загорелся Генка.

— Классный! — прищелкнул языком Венька.

— Шарик что надо! — добавил Петька.

Ребята потрогали гладкую кожу, разом как-то горько вздохнули и вдруг... присели снова играть в ножички. От удивления я разинул рот. Увидев такой мяч, они должны были немедленно забросить все игры, тем более какие-то ножички! «Может, думают — он волейбольный?» — мелькнуло в голове и я начал пинать мяч.

Ребята прервали игру и с завистью уставились в мою сторону. Я видел — им очень хочется погонять мяч, сыграть в футбол — великую мальчишескую игру, но все же они не подошли ко мне.

Побил я мячом о стену, поиграл в него головой. Скучно стало. Вернулся домой — на столе лежали все мои вещи: книга, краски, бинокль, но мне вдруг стало страшно — я почувствовал, что вот сейчас, в эту минуту, могу потерять своих друзей навсегда. И я схватил книгу для Генки, краски для Веньки, бинокль для Петьки и мяч для всех и выбежал во двор. С тех пор я знаю — есть вещи, которые не купишь ни за какие деньги.

А окончательно от жадности меня отучил двоюродный брат. Дело в том, что у меня был пистолет — подарок дяди-холостяка. Дядя привез его из-за границы, специально для меня, чтобы я усвоил первые уроки стрельбы. Пистолет был с двумя стволами и красной резной рукояткой, но главное — он стрелял обыкновенными пробками от бутылок. Моему оружию завидовали все мальчишки, потому что их пистолеты стреляли покупными пистонами или целлулоидными шариками, которые быстро терялись. Пробок же было везде полно.

Этот пистолет дядя подарил мне еще до школы и в шестом классе я уже из него не стрелял — он мне попросту надоел. Но все же я не спешил его обменивать на что-нибудь, поскольку он был единственным в своем роде. И вот как-то рано утром ко мне зашел двоюродный брат и ни с того ни с сего заговорил о своей коллекции оружия. Я сразу догадался, что он зашел в такую рань неспроста. И не ошибся. Рассказав о коллекции, брат заявил, что для полного комплекта ему не хватает моего пистолета, и начал предлагать за него разные вещи. Но я сразу его остановил:

— Даже не уговаривай! Ни за что! Ни за какие коврижки!..

Брат опустил глаза и сказал:

— Хорошо! Тогда дай хотя бы на пару дней.

— На пару дней? — переспросил я. — Ну ладно, на пару дней возьми, так и быть. Но не больше. Через пару дней обязательно принеси. Не принесешь...

— Принесу, — прервал меня брат, взял пистолет и ушел.

А через два дня был мой день рождения, и как-то я забыл о пистолете. Набежали родственники и мне было не до него (дни рождения младших представителей нашей родни были хорошим поводом, чтобы собраться взрослым; обычно они крепко отмечали такие события). И вот в разгар праздника, появляется двоюродный брат и с порога вещает:

— Купаетесь в счастье?! У меня к имениннику есть дело! — подходит ко мне и протягивает мой пистолет. — Вот твой пистолет, — говорит. — А этот тебе в подарок! — и кладет мне в руки еще один, точно такой же.

О, ЯЛТА!

Моих двоюродных сестер с детства готовили к замужеству: учили кулинарному искусству, шить, вязать и вышивать, «радовать своим поведением» и «не возражать мальчикам». Мальчикам они не возражали, они просто их не замечали, поскольку считали, что в нашем дворе одни хулиганы.

Сестры были моими однолетками, одна даже младше на год, но обе всегда смотрели на меня свысока, потому что каждое лето проводили в Крыму, у моря — там жил их дальний родственник по материнской линии.

— О, Ялта! — чуть что восклицали сестры. — Море, корабли, нарядные отдыхающие... — всем своим видом сестры давали понять, что там, в Крыму, бурлит настоящая жизнь, а наш городок — скучнейшее место на свете, и что вообще они здесь находятся по нелепой случайности.

Я, который никогда не видел моря, в глазах сестер выглядел дремучим провинциалом, ограниченным типом, который и не достоин никакой другой жизни, кроме жизни в пределах нашего двора. Стоило мне только заговорить о футболе или шашках — играх, в которых я, по всеобщему признанию, достиг немалых успехов, как сестры закатывали глаза:

— О, Ялта! Там в парке «чертово колесо», а на набережной — pedalные автомашины. Катайся, сколько хочешь. А море, море какое! Прозрачное, и шипит как лимонад. В море так легко плавать!.. А какие там воспитанные мальчики! Не то, что здесь...

Даже когда дядя подарил мне старый женский велосипед и я отремонтировал его и покрасил, когда я, на зависть всем ребятам, стал владельцем собственного транспорта, сестры фыркнули:

— Подумаешь, велосипед! Мы в море катались на водном велосипеде. Плынешь, а рядом рыбки, медузы, а над головой чайки. Ялта похожа на мечту. О, Ялта!

Не скрою — после разговоров с сестрами я впадал в некоторое уныние. Крым, Ялта казались мне каким-то недостижимым краем, где никогда не заходит солнце и люди живут невероятно интересной жизнью. Бывало, и в футбол сыграю удачно и выиграю в шашки у своих основных соперников или даже получу хорошие отметки в школе, что крайне редко случалось, а все как-то не радостно, все успехи кажутся мелкими, в сравнении с тем, что в этот момент происходило в Крыму, в Ялте. Как представлю тот солнечный край, сразу становится тесно в нашем городке. «И ничего-то у нас нет, — размышлял я. — Ни моря, ни набережной, только полотняный завод и кастрюльная фабрика, один кинотеатр, да парк с танцплощадкой — не городок, а поселок, даже деревня...» Каким-то странным образом сестрам удалось заронить в меня такие мысли. На мой день рождения они и вовсе dokonали меня.

В чем, в чем, а уж в смысле богатства, я слыл почти миллионером. Кроме новых шашек, мяча, бинокля и пробочного пистолета, у меня был янтарь, обломок от бабушкиной броши. Этот кусок прозрачной смолы с переливающимися кристалликами я считал особой ценностью. И вдруг на день рождения сестры дарят мне морскую раковину.

— Раковина из Ялты, — сказали сестры. — Очень дорогая. Прислонни ее к уху — услышишь шум моря.

Это был явно двусмысленный подарок. С одной стороны, прислонив раковину к уху в любой момент можно было услышать отдаленный шум прибоя и мысленно перенестись в Крым, а с другой — раковина постоянно напоминала, что в жизни есть вещи, намного важнее всяких дворовых игр, что вообще настоящая жизнь проходит мимо меня.

С того дня я забыл о янтаре — он померк перед морской раковиной. Я постоянно носил ее в кармане, время от времени доставал, рассматривал бело-розовую зубчатую поверхность, похожую на застывший водоворот, прислонял к уху и... передо мной возникали волны в завитках пены; они шумно накатывались на песок и с шипеньем сползали назад. Я видел белые многопалубные корабли, яхты, водные велосипеды, широкие набережные, «чертово колесо», pedalные автомашины... Я засовывал раковину в карман и перед глазами открывался наш двор, заросший лебедой, выбитый футбольный «пятачок», скамья, где мы

играли в шашки, обгорелый сарай, который так и не починили после пожара...

Однажды осенью к сестрам приехал их дальний родственник, житель Ялты, загорелый мужчина внушительного вида, шумливый, как все южане. Родственник привез две корзины всевозможных фруктов и дядя-пожарный (не сестры — они не догадались) пригласил меня отве- дать даров Крымского побережья.

Когда я увидел корзины, полные ярких, пахучих фруктов, у меня разбежались глаза. До этого виноград и персики я видел только на картинках, а тут еще были абрикосы, инжир и айва — о них я вообще не слышал.

Дядя пододвинул ко мне одну из корзин и сказал:

— Лопай, сколько влезет!

А родственнику пояснил:

— Племянник, мой помощник, будущий доблестный пожарный.

Я уминал все фрукты подряд, уминал часа два, не меньше, пока не свело челюсти. Сестры смотрели на меня, как на дикаря (сами они съели только по одному персику и по грозди винограда, при этом каждое зернышко выплевывали в ладонь и складывали на блюдце; я ел вместе с зернами). Только полностью нагрузившись, я откинулся на диване и услышал разговор дяди с родственником.

— Значит, урожай хороший в этом году? — спрашивал дядя. — Ну, а рыба? Как рыба, хорошо идет?

— Косяками! Все сметает на своем пути! — похохатывал гость и вдруг становился серьезным. — Рыба ушла, у берега слишком много заводских отбросов.

— А корабли?! Какие корабли на море?! — решил вставить я.

Сестры прыснули, удивляясь моей отсталости.

— Корабли всякие, — спокойно сказал их дальний родственник. — Есть большие, пассажирские, которые ходят в Одессу и на Кавказ. Есть маленькие, такие морские трам-вайчики — они ходят на местных линиях. А ты что, хочешь стать моряком?

— Он хочет стать пожарным, — ответил за меня дядя.

А я уже толком и не знал, кем буду. Сестры своими разговорами о Крыме перевернули мои представления о жизни, поломали все мои планы.

— Пожарный — благородная профессия, — сказал дальний родственник. — А в вашем городке самая необходимая, ведь у вас полно деревянных домов... Хорош ваш городок, ничего не скажешь. Тихий, спокойный, уйма зелени, в каждом дворе колонка, воду льете — сколько хотите. А у нас ведь каждая капля пресной воды на учете. Пред-

ставляете, каково, когда жарыща несусветная?.. Море, корабли — это, конечно, здорово, но мы, местные, на море и не ходим. Все некогда... Да и на пляже народу — из пушки не пробьешь. И ночами курортники спать не дают — бродят по улицам, горланят песни; им-то отдых, а нам-то работать надо. А закончится сезон, город пустеет, но начинаются дожди, да холодный ветер с моря. У нас ведь зимы нет — слякоть одна. Это у вас здесь снежок, можно на лыжах походить.

— Бесспорно, хорошо, когда меняется время года, — сказал дядя. — Понимаете, что я хочу сказать? Что лето должно быть как лето, а зима, как зима.

— Я на окраине заметил речушку, — продолжал дальний родственник, — небось там зимой на коньках гоняете? — он повернулся ко мне и сестрам.

Сестры потупились, а я оживился:

— Гоняем, и играем в хоккей!

— То-то и оно! — кивнул дальний родственник. — Видно не зря твои сестры чуть что говорят нашим местным ребятам: «О, наш горо-док!»

Сестры густо покраснели и нервно схватили еще по одному персику.

Я вышел из дядиного дома и не то, что Крым и Ялта стали для меня менее заманчивыми — нет! Меня по-прежнему тянуло туда, но и наш городок уже не казался самым скучным местом на свете.

ОГНЕННАЯ ЧЕРТА

Моя неуживчивая и строптивая тетя вела динамичный образ жизни, в основе которого была страсть к переменам: она три раза меняла женихов и так и не вышла замуж, пять раз работу, семь — местожительство.

Тетя всю жизнь вязала. Если собрать все, что она связала, получится целая выставка шерстяных изделий. Тетя вязала все: занавески, покрывала, варежки, носки, шарфы, свитера, юбки, кружева... Все наши знакомые и знакомые знакомых ходили в тетиных вещах. А те, кто их не имел, стремился познакомиться с тетей.

Тетин успех объяснялся просто — она придумала новую вязку. Это была необыкновенная вязка: красивая и для толстого мужского свитера, и для тонких, как паутина, кружевных накидок. Все дело было в том, из чего вяжешь — из шерсти или из штопки, из шелковых или простых штапельных ниток. Ну и конечно, этот успех объяснялся низкой ценой за работу — тетя просто любила вязать, а материальная сторона ее мало интересовала (как правило, она вязала из того, что приносил заказчик).

Тетя работала быстро и за несколько лет обвязала весь наш район. На улицах по тетиним одеждам люди даже узнавали друг друга.

Благодаря тете я стал пользоваться огромным уважением среди ребят — ведь каждый хотел иметь хороший теплый свитер. Вот и приставали ребята ко мне — просили уговорить тетю связать им что-нибудь. Мне приходилось подолгу объяснять, что вязать — это не шить, что тут нужно терпение и опыт, и что тетя вообще вяжет только для моих самых близких друзей. После этих слов каждый из мальчишек из кожи лез вон, чтобы добиться моего расположения: один протягивал перочинный нож, другой — приключенческую книгу, третий — билет в кино. Приняв подношения, я обещал замолвить за них словечко, но тут же предупреждал, что у тети работы по горло и чтобы они не надеялись получить заказ в ближайшее время.

Если ребята только приставали ко мне, то девчонки просто прохода не давали, ходили за мной, как цыплята за курицей. С утра поджидали около крыльца и, как только я появлялся в двери, совали клубки шерсти, списки и рисунки вязаний, которые им были совершенно необходимы, без которых они прямо жить не могли.

Только одна девчонка никогда не подходила ко мне, и это меня задевало не на шутку. Она жила на соседней улице — обыкновенная девчонка, некрасивая, рыжая, постоянно улыбалась неизвестно чему.

Однажды я брел по улице, вдруг вижу — она вышагивает и рядом с ней подружка в тетиной кофте. Я тут же подошел и небрежно кивнул на кофту:

— Моя тетя вязала.

Я думал, рыжая тут же не выдержит и попросит поговорить с тетей, но она только улыбнулась и опустила глаза.

— Хочешь, я скажу тете и она свяжет тебе такую же? — обратился я к ней.

— Спасибо, — девчонка снова улыбнулась. — А когда можно зайти?

— Приноси мне шерсть через неделю.

Я пришел к тете и сказал:

— Теть, свяжи одной девчонке кофту.

— Знаешь что! — подскочила моя резковатая тетя. — Мало того, что я обвязываю твоих дружков, теперь еще и подружки появились. Барышни сами должны учиться вязать и шить. Стыд и позор, чему их только в школе учат?! В гимназиях учили всему...

— Она больная, — соврал я (врать я умел здорово). — Все время болеет. Совсем не встает с постели.

— Не знаю, вряд ли смогу, — безжалостно покачала головой тетя. — Последнее время пальцы болят.

— Теть, очень надо.

— Не знаю, не знаю.

Во двор я вышел мрачный. Что теперь сказать девчонке? Но главное, если тетя вообще больше не сможет вязать?! Такое было страшно представить!

Через два дня тетя закончила очередной заказ, и я снова напомнил ей про девчонку, но тетя сказала то, чего я больше всего боялся:

— Не смогу, совсем руки не слушаются, похоже, отвязалась я. Попробуй сам! Это не сложно. Вот смотри! — И тетя раскрыла мне секрет своей вязки.

— В рукоделии, как и во всем, есть люди способные и есть талантливые, — назидательно говорила тетя, пока я неумело перебирал спицами. — Между этими людьми огромный водораздел, вернее, между ними огненная черта. Не всем способным удастся перейти эту черту. Но надо пытаться... Кажется, у тебя есть кое-какие способности.

Как-то незаметно я втянулся в рукоделие, и вскоре в совершенстве освоил вязальное ремесло. Даже стал вязать быстрее тети. Конечно, во дворе я скрывал, что вяжу — ведь все-таки был мужчиной.

Через неделю у нашего крыльца меня подкараулила рыжая, вечно улыбающаяся девчонка, с сумкой шерсти.

— Ты уже поговорил с тетей? Не забыл?

— Все в порядке, — кивнул я, забирая шерсть.

Девчонка особенно широко улыбнулась.

— Огромное тебе спасибо!

Несколько дней я вязал ей кофту; полностью самостоятельно (ни тетя к нам не заходила, ни я к ней), но именно когда за кофтой пришла девчонка, заявила и тетя. Я протянул девчонке свое изделие и она засияла так, что в кори-доре стало светлее. Я уже собирался закрыть за ней дверь, как вдруг она заметила тетю и бросилась ее благодарить.

— Да что ты! — отмахнулась тетя. — Не меня благодари, а вон его! Это он связал!..

Девчонка на минуту онемела, улыбка с ее лица исчезла, покраснев, она опустила глаза и пробормотала:

— Какой ты молодец! Огромное тебе спасибо!..

Когда об этом узнали во дворе, ребята перестали меня ублажать подношениями, просить: «уговори тетю» — они просто требовали, чтобы я немедленно вязал. А тут еще пронесся слух, что я давно вяжу, и что моя тетя никогда и не умела вязать, и что у меня вообще нет никакой тети... Но в пик моей славы, встречаю улыбающуюся девчонку, а на ней кофта вроде бы моя, а вроде бы и не моя — вся подшита какими-то нитками.

— Что ты с ней сделала? — спрашиваю.

Улыбка девчонки перешла в кислую гримасу.

— Понимаешь, все время приходится подшивать твою кофту. Как надену, то тут то там расплзается. У тебя какая-то странная вязка.

В это время мимо нас проходила моя тетя — каждый раз она возникала в самый неподходящий момент. Остановившись, тетя профессионально осмотрела кофту на девчонке и, обращаясь ко мне, сказала:

— Да, погрешности налицо. Видимо, ты не смог перейти огненную черту, — потом повернулась к девчонке: — Заходи вечером, перевяжу. Заодно поучишься сама. Каждая ба-рышня должна уметь вязать. Вязание действует благотворно: успокаивает, дает время поразмышлять (почему-то тетю вязание совсем не успокаивало. Впрочем, может и успокаивало, трудно представить, какой бы она была, если бы не вязала).

За два вечера тетя перевязала мое неудачное творение. Неожиданно ее пальцы обрели прежнюю подвижность, во всяком случае с того дня она вязала ничуть не меньше, чем раньше. А рыжая девчонка стала ее постоянной ученицей. По словам тети, она перешла огненную черту легко, играючи, не получив ни малейшего ожога.

ЗАВИСТЬ

Многие мои родственники были завистниками, можно сказать я жил в атмосфере всеразьедающей зависти. Так мать завидовала тете, которая блестяще вязала, лучше всех в нашем городке, а может быть и во всем мире. Тетя не оставалась в долгу и сильно нервничала от зависти, глядя как мать печатает на машинке. Отец, хотя и насмеялся над дядей-холостяком, но втайне завидовал его здоровому образу жизни — самому отцу не хватало силы воли, чтобы избавиться от привычки курить и выпивать. Дядя-холостяк в свою очередь не на шутку завидовал славе своего брата-пожарного.

Видимо по наследству, и на меня однажды нахлынула эта проклятая зависть. Вначале это странное чувство не очень мучило меня, вселяло лишь беспокойство и раздражение. Я завидовал Генке, у которого были длинные руки. «Эх, мне бы такие руки, как у Генки, — думал я. — Уж я бы знал чем заняться. Длинными руками можно до всего достать. Свисают, например, из какого-нибудь сада яблоки, другим надо палку, чтобы их сбить, а длинной рукой — раз! Только протянул, и яблоко твое. Да что там яблоки! Все можно достать. С такими руками не пропадешь. Только Генка, дуралей, не догадывается об этом. Он увлечен волейболом — с утра до вечера знай себе по мячу лупит».

А ноги я хотел иметь Венькины. Он бегал как ветер, от всех мог убежать. «Нарву яблок и дам тягу. Попробуй догони!» — мечтал я и по-

смеивался над Венькой, который ходил на стадион, носился там как угорелый по дорожке. Я называл его «чемпионом мира по бегу среди старушек».

Еще я хотел иметь такие уши, как у Филиппа — большие, музыкальные. Будь у меня такие уши, я уж, конечно, первым слышал бы сторожа в саду и дал бы драпака. Но Филипп и не подозревал о своих возможностях. Он занимался музыкой — без конца пиликал на скрипке.

«А голову неплохо иметь бы Петькину, — рассуждал я. — Петька, чудака, делает разные самокаты, а ведь с его смекалистой головой ничего не стоит смастерить какую-нибудь заводную машинку для сбора ягод. Пустил ее в малинник; она раз-раз, пособирала все ягоды, подъехала к тебе и сыпала в карман».

Целыми днями я ходил взад-вперед по улице и всем завидовал. Все представлял, что сделал бы на месте своих приятелей. Обычно меня сопровождало штук пять дворовых собак; они по утрам поджидали меня у дома. Известное дело — дворняги любят тех, у кого полно свободного времени — всегда можно затеять какую-нибудь игру, осмотреть разные закутки, просто повозиться, что я и делал со своими лохматыми приятелями. Собакам же я доверял и свои сокровенные мысли о зависти. И они меня понимали. По-моему даже ухмылялись, когда мы встречали Генку, Веньку, Филиппа или Петьку.

Как-то прогуливаюсь с собаками, вдруг подходит весь взъерошенный Петька.

— Ты чего это все ходишь надутый? — спрашивает. — И все у заборов?

— Так, — говорю. — Смотрю. Думаю.

— Чего смотришь? Над чем думаешь?

— Да так...

— Завидую тебе! — вздохнул Петька. — Мне бы твое свободное время! Я бы многоместный самокат построил! Всем двором отправились бы в путешествие!..

— Все тебя в даль тянет, — хмыкнул я. — А между прочим, и здесь полно интересного. Совсем рядом, — я широко обвел рукой наши дома, сады и палисадники. Этим жестом я приглашал Петьку заняться конкретными делами, как подобает настоящему мужчине, а не какому-то мечтателю, который болтается в облаках. Но Петька не понял моего жеста, обиделся и отошел.

Осенью меня вдруг стала мучить зависть другого рода. Более серьезная, что ли. Эта зависть, словно яд, разъедала всю мою душу. Я завидовал Кольке, у которого была кожаная полевая сумка со множеством отделений. Завидовал Косте — его отец имел мотоцикл. По воскре-

сеньям Костя с отцом отправлялись на рыбалку, и когда они мчали на сверкающей никелем машине, я прямо стонал от зависти.

В школе я завидовал отличнику Вадьке — ему все давалось так легко! Я корпел над учебниками, зубрил, делал шпаргалки, а он — только откроет страницу — уже все знает. Пятерка ему обеспечена!

Но совершенно особую зависть я испытывал, когда встречался с Надькой, той рыжей девчонкой, которой неудачно связал кофту. Эта зависть просто сжигала меня. Надька постоянно улыбалась; улыбка никогда не сходила с ее лица; по-моему, она улыбалась даже во сне. Обычно идет по улице, пританцовывая, что-то напевает, всем приветливо улыбается, со всеми здоровается по три раза на дню. От нее только и слышалось:

— Гена замечательно играет в волейбол. Я так люблю эту игру, — и расплывается в улыбке.

Или:

— Филипп — настоящий талант! Я так люблю музыку, — и пропоет что-нибудь и засмеется, да так, что зазвенит в ушах.

А уж Петьку она вообще считала гением; говорила, что на его самокате готова ехать хоть куда, и что вообще больше всего на свете любит путешествовать. И так постоянно: «это люблю и то люблю». И как не разрывалось ее сердце от такой огромной любви?! Меня прямо бесило ее любвеобилие и веселость.

Взрослые называли Надьку «девочкой с золотым характером»; ребята к ней так и липли — все хотели дружить с ней. От этого внутри меня прямо-таки бушевал завистливый пожар.

У меня с Надькой были сложные отношения. Как не встречу ее — хохочет мне прямо в лицо:

— Это твои телохранители? — кивнет на собак, которые плетутся за мной. — Вот просто интересно, от кого они тебя охраняют? — Потом посмотрит на меня как-то таинственно и добавит:

— Я так люблю собак, но почему они за мной не ходят? Только за тобой. Чем ты их заманиваешь?

— Ничем! — как я мог ей объяснить, что у меня с собаками много общего и что мы вообще понимаем друг друга с полуслова и с полулая. Именно с полулая — ведь я изучил и собачий язык.

Каждый раз после разговора с Надькой, я чувствовал — моя зависть переходит в злость. Из-за этой хохотушки Надьки я нервничал не на шутку.

Однажды при встрече Надька посмотрела на меня особенно таинственно и сказала без всякого хохота, только с легкой улыбкой:

— Завидую тебе! Все собаки к тебе тянутся. Наверно, ты хороший... Животные чувствуют людей...

Я хмыкнул — мне-то это было давно ясно.

— Завтра мама купит собаку, — продолжала Надька. — Поможешь мне ее воспитывать?

Надьке купили маленькую полупородистую собачонку пепельного цвета; ее назвали Ютой. Я, как специалист, подробно объяснил Надьке, чем кормить собаку, когда выгуливать, какие отдавать команды. Надька слушала предельно внимательно, при этом смотрела мне прямо в глаза и улыбалась.

Теперь мы с Надькой гуляли вместе: она с Ютой, а я со своими дворнягами. Как-то незаметно моя злость к Надьке уступила место совершенно другому чувству, еще более жгучему. От этого непонятного чувства я потерял сон, и только и ждал, когда мы отправимся на прогулку. Я по-прежнему завидовал жизнерадостности Надьки, но это уже была совсем другая зависть. Я завидовал ей как-то по-хорошему. Скорее, это даже была не зависть, а желание стать таким, как она.

Все чаще рядом с Надькой я тоже улыбался. Непроизвольно. Да и как было не улыбаться, если она то и дело восклицала:

— Смотри, как воробьишки купаются в пыли! Я их так люблю! Такие отважные птички — не улетают на юг, остаются с нами зимовать! Ну скажи, разве их можно не любить?!

Гуляя с Надькой, я начисто забыл все достоинства Генки, Веньки, Филиппа и Петьки; выбросил из головы полевую сумку Кольки, Вадькины пятерки и даже мотоцикл Костиного отца. Больше того, теперь я был уверен — все достоинства ребят, их способности и богатства — чепуха в сравнении с моими немислимыми достоинствами. Какими — я не знал, но не зря же Надька проводила со мной все дни напролет?!

Теперь, когда мы с Надькой гуляли в компании собак, ребята кусали губы от зависти. Надька это не замечала, но я-то видел прекрасно. Чтобы ребят заело еще больше, я нарочно широко улыбался, а иногда и насвистывал что-нибудь веселое.

ЧУДЕСА, ДА И ТОЛЬКО!

В комнате у моей бабушки висела икона. По вечерам бабушка молилась и просила Бога послать здоровье всем родственникам, особенно мне, который, по ее мнению, был самым слабым.

— Бог все может, — говорила бабушка.

— Если он может все, почему ты не попросишь, чтобы он прислал нам денег? — спрашивал я, озабоченный тем, что наша семья жила в постоянной нужде.

Бабушка уклонялась от ответа или начинала туманно объяснять. Очень туманно. Потому я и не верил в Бога. Но однажды шел по берегу реки, рассматривал следы птиц на песке, разные спиральки, галочки, точки и лесенки. «Эх, — думаю, — послал бы сейчас Бог двадцать копеек. Сходил бы в кино или купил бы мороженое». И только об этом подумал, смотрю — передо мной лежит монета.

— Чудеса, да и только! — сказал я домашним, показывая монету.

Мать неопределенно хмыкнула. Отец съязвил:

— Беги туда, ищи еще, монеты обычно валяются кучно.

А бабушка сказала:

— Ничего удивительного. Бог выполняет многие просьбы, но не все. Естественно, не все. Иначе некоторые обленились бы вконец.

В другой раз мне надоела осенняя слякоть и я попросил Бога сделать зиму. Просто так произнес эту просьбу вслух, не очень-то надеясь на волшебство. И вдруг — к вечеру ударил морозец, грязь на дороге заостенела и в воздухе закружили крупные снежинки.

— Чудеса, да и только! — сказал я домашним. — Это я попросил Бога сделать зиму.

— Знаю! — бросил отец. — Он мне уже сообщил.

Мать посмотрела на меня, как на закоренелого вруна и хмыкнула вполне определенно. А бабушка сказала:

— Возможно.

В тот же день в моей голове родилась необычная мысль: «А что если Бог летает над домами и мучительно разгадывает наши желания и мечты?!». Чтобы Всевышний не тратил время на разгадки, я решил написать свои желания на клочке бумаги и прикрепить его где-нибудь перед домом на видном месте.

В то время я хотел завести собаку — это было моей заветной мечтой, которую отец постоянно разбивал.

— Плохо учишься! — говорил. — Не купим!

«Ну и не покупайте, — подумал я, когда в моей голове родилась необычная мысль. — Не покупайте! Бог пошлет». Я написал записку: «Бог! Мне нужен щенок» и прикрепил ее на калитке. На следующее утро чуть свет выбежал из дома и не поверил своим глазам — около забора сидел щенок. Это уже были далеко не простые чудеса — Бог явно прочитал мою записку.

К сожалению, в тот же день щенок сбежал от меня, но этот случай настроил меня на серьезный лад. Я составил большой список необходимых мне вещей: подзорная труба, граммофон, перочинный нож с десятью предметами... Целую неделю список висел на калитке, то и дело к нам заходили всякие любопытные и спрашивали:

— Эти, написанные вещи, продаются? Какова их цена?

Мне приходилось объяснять, для кого висит список. Некоторые относились к моим словам с пониманием, но некоторые недоверчиво улыбались, едко хмыкали и тем самым только злили меня.

Целую неделю висел список, но Бог так и не выполнил ни одной из моих просьб. Разумеется, я на него обиделся и перестал писать записки.

К этому времени я уже нахватал столько троек, что отец со мной не разговаривал, а мать запретила гулять на улице. И все из-за Бога! Ведь я только и думал о подарках с неба, а не о каких-то там уроках! В конце концов засел я за учебники, стал исправлять одну тройку за другой. Чем больше в дневнике появлялось четверок, тем чаще отец похлопывал меня по плечу и обещал подарить одну «штуку», а мать все настойчивее повторяла:

— Иди погуляй! Совсем без воздуха сидишь! Весь зеленый стал!

Когда я исправил все тройки, отец подарил мне — не подзорную трубу, конечно, но пенал — тоже достаточно ценную вещь. Мать сшила мне шорты, чтобы я не просто гулял по улице, но еще и бегал, «закалялся на свежем воздухе», — как она выразилась.

Я закалился хоть куда — никакие простуды меня не брали. И вот в этот самый момент я понял — всего можно добиться, если очень сильно захотеть и потрудиться. Мне даже стало немного стыдно за прежнее безделье и ожиданье «божьих подношений». Закаленный и ловкий, я почувствовал, что все могу! Могу побороть свирепого хищника, справиться с вооруженным бандитом. Сила придала мне уверенность: я ходил по улице расправив плечи, сжав кулаки — этаким добрым молодец, готовый в любую минуту прийти на помощь попавшим в беду. Мне постоянно хотелось кого-то спасти, кому-то сделать что-то доброе. Я вообразил себя — не Богом, конечно, но уж волшебником точно.

Только мне почему-то не везло в моих волшебных делах. Как-то заметил — в стакан киселя упала пчела. «Освобожу ее, — подумал, — покажет мне пчелиное гнездо с медом». Приподнял сладену за крылышко, а она внезапно ужалила меня. Потом решил избавиться от приязы Юту, собаку соседки Надьки. «У собак хорошая память, будет меня защищать», — подумал и потянул Юту за ошейник, но она не поняла моего благородного порыва, вцепилась в мою рубашку и чуть не порвала.

— И почему так получается? — поделился я своим невезением с бабушкой.

Она усмехнулась:

— Ты делаешь добро, но прикидываешь, что за это получишь. Так нельзя! Это не добро! Добро должно быть бескорыстным. Вот если бы

ты помогал людям, и при этом еще оставался невидимкой! Тогда было бы совсем другое дело. Святое дело. Ты стал бы настоящим волшебником!

После этого разговора я вышел на улицу и, стараясь быть невидимым, направился вдоль забора. «Чего бы такое сделать доброе? — думаю. — Какое-нибудь святое дело. Сделаю, и быстро исчезну».

Как назло, на улице никаких дел не было, и никаких записок на заборах не висело. «Хоть какая-нибудь старушка появилась бы, что ли, — подумал я. — И в руках несла бы две тяжелые сумки. Одну внесла бы в дом, а другую оставила бы у крыльца. Я незаметно внес бы в дом вторую сумку и исчез... Чудеса, да и только! — воскликнула бы старушка».

До вечера ходил по улице, но так и вернулся домой, не сделав святого дела.

А на следующий день у Надьки пропала Юта. Ребята обежали все дворы, облазили все закутки, но собаки нигде не было.

Я подождал, пока ребята и зареванная Надька разбрелись по домам, и вышел на улицу. Легкой, пружинящей походкой, совершенно невидимый, я прокрался мимо домов, словно тень скользнул на соседнюю улицу и очутился около магазина. «Там подвал, и Юта вполне могла в него провалиться, — размышлял я. — Во дворах ее нет, значит там, в подвале».

Чутье волшебника-невидимки меня не подвело. Я только заглянул в проем фундамента и сразу увидел ее, Надькину Юту. Она тревожно смотрела на меня и жалобно скулила. Спустившись в подвал, я увидел — лапы собаки зажаты ящиками из-под фруктов. Раскидать тяжелые ящики в полутемном подвале оказалось не так-то просто, но я все же справился с ними и освободил бедолагу. Юта сразу бросилась лизать мне руки. «Понимаешь, — как бы говорила, — за кошкой погналась и вот... угодила в этот сырой и страшный подвал».

Задворками, незаметно для всех прохожих, я провел Юту к дому Надьки и привязал за перила крыльца; сам спрятался за водосточной трубой, как и подобает волшебнику-невидимке.

Некоторое время Юта нетерпеливо топталась на крыльце, потом начала лаять, царапать дверь. Надька выбежала из дома, расплылась в улыбке, обняла собаку, поцеловала в нос.

— Юта, дорогая! Где же ты была?! — бормотала Надька, вне себя от радости, и вдруг выпрямилась. — Но кто же тебя привел и привязал?! Чудеса, да и только! — Надька задумалась, потом выдохнула:

— А-а, волшебники, точно! Ведь я же их просила!..

ПОПРОБУЙ, ПОЙМАЙ ВЕТЕР!

Среди моих родственников было немало знаменитостей. Бабушка прославилась игрой в шашки, тетя — вязанием, дядя-пожарный — бесстрашием и невероятным чутьем на пожары, но все же, в смысле славы, всем им было далеко до моего деда.

Дед был слесарь-виртуоз. Он мог все! Не только отремонтировать автомобильный двигатель и при этом выточить на токарном станке необходимую деталь, — это само собой, этим он занимался всю жизнь, — дед мог починить любой сложный механизм, в том числе часы всех систем; запаять и залудить самовар или чайник. Во всей нашей округе не было семьи, для которой дед что-либо не сделал. Поэтому на улицах деда всегда почтительно приветствовали.

Главное — дед не брал деньги за работу и все делал ради любви к своему ремеслу и еще потому, что выйдя на пенсию, не мог сидеть без дела. Кстати, у него самого будильник ходил только в лежащем положении и были худые кастрюли.

— Все руки не доходят, — объяснял дед.

Дед жил отдельно от нас (так они решили с бабушкой по взаимному согласию, но бабушка каждый день носила деду еду в судках). Дед жил в ветхом доме, напоминавшем ремонтную мастерскую и одновременно лавку утиль-сырья.

Целые дни я проводил у деда. Когда он что-нибудь чинил, я наблюдал за его работой, подавал инструмент, подбирал гайки к болтам, выпрямлял проволоку. Иногда дед доверял мне ответственные вещи — что-нибудь зачистить напильником или даже нагреть паяльной лампой. Во время работы дед читал мне просветительные лекции.

— ...К вещам надо относиться бережно, потому что их сделал мастер. Я имею в виду старые вещи, — дед кивал на единственную ценность в его доме — кресло с витиеватой резьбой и расписной фарфоровый чайник. — А теперешние поделки — грубые, сделаны наско-рую руку, для плана, — дед кивал на кухонный стол с алюминиевой посудой. — Суть в том, что эти кружки и ложки сделаны без души, так, тяп-ляп, лишь бы отделаться. Похоже, тот, кто их делал, нарочно стремился к аляповатости и уродству, делал назло людям, которые будут пользоваться такой, с позволения сказать, посудой... Чудовищно низко упало качество вещей. И не только вещей. Возьми дома. Вон старый особняк в центре — это да! Купеческий дом. Сделан добротнo, на века. А эти новостройки не успеют сделать, уже ремонтируют. Или дороги. Раньше дороги мостили брусчаткой — камень к камню, клали покато, чтоб вода не собиралась. А возьми вон соседнюю улицу; положили асфальт. Весь потрескался, вспучился, лучше б и не клали...

Дед-то все делал на совесть, с любовью, его вещи люди подолгу рассматривали, поглаживали и их лица светились радостью.

Когда дед не работал, мы с ним ходили к речке, взбирались на бугор и... ловили ветер. Ветер деду был необходим, чтобы испытать «махолет» — так он называл созданный им летательный аппарат — сложную конструкцию с размашистыми крыльями и мотоциклетным мотором. Дед его делал все мое детство и за все мое детство «махолет» ни разу не взлетел. Но дед не отчаивался, постоянно совершенствовал свой аппарат и был уверен в конечной победе. Я тоже был в ней уверен, тем более, что являлся постоянным испытателем «махолета» (по замыслу деда, «махолет» должен был поднять в воздух около пятидесяти килограммов груза — для этого сам дед был слишком тяжеловесен. Разумеется, все испытания мы проводили в глубокой тайне от родителей).

Так вот, мы взбирались на бугор, дед совал мне в руки марлевый сачок и говорил:

— Попробуй, поймай ветер! Ветер нам совершенно необходим. Махолет сможет взлететь только против ветра и ветер должен быть определенной силы.

Если дул приличный ветер, сачок-капкан тут же вытягивался в тугую подушку, если было лишь легкое дуновение или вообще стоял штиль, сачок-капкан беспомощно обвисал, словно флаг сдавшегося войска. В такой день нечего было и думать об испытаниях. Но если ветер все же был, мы измеряли его силу. Для этой цели запускали змея. Если змей метался как заарканенный зверь, это означало, что ветер постоянно меняет направление и такой ветер нам не подходит. Но если змей неподвижно парил в воздухе, мы тут же притаскивали на бугор «махолет» и ставили его против ветра.

— Главное в полете — все время держаться против ветра, подобно тому, как держат лодку против волны, — давал мне дед последние наставления, усаживая на стул между крыльев; потом привязывал меня ремнем и запускал мотор.

Сухой треск наполнял окрестность, дым окутывал бугор, «махолет» начинал махать крыльями, трястись, но от земли не отрывался. Мотор работал изо всех сил, я подпрыгивал на стуле, пытаюсь помочь аппарату взлететь, но он только трясся и раскачивался из стороны в сторону, словно раненая птица. Минут через десять дед глушил мотор и тяжело вздыхал:

— Говорят, нельзя построить аппарат с машущими крыльями, но принимать все на веру — не для мыслящих людей. Мы еще внесем в «махолет» кое-какие поправки, и уж что-что, а речку перелетим.

Перелететь речку — было мечтой деда. И моей тоже.

Надо сказать, в глубине души я боялся высоты. Стоило мне только влезть на высокое дерево и посмотреть вниз, как перед глазами начинали плавать какие-то точки, а голова тяжелела. По этой причине я никогда не ходил по бревну над оврагом и мост через речку обходил стороной. Но поскольку я постоянно закалял свой дух, то побороть страх перед высотой считал наипервейшим делом. С этой целью я и помогал деду испытывать «махолет». Ну и, конечно, преследовал более высокую цель — впервые в мире пролететь на подобном аппарате.

Независимо от деда я создавал собственные летательные средства. Однажды склеил из газет гигантского змея и привязал к нему грибную корзину. На этом змее я планировал перелететь через речку, но для первого испытательного полета посадил в корзину соседского кота. Дождавшись сильного ветра, я запустил аппарат.

Некоторое время змей кружил на одном месте, но потом порыв ветра все же оторвал корзину от земли и потащил вверх. Как только корзина достигла метровой высоты, мой пассажир из нее выпрыгнул и с перепуганным видом дал драпака.

Тогда я сам залез в корзину и оттолкнулся от земли. Змей волоком протащил меня к реке — я еле выбрался из топкого вязкого ила.

Однажды на бугре тянул хороший слоистый ветер: у самой земли пахло цветами, чуть выше — речкой и осокой, еще выше — далекими серебристыми ивами. В то утро я бежал к заводу, где на ночь закинул удочки; бежал по ветру, перепрыгивая ложбины, подпрыгивая на кочках. Подпрыгнув на одной кочке, я вдруг заметил, что моя рубашка плотно наполнилась ветром и я стал легким, почти невесомым. Потоки восходящего воздуха подкинули меня вверх, перенесли над голубой от незабудок низиной и плавно опустили около следующей кочки. Пробежав еще несколько метров, я оттолкнулся снова и... пролетел еще дальше. Тогда я свернул к краю обрыва и, разбежавшись сильнее, прыгнул с высоченной кручи; при этом широко в стороны раскинул руки. Я сделал это без всякого расчета, просто подражая птицам, но оторвавшись от земли, неожиданно пролетел над кустом тальника и зарослями лопухов. Я летел так долго, что запомнил свист в ушах и внизу, среди лопухов, успел разглядеть гальку и ракушечник. Это было чудо! Передо мной открылись неведомые человеческие возможности! Приземлившись на песке, я поднялся на бугор и повторил прыжок. И опять пролетел точно так же.

Во время этого второго прыжка я заметил, что ветер дует не с одинаковой силой и что, попадая как бы в «сильную волну», я улетаю дальше. Для третьего прыжка я угадал приближение «сильной волны»

и оторвался от края обрыва как раз в тот момент, когда ветер достиг наибольшей силы.

Во время третьего полета я попробовал в воздухе шевелить руками и — удивительно! Смог немного направить свой полет! Во всяком случае, когда меня отнесло в сторону, я все же повернул к отмели — месту намеченного приземления. И что самое странное — в воздухе я совершенно не боялся высоты!

— Ура! Я научился лететь! вырвалось у меня после третьего управляемого полета. От волнения меня всего трясло.

Через час, совершив еще два-три полета, я решился... перелететь речку!

Мне повезло — ветер усилился, порывы огромной мощи до земли наклонили прибрежные кусты. Я отошел от речки на довольно большое расстояние и начал разбег. В этот разбег я вложил последний запас сил, весь свой закаленный дух. В какое мгновение оттолкнулся от обрыва — не уловил; подо мной зелено-желтыми пятнами промелькнули кусты, лопухи, галька, ракушечник и вдруг появилась водяная рябь. Я видел ее отчетливо, совсем рядом, до меня долетали отдельные брызги! Я почувствовал, что снижаюсь, хотя до противоположного берега еще было далеко, и отчаянно замахал руками, и почти преодолел огромное водное пространство — упал на мелководье, вернее, плюхнулся, вконец обессиленный.

Домой я возвращался мокрый, ободранный, весь в песке, но счастливый. Я научился летать и осуществил нашу с дедом мечту без всяких крыльев!

У моста я взошел на скрипучие пружинистые доски, перегнулся через перила и впервые передо мной не появилось никаких точек. Перемахнув через перила, я оттолкнулся и спланировал на отмель. Это уже было для меня пустяком.

Вбежав на обрыв, я влез на самую высокую иву, покачался на гибких ветвях, потом спрыгнул вниз и, точно на парашюте, мягко сел в траву.

У дома я влез на сарай, сделал несколько шагов по крыше и... облетев весь двор на глазах у потрясенных ребят, приземлился у своего крыльца.

СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА УЛИЦЫ

повесть

Я знал только трех людей, которые на вопрос «как дела?» всегда поднимали большой палец. Первым был столяр дядя Матвей. Его мастерская находилась в подвале нашего дома; к ней вела скрипучая деревянная лестница со стертymi ступенями; из подвала пахло столярным клеем и свежей стружкой. В мастерской было небольшое продолговатое окно, но, каким-то загадочным образом, даже в пасмурные дни в ней было светло, а уж в солнечные — ее просто затопляли ослепительные волны, и, казалось, в них плавали верстак, рубанок, деревянный молоток и спирали стружек, и сам дядя Матвей — он работал и улыбался тайным мыслям.

Дядю Матвея называли Мастером, и этим высоким званием его наградили не случайно — он реставрировал, «оживлял» старинную мебель с инкрустациями и резьбой, и вкладывал в работу недюжинную любовь к дереву. Глядя, как он подбирает, прилаживает друг к другу куски «благородной» древесины, как зашкуривает их, покрывает лаком, полирует, я сильно завидовал ему и мечтал стать таким же мастером краснодеревщиком, когда вырасту.

Вторым был матрос на Соловецких островах. Он сказал мне как-то: — Быть счастливым просто — не надо желать, чего нельзя получить.

Я-то знал — с этим никогда не соглашусь и усмехался — Попробуй не желать! Но матрос был по-своему счастлив; он побывал во многих странах, вечно находился в пути, но не хотел менять свои скитания на городскую жизнь в «коробке».

Третьим был мой отец.

1.

Я любил катить железное колесо каталкой или идти вдоль забора и палкой трещать по рейкам. Любил грызть сосульки, играть в ножички и кричать в пустой бочке. Любил стручки гороха, семечки от тыквы и, когда жарко, любил залезать в ручей — становилось прохладно и спокойно. Любил полевую сумку, потому что в ней много отделений, любил подставить ладонь под струю воды из колонки и брызгать. Любил свистеть, засунув в рот пальцы и любил мандарины — они пахли Новым годом (их продавали только перед зимним праздником).

Еще я любил вертеть на полу раскрытый зонт, как юлу, любил гудеть в водосточную трубу и смотреть, как пытит каток, разглаживая асфальт. Любил пыльные чердаки с косыми лучами солнца и любил слушать шум дождя по крыше — казалось, там расплясались какие-то беспечные танцоры.

Еще любил стрелять косточками от вишни и палкой с пластилином доставать монеты из фонтана. И любил подавать инструмент дяде Мат-

вею, когда он работал. И любил всех дворовых собак... И, конечно, любил свою мать... Но особенно любил отца — горячо, безудержно.

Отец постоянно ездил в командировки — то на один завод, то на другой; все время мы с матерью его провожали и встречали. Зато, когда он бывал дома, наступал праздник. Я просыпался от смеха в комнатах, отец шагал взад-вперед, что-то рассказывал матери, смеялся и пел... Он всегда был в приподнятом настроении. Наверное, иногда ему становилось плоховато и наверняка он иногда грустил, но этого никто не видел. Поэтому все считали отца счастливецом. И он так считал тоже.

— Я, в самом деле, счастливый, — говорил мне. — Не потому, что во всем везет. Нет! Просто я знаю, чего хочу, и люблю свою работу, и у меня есть надежные, преданные друзья, и есть мама, и ты...

Меня-то отец любил больше всех, я знаю точно. Даже «любил» — не то слово. Отец просто не мог жить без меня, а я без него — и подавно.

Когда отец возвращался из командировки, мы с ним не расставались ни на минуту: играли в чехарду, строили в ручье запруды и пускали бумажные корабли; или гоняли в футбол или запускали змея и посылали к нему «письма». Или усаживались на диван, отец обнимал меня и рассказывал захватывающие истории. Он знал их огромное множество, ведь столько ездил по разным местам!

Все свое детство я ждал отца. И всю свою юность. С отцом было легко, интересно и весело; он сразу ставил все на свои места и заражал меня оптимизмом. И сразу неудач становилось меньше, а те, которые и были, казались мелкими, чепухой.

Я и теперь жду отца, хотя его уже давно нет.

2.

Мы жили в коммуналке — занимали тесную комнату, заставленную расшатанной мебелью.

— Господи, когда у нас будет просторная комната, хорошая мебель? — вздыхала мать.

— Будет! — отзывался отец, поправляя очки. — Когда я заработаю много денег. А вообще, деньги — это необходимость, далеко не главная в жизни. Нельзя же, к примеру, купить молодость, любовь, дружбу! — как бы закрывая тему нашего неблагополучия, отец обводил комнату рукой. — И потом, у нас и сейчас неплохо. Полно света. А свет — главное в комнате. У нас свет мягкий, спокойный, он способствует творчеству, — отец подмигивал мне, давая понять, что мы-то с ним живем высшими понятиями, а не какими-то там мелочными заботами.

Наш дом был старый, с облупившейся штукатуркой и поломанными дверьми. Ничего примечательного в доме не было, за исключением черного хода и пожарной лестницы, с которой открывался вполне при-

мечательный вид на Москва-реку. Зато у нас был колоритный двор: выбитый «пятак» — площадка футболистов, стол — для любителей сразиться в шахматы и домино, и в тени, под деревьями, где всегда пузырилось выстиранное свежеспавшее белье прачки тети Зины, — скамья, на которой обсуждались дворовые, городские и всемирные новости. Плюс ко всему, двор украшали цветы в горшках и эмалированные ведра; цветы выносили под летнее солнце, в ведра женщины собирали дождевую воду, чтобы лучше промывать волосы.

В каждом дворе мальчишки имеют прозвища; в нашем они были и у взрослых. Так столяра дядю Матвея звали Мастером, тетю Зину, которая носила бело-розовую кофту — Пирожным. Моего отца нарекли Астрономом (некоторые, малосведующие, называли Звездочетом, и отцу не раз приходилось объяснять разницу между первым и вторым).

На чердаке нашего дома отец соорудил что-то вроде телескопа — картонную трубу с линзами от очков; труба слабо, но все-таки увеличивала ночные светила. С наступлением темноты отец часто наблюдал за звездами, при этом, что-то записывал в тетрадь. Как-то сказал мне:

— Сегодня увидим редкое явление! Комету!

За ужином он был необычно взволнован, то и дело снимал и протирали очки.

— Комета — это тебе не фунт изюма съесть! — подмигивал мне. — Это не каждому удастся увидеть. Можно прожить целую жизнь, но так и не увидеть ни одной кометы.

Когда стемнело, мы забрались на чердак; отец долго наводил трубу на небо и бормотал:

— Созвездие Весов, Рака, Лебедя...

Наконец воскликнул:

— Вот она, смотри!

Я приник к трубе — все черным черно.

— Ничего не вижу, — говорю.

— Как не видишь? — нахмурился отец и посмотрел сам. — Эх ты. А это что?! — он подтолкнул меня к телескопу.

На этот раз я разглядел маленькую светящуюся точку.

— Вижу! Комета!

— То-то и оно. Совершенно очевидно — комета! Красивое событие!

В другой раз, заметив, что я слоняюсь по лестничной клетке без дела, отец сказал:

— Неужели тебе нечем заняться? Знаешь, что самое страшное в человеке? Лень!.. Перебори себя, отбрось хандру, заставь себя трудиться, вот это будет победа! Самая почетная победа — над самим собой... Полезли-ка на чердак, что-то покажу — закачаешься!

— Что? — еле выдохнул я.
— Сейчас увидишь, — отец загадочно улыбнулся.
На чердаке, среди всякого хлама, он кивнул на бочку.
— Угадай, что это?
— Бочка.
— Хм! Ничего ты не понимаешь! Ну, какая же это бочка. Это для всех бочка. А для нас? Для нас это...
— Стол! — быстро подсказал я.
— Не-ет! — поморщился отец и повысил голос: — Корабль! Самый лучший в мире корабль! Необычной конфигурации. Давай, залезай, поплывем в разные страны.
Залезли мы в бочку, отец замахал руками.
— Отдать концы! Полный вперед!
Но вдруг взглянул на меня с укоризной:
— Как ты стоишь? Ну кто так нелепо стоит?! Подует ветер, и в итоге свалишься, как статуэточка, — он засмеялся. — Стрелять умеешь?
— Стрелять?
— Из лука? У тебя, вроде, есть лук?
Я кивнул.
— Тащи! Чего же медлишь? В путешествии голова должна варить как надо.
Принес я лук со стрелами. Снова залез в бочку.
— Приближаются пираты! Стреляй! — скомандовал отец и показал на белье, которое мать развесила для просушки (хорошо, что не тетя Зина!).
Я пустил стрелу — на белоснежном белье появилась вмятина.
— Дай-ка я тоже попробую, — отец выхватил у меня лук. — Постреляй, дай другим пострелять. И подвинься — ты заслонил мне весь вид, даже море не видно, не то что пиратов.
Он стал целиться и все поучает меня:
— Важно, как ты держишь лук. Крайне важно. Такая тонкость. По тому, как человек держит лук, можно сказать, какой он стрелок.
Отец спустил тетиву и промазал. А я прицелился и снова попал.
— Плохо, — сказал отец. — Очень плохо. Так не стреляют. Стрелять надо на большом расстоянии. И стрелы у тебя плохие. Они должны быть с оперением.
— Смотри! — перебил я отца. — Точки на белье! Теперь нам влетит от мамы.
— Думаешь? Но точки-то микроскопические. Хотя, пожалуй, и правда влетит. Нескладный поступок с нашей стороны, но как выйти из этого положения?

— Полезли на крышу. Мы потерпели кораблекрушение и попали на необитаемый остров.

— Здорово придумал! — отец хлопнул меня по плечу. — Давай, фантазируй еще, развивай воображение! Все существа на земле через игру познают мир.

Вскарабкались мы на конек крыши.

— Теперь подавай сигналы бедствия, — отдуваясь проговорил отец.

— Я не умею.

— Как не умеешь? Совсем не умеешь? Но надо подавать. Хоть тресни, а надо. Иначе мы умрем с голоду.

— Идите ужинать! — вдруг слышим снизу голос матери; она стоит около лестницы, и вдруг спрашивает: — Что вы там делаете?

— Да вот, — отец повел в воздухе рукой, — на остров приплыли. Хочешь, полезай к нам.

— Что за бесшабашные поступки?! Выставляете себя на посмешище. Слезайте сейчас же! Я думала, у меня один ребенок, а у меня их, оказывается, два.

— Не грешите преувеличениями, сударыня, — отозвался отец, а мне тихо бросил: — Ничего не поделаешь, придется слезать. Кое-чего она не понимает, наша мамка.

— Совсем ничего, — согласился я

— Твой отец большой оригинал, — частенько слышал я во дворе. — В его голове одни чудачества. Ему легко живется.

А между тем отцу жилось далеко не легко. Будучи инженером-самоучкой (он закончил только курсы чертежников), ему все время приходилось заниматься самообразованием.

— Я вечный ученик, — говорил он, — всю жизнь учусь и не стесняюсь своих недочетов, ошибок, неумения.

Но отец был отличный практик — не случайно ему заказывали работу многие заводы. Так что по вечерам он не только смотрел в телескоп, но и чертил за доской, иногда до полуночи.

3.

У отца было редкое качество — он радовался успеху других и, как никто, восхищался работой мастеров. Однажды дядя Матвей сделал нам полку; отец прибил ее на стену, сел напротив, подозвал меня.

— Полюбуйся! Не полка, а произведение искусства. Матвей Петрович не просто Мастер, он исключительный талант в области столярного ремесла. И яркий человек. Яркий и не шумный. Спокойно делает свое дело. Мы с тобой не смогли бы сделать такую полку никогда. Как бы ни пыжились. Вот так и нужно работать. Нужно делать или прекрасные вещи или не делать никаких. Не так важно, кто ты: столяр, инженер,

живописец, куда важнее — отношение к работе. Ты должен быть прежде всего мастером своего дела. Такая немаловажная деталь.

Эту премудрость я не смог постичь.

— В сущности, — продолжал отец, — ценить мастерство очень просто: хорошая вещь та, на которую никак не насмотришься, и хороший кинофильм — когда выходишь из зала и становится грустно, что расстался с героями фильма...

Эта премудрость до меня дошла и, отягощенный новыми знаниями, я долго не мог подняться с дивана, а отец, после столь длинной речи, подошел к сундуку и достал свой музыкальный инструмент — трубу. Он всегда, когда волновался, играл на трубе; музыка на него действовала умиротворяюще. Отец играл всего две мелодии, и только при мне и матери, и никогда — при посторонних.

— Я всего лишь любитель, — говорил, — играю для души.

В тот момент его душа была переполнена возвышенными чувствами.

Всякий раз, когда отец играл на трубе, наша комната наполнялась приглушенными витиеватыми звуками: они напоминали журчание воды у колонки — та вода по деревянному желобу стекала в ручей, который заканчивался ярко зеленым болотцем с острыми травами; из болотца вытекал второй ручей — он впадал в Москва-реку... Слушая звуки трубы, я шел по ручью, плыл в реке, и как-то само собой, миновав огромное пространство, уже на пароходе бороздил океанские просторы, посещал далекие страны... Удивительный инструмент труба!

Отец играл легко, без напряжения; со стороны казалось, подуй, и у тебя получится не хуже, но когда я пытался что-нибудь сыграть, у меня ничего не получалось. Я дул изо всех сил, но вместо звуков из трубы вырывались хрип и стон.

До сих пор я отношусь к трубе с почтением. Ее звуки моментально поднимают настроение, если взгрустнулось, и наоборот — заставляют погрустить, если слишком развеселился.

4.

На одно лето мать сняла комнату за городом, чтобы «подышать свежим воздухом и приобщиться к природе».

— Как там, Ольга Федоровна, обстоят дела со светом? Вы это выяснили? — поинтересовался отец (в некоторые моменты он шуточно называл мать по имени-отчеству. Мать, в свою очередь, тоже кое в какие моменты называла отца на «вы»).

— Со светом так, как везде, — отозвалась мать. — Электрическое освещение хорошее.

— Хм, я имею в виду солнечный свет, — прояснил отец. — За городом свет должен быть ярким, но не слишком. А то бывает солнце не-

стерпимо палит и в комнату течет жара, стоит изнурительный, удушьяющий зной. Это никак не способствует творчеству. А у нас с сыном обширные планы, в смысле творчества, — он подмигнул мне. — Я беру заказы двух заводов, а сын — бумагу и краски. У нас тьма планов.

Поселок располагался в отличном месте: с одной стороны к домам вплотную подступал лес, с другой — простирались луга, через которые петляли тропы к озерам. По субботам мы с отцом отправлялись на рыбалку — на рыбалку с ночевкой под открытым небом! На озера приходили вечером; я собирал сушняк, отец вылавливал две-три плотвички для уха; мы разжигали костер, ставили рогульки, вешали котелок...

— Что может быть лучше ночевки у костра! — говорил отец и, подчеркивая величие момента, обводил рукой окружающее нас пространство.

В самом деле, что могло быть лучше? Я лежал на отцовской куртке и смотрел на языки пламени; в котелке бурлила уха, и ее запах щекотал ноздри; с противоположного берега доносились скрип телег, голоса... Отец откупоривал «четвертушку», выпивал, а когда мы съедали уху, подкидывал веток в костер, закуривал папиросу и начинал рассказывать истории, которые с ним случались в командировках. Я мужественно боролся со сном, и все же, как-то незаметно, мои глаза слипались — обычно на самом интересном месте рассказа.

Рано утром, едва рассветало, отец будил меня и мы спустились к воде.

Мы удили на обычные поплавочные удочки. Как только у меня начинало клевать, я подсекал, и рыба часто срывалась. Отец не спешил, ждал, когда рыба съест концы червя, почувствует вкус лакомства, осмелеет и набросится на всю наживку. Тогда подсекал. И всегда без срывов. При этом подмигивал мне и, с некоторой долей хвастовства, как бы говорил: главное в ужении — техника исполнения. Отец по поклевке чувствовал, какая берет рыба, и снова подмигивал мне и шептал: подлещик или голавль, или ерш. И всегда угадывал. Это было какое-то чудо!

Когда становилось жарко и рыба уходила на глубину, мы выбирали песчаную отмель и плавали (отец учил меня плавать «брассом»), и ныряли навстречу друг другу, чтобы встретиться под водой. Потом плоской галькой «пекли блины» на воде, рвали для матери кувшинки. Я купался до «гусиной кожи», когда уже зуб на зуб не попадал, а отец только смеялся и не устраивал мне никаких выговоров, в отличие от матери, которая никогда не давала развернуться в воде по-настоящему.

С рыбалок возвращались проселочной дорогой; по пути к дому отец мечтал о яхте.

— Скоро сделаю одну важную работу, получу много денег и мы с тобой приступим к строительству яхты, — серьезно говорил он. — Вот тогда попутешествуем... Нам путешествия совершенно необходимы.

Чтобы набираться впечатлений, расширять кругозор... Но немного терпения. Надо запастись терпением.

Отец объездил много разных мест, но все его поездки были сухопутными, поэтому он мечтал совершить путешествие по воде. Даже наметил маршруты этих путешествий. Не хватало только яхты. Яхта не давала отцу покоя: все разговоры в семье заканчивались разговором о паруснике. Чертежи отец давно начертил. Их было множество — листов пятьдесят, не меньше. На одних красовались беспалубные шлюпы, на других — парусно-моторные, с мачтами и каютами. Чертежи были всюду: под столом, за шкафом, в диване. Если бы однажды отец решил развесить все чертежи на стенах, не хватило бы всей нашей комнаты. К тому же, наша комната была завешена моими рисунками и, возможно, отец не хотел заменять их чертежами, поскольку считал меня «способным», а главное «плодовитым живописцем».

Каждый раз, когда отец заговаривал о яхте, мать вздыхала:

— Неисправимый романтик! — и, насупившись, уходила на кухню.

Но я-то слушал отца всегда. Я знал, что рано или поздно мы построим яхту, и был уверен — это будет отличное судно.

Когда отец уезжал в командировки (он их в шутку называл «трудовыми путешествиями»), на меня часто находила тоска, мне казалось — в прошлом веке жизнь была намного интереснее; я представлял во всем блеске необитаемые острова, клады, пиратов, и сильно завидовал мальчишкам, которые жили в те времена. Но возвращался отец, рассказывал о нехоженых лесах и диких зверях, о геологах, строителях, и я начинал завидовать отцу. Много раз я просил его взять меня с собой, но он говорил, что мне нужно подрасти. И я ждал, когда подрасту. А время, как назло, тянулось ужасно, нестерпимо медленно. Иногда мне казалось, что я не смогу стать хорошим путешественником, таким, как отец, и я делился с ним своими сомнениями. Но отец быстро меня успокаивал:

— Как это не сможешь? Тоже мне сказанул! Ты станешь отменным путешественником! Ты должен верить в это. Недооценивать себя так же вредно, как и переоценивать. Такая немаловажная деталь.

Собственно, отец напрасно меня успокаивал. Такие сомнения меня посещали редко. В общем-то я был уверен в себе. Даже чересчур. Особенно в рисовании. Но в этой области я, по общему признанию, достиг немалых успехов. Даже отец, который относится ко мне с повышенными требованиями, отмечал многие мои рисунки. Иногда брал карандаш и делал в рисунках поправки (он рисовал блестяще), при этом провозглашал:

— В любом деле главное что? Последний штрих! И у столяра, и у портного, и, тем более, у рисовальщика. Мастер сделает два-три штриха, и вещь заиграет. Такая тонкость.

Отец откладывал карандаш и, чувствуя себя «Мастером», доставал трубу, но проиграв обе разученные вещи, вздыхал:

— Да, приходится признать, здесь имею средние способности, мастерства не хватает. Ноль тонкости. Похоже, высокое музыкальное искусство для меня недостижимо. Как, впрочем, и столярное ремесло, и многое другое.

И такое самоуничижение находило на отца. Все от того что он ко всему подходил с высокой меркой.

5.

Однажды, в знойный полдень, возвращаясь с рыбалки, мы подошли к опушке леса, и отец сказал:

— Хочешь посмотреть бой хищников?

— Где? — удивился я.

— Здесь, прямо сейчас. Это заслуживает пристального внимания... Ты много раз встречал этих хищников на лугу и у озера, и они первые пускались от тебя наутек. Они очень маленькие, эти хищники, но свирепы не меньше, чем их большие собратья. Они тоже прячутся в зарослях, и выслеживают добычу, и неожиданно нападают из засады.

Отец свернул с тропы и остановился около родника, на дне которого кипели песчинки.

— Вот здесь, — он лег за трухлявый пенек.

Я распластался рядом. Над нами закачались крупные стаканчики колокольчиков — меж них блестела паутина.

Только мы замаскировались, как в паутинную сеть плюхнулась большая с металлическим блеском муха; запуталась и отчаянно зажужжала. И сразу откуда-то из-под листьев к ней устремился паук: забегал вокруг мухи, опутывая ее нитями. Но муха была сильная — все время рвала паутину и не давала пауку приблизиться. Тогда паук неожиданно стал обрывать паутину вокруг пленницы, и муха, освободившись, улетела.

— Не справился, — объяснил отец. — Теперь починит сеть и снова сядет в засаду. Скоро какая-нибудь бабочка-растяпа наткнется на его бредень. Паук парализует ее укусом и высосет... Но это еще что! Давай-ка посмотрим, кто обитает в пне. В нем всегда немало насекомых... По крайней мере парочку жуков наверняка обнаружим...

Отец отломал от пня кусок коры, и тут же в траву свалился черный жук с рогом на голове. Пробежав под травами, жук полез на стебель лопуха; внезапно скользнула тень какой-то птицы, и жук-носорог сразу упал, поджал лапки и замер. Отец хмыкнул:

— Притворился мертвым, хитрец!.. Иногда путается и окаменевает, когда вообще видит что-нибудь загадочное. На всякий случай. Такая

тонкость... А некоторые жуки пугают своих врагов, принимая страшные позы... А жук-бомбардир выбрасывает из брюшка едкую жидкость, устраивает настоящий взрыв. Любой преследователь остановится ошарашенный, а жук в это время убежит.

В стороне застрепетала стрекоза; присела на цветок и замерла.

— Вот и стрекоза тоже, — сказал отец.

— Что стрекоза?

— Тоже хищник. Да еще какой!

— Не может быть!

— Точно! Присмотрись, комаров щелкает на лету, — отец встал, отряхнул брюки.

Я тоже вскочил.

— А оса! — сказал отец. — Думаешь, она сластена? Только сок в цветочках пьет?

— Да.

— Ничего подобного. Как бы не так. Тоже хищник. Жало-то у нее какое! Помнишь, тебя ужалила? Тебе и то больно было. А каково, к примеру, мотыльку? Сразу падает замертво, — отец поднял удочки, и мы снова вышли на тропу.

— А светляки? — все сгущал краски отец.

— И светляки хищники? — удивился я.

— То-то и оно! Улиток съедают!

Мы уже отошли от леса, и отец усмехнулся:

— Вот такие огорчительные наблюдения! Это данность, от нее никуда не деться. Но ты, наверное, понял, что все эти хищники полезные. Представляешь, сколько было бы комарья и мошкары, если б не они?

— Сколько?

— Тучи! Вот сколько! Если б не они, да еще лягушки.

Выдержав паузу, отец продолжил:

— Но, конечно, мало радости, если все в мире построено на чувстве страха, опасности, что сильный поедает слабого. Хотелось бы, чтобы все умирали своей естественной смертью. Но так уж устроен мир — тут ничего не попишешь. Поэтому и существует равновесие в природе. Есть добро и есть зло. И есть хорошие люди, и есть плохие. Только хороших все же больше. Несравнимо больше. Как ты считаешь?

6.

Отец привил мне любовь к дождям. Когда чуть моросило и за запотевшим стеклом лишь виднелись водяные капли, отец говорил:

— В такой дождь хорошо работается. Давай-ка, я почерчу, а ты порисуй. Изобрази что-нибудь этакое — как мы плывем на яхте. Предпочтительно в южные страны, там солнца больше.

Когда лил сильный дождь и по стеклу с хрустом лупили косые стеклянные плети, а в лужах лопались огромные пузыри, отец восклицал:

— Смотри! Дождь, точно проказник портной, сшивает белыми нитками дома с деревьями, небо с землей!.. А не побегать ли нам наперегонки под дождем?! Для закалки!

Мы сбрасывали ботинки, выскакивали на крыльцо и сразу глохли от плещущего шума.

— Кто первый добежит до телеграфных столбов, тот чем-пион поселка! — отец поднимал руку и начинал отсчет: — Раз, два, три, старт!

Мы бежали босиком по скользкой траве; отец сразу вырывался вперед, но вскоре, изображая хромоту, притормаживал и мы финишировали одновременно.

После дождя прямо на размытой обочине дороги мы, выкапывали каналы, наводили мосты, воздвигали дворцы из глины... Когда появлялось солнце, наши сооружения подсыхали и становились твердыми, как памятники — все прохожие охали и ахали.

— Мечта о Венеции, — объяснял отец, давая понять, что наши планы (в смысле путешествий) простираются достаточно далеко.

Вряд ли прохожие понимали этот намек, тем не менее уважительно обходили наши «мечтания»; некоторые говорили отцу:

— Веселый вы человек. Легко вам живется — никаких забот.

— Абсолютно никаких! — соглашался отец, но тут же добавлял: — Только сегодня. Ведь не каждый день бывают красивые события — такие тропические ливни и столько материала для работы, — он кивал на глину и улыбался — то ли простодушно, то ли иронично — каждый понимал по-своему.

7.

В конце лета родители так «приобщились к природе», что решили задержаться в поселке до первого снега. Я это решение встретил с ликованием — еще бы! — ведь в поселке было гораздо интересней, чем в городе.

Однажды я построил в саду шалаш из стеблей подсолнуха; сверху набросал картофельную ботву — прекрасное жилище получилось. Натаскал в шалаш стручки гороха, морковь, репу; сижу, вдыхаю сладкий запах сухой листвы, поедаю овощи. Вдруг в шалаш заглянула мать.

— Слышишь, в огороде свистуны объявились? Того гляди весь урожай растащат.

— Какие свистуны?

— Свистуны-грызуны-суслики. Взял бы да и прогнал их.

Прибежал я в огород, а там, действительно, на грядках стоят два рыжих столбика; стоят на задних лапах, вертятся из стороны в сторону, пересвистываются. Я кинул в них комок земли, но они не убежали, а

нырнули куда-то в листву. Я подошел ближе и увидел нору. Сунул в нее палку и внезапно сзади услышал свист. Обернулся, а суслики — на другой стороне огорода.

Вечером все рассказал отцу.

— Естественно, у них есть запасной выход, — объявил отец. — Ты вылей в их нору ведро воды, разбойники сразу убегут в поле и там выкопают новую нору.

На следующий день я вылил в нору два ведра воды, но спустя час суслики опять засвистели в огороде.

— Ладно, — сказал отец. — Подождем до заморозков, когда суслики впадут в спячку. Они крепко спят — ни за что не разбудишь. Раскопаем нору и отнесем разбойников в поле. Устроим им новое жилье — этакую шикарную квартиру.

Когда ударили заморозки, мы с отцом взяли лопату, начали раскапывать вход в нору; он был широкий, в клочках рыжей шерсти. Вскоре ход раздвоился: один упирался в кладовку, в которой лежали аккуратно сложенные метелки проса, огрызки моркови, какие-то корешки; другой заканчивался лункой — на ее дне лежали они, два толстых рыжих комочка. Они спали, тесно прижавшись друг к другу.

Отец долго смотрел на них, потом вздохнул.

— Знаешь что? Не так уж много они и съели. А зато свистели по утрам, и вообще с ними было весело. По-видимому, мы совершили ошибку, что вторглись в их владения. Ведь здесь, на участке, они считают себя хозяевами. Собственно, так оно и есть: и мы хозяева, и они. И по какому праву мы хотим их выжить? Почему нельзя соседствовать? С уважением относиться друг к другу? Терпеливо сносить чужие слабости?.. Съели пару морковок! Ну и что? И правильно сделали. И я на их месте съел бы. Ты и вовсе опустошил целую грядку — они ведь не возражали! Отметь эту тонкость.

По пути к дому отец развил свою мысль.

— Вот я все думаю: такая огромная наша планета, а людям все тесно, изгоняют животных из среды обитания. А поставили бы себя на их место. Каково им, животным, когда расширяются города, поселки, вырубаются леса?.. Да что там — на место животных! Некоторые свое-то место под солнцем не могут найти. Ссорятся за каждый метр земли, и забывают о главном в жизни. А главное в жизни человека что?

— Что? — поспешно выдал я.

— Дружба с другими людьми! Все остальное второстепенно.

Надо сказать, дружбы у отца было — хоть отбавляй! Раз в неделю он приходил домой навеселе. Не пьяный — навеселе. Немного выпивал после работы с друзьями-сослуживцами. Они выпивали не для того, что-

бы напиться, а чтобы «поговорить по душам»; за бутылкой вина строили планы на будущее и, при этом, уважительно относились к «мечтаниям» друг друга. Немного подтрунивали, но всегда в безобидной форме. Один друг отца мечтал жениться на «самой красивой девушке на свете», чтобы она «любила принимать гостей». Другой (фотограф-любитель) мечтал купить «первоклассную камеру», чтобы запечатлеть для потомков эти «исторические встречи». Отец мечтал о яхте, чтобы путешествовать, чтобы «исторические встречи» были «более продолжительными по времени» и приобрели «красивое звучание».

Позднее мать говорила:

— Конечно, они часто выпивали, и я побаивалась, как бы это не превратилось в привычку, но они были такие очаровательные пьяницы.

Мать никогда не ругала отца за выпивки. Она и сама была не прочь выпить хорошего ликера. К тому же, вполне справедливо считала, что мужчина после трудовой недели вправе снять напряжение. Поразительно другое — мать всегда безошибочно определяла сколько именно отец выпил. Это были смешные сцены. Отец приходил домой и улыбался, чуть больше, чем всегда; обнимал мать, боксировал со мной; чуть громче обычного смеялся, доставал трубу и проигрывал обе свои мелодии.

— Сколько же сегодня вы, Анатолий Владимирович, выпили, признавайтесь?! — усмехалась мать.

— Всего ничего. Микроскопическую дозу, каких-то пятьдесят грамм и кружку пива, — безвинно откликнулся отец.

— Позвольте вам не поверить. Чувствую — больше.

— Семьдесят грамм и кружку пива, — нарочито серьезно произнес отец.

— Неправда! — усмехалась мать.

— Неправда, полностью согласен. Докладываю вам, Ольга Федоровна, совершенно откровенно — сто грамм и кружку пива.

— Сто пятьдесят грамм и две кружки пива, — объявляла мать и, как всегда, попадала в точку.

— Я поражен! — отец разводил руки. — Просто поражен, Ольга Федоровна! Нет и тени сомнения, вы наблюдали за мной, точнее — незримо присутствовали в нашей компании.

— Обычная женская интуиция, — скромно поясняла мать и, в подтверждение своих слов, перечисляла, чем отец и его друзья закусывали.

8.

То прекрасное время оказалось коротким. Вскоре началась война.

Город помрачнел: над домами повисли «колбасы» — воздушные заграждения, на площадях появились металлические «ежи», в нашем дворе расположился зенитный расчет; комендант района издал приказ:

замаскировать окна и сдать радиоприемники. Случалось, с наступлением темноты, выли сирены, по небу шарили прожекторы и мы бежали в бомбоубежище или в метро.

Завод, на котором работал отец, эвакуировали в Казань. Целый месяц мы ехали в вагоне-«телятнике»; назад убегали лесные массивы, поля, унылые деревни на косогорах. По несколько дней товарняк простаивал на запасных путях, пропуская воинские эшелоны, спешившие на запад; в вагонах солдаты играли на гармошках, распевали песни, кричали нам, что вернуться с победой!

Нас поселили в общежитии на окраине, где трамвай делал петлю, и дальше начинались красноглинистые овраги. На окраине разбегались полосы окученной картошки с бело-голубыми венчиками выюна, тикали кузнечики; было солнечно и тихо, местные жители спокойно работали в огородах, и я подумал: «Может, здесь еще не знают о войне?» Но Вовка, старожил общежития, сообщил мне, что в соседние дома уже пришли две «похоронки» и «там сильно кричали женщины».

Красноглинистые овраги выглядели впечатляюще: огромные, с подтеками и осыпями; в некоторых зияли трещины — мы называли их пещерами. Около пещер играли в войну — кидали друг в друга комья глины или колючки репейника; в кого попадет «пуля», тот убит. Обычно делились на два войска: наших и немцев. Быть немцем никто не хотел, и приходилось кидать жребий. Но и после жребия «немцы» играли без особого энтузиазма, часто сдавались в плен, и игра заканчивалась полной победой «наших», без единой потери.

Основным местом действия в общежитии была кухня — помещение с умывальными раковинами и печками «буржуйками». На кухне женщины готовили еду, стирали, сушили обувь; мужчины по вечерам курили, обсуждали последние новости с фронта.

Вовка с матерью, тетей Машей и младшей сестрой Катькой жили в первой комнате. Из их двери пахло сухарями и кислыми щами. Вовкин отец был на фронте; его фотография висела на стене комнаты: светловолосый летчик в комбинезоне с планшеткой в руках. Каждый раз, когда тетя Маша смотрела на эту фотографию, ее подбородок начинал дрожать и она отворачивалась, чтобы дети не видели ее слез.

До войны тетя Маша работала швеей-надомницей, но в эвакуации, на заводе освоила мужскую профессию — токаря. Вовка хвастался:

— У нее на рабочем месте стоит флажок передовика.

С работы тетя Маша спешила в детсад Катьки и там еще подрабатывала уборщицей.

— Маша необыкновенная женщина, — говорила мать отцу. — Я поражаюсь, как она все выдерживает.

— Да, безусловно, она героическая женщина, — соглашался отец. — И не шумная, не то, что некоторые. И на заводе совершенно справедливо считается мастером высокого класса. Без преувеличений, она художник по металлу.

Во второй комнате жили Артем и его мать, тетя Валя. Из их комнаты пахло солеными огурцами и лекарствами. Тетя Валя работала истопником в котельной, постоянно ходила в угольной пыли, от тяжелой работы часто болела. Артем — стриженный, с металлическим зубом верзила, второй год ходил в пятый класс; засунет учебник под ремень, закурит «чинарик» и идет, но не в школу, а к кинотеатру «Авангард»; там околачивался до вечера, «подрабатывал» — попросту спекулировал билетами с друзьями, тоже прогульщиками; по слухам среди них были и карманники. Эти дружки всячески восхваляли Артема, заискивали перед ним и величали Вождем, на что мой отец усмехался:

— Гулливер среди лилипутов... Вся их компания катится в пропасть, ибо, кто не учится, станет примитивным до безобразия, шумным человеком. Они позорят своих отцов.

Но Артем позорил не отца, а отчима, который служил на флоте. Отец Артема бросил семью, но вскоре Артем сам выбрал матери второго мужа. У тети Вали появилось два ухажера: один торговец, второй моряк. Она спросила у сына:

— Какой отец тебе нужен?

Артем выбрал моряка.

К нам, малолеткам, Артем относился насмешливо, при случае щелкал по лбу, но в дни «приличного заработка», играл с нами в футбол, правда, и тогда выпячивался, кичился своим мастерством.

В третьей комнате жили Гусинские. Из их комнаты пахло жареной картошкой, мясом и киселем. Гусинский работал завхозом. Толстяк (по прозвищу Баобаба), с глазами навывкате, как у мороженой рыбы, он обладал ничтожными человеческими качествами; держал в голове цены на все товары, знал где что повыгодней можно перепродать и, пользуясь бедственным положением соседей, скупал у них вещи за бесценок. Тетя Маша продала ему швейную машинку, тетя Валя и моя мать — одежду и посуду, мой отец — трубу. Ходил слух, что Гусинский «увильнул» от армии. Гусинская, как нельзя лучше, оправдывала свою фамилию: толстая и неуклюжая, при ходьбе переваливалась, словно гусыня; у нее были пальцы как сосиски, а глаза маленькие — этакие дробинки.

Мы с Вовкой на двоих имели самокат, шахматы из катушек и стреляные гильзы, которые нашли на свалке, а Витька Гусинский, наш сверстник (по кличке Гусь), имел полевую сумку, перочинный ножик с семью предметами и набор цветных карандашей.

Из четвертой комнаты пахло парфюмерией. В нее позже всех въехали ярко накрашенная женщина с пышной прической и остроносая девчонка. Женщину звали тетя Леля, девчонку — Настя. Тетя Леля работала машинисткой, ходила в облаке духов, поминутно доставала расческу, и причесывалась. Первое время тетя Леля редко отпускала Настю во двор, говорила «там мальчишки отвратительного поведения», но все же Настя успела нам сообщить, что ее отец — майор, командует артиллерией, а сама она хочет стать танцовщицей.

Иногда к тете Леле приходил высокий мужчина с усами; тогда в их комнате играл патефон — всегда одну и ту же пластинку: «Мы на лодочке катались». От этой мелодии тетя Леля, по ее словам, получала «море удовольствия» и часто распевала «лодочку» на кухне — она считала, что у нее «неповторимый голос». Когда приходил мужчина с усами, тетя Леля разрешала Насте гулять до позднего вечера.

— Усатый подарил мне куклу, но я его все равно не люблю, — призналась нам Настя. — Он говорит маме: «Война войной, а молодость угасает и нельзя быть монашкой». Противный!.. И мама с ним какая-то не такая... Расставляет вазочки, бантики, говорит «для отрады». Противно! И почему его не прогонит? Из-за него мы все время ссоримся.

Женщины на кухне в глаза осуждали тетю Лелю. Она краснела и оправдывалась, говорила что муж всегда относился к ней невнимательно и что они вообще хотели разводиться. Вне кухни женщины ругали тетю Лелю последними словами. Всякий раз, когда моя мать возмущалась поведением тети Лели, отец отмалчивался. Однажды мать не выдержала:

— Почему ты молчишь? Разве это не возмутительно? Что видит ее ребенок, эта чудесная девочка?

— Семейная жизнь всегда тайна, — пробормотал отец. — Не будем осуждать маму чудесной девочки. Ну не всем же так повезло с семьей, как нам. Не у всех же дружба и согласие.

Пятую комнату занимала наша семья. Вовка говорил, что у нас из-под двери тянет одним табаком и выдавал несусветное сравнение:

— Твой отец такой же заядлый курильщик, как Артем.

Но я-то чувствовал — из нашей комнаты исходил воздух, наполненный дружбой и согласием.

9.

Мать устроилась на завод копировальщицей и теперь большую часть времени я был предоставлен самому себе. Мать оставляла мне еду: на завтрак — чай с сухарями, на обед — чечевичную похлебку, но я съедал все сразу и до прихода родителей постоянно испытывал чувство голода.

Отец много работал: и на заводе и дома. По утрам сквозь сон я слышал, как он чертил за доской: затачивал карандаши, шелестел калькой,

бормотал цифры. Случалось, отца вызывали на завод и ночью; за ним приезжали на мотоцикле с коляской, он уезжал и не появлялся несколько дней. Отец выполнял заказы для заводов, на которых строили самолеты и речные суда, товарные вагоны, прессы и насосы — до сих пор используется многое из того, что он придумал.

Отец сильно уставал, но даже в те тяжелые дни не впадал в уныние и находил время, чтобы смастерить мне самокат на подшипниках, сделать шахматы из катушек от ниток. Несколько раз мы ходили в дальний лес за грибами, чтобы, по выражению отца, «поддержать ослабленный организм подножным кормом». В этих вылазках на природу отец расширял мой кругозор, рассказывал о цветах и травах, учил входить в лес как в «храм, стараясь ничего не нарушать».

Как-то на кухне разразился скандал. Гусинская заявила, что у нее стащили горсть щавеля. Громыхая кастрюлей, она обвинила женщин в воровстве. Тетя Маша и мать Артема упорно защищались. В скандал вмешались тетя Леля и моя мать; все женщины кричали одновременно — это было какое-то землетрясение, даже комнатные перегородки шатались. И вдруг на кухню вошел отец и поднял руку.

— Дорогие сударыни! Какое некрасивое событие! Вы знаете, почему слоны долго живут?

— Почему? — вставил я.

— Они никогда не выясняют отношений. Такая тонкость. Как вам, дорогие сударыни, не стыдно. Какой-то щавель! Позвольте вам напомнить, вы же женщины, прекрасная половина человечества. И вдруг такая драматическая история, такое раздражение! А в раздражении человек некрасив. Даже если говорит правдивые слова — все равно некрасив. Так что не отвлекайтесь на ерундистику, несущественные детали.

Женщины притихли и смущенно заулыбались, а отец продолжал:

— Разве можно ссориться, когда над страной нависла такая угроза?! Сейчас, наоборот, мы все должны объединиться, помогать друг другу... Давайте вот что! В воскресенье оставим все заботы в городе и махнем на природу. И там нарвем этого щавеля всем по ведру. И проветримся, и вообще устроим красивое событие.

Это был всеобщий день смущения; после него в общежитии воцарилась дружелюбная атмосфера, даже Гусинская расщедрилась и всем подарила по куску сала.

10.

Однажды утром выпал снег; в общежитии стало холодно. Печки «буржуйки» перенесли из кухни в комнаты и, когда их растапливали, комнаты заполнял густой и едкий дым. По вечерам часто отключали электричество и для освещения использовали керосиновые коптилки.

Потом ударили морозы, да такие лютые, что потрескались стены общежития и во дворе порвались провода. В один из этих дней отец принес замерзшую худую собачонку.

— Вот лежала в снегу, — сказал. — Пусть отогреется.

Так у нас появилась Альма. В благодарность за то, что ее приютили, Альма проявляла к нам невероятную любовь: то и дело лезла целоваться; желая нас порадовать, танцевала — крутилась на одном месте. Стоило матери загрустить, как она тут же подсакивала, ласкалась, подбадривала свою хозяйку. Когда я был не в настроении, она подходила, теребила лапой, «пойдем, мол, поиграем во дворе!». Ну, а отца Альма просто-напросто боготворила. Как только он приходил, заливалась радостным лаем, подпрыгивала и лизала руки своему спасителю. Отец садился за стол — она вскакивала к нему на колени, обнимала и целовала до тех пор, пока отец не делал ей мягкое внушение:

— Альма, дорогая, твоя любовь прекрасна. Поверь, я ее очень ценю. Но дай перекусить главе семьи, иначе он свалится от голода, — отец гладил собаку и обращался к матери: — Что там у нас, Ольга Федоровна, на ужин? Мне, будь-те добры, гуся с вафлями!

Отец еще пытался шутить, но, конечно, это было только подобие его прежних ослепительных шуток.

После ужина отец закуривал «козью ножку» (делал трубку из газеты и набивал ее махоркой), Альма усаживалась у его ног и неотрывно, с восхищением смотрела отцу в глаза; от избытка чувств, у нее даже текли слюни, она только что не плакала от счастья.

Гусинской не понравилось появление в общежитии собаки; она пожаловалась коменданту.

— Нашлись безумцы, устроили псарню, мешают спокойно жить...

— Собачка — член нашей семьи, — с улыбкой сказал отец коменданту. — Она очень воспитанная и ведет себя прилично, предельно тихо. К тому же, охраняет наш сундук с золотом. И не только наш, — отец кивнул в сторону комнаты Гусинских. — Говорит лает? Да нет, это она так смеется. А если госпожу Гусинскую раздражает смех, то это не Альма, а она виновата. С ней что-то не в порядке. Такая тонкость.

Комендант уважал отца и пришел, чтобы просто отметить, ради пустяковой формальности, чтобы отреагировать на заявление склочной жилички. К отцу вообще все хорошо относились — он вызывал расположение.

На Новый год отец принес елку, пакет пряников и во фляге немного спирта. Матери подарил флакон одеколona, мне — два простых карандаша и ластик, Альме дал пряник.

— Подарки крайне скромные, — сказал, — но ведь главное что?

— Внимание! — подсказала мать.

— Совершенно верно. Хорошие подарки за мной. Подарю после войны.

Мать в свою очередь подарила нам с отцом носки. Альму чмокнула в лоб, давая понять, что ей дарит любовь.

Я подарил родителям свои рисунки, Альму просто обнял.

Елку украсили самодельными бумажными флажками и пряниками — их подвесили на нитках, но утром я заметил — несколько пряников надкусано, а Альма прижимает уши и виновато виляет хвостом.

11.

Много раз отец просился на фронт, но его не пускали. Во-первых, у отца было плохое зрение; во-вторых, он считался хорошим специалистом и работал на оборонном заводе. Но не такой человек был отец, чтобы находиться в тылу, когда его товарищи воевали. Он стал писать куда-то письма, уговаривал, требовал, и в конце концов добился своего.

Когда отец появился в общежитии в военной форме, все стали над ним смеяться. Действительно, в шинели отец выглядел не очень выигрышно, скорее нескладно: худой, сутулый, в очках; шинель на нем висела мешком. Все смеялись над отцом, и больше всех он сам:

— Я похож на лешего или водяного, верно?! Буду устрашать немцев одним своим видом! Увидят мои очки — подумают оптический прицел снайпера и сразу дадут драпака!.. Очки — деталь что надо!

Отсмеявшись, отец одернул шинель.

— Но вообще-то, товарищи жильцы, напрасно мы смеемся. Должен заметить, на войне главное не только сила и ловкость, но и смекалка. Да, такая тонкость. А ее, смекалки то есть, смею вас уверить, мне не занимать. Во-первых, не забывайте, я инженер и кое-что смыслю в стратегии и тактике. Во-вторых, я ориентируюсь в лесу, как садовник в оранжерее. В третьих, у меня не слабый дух, а это много значит. В четвертых... впрочем, что я!.. В общем, вам не придется за меня краснеть...

Отца зачислили в пехоту. Узнав об этом, я жутко расстроился. У Вовки отец был летчик, у Насти — майор-артиллерист, отчим Артема — моряк. А мой отец всего-навсего пехотинец. Да еще рядовой! Было ужасно обидно за отца, но он меня быстро успокоил.

— Пойми! — сказал, широко улыбнувшись. — Летчики, артиллеристы только наносят удары по врагу, а пехота непосредственно с ним сражается. Лицом к лицу. Пехота — самая главная в армии, можно сказать — основная деталь в конструкции.

Понятно, после этих слов я стал гордиться отцом не меньше, чем Вовка и Настя своими отцами.

За ужином отец приободрял нас с матерью как мог, говорил, что скоро в войне наступит перелом, потому что его завод начинает выпускать «летающий танк» — самолет, от которого «немцам достанется».

— Ну, а чтобы солдат хорошо воевал, у него должно быть спокойно на душе за семью. А для этого надо что? Чтобы в семье все было хорошо. Чтобы наша мама не расстраивалась, берегла свою драгоценную душу, а наш сын хорошо учился... А с яхтой придется повременить. Отложим строительство до окончания войны, до моего возвращения.

Проводы были такими же, как всегда, когда отец уезжал в командировку, только у матери в глазах стояли слезы. А на следующий день исчезла Альма. Я обошел все подворотни, но ее нигде не было — казалось, убежала на войну вслед за отцом.

12.

Школой служила большая изба с русской печью (в настоящей школе располагался госпиталь). Тетрадей не было, писали на оберточной бумаге; один учебник выдавали на троих; тем не менее, в желании учиться мы давали сто очков вперед теперешним ученикам, а на внеклассные занятия, когда делали подарки бойцами, шли как на трудовой фронт: девчонки шили кисеты, мальчишки сколачивали ящики для посылок.

После школы катались на «колбасе» трамваев, гоняли «мяч» — шапку-ушанку, набитую газетами, играли в «расшибалку» — переворачивали монеты битой, и в «махнушку» — подкидывали ногой кусок меха со свинцовым грузом. Но больше всего играли в «ножички». Очерчивали круг на земле, делили его пополам и поочередно кидали напильник во владения соперника. Воткнется напильник — отсекаешь кусок земли; потом еще кидаешь — и так, пока напильник не упадет. Когда у соперника остается совсем крохотный клочок, на котором нельзя устоять, завоеватель обязан выделить землю и отдать напильник, чтобы соперник попытался расширить свой надел. «Ножички» — самая благородная игра по отношению к сопернику и возможности отыграться.

Однажды, когда мы с Вовкой неистово резались в «ножички», к нам подошла моя мать.

— Рядом с заводом есть детдом, в нем детишки, у которых родители пропали без вести. Там скучно, и игрушек нет. Что если устроить им какое-нибудь представление? Подумайте! Вот радость-то была б малышам!

Пока мы с Вовкой ломали голову, как повеселить ребят, Настя придумала замечательную вещь — поставить спектакль «Золотой ключик». К спектаклю готовились основательно: вырезали из картона декорации, из тряпок и газет шили костюмы, а уж роли учили — усердней, чем уроки. Вовка взял себе роль Буратино, Настя — Мальвины, я репетировал кота Базилио и одновременно Карабаса-Барабаса.

Спектакль смотрел весь детдом и детвора из соседних домов. Во время действия малыши кричали, подсказывали Буратино (Вовке), где Карабас (я): «Он сзади!» или: «Он за деревом!». А когда я хриплым голосом объявил, что «поймаю негодного Буратино!», один шкет выстрелил в меня из рогатки.

После спектакля нас долго не отпускали, нахваливали. Но самую лучшую похвалу я услышал от Насти по пути к общежитию.

— Ты играл лучше всех. Ты был вылитый кровожадный Карабас. Видел, в тебя даже стреляли?!

До этого я часто влюблялся в девчонок; обычно моя любовь длилась день-два — как только замечал, что девчонка не желает мне подчиняться или не хочет играть в «ножички», мои сложные чувства моментально улетучивались. После того, как Настя похвалила меня, я влюбился в очередной раз.

13.

Кроме мальчишеских игр, вроде «расшибалки», у нас были «интеллигентные» игры с девчонками: «замри» и «колдунчики». От бедности мы спорили не на что-нибудь, а на «замри». То есть выигравший спор в любой момент мог крикнуть тебе: «Замри!». И ты должен был остановиться и не двигаться, пока он великодушно не скажет: «Отомри!».

В «Колдунчиках» выбирали «колдуна» и «волшебника», потом считали до трех и все разбежались в пределах двора. Догонит тебя «колдун», дотронется — ты заколдован. Стой с вытянутыми руками, жди пока «волшебник» не расколдует.

Когда мы играли в «колдунчики», я нарочно не расколдовывал Настю первой. «Вот еще! — думал. — Буду проявлять нежность. Она, конечно, мне нравится, но не настолько, чтобы это показывать перед всеми. Что ребята подумают?» Настя, наоборот, без всякого стеснения, открыто старалась расколдовать меня первым и ни разу не воспользовалась своим правом на «замри». Она явно выделяла меня из общего мальчишеского клана — правда, только во время игры. Но однажды, после школы, подошла и сказала заговорщическим голосом:

— Пойдем за общежитие, что-то тебе скажу!

Пришли мы на черный ход общежития, сели на холодные каменные ступени, и Настя торопливо проговорила:

— Давай ты будешь король, а я королева. А это все будет наше королевство, — она обвела рукой булыжники и кусты лебеды.

— А что мы будем делать? — спросил я и замер.

— Любить друг друга, — тихо произнесла Настя.

Я растерялся: меня охватили и трусость и любопытство. Я был не против любви — как можно быть против, когда уже во всю тянет к дев-

чонкам? Эту самую любовь я представлял таинственной сверхдружкой. Думал, в любви девчонка должна во всем мне подчиняться, ловить каждое мое слово, восхищаться мной. Ну, и, само собой, принимать участие в моих делах — короче, быть приложением ко мне.

Пока я пребывал в растерянности, Настя приблизилась ко мне и прошептала:

— Ты согласен?

Я непроизвольно кивнул.

— Все! — Настя встала. — Теперь у нас с тобой есть тайна. Теперь ты должен заботиться обо мне и защищать меня.

— Лучше я буду править, — неуверенно вставил я.

— Нет, — решительно сказала королева. — Править ты будешь потом, а сейчас должен выполнять все мои желания, ведь я королева. Ты должен построить замок и устроить в нем залы. И приносить мне разные подарки, и развлекать меня, и надевать мне туфли. Должен все время смотреть на меня и угадывать мои желания.

Я смутно понимал, что тараторила моя королева. Это было что-то неуловимое и загадочное, но королева говорила так настойчиво, что мне ничего не оставалось, как уступить ей. Я натаскал камней и огородил черный ход, обозначил «залы». Я рвал для королевы цветы, снимал и надевал ее сандалии, бегал домой за фантиками. С каждой минутой у меня появлялись новые обязанности. Все управление королевством властолюбивая королева взяла в свои руки. Я только ей помогал: подавал что-нибудь или держал. А требования королевы все возрастали.

Это было какое-то колдовство, я ничего не мог с собой поделаться — совершенно потерял волю. Только к вечеру, когда то ли устал, то ли, наконец, взбунтовалось мое самолюбие, собрался с духом и объявил, что мне надоела эта дурацкая игра, и предложил королеве сразиться в «ножички». Но моя королева скорчила презрительную гримасу.

— Ну и не надо, не играй! — фыркнула и ушла, задрвав нос.

В тот день я впервые понял, что каждая, даже самая маленькая, любовь — еще всегда и маленькое рабство.

14.

Через несколько дней мать послали на узловую станцию отправлять посылки на фронт. Ей предстояло работать трое суток.

— Собирайся! — сказала она. — Не оставлять же тебя одного.

В день отъезда мы с ней сидели на крыльце общежития, ждали заводскую «Эмку», которая должна была отвезти нас на станцию. Но машина не появлялась. Ребята у меня на глазах играли в «колдунчики», а я обнимал рюкзак. Правда, Настя тоже не играла — стояла в стороне и

грызла жмых; несколько раз ребята звали ее, но она качала головой. Я повернулся к матери.

— Неизвестно когда придет машина, пойду пока поиграю.

— Иди, — сказала мать, — но далеко не убегай.

И надо же так случиться, что по жребью «колдуном» выпало быть Вовке, а «волшебником» — недотепе Витьке-Гусю. Вовка бегал быстрее всех и заколдовал нас за пять минут. Неожиданно подошла Настя и согласилась включиться в игру, но с условием — быть «волшебником». Ребята не возражали и началось соревнование «колдуна» с «волшебником». Настя бегала не хуже Вовки и начала расколдовывать ребят. Много раз она пробежала мимо меня и ей ничего не стоило дотронуться до моей руки, но она не дотрагивалась, и вообще делала вид, что меня не замечает. Постепенно она расколдовала всех ребят, и они уже бегали от «колдуна», поддразнивали его, и только я стоял, не двигаясь, с вытянутыми руками. Уже давно пришла машина и мать звала меня, и шофер грозил кулаком, а я все стоял посреди двора, заколдованный.

Обида и злость переполняли меня все три дня на узловой станции, но настоящий удар мне нанесла Настя по нашему возвращению — за общежитием в «королевстве», которое я построил, она играла с... Вовкой и его сестрой Катькой. Я сильно мучился от этого коварства и предательства. Теперь уже эта игра мне не казалась дурацкой, и я из кожи лез вон, чтобы Настя стала играть со мной, но она, вроде, меня и не замечала. Чем небрежней она относилась ко мне, тем больше меня тянуло к ней. Я даже унижался — предлагал свои услуги в качестве солдата-охранника их «королевства».

— У нас нечего охранять, мы еще не накопили драгоценностей, — безжалостно говорила Настя.

— Только копим, — пищала Катька.

— Я сам кого угодно отлуплю, — добавлял Вовка.

Его прямо распирало от счастья, он чувствовал себя всемогущим.

И все же Настя сжалась надо мной: через пару дней, когда я почти заболел от переживаний, она сказала, что не будет возражать, если я стану солдатом.

Они продолжали играть, а я ходил взад-вперед перед «королевством» — охранял его, и все прислушивался к «королевским» разговорам. И странное дело, наблюдая за этой игрой, я стал замечать, что Настя не такая уж королева, скорее — просто воображала. Мне даже стало жалко Вовку, который этого не замечал, и не видел себя со стороны. А со стороны он имел невзрачный вид — был не «король», а всего лишь «слуга»; Катька и вовсе выполняла роль кухарки. Как-то само собой я стал все меньше думать о Насте, она по-прежнему мне нравилась, но

уже не так сильно, как раньше. Избавившись от любви, я испытал огромное облегчение, словно сбросил тяжелый груз, который долго тащил.

15.

Однажды Вовка где-то раздобыл банку, на дне которой была черная краска; пришел ко мне и говорит:

— Давай что-нибудь нарисуем. Что-нибудь изобразим.

— Давай, — говорю, — только что можно изобразить одной черной краской?

— Кита! — быстро сообразил Вовка.

— Точно! — кивнул я. — Кита в штормовом море!

Кита мы начали рисовать на газете в коридоре. Только наметили контур чудо-рыбы, как краска кончилась. Стали искать чего-нибудь черного: лазили в печку за углями, счищали сажу с кастрюль, но на кита все равно не хватило. Сидим, размышляем, что делать... Мимо прошел Артем с матерью.

— Это что, танк? — бросил Артем.

— Что ты! — сказала тетя Валя. — Это ночь в лесу, ведь так, мальчики?

Потом из комнаты вышла тетя Леля, перешагнула через газету и пропела:

— Красивый букет, но слишком мрачный? В него добавить бы веселых красок. Наша жизнь и так не отрадная, хотя бы рисунки давали отраду. В рисунках должно быть море удовольствия.

Я вздохнул и передо мной сразу возник отец. Он-то никогда бы такое не сказал, он-то все понял бы и все оценил... Я вспомнил, как однажды нарисовал лес, освещенный солнцем. Огромные деревья, точно зеленые великаны, и от деревьев — длинные густые тени. Все сказали:

— Неплохо. Что-то есть в этом. Рисуй, может, из тебя что-нибудь и получится.

А отец сказал:

— Вот это да, я понимаю! Это почти произведение искусства. Заявка на яркую личность. Вне всякого сомнения, картина будоражит. Особенно тени. Такие прозрачные и холодные, прямо мурашки по спине бегут, — отец поежился и похлопал меня по плечу, благословляя на новые достижения.

У отца не было половинчатых суждений: или великолепно, или ерунда! Когда ему не нравился мой рисунок, он разбивал меня в пух и прах. Как-то я нарисовал забор и куст шиповника; нарисовал все как есть, скопировал каждый сучок на заборе, каждую трещину. Я очень старался и вложил в работу всю душу, но когда показал рисунок отцу, он долго разглядывал его, прищурился, хмурился. Наконец произнес:

— У меня к твоему рисунку серьезные претензии. Предположим, ты все скопировал один к одному, но получилась-то, чепухенция. Ноль тонкости. Мертвая фотография. Пойми, нет жизни в твоей работе. Неужели ты не мог нарисовать облака и ветер... и чтобы куст шелестел листвой, и травы раскачивались...

— Какой ветер? — робко возразил я. — Ничего не было: ни ветра, ни облаков.

— Что ж что не было! — повысил голос отец. — А где твое воображение? У тебя же есть воображение. Должно быть!

— Какое воображение? Что это? — я ничего не понимал.

— Ну, ты же умеешь фантазировать, представлять себе что-то. Ведь вот тени ты же прекрасно нарисовал. Вот так и твори!.. А «забор» уברי, это твоя творческая неудача.

Отец забраковал мой рисунок и я немного сник.

— И не дуйся! — безжалостно продолжал отец. — Яснее ясного, мастерству надо постоянно учиться. А для этого надо что? Не терять темп. И запастись терпением! Такая немаловажная деталь. Вообще, надо все время самосовершенствоваться. Остановишься, будешь доволен собой — все! Больше ничего дельного не сделаешь. Такая тонкость.

Я рисовал, не останавливаясь. Все общежитие было в моих рисунках. Я дарил их соседям по любому поводу и без повода. Пейзажи дарил матери Артема, тете Вале (ей нравились абсолютно все мои рисунки); тете Маше и Катьке рисовал кошек и собак, тете Леле и Насте — букеты и целые сады, Гусинским (по совету матери) — пиратские клады, чтобы они «утонули в богатстве», а морские и воздушные бои, и особенно — сражения пехоты, — висели у нас. На стенах нашей комнаты летело столько снарядов, что, казалось, когда они взорвутся, рухнет общежитие.

Я рисовал быстро. Только начну какой-нибудь рисунок, как он мне надоедал и дорисовывать его уже не хотелось. Обычно я только набрасывал контуры, а раскрашивал рисунки Вовка и его сестра. Отца не было, и мне никто не мог помочь. Мать говорила, что художник из меня никогда не получится, потому что я лентяй. Но тут же заключала:

— А если искоренишь лень, то получится. И даже хороший. Вот твой отец... он не знал, что такое лень. Ему постоянно не хватало времени, у него было столько задумок. И яхту мечтал строить, ведь он романтик, мечтатель... А как можно жить без мечты? — мать угрюмо сжимала рот и уходила на кухню, а я, стиснув зубы, набрасывался на рисунки.

Однажды нас обокрали; воры утащили несколько сухарей и селедку; облигации не нашли — на них сидел плюшевый медвежонок, которого до войны отец подарил матери, как талисман. К моему удивлению, и к

еще большему удивлению матери, воры еще прихватили один из моих рисунков. Помнится, я страшно гордился этой потерей, рассказал о ней всем жильцам общежития. Многие мне сочувствовали.

— Не расстраивайся, — сказала тетя Маша, — новый нарисуешь. — А грабителей накажет Бог.

Гусинский сказал:

— Теперь они разбогатеют за твой счет. Пока не поздно, тащи остальные рисунки на барахолку, хоть сколько-то за них получишь.

Только Артем, как всегда, отпустил грубость:

— Рисунок, небось, содрали, чтоб завернуть селедку!..

16.

Однажды в наш двор вкатила тележка старьевщика. На тележке лежали сломанные зонты, битые пластинки, разное тряпье. Как только тележка загромыкала во дворе, ребята помчались к ней со всякими безделушками. Еще бы! В обмен на какую-то ерунду старьевщик давал удивительные вещи: надувные шары, которые пищали «уй-ди», «уй-ди», бумажные очки с цветными пленками и бумажные мячи на резинках.

Я тоже бросился искать у нас какую-нибудь штуковину. Перерыл все закутки, но нашел только старый атлас, и за него получил надувной шар. Вовка с сестрой принесли сломанную пластмассовую линейку и тоже стали обладателями шара. Витька-Гусь отдал дырявый чемодан и получил за него шар, мячик и цветные очки.

Некоторые взрослые приносили разный хлам, клали на тележку и взамен получали несколько копеек. Гусинская притащила старые ботинки и драную сумку; старьевщик вручил ей целый рубль.

Когда тележка доверху наполнилась вещами, старьевщик покатиł со двора. В это время из общежития выбежала Настя с чайной чашкой и крикнула:

— Дяденька, подождите! — и побежала за старьевщиком.

Она уже почти догнала тележку, но вдруг споткнулась и упала. А когда поднялась, от чашки остались одни осколки. Настя посмотрела на нас с Вовкой и заплакала.

Мы подбежали к ней, стали успокаивать: говорили, что наши шары будут общими, будем надувать их попеременно, но Настя нас не слушала, и плакала все сильнее. И вдруг к ней подошел старьевщик и протянул цветные очки. Настя перестала плакать и покачала головой. Но старьевщик сам надел ей очки и шепнул что-то на ухо. И Настя засмеялась, потом снова заплакала и снова засмеялась, сквозь слезы. А старьевщик сунул Насте в руки еще надувной шар, помахал нам рукой и покатиł тележку со двора.

Теперь, когда я слышу разговоры — каких людей больше: хороших или плохих, почему-то сразу вспоминается этот старьевщик. И отец. Ведь он был уверен — хороших людей гораздо больше, чем плохих.

17.

День шел за днем, месяц за месяцем. За два года, которые отец уже был на фронте, мы получили от него всего три письма — три сложенных треугольника с печатями полевой почты. Отец писал о своих товарищах, о командире, которого все зовут «батя», хотя ему нет и тридцати лет — такой он «опытный и степенный, не шумный». Писал, что и сам «стал сильным и ловким, шире в плечах и выше ростом». Просил мать не волноваться за него и беречь себя, а мне «приказывал» — учиться только на «хорошо и отлично». В конце писем специально для меня непременно были смешные рисунки: мы приплываем на яхте в какие-то экзотические страны; на всех рисунках с нами Альма (мать не разрешала сообщать, что Альма пропала).

...Я просыпался от солнца; оно затопляло все окно, стекало с подоконника и плескалось лужей на полу. С подоконника мне улыбался молодой мужчина — это был портрет отца.

Когда я думал об отце, перед глазами мелькал наш дом в Москве, телескоп на чердаке, подмосковный поселок, озера; мелькали луга, проселочные дороги... Я видел нас с отцом — мы бежали с рыбалки, бежали наперегонки до куста чертополоха. Потом, чтобы отдышаться, плюхались в выжженные солнцем травы, и отец сбивчиво говорил:

— Эх, если бы у нас был автомобиль! На худой конец — мотоцикл. Мы помчали бы в разные страны...

— Мы гнали бы, как ветер, правда, пап?

— Именно, как ветер!

— А если бы у нас была яхта?

— Яхта! Тогда мы прямо сейчас махнули бы на Каспийское море!

— А мама? Маму мы возьмем с собой?

— Нет, не возьмем. В путешествиях бывают опасности, да и с женщинами всегда масса проблем.

— Но как же она останется одна? И с огородом не справится.

— О чем ты говоришь! Какой-то там огород! Это все второстепенное. Не та тонкость. Мы привезем ей тысячу овощей. И лучших в мире!

— отец поднимался. — Ладно, не огорчайся! Ну, нет у нас с тобой пока ни яхты, ни автомобиля. Но мы можем совершить воображаемое путешествие, потому что умеем мечтать. Разве не так?

...Каждое воскресенье мать доставала из шкафа отцовский костюм, выбивала из него пыль, чистила щеткой и вешала снова. Потом уходила

на кухню и начинала переставлять кастрюли с места на место, пыталась что-то спеть, но я замечал — она украдкой смахивает слезы.

Мать любила полевые цветы. Особенно незабудки. Как-то я спросил у нее, почему незабудки называются незабудками? Мать смутно улыбнулась.

— Наверное, потому что не забывается человек, который их подарил. Увидишь их где-нибудь и сразу его вспомнишь.

Не знаю, правда это или нет, но до войны отец с полочки всегда дарил матери незабудки, при этом говорил что-нибудь такое:

— Вы уж извините, Ольга Федоровна, за скромный букет, но он — от всего сердца. Моего несчастного сердца, которое вы когда-то сразили наповал. А это, чтобы отметить маленький праздник, — отец доставал из кармана бутылку портвейна.

— Какой праздник? — удивлялась мать.

— Как какой?! День счастливой семьи!

Однажды мы с матерью возвращались из деревни, где покупали картошку; шли по берегу реки и вдруг увидели рябину; среди ее листвы свисали крупные ярко-красные гроздья, и под деревом валялось несколько переспелых ягод.

— Иди, постой под рябиной, — сказала мать.

— Зачем, мам?

— Иди-иди! Потом скажу.

Поставил я на землю сумку с картошкой, подбежал к рябине, поднял с земли гроздь, стал жевать горьковатые ягоды. А мать смотрит на меня издали, как-то грустно смотрит и нежно, и шепчет что-то. Потом подошла и сказала:

— Рябинка — русская красавица. Кормилица леса. Всех птиц и зверей кормит. И настойки и лекарства из нее делают, и варенье варят. Любимое варенье твоего отца. До войны я всегда его варила, ты помнишь?.. Считается полезным постоять в тени рябинки. Говорят, ее запах отпугивает болезни... Вот она какая, рябинка! Недаром столько песен про нее сложили, — мать тихо запела какую-то протяжную песню про рябину и пошла к общежитию.

Я набил полную рубашку сочных ягод и помчался за ней.

18.

У нас с Вовкой была великая тайна — мы планировали убежать на войну. «Разыщем отцов, — думали, — станем в их отрядах разведчиками; мы маленькие, незаметные, везде пройдем».

К побегу готовились долго: копили сухари и сахарин, спички и соль; складывали в мешок, прятали на чердаке общежития. Наконец, в одно солнечное утро, когда матери ушли на работу, и Вовка отвел сестру в

детсад, мы написали записки, чтобы за нас не волновались (подробно объяснили, куда и зачем отправляемся), достали мешок с чердака, сели в трамвай и доехали до вокзала; затем спустились на пути и зашагали по шпалам в сторону, куда уходили воинские эшелоны.

Кончились пригороды, потянулись поля, перелески, деревни. Солнце поднялось высоко над горизонтом, стало жарко, но мы шагали бодро — подогрела предстоящая встреча с отцами. Вскоре железнодорожное полотно углубилось в сосновый лес; мы спустились с насыпи и дальше шли вдоль путей по мягкой ржавой хвое. Было тихо, только слышалось стрекотанье кузнечиков... Пронесся товарняк, ударил упругий ветер, снова стихло.

В полдень неожиданно потемнело и стал накрапывать дождь. К этому времени мы подошли к разъезду, где на запасном пути попыхивал дымком старый маневровый паровик; около паровика ходил полный, седой машинист, постукивал молотком по колесам. За ним по пятам семенил рыжий мальчишка — рассматривал механизмы.

Мы подошли, решили передохнуть и посмотреть на работу машиниста. А он вдруг оборачивается и говорит:

— Та-ак, полезли, хлопцы, в будку. Ненароком промокнем до костей — вон как посыпало!

Дождь в самом деле полил сильнее, и мы, не раздумывая, полезли за машинистом и мальчишкой по железной лестнице.

В будке от топки било жаром, пахло сладким паром, смазкой и углем, которым был забит бункер. Машинист полил уголь водой из шланга, стал закидывать его в топку лопатой.

— А зачем вы поливаете уголь водой? — спросил Вовка.

— Мой внук объяснит. Он все знает. Готовится прийти мне на смену, та-ак. Давай, Алешка, объясни.

— Чтоб его лучше огонь схватил, — важно произнес рыжий.

Машинист закрыл топку, постелил на уголь брезент.

— Располагайтесь с удобствами.

Мальчишка плюхнулся на брезент, мы пристроились рядом.

— Далек, хлопцы, топаете? — спросил машинист.

— Далек, — уклончиво сказал я, чтобы не выдавать наши планы.

— На войну! — ляпнул Вовка.

— Ха! Вояки-раскоряки! — прыснул рыжий, но машинист дал ему подзатыльник, закурил самокрутку, присел на свое рабочее место.

— Молодцы! Я бы тоже пошел, да не пускают. «Возраст не тот, — говорят. — Доживай на пенсии со своим паровиком на запасных путях». Так-то... А вы хорошее дело задумали. Небось, разведчиками хотите стать?

Мы с Вовкой кивнули. Рыжий посмотрел на нас, но уже как-то уважительно. Машинист глубоко затаился и, выпустив дым, сказал:

— Ну, бойцы, стрелять вас, ясно, научат. Но, допустим, пошлют вас в разведку. Как будете читать ориентиры на карте? Леса, там, болота? Как пользоваться компасом, знаете?

Мы с Вовкой пожали плечами.

— Та-ак! Ну, а допустим, вас обнаружили, надо затаиться. Как дышать под водой, знаете?

Мы опять промолчали.

— Я знаю! — вскочил рыжий. — Через камышину!

— Помолчи! — остановил его машинист и снова обратился к нам:

— Так! Ну, а если попали в окружение и нечего есть. Какие съедобные травы знаете? Как сварить суп без посуды?

— Как? — вздрогнул рыжий.

— Вот то-то и оно — как? — машинист открыл топку и бросил в нее самокрутку. Это хитрая наука. Этому учиться надо. Так что, хлопцы, вижу — у вас еще слабоватая подготовка. Возвращайтесь-ка домой, подучитесь малость. Без знаний и навыка на войне делать нечего.

Когда кончился дождь, машинист показал нам дорогу через лес к ближайшей станции, сказал, что к вечеру в город пойдет пригородный.

Вступив в лес, мы некоторое время шли молча; потом, перебывая друг друга, заговорили одновременно. Я сказал, что у нас есть журнал «Всемирный следопыт», и в нем много ценных советов для путешественников. Вовка заявил, что достанет карту и компас, выучит все назубок и потренируется на местности — в оврагах за общежитием.

В вагоне мы уже наметили новый план — через месяц, вооружившись мощными знаниями и навыками, снова отправиться на фронт.

Нам казалось, что мы ушли очень далеко от города, но уже через пятнадцать минут поезд замедлил ход, споткнулся о стрелку, за окном веером разбежались пути, мелькнул шлагбаум, шоссе с белыми зубьями, трамвай. Потом показался вокзал и крупные буквы «КАЗАНЬ».

19.

Посреди двора на столбе висел громкоговоритель «колокол». Летом вокруг столба росли цветы «солдатики». «Солдатики» было много — они стояли, как свечки на именном пироге. Каждый вечер жильцы из общежития и ближайших домов собирались у «колокола» — слушали известия с фронта. Собирались задолго до сообщений; одни садились на лавку, другие приносили стулья и табуретки. Приходили все, даже Гусинские, хотя было достоверно известно — никто из их родственников на фронте не был.

Мы, мальчишки, смутно осознавали происходящее — нам было по семь-девять лет, но мы видели, как угрюмо мужчины курят, а женщины вытирают слезы, и понимали, что война — ужасное бедствие. И догадывались — наши отцы сражаются за то, чтобы мы всегда могли играть в футбол, и кататься на трамвае, и носиться по лугу и сбивать головки цветов. Чтобы мы учились в настоящей школе, а не в старой избе. Чтобы все было, как до войны, когда по Волге (по рассказам местных мальчишек), вместо барж с пушками, ходили белые пароходы, а вместо барахолки был пахучий базар с овощами и фруктами. Чтобы мы вернулись в Москву... То есть, чтобы было все то, что мы любили в мирное время, и что объединяется в понятие Родина.

В последнее лето войны известия с фронта были хорошие. Наши войска освобождали один город за другим. После этих сообщений во дворе гремело «ура!», и жильцы долго не расходились; подробно обсуждали услышанное, спорили. И странное дело! Много всего было, а в памяти остались только цветы «солдатики» и голос диктора.

20.

Снова наступила осень; за окном в голых прутьях засвистел ветер. Однажды в окно я увидел: двор пересекает Вовка и высокий летчик на костылях. Это был Вовкин отец, я узнал его сразу, по фотографии.

Вовкин отец приехал из госпиталя. Его звали дядя Коля. Теперь Вовка целыми днями без умолку рассказывал нам о подвигах своего героического отца. Сам дядя Коля оказался молчаливым, замкнутым, с глухим голосом: на кухню заходил редко, а если и заходил, о войне не рассказывал. От вопросов жильцов отмахивался.

— Что рассказывать-то! Погибли самые лучшие, самые смелые...

Но со слов Вовки до нас все-таки дошли кое-какие обрывочные сведения. Я запомнил одну историю.

...Немцы подбили наш танк и побежали к нему, чтобы взять танкистов в плен. А танкисты отстреливаются, и прямо под огнем ремонтируют покоруженную гусеницу. Немцы уже подбежали, совсем взяли танк в кольцо. И вдруг сверху на них спикировал наш «ястребок». Стал кружить вокруг танка, обстреливать немцев из пулемета. Немцы залегли, тоже открыли огонь по истребителю, и попали в бензобак; вспыхнул «ястребок» и рухнул на землю. И к нему сразу бросились немцы. Только танкисты уже починили танк и, разгоняя немцев, подкатили к горящему самолету; вытащили из кабины летчика и укатили к своим. Тем летчиком был Вовкин отец.

После Вовкиных рассказов я пытался представить, как воюет мой отец, но как ни силился, у меня ничего не получалось. Почему-то я никак не мог представить отца стреляющим из винтовки, в атаке, в руко-

пашном бою... Передо мной возникали совершенно другие — мирные картины: отец у телескопа, на рыбалке, в лесу, рассматривающий травы и насекомых. Я вспоминал, как мы строили дворцы из глины, как однажды с полочки отец купил на птичьем рынке несколько клеток с щеглами, приехал в поселок и выпустил птиц...

21.

В разгар зимы мы с Вовкой совершили благородный поступок. Как-то играли в коридоре общежития, вдруг из двери выглядывает мать Артема, тетя Валя, подзывает нас.

— Ребятки, сбегали бы на почту. Говорят, мне там весточка с фронта, а я захворала. В котельной-то сквозняки. Артем-то, оболтус, второй день не ночует... Просила Витю Гусинского — отказался.

Почта находилась в восьми километрах от общежития, в аэропорту. После уроков мы с Вовкой подошли к учителю по физподготовке, объяснили в чем дело и попросили выдать нам лыжи.

— Дело хорошее, — сказал физорг. — Лыжи возьмите.

День был метельный; ветер гнал вихри, с сугробов текли снежные водопады. Чтобы не петлять по дороге, мы двинули к аэропорту напрямик, по рыхлому снегу — он хрустел под лыжами, как раздавленные огурцы. Мы глубоко проваливались и шли медленно, но иногда замечали сбоку чей-то след — ровный, с четкими кружками от палок — кто-то шел впереди легко, размашисто. Мы вставали на проторенную лыжню и тогда скользили быстрее.

Ветер усилился, стемнело; снежная пыль набивалась в рукавицы, за воротник, залепляла лицо. Мы потеряли лыжню и некоторое время топтались на месте; ветер доносил лай собак, гул моторов — аэродром был где-то рядом, но где именно мы не могли разобрать. Потом нас ослепил луч прожектора и мы увидели людей; закричали, замахали палками. К нам подъехали на «газике», посадили в кабину, подвезли к вышкам с красными огнями.

Дежурный на почте усадил нас за стол, налил горячего чая, а когда мы спросили про письмо, удивился:

— Письмо? А я отдал его. Вон ей! — он кивнул в сторону соседней комнаты.

Мы повернулись и увидели Настю, всю в снегу и клубях пара; одной рукой она сжимала лыжи, в другой держала письмо; она смотрела на нас и улыбалась.

22.

Пришла весна, последняя весна войны. По ночам еще лужи стягивались хрупким ледком и белые хлопья заснеживали дорогу, но днем уже

в канавах бормотали ручьи и у общежития бились сосульки. Мать расклеила оконную раму, и после школы я делал уроки прямо на подоконнике, у распахнутых створок.

Однажды под окном остановился точильщик: молодой, в гимнастерке с медалями и нашивками ранений; один рукав пустой, заправлен под ремень. Точильщик поставил станок, достал нож, нажал на педаль — закрутились серые и красные наждаки, послышался визг, полетели искры.

К точильщику подбежала Настя — уже без пальто и шапки; она явно радовалась, что первая сбросила тяжелую зимнюю одежду; пританцовывая стала смотреть, как точильщик окунает лезвие ножа в банку с водой, чтоб не перекалилось, пробует на лоскутках материи. Вдруг точильщик нагнулся к Насте и что-то шепнул ей.

Настя вскинула глаза.

— Не может быть?! — удивилась и побежала в общежитие.

К точильщику подошел Вовка с сестрой, протянул ножницы. Точильщик заточил их, с улыбкой поклацал инструментом в воздухе и тоже что-то шепнул Вовке.

— Точно? — переспросил Вовка и кинулся в подъезд.

— Ура! — завопила Катька.

Я высунулся из окна.

— Что вы им говорите?

Точильщик обернулся, хмыкнул.

— Что говорю? Сообщаю важную новость. Скоро война кончится!

— Откуда знаете?

— Знаю, раз говорю... Твой отец на фронте?

— Угу.

— Жди, скоро вернется!

В тот день мы получили письмо от отца. Он писал, что его часть уже около Берлина, вот-вот немцы капитулируют, и он вернется домой; что родился под счастливой звездой, потому что дошел до Берлина и даже ни разу не был ранен. Писал, что очень хотел бы, чтобы я стал строителем и восстанавливал бы разрушенные города, и строил бы их еще красивее, чем они были до войны. Писал, что когда вернется, купит мне такую же, как у него брезентовую куртку-штормовку и новые бамбуковые удилища, и тогда уж мы порыбачим! И, конечно, писал о яхте — что мы начнем ее строительство сразу же, как только он вернется — «больше откладывать не будем ни дня!». В конце письма просил мать не волноваться, не нервничать — «худшее уже позади!» А мне нарисовал смешной рисунок: мы с ним на яхте в тельняшках; вокруг парусника водяной и русалки — тарашатся на нас, Альма на них гавкает. Яхта называлась «Ольга Федоровна».

23.

Этот день начинался как все, только с самого утра стояла необычная тишина. Так же, как всегда, на «петле» позвякивал трамвай, из булочной пахло горячим хлебом, во дворе висело белье, плотно надуваемое ветром... Все было как всегда, только тишины такой никогда не было.

Проснувшись, я пошел за общежитие, где у черного хода стояла кадка с водой — в ней я проверял самодельные поплавки. Около кадки обитал лягушонок. Днем, когда становилось жарко, лягушонок прыгал по ступеням до ободка кадки, затем нырял в воду и плавал от стенки к стенке. Наплавается, заберется на ободок, и с него соскочит в заросли лебеды. Но в то утро кадка почему-то разохлась, и вода из нее вытекла.

«Кончилась веселая жизнь пучеглазого, — подумал я. — Надо бы снова налить воды», — как вдруг услышал шлепанье в кадке. Заглянул в нее, а на дне среди травы и тины сидит лягушонок и смотрит на меня тревожными глазами. Он никак не мог выбраться из кадки и уже выбился из сил — мешочек под его ртом так и дергался.

Помог я лягушонку выбраться, а он не убегает — явно поплавать хочет.

Принес я деревянный черпак с водой, поставил около лягушонка; он сразу полез в воду, нырнул, перевернулся как акробат...

Я спас лягушонку жизнь и в это время узнал, что кончилась война: смотрел, как лягушонок купался, и вдруг услышал по радио громкий голос диктора о падении Берлина. Я услышал это первым во дворе и на всей окраине, и мне показалось — даже первым в мире. Потому что ничего не изменилось. Все так же на ветру раскачивалось белье и по-прежнему было удивительно тихо. И тогда я закричал во все горло и побежал через двор к близлежащим домам. А навстречу мне уже бежали другие мальчишки и девчонки — они тоже кричали и размахивали руками.

...Через несколько дней я проснулся от стука в дверь; вскочил с постели, а в двери взъерошенный Артем.

— Чеши к нам! Мой отчим вернулся!

Отчим Артема, мужчина со шрамом на щеке, выбрасывал из комнаты пыльную рухлядь.

— Помогай, браток! — бросил мне. — Выносим на помойку этот балласт! Захламили, понимаешь, комнату. И вот что! Есть боевое задание — очистить двор от мусора! Соберите свою братву, и чтоб блестел как палуба!

Артем изменился: бросил курить, объявил, что будет поступать в ФЗУ.

...Спустя месяц вернулся отец Насти. Он приехал вечером, когда мы с Настей играли во дворе (ее отпустила мать — к ним должен был

прийти усатый и патефон уже всюду играл «Мы на лодочке катались»). Я первым увидел, как во двор вошел военный с чемоданом в руке. Он подошел к Насте, внимательно посмотрел на нее, и Настя уставилась на военного, и вдруг вскрикнула:

— Папка! — и бросилась к отцу.

Военный поднял Настю на руки и они вошли в общежитие.

Патефон в их комнате смолк, и оттуда долго ничего не слышалось. А потом в подъезде появилась заплаканная Настя и пробежала мимо меня за общежитие.

— Не зря я сегодня во сне видела церковь, — пробормотала Гусинская (она сидела на лавке и наблюдала эту сцену). — Не зря. Церковь, да еще с пением. К худу это...

Спустя неделю мать сказала, что Настя уедет с отцом в Москву.

В ту ночь я впервые узнал, что такое бессонница — тяжелая горечь лишила меня покоя и сна. Я и не догадывался, что Настя так много значит в моей жизни.

Рано утром я постучал в их комнату, и когда Настя вышла, сказал:

— Пойдем за общежитие.

Мы пришли на черный ход, сели на холодные ступени и некоторое время молчали.

— Наше королевство! — как-то по-взрослому вдруг сказала Настя и грустно улыбнулась.

Потом посмотрела на меня — так же, как три года назад, когда предложила «любить друг друга», и я понял — все это время, несмотря ни на что, между нами была тайна.

— Правда, что ты уезжаешь? — спросил я.

— Только когда закончатся занятия в школе, — Настя повернулась ко мне: — Но ведь когда твой папа вернется, вы тоже приедете в Москву? И мы встретимся.

— Встретимся, — выдавил я. — Но как будет... когда ты уедешь? — на большее у меня не хватило сил. И все же, это было мое первое и самое лучшее признание в любви.

Настя все поняла и пришла мне на помощь.

— Я тоже буду по тебе скучать. Но я уверена, мы скоро встретимся.

24.

Уже солнце пекло по-летнему, и на дороге появилась пыль, а отца все не было. Над нашим окном уже свили гнезда трясогузки, в оврагах за общежитием, не смолкая, кричали грачи, а отца все не было. Уже вернулись отцы Вовки и Насти, отчим Артема, а моего отца все не было.

...Наступил день победы. На улицах незнакомые люди поздравляли и обнимали друг друга, и всюду слышалась музыка. Гусинские где-то

достали муку и всем жильцам раздали по пакету, и все напекли пышек — первый раз за четыре года я попробовал стряпню из белой муки.

Во дворе было весело: отчим Артема играл на аккордеоне, все пели и танцевали. И моя мать танцевала тоже. Она надела крепдешинное платье, которое не доставала из саквояжа с начала войны, подвязала волосы лентой. Мать была очень красивой — я даже подумал, что она красивей всех женщин в общезитии, а, может быть, и во всем мире.

Кто-то принес бенгальские огни, мы с Вовкой зажгли их спичками, устроили фейерверк. Внезапно я увидел — через двор бежит Настя и машет каким-то белым листком — она вся в слезах, с ободранными коленями. Настя подбегает к моей матери, протягивает ей листок, и мать вдруг вскрикивает, закрывает лицо руками и прислоняется к стене.

...Мне никак не верится, что мой отец никогда не вернется. После войны прошло много лет, я давно стал взрослым, но все еще жду отца. Мне кажется, когда-нибудь наша дверь распахнется и он войдет, молодой, загорелый, веселый, и наша комната снова наполнится смехом, и мы, как прежде, отправимся на рыбалку, а потом построим яхту, чтобы путешествовать.

...Я вижу, как отец идет с работы и ветер раздувает его пиджак. Он идет по солнечной стороне улицы, машет мне рукой и смеется.

Вижу отца у окна нашей комнаты. Он курит папиросу, разговаривает с кем-то на улице и щурится от солнца и смеется.

Сохранилась только одна фотография отца. Он стоит у озера; одна рука в кармане брюк, другая заложена за борт пиджака. Отец небритый, в каких-то смешных коротких брюках, а очки на самом конце носа, вот-вот упадут. На фотографии отец тоже смеется.

1969г.

СОБИРАТЕЛЬ ЧУДЕС
рассказы

ПРАЗДНИКИ

В детстве я любил праздники. Да и как их было не любить, если на праздники дарили подарки, а родственников у нас было немало, и подарков мне приносили целую кучу.

Я любил все праздники в календаре, дни рождения всех родственников и их именины, дни рождения друзей, приятелей и просто знакомых. И знакомых моих знакомых. Но больше всего, конечно, — свой день рождения и бабушкины церковные праздники, потому что их было много.

Сами праздники меня мало интересовали. Обычно я и не замечал как они проходили. Все веселились, танцевали, а я сидел в углу, ждал подарков.

Когда я немного подрос, то заметил, что праздников, даже бабушкиных, не так уж и много. Вернее, слишком мало — всего два-три в месяц, а остальное время — скучнейшие будни. И я решил сам придумать несколько праздников. Сразу же, не ломая голову, придумал праздники всего первого: первого подснежника, первой бабочки, первого шмеля, первого дождя, первых грибов и ягод, и многие другие. Придумал праздники всего хорошего: хорошей погоды, хорошей книги, хорошей отметки; и праздники всего красивого: радуги, заката солнца, музыки по радио. Затем придумал неинтересный праздник: уборка в комнате и грустный праздник: конец каникул.

О праздниках я сообщал родственникам, и требовал, чтобы они приносили подарки. Если кто-нибудь из родственников приносил плохой подарок, я его стыдил или не брал подарок вообще, чтобы в следующий раз он дарил более ценные вещи. А когда однажды дядя забыл про подарок, я не разговаривал с ним целую неделю.

Скоро я насочинял столько праздников, что их нужно было справлять почти каждый день. С утра, как только просыпался, выдумывал праздник. Родственники возмущались:

— Ты нас просто разорил на подарки! — кричали они. — Ты бездельник! У тебя не жизнь, а сплошные праздники. Займись делом! Иначе из тебя ничего не выйдет. Ты будешь «ни с чем пирог»!

А как я мог заняться делом, если у меня постоянно было праздничное настроение?! Не успевало закончиться одно торжество, как начиналось другое.

Но странное дело — по какой-то неясной причине, с каждым новым праздником, мое настроение становилось все хуже и хуже; видимо, я просто-напросто устал от праздников, и мне требовался отдых, но я уже навывдумывал слишком много знаменательных событий. Были даже

дни с несколькими праздниками сразу. И тогда я придумал праздник отдыха от праздников.

Однажды после очередного праздника, довольно усталый, я вышел погулять на улицу — решил проветриться — вечером предстоял еще один праздник. Прогуливаясь по улице, я случайно забрел в мастерскую к кузнецу дяде Толе.

В мастерской было шумно, и от горна било жаром. Дядя Толя раздувал мехами огонь. Потом брал щипцы, вынимал из пламени белое раскаленное железо и нес его, рассыпая искры, на наковальню, и бил по нему молотком, и оно становилось мягким, как глина.

— Заходи, заходи! — проговорил дядя Толя, как только я заглянул в дверь. — Ты что такой кислый?

Я пожал плечами.

— Хорошо, что пришел! — продолжал дядя Толя. — Мне как раз нужен помощник. Держи-ка щипцы!

Я подбежал к наковальне и крепко ухватился за щипцы. А дядя Толя ударил по железной болванке несколько раз молотком, и болванка превратилась в подкову.

— Теперь давай зачищай вот эти прутья, а я сделаю обруч для бочки. — Дядя Толя положил передо мной ржа-вые железные прутья, дал напильник, показал, как надо зачищать. — Из них мы сделаем много разных вещей: засовы, обухи, лапки, молотки.

Я стал зачищать, водить напильником по прутьям. На пол посыпались опилки, мелкие, как мука; вначале оранжевые, потом серебристые. Зачистив с одной стороны, я переворачивал прутья и зачищал с другой. А рядом, на наковальне, стучал молотком дядя Толя и подбадривал меня:

— Давай, давай, работай! Работа вылечивает от всякой хандры!

И я работал. Напильник нагревался и жег руки, пот лил со лба, но я зачищал, старался изо всех сил. Еще бы! Сколько полезных вещей из каких-то обыкновенных прутьев, и сделаем эти вещи мы с дядей Толей вдвоем, он и я.

Когда я зачистил все прутья, они блестели, как зеркало.

— Из тебя выйдет мастер! — сказал дядя Толя и пожал мне руку.

— Дядь Толь! — попросил я. — А можно, я завтра опять приду?

— Ясное дело, приходи! И пораньше! — дядя Толя хлопнул меня по плечу.

Весь вечер мне хотелось веселиться и петь и делать что-нибудь необыкновенное. И это был самый лучший праздник. Праздник без подарков.

КЛОУН

В нашем дворе у всех ребят были прозвища. Как правило их давали по фамилии. Например, Карасева Вовку звали Карась, Доскина Генку — Доска. Но если фамилия была неинтересная и из нее никак не складывалось прозвище, то давали кличку по виду или по какому-нибудь таланту. Так, длинноносого Филиппа нарекли Дятлом, толстяка Женьку одни звали Пузырь, другие — Жиртрест, а фантазера и вруна Юрку — Враль или Загигала.

Я был самый счастливый — имел больше всех кличек и прозвищ. Во-первых, у меня хорошая фамилия — Смехов. Во-вторых, я от природы рыжий и немного заикаюсь и у меня огромные, с блюдце, уши, которыми, кстати, я умел шевелить, но, главное — я мог соорудить такую физиономию, что все падали от смеха. Ребята постоянно советовали мне выступать в цирке, говорили, что я — прирожденный клоун. Я и сам это знал, и за свое будущее был спокоен.

Однажды в соседний дом переехали новые жильцы, а на другое утро во дворе появился незнакомый мальчишка. Его звали Колька. Вот уж был неудачник так неудачник! Все имел обыкновенное: простую фамилию — Аникин, обычное лицо с нормальным носом и ушами, и весь он был чересчур нормальный: ни толстый, ни тонкий, не заикался, не картавил, даже соврать ничего не мог. Такой оказался правильный и безликий, какой-то пресный и скучный — он не произвел на нас никакого впечатления. Вернее — произвел унылое впечатление, и мы долго не могли придумать ему прозвище. Я хотел его окрестить Сухарем, но подумал, что он обидится. И вдруг Колька сам начал нам помогать:

— Вообще-то я неплохо катаюсь на велосипеде, люблю петь, у меня есть хомяк, — так и сяк подсказывал, но все это было не то — все, что он умел и имел, мы тоже умели и имели. Ну, не хомяка, так попугая или рыбок в аквариуме. Короче, мы измучились с ним, и тогда я спросил:

— А кем ты хочешь стать?

И Колька внезапно брякнул:

— Клоуном.

Вначале мы подумали, что ослышались или что он так по-дурацки шутит. Но когда Колька повторил свою глупость, сказал, что серьезно подумывает пойти в клоуны, мы схватились за животы и покатались от смеха. Особенно я. Я чуть не лопнул, даже припал к земле и долго не мог отдышаться — такую Колька сморозил глупость. Ведь каждому было ясно: уж если из кого и выйдет клоун, так только из меня. У меня для этого были все данные: и фамилия, и внешность.

Колька невозмутимо подождал, пока мы отсмеемся, потом пригласил к себе домой.

— Садитесь на диван, — сказал. — Я сейчас. — И ушел в соседнюю комнату.

Через некоторое время из той комнаты, шаркая, вышел старичок с красным носом, в очках, с нахлобученной на лоб шляпой; он был в телогрейке до пят и в валенках — не старичок, а карлик, но какой-то грузный, косолапый. Он кивнул нам и, кряхтя, проследовал на кухню; вернулся оттуда со стулом и, только хотел на него присесть, как стул сам по себе — каким-то невероятным образом — отъехал в сторону и старичок чуть не упал.

Мы впились в необычный «живой» стул. А старичок, нахмурившись, зашел к стулу сбоку и неуклюже прыгнул на него. Но стул опять отъехал, и старичок плюхнулся на пол.

Мы прыснули от смеха и хотели ему помочь подняться, но он вытянул вперед ладонь — как бы останавливая наш благородный порыв, и, рассердившись, стал привязывать стул к торшеру. Привязал, осторожно сел на него и стал делать вид, что прикручивает к валенкам коньки. Прикручивает, а сам провожает глазами кого-то, как бы конькобежцев — будто он на катке. Покончив с коньками, встал, но его ноги разъехались в разные стороны.

Мы расхохотались.

Старичок снова опустился на стул и пригрозил нам пальцем. И вновь стал рассматривать катающихся. Заметил знакомых, поприветствовал, приподняв шляпу и обнажив седые волосы с лысиной, и вдруг неумело, спотыкаясь и размахивая руками, побежал за своими знакомыми. Догнал, вцепился в чью-то куртку и дальше покатился, как на буксире. И вдруг сбросил валенки, хлопнул в ладоши и сделал сальто. Потом неожиданно скинул телогрейку и... маску и старичком оказался... Колька.

Несколько секунд в комнате стояла тишина — мы не на шутку были ошарашены. Потом ребята опомнились, заохали и заахали, бросились поздравлять Кольку. Все, кроме меня. Мне почему-то стало тоскливо.

НА ГРУЗОВОМ ТРАМВАЕ

Вовка Карасев был жутко самоуверен. Он думал, что снег появляется только потому, что у него есть лыжи, а дождь сыплет потому, что он — обладатель прозрачного плаща и галош. И конечно, он был уверен, что дядя Леша работает вагоновожатым для того, чтобы его, Вовку, катать по городу.

Дядя Леша жил в нашем дворе и, действительно, работал вагоновожатым, но вовсе не для того, чтобы катать Вовку. Он вообще не мог возить пассажиров, так как работал на грузовом трамвае, рельсовозе.

Трамвай дяди Леша представлял собой вагон с кабиной и открытой платформой — на ней возвышался подъемный кран. На платформе дядя Леша возил рельсы, пропитанные битумом шпалы, болты, гайки и огромные гвозди — костыли, которыми крепят рельсы к шпалам.

Много раз Вовка упрашивал дядю Лешу прокатить его на рельсовозе.

— Никак не могу, Вовка, тебя прокатить, — говорил дядя Леша. — Ты же прекрасно знаешь, что я работаю ночью, когда ты спишь без задних ног.

— А я не буду спать, — говорил Вовка, — я вообще с вечера удеру из дома и буду вас ждать во дворе.

— Нет, это не годится, — твердо заявлял дядя Леша. — Как-нибудь днем. Днем — пожалуйста, а ночью — ни за что!

И вот однажды счастливый случай представился, причем представился не только Вовке, но и мне.

В тот жаркий летний полдень мы с Вовкой ходили по двору взад-вперед и размышляли — каким бы важным делом заняться. Но никаких важных дел в голову не приходило. В какой-то момент из окна выглянула наша соседка по квартире тетя Глаша.

— Мальчики! — крикнула она. — Почему бы вам не прибраться во дворе?! Посмотрите, сколько валяется досок, бумаг! Не дай бог загорятся — вмиг все сгорим!

— Неинтересное дело! — крикнул Вовка, и я полностью с ним согласился.

Вдруг видим — из подъезда вышел дядя Леша и, стремительно пересекая двор, направился в сторону парка. Разумеется, не парка «Культуры и Отдыха», а трамвайного парка — депо. Мы сразу поняли — у дяди Леша крайне важное дело.

Когда мы подбежали, дядя Леша на ходу сообщил, что ему срочно надо вести рельсовоз на окраину, где рабочие прокладывают новую трамвайную ветку, и добавил, что готов прихватить нас с собой. Мы даже подпрыгнули от радости.

— Только учтите, — сказал дядя Леша, — у рельсовоза механизмы нежные и трогать ничего нельзя!

В трамвайном парке, среди вымытых, сверкавших яркой краской трамваев, рельсовоз выделялся тем, что был весь перепачкан мазутом. Его внешний вид как бы говорил — я работяга, тружусь без передыха, мне некогда наводить марафет; вот пойду на пенсию — на запасные пути, тогда и приведу себя в порядок.

Вслед за дядей Лешей мы с Вовкой забрались в кабину и встали около колеса ручного тормоза. Дядя Леша позвенел — известил рабочих парка, что отправляется в путь, включил скорость, и рельсовоз, рассыпая искры и спотыкаясь на стрелках, тяжело выкатил на улицу.

Мы с Вовкой смотрели то на рельсы, то на дома по обе стороны улицы. На мгновение мне показалось, что мы стоим на месте, а рельсы сами по себе бегут на нас, словно две блестящие нити; а дома прямо-таки на глазах увеличиваются и проплывают назад.

Мы ехали медленно, но встречные пассажирские трамваи приветствовали нас звонками, почтительно притормаживали и, казалось, готовы сойти с рельсов, посторониться — так уважали наш рельсовоз.

Проехав улицу, мы развернулись на площади и дальше покатали по широкому проспекту. Мимо нас проносились автобусы, грузовики, легковушки; мы встретили машину «скорой помощи» и машину мусорщиков, а когда переезжали мост, по реке прошел катер, оставляя за собой длинные волны с оборками пены.

Перед нами разворачивалась жизнь всего города: появился сквер, где старушки подкармливали голубей, а старики читали газеты, потом открылся двор, полный мальчишек, гоняющих в футбол. Заметив рельсовоз, мальчишки моментально прекратили игру и подбежали к трамвайной линии, а увидев нас с Вовкой в кабине, разинули рты от удивления. Вовка показал им язык, но они не ответили — так были потрясены. Когда мы проехали, они еще долго смотрели в нашу сторону, смотрели и жутко завидовали.

Постепенно дома стали ниже; рельсовоз миновал грохочущий завод с дымящейся трубой, кондитерскую фабрику, от которой тянуло сладким запахом... Приближалась окраина. Уже появились деревянные дома с палисадниками и собаками, которые почему-то облаивали наш рельсовоз — видимо, побаивались подъемного крана. Может быть, принимали его за динозавра?!

Вскоре дома кончились, и дальше потянулись огороды с чучелами — истуканы отчаянно громыхали консервными банками и склянками — явно радовались нашему прибытию и, видимо, крана совсем не боялись.

— Приехали, — сказал дядя Леша и остановил рельсовоз посреди пустыря; впереди виднелась свежая насыпь и вразброд валялись рельсы; несколько рабочих укладывали рельсы на шпалы, выравнивали их, прибивали костылями.

— Там будут строить поселок, — дядя Леша показал на холмистое зеленое поле за насыпью. — Пока будем разгружаться, можете туда сбегать. Запланируйте будущий кинотеатр, стадион, и не забудьте для

меня лично — просторный дворец с бассейном. Хочется пожить с шиком. Надоела коммунальная квартира, — дядя Леша засмеялся и подтолкнул нас к выходу из кабины.

На холмистом зеленом поле дул свежий ветер. Мы с Вовкой бегали по холмам, втыкали в землю палки — намечали будущие постройки и уже вполне зримо видели кинотеатр с яркими афишами, многоярусный стадион, кафе-мороженое, киоск с газировкой и розовым сиропом... Конечно, не забыли и про дядю Лешу — для его дворца отвели самый обширный холм. А потом вернулись к рельсовозу и сообщили обо всем дяде Леше.

— Вы толковые ребята, — сказал он. — Это видно и невооруженным взглядом. И за дворец спасибо! Но сказать по совести, он мне ни к чему. Ну, что там в нем делать?! Жир нагуливать?! От скуки окочуришься. А в общей квартире есть с кем побеседовать, обсудить всякие события, сразиться в шахматки... Я с соседями живу дружно. Так что отдайте мой дворец под детский сад или под дом престарелых.

Обратно мы ехали тем же маршрутом, но странное дело — все улицы видели словно заново. Может, потому что ехали по ним с другой стороны?

Вернувшись домой, я обежал всех родственников, рассказал о поездке и объявил, что, когда вырасту, стану вожатым трамвая, и не обычного трамвая, а непременно рельсовоза.

— Ты же хотел стать капитаном дальнего плавания? — недоумевали родственники.

— И капитаном тоже, — объяснял я бестолковым родственникам. — Немного поплаваю, потом повожу рельсовоз, потом снова поплаваю...

Родственники только качали головами.

Но наша соседка тетя Глаша сказала:

— Я тебя отлично понимаю. Я тоже имею две специальности. Днем работаю бухгалтером, а по вечерам подрабатываю сторожем. Иначе как прожить, верно?

— Угу! — откликнулся я и предложил тете Глаше сразиться в шахматки.

ФОТОГРАФ

Я любил фотографироваться. Увижу на улице фотографа и иду за ним. Станет фотограф снимать какой-нибудь памятник, а я — раз! — и встану около памятника в выигрышной позе.

Или фотографируются какие-нибудь туристы, а я растолкаю их и встану впереди. И туристы ничего, улыбаются только. Иногда, правда,

прогоняли. Но тогда я заходил к ним со стороны, пристраивался сбоку, и выглядывал. «Может, получусь где-нибудь в углу», — думал.

Долго я просил мать купить мне фотоаппарат, но она не покупала. «Учишься плохо, — говорила. — Вот когда справишь все тройки, тогда куплю».

Засел я за учебу, много троек исправил, только по пению никак не мог.

— Да-а, эту тройку ты, наверное, никогда не справишь, — вздохнула мать и на другой день купила мне фотоаппарат «Любитель».

Зарядил я в камеру пленку — целых двенадцать кадров, «вот снимаю!» — думаю. Вначале снял себя в зеркале. Потом навел объектив на диван, укрепил камеру книгами и к спуску привязал бечевку; сел на диван и дернул. Затем еще раз.

— Что ж ты пленку зря тратишь? — сказала мать. — Ну снял себя один раз, ну два — хватит. Пойди на улицу, сними приятелей, пейзаж какой-нибудь.

Вышел я на улицу, а там — ни одного приятеля. И пейзажа никакого нет. Одни дома и заборы. Пошел по улице. «Что бы, — думаю, — снять такое, поинтересней?» Дорогу перебежала кошка. Я ее — раз! — и щелкнул. К булочной подкатил фургон с хлебом. Я и его запечатлел.

Потом снял точильщика, ларек, дерево. Иду так по улице, снимаю все, что попадется в поле зрения. Вижу — стоят две старушки, беседуют о чем-то. «Что если их снять? — подумал. — Вид у них смешной, старомодный». Подошел и говорю:

— Бабушки! Я хочу вас сфотографировать. Встаньте, пожалуйста, поближе и повернитесь.

— С величайшим удовольствием! — сказала одна старушка, достала зеркало из сумки и стала прихорашиваться.

— Фотографироваться — моя страсть, — проговорила вторая бабуся и поправила шляпку. Затем они прижались друг к другу и заулыбались.

Я навел фотоаппарат и щелкнул.

В этот момент мимо прошел какой-то рабочий с ящиком инструмента. «Групповой портрет — вот что надо сделать!» — мелькнуло в голове. Я догнал рабочего.

— Понимаете, — говорю, — я снимаю прохожих. Интересных людей. Не могли бы вы встать на минутку рядом с этими бабушками.

— Нет вопросов, — пробасил рабочий. Подошел к старушкам, хотел обнять их, но передумал; одернул комбинезон, вытянулся и застыл с каменным лицом.

— Пожалуйста, улыбайтесь, — сказал я ему.

— Изобразите радость жизни, — поддержала меня одна из старушек.

Рабочий не успел изобразить радость — появилась шумная ватага студентов; они шли, размахивая книгами, рулонами бумаги.

— Пристраивайтесь! — обратился к ним рабочий. — Здесь бесплатно всех снимают.

— Это идея! А почему бы и не увековечиться?! Может, попадем в хронику! Классно мыслишь юный фотограф! — загалдели студенты и обступили рабочего со старушками.

И только я собрался нажать на спуск, как между студентами вынырнул какой-то мальчишка и встал перед объективом. Да еще в выигрышной позе!

— А ну, отойди! — крикнул я. — Весь вид портишь!

— Пусть стоит! — бросил рабочий.

— Сфотографируй мальчишка тоже! — сказали старушки.

— Щелкай, чего там! — закричали студенты. — Все равно не получимся.

Я навел фотоаппарат и щелкнул.

— Спасибо, мы получили огромное удовольствие! — сказали старушки и отошли.

— Будь здоров! — махнул рукой рабочий.

— Пришли карточки! — крикнули студенты, убегая.

Остался только мальчишка. Он долго рассматривал фотоаппарат, потом шмыгнул носом.

— Дай сделать один снимок!

— Ишь, чего захотел! — пробурчал я. — Лезешь, куда тебя не просят, да еще — дай поснимать. Много хочешь. Слишком много! Ты и так уже испортил групповой портрет. И мое настроение.

— Дай сделаю один снимок, — продолжал канючить мальчишка. — Всего один.

— Не дам! Да и кадров мало осталось, — я развернулся и пошел по улице.

Настырный мальчишка поплелся за мной.

— Ну, может дашь снять разочек, а? Сделаю хороший снимок.

Я усмехнулся.

— Хороший?! Разочек?! Ну ладно, так и быть. Сейчас еще кое-что сниму, если останется кадр — дам. Посмотрю, какой ха-ароший сделаешь!

В камере неснятых оставалось три кадра. Я быстро сфотографировал рисунки на заборе и чье-то брошенное колесо с каталкой, и протянул фотоаппарат мальчишке.

— Ну на! Только давай быстрее — у меня мало времени. И ерунду всякую не снимай!

Мальчишка обрадовался, взял фотоаппарат, стал вертеть головой по сторонам, искал, что снять. Я стою рядом, посмеиваюсь.

По улице проехал самосвал с песком. Мальчишка не снял, растяпа. Низко пролетел голубь — он его вообще не заметил. Все вертится, чего ищет — сам не знает.

— Давай быстрее! — тороплю его.

— Сейчас, сейчас, — бормочет и все крутится на месте. И вдруг подбежал к газону, нагнулся и стал наводить объектив.

— Не вздумай снимать цветочки! — почти рявкнул я.

Но он уже нажал на спуск. Я подскочил, выхватил у него фотоаппарат и процедил:

— Так и знал! Только кадр испортил!

— Много ты понимаешь! — заносчиво откликнулся мальчишка и перешел на другую сторону улицы.

Когда я проявил пленку, она вся оказалась темной; в кадрах еле различались предметы. Рисунки на заборе пропали, колесо и каталка слились с асфальтом. Кошка вышла без хвоста, от фургона виднелся один номер, групповой портрет не получился вообще — так, какое-то серое бесформенное пятно. Одиннадцать кадров были темными и расплывчатыми, и только один, последний — светлым и четким. В кадре на тонких стеблях, как на нитках, стояли пушистые шары одуванчиков. И в воздухе замерла стрекоза, словно маленький вертолет над аэродромом-листком.

БАЛБЕС

Мать всегда ставила мне в пример Филиппа. Во всем. Однажды я делал планер, и мне нужен был клей; я полез в кухне на полку и нечаянно разбил две тарелки. Мать тут же сказала, что я неаккуратный, непослушный, взбалмошный и так далее, и что вот Филипп никогда не разбивает тарелки — он такой примерный мальчик. Примерный, вдумчивый, воспитанный, вежливый и так далее.

А между тем Филипп был ни с чем пирог; даже не умел играть в футбол — с мячом он был беспомощен, как пес на заборе.

Целыми днями Филипп пиликал на скрипке — его готовили в великие музыканты. Я не любил Филиппа. Он это прекрасно знал. Да и как его можно было любить?! За что?! Всегда идет по двору со своей скрипкой, намурлыкивает что-то под нос и ничего не замечает вокруг, будто он на небе. Чтобы его опустить на землю, я подкрадывался сзади и хлопал его по плечу.

— Привет, Бетховен!
— Привет, — вздрагивал Филипп.
— Ну как? — усмехаясь, бросал я. — Все пиликаешь?
— Пиликаю, — говорил Филипп и робко улыбался.
— Ну пиликай, пиликай, — насмешливо кривился я, а сам думал: «Ну и балбес».
— Настоящий мальчишка должен быть спортсменом, — говорил я Филиппу, — а на скрипочках пиликают только маменькины сынки, разные парниковые цветочки. Неужели не понимаешь, что занимаешься ерундой?
— Понимаю, — улыбался Филипп, — но ничего не могу с собой поделать. Привык уже.
Так и говорил «привык». Вот чудило!
— Так у тебя вся жизнь пройдет, голова! — возмущался я.
— Что поделаешь, — говорил Филипп и все улыбался.
Это меня уже злило по-настоящему; я уже готов был на него наорать, но сдерживался и снова начинал терпеливо, доходчиво ему втолковывать что к чему. А Филипп смотрел на меня и уже смеялся, как дуралей.
— Ты все понял? — под конец спрашивал я.
— Филипп хохотал и кивал:
— Все!
Я вздыхал; ну, думал: «Слава богу, дошло», а на другой день опять встречал его со скрипкой.
Как-то я вполне серьезно сказал ему:
— Может, тебе помочь бросить музыку и научить чему-нибудь другому? Например, играть в футбол?
И Филипп неожиданно оживился.
— Конечно, помоги! Что ж ты раньше не догадался?! Все только ругаешься!
Я немного растерялся — удивился поспешности Филиппа. Мне даже стало жалко его.
Ну ты совсем-то музыку не забрасывай, — сказал я. — Играй иногда. Может, из тебя что-нибудь и выйдет.
— Да нет уж! Чего там! Брошу совсем, — засмеялся Филипп. — Футболистом быть лучше, это всем ясно. Только завтра у нас в училище концерт. Отыграю его и все.
На следующий день с утра я ходил по комнате и думал, чем бы заняться? Змея делать не хотелось, да и нитки нужно было искать. Рисовать надоело — много рисовал накануне; к тому же карандаши были не заточены. Все ходил и думал. Но ничего стоящего не лезло в

голову, как назло. А тут еще наш кот на полу нахально развалился. Пнул его как следует; засунул руки в карманы; снова хожу, думаю, и все выглядываю во двор — не вышли ли ребята с мячом. Но ребят почему-то не было.

И вдруг пришла мать и сказала, что все ребята давно на концерте в музыкальном училище и только я прохлаждаюсь дома, потому что я невоспитанный, ленивый, взбалмошный и так далее.

Прибежал я в училище, а там на самом деле все ребята с нашего двора; сидят, слушают, как играет на рояле какой-то мальчишка — запрокинул голову и колошматит по клавишам.

Я присел на крайний стул рядом с Вовкой Карасевым, тоже приготовился слушать, но тут мальчишка перестал мучить инструмент и все ему захлопали.

Затем на сцене появился Филипп со своей скрипкой и объявил, что сыграет пьеску, которую сочинил сам.

Я хихикнул. Все обернулись и посмотрели на меня, но как-то с уважением — наверно, подумали, что уж кто-кто, а я-то знаю, какая это «пьеска».

Филипп начал играть. Я отвернулся к окну и стал смотреть на солнце, а оно, словно рыжий проказник, как раз уселось на карниз противоположного дома и прямо-таки расплавляло оградительную решетку и, казалось, вниз сыпятся слепящие искры. Потом солнце немного спряталось за крышу и стало корчить мне рожицы — как бы выманивало на улицу, — «залезай, мол, на крышу, будем пускать зайцев, раскидывать стрелы, слепить прохожих, высвечивать темные закутки...»

Солнце почти скрылось за домом, оставив на небе веер лучей; они вспыхивали у конька крыши и, разглаживая небо, растягивались до самого горизонта; они дрожали и таяли и, точно золотые струны, издавали звуки. Эти звуки заполнили все пространство вокруг меня, и я вдруг стал легким, как одуванчик. Оттолкнувшись от стула, я сразу очутился на подоконнике, распахнул окно и... полетел.

Я увидел сверху нашу улицу, двор, наш дом и дом Вовки. «Как жаль, — мелькнуло в голове, что никто не видит моего полета. Вот бы ребята позавидовали!..»

Я вернулся в училище, когда солнце совсем исчезло и на небе потух его отсвет. Как только я опустился на стул, раздались рукоплескания. Я подумал — это приветствуют меня, мой героический полет, хотел встать и поклониться, но вдруг почувствовал толчок в бок. Повернувшись, увидел Вовку.

— Здорово играет Филипп. Как настоящий скрипач! — Вовка толкнул меня еще раз.

Только теперь до меня дошло, что звуки, которые я слышал, были «пьеской» Филиппа. Это его музыка так околдовала меня, что я почувствовал себя летящим.

Филипп давно кончил играть, и все ему хлопали, а я все не мог опомниться. Получалось, что в жизни есть вещи не менее интересные, чем футбол, а может быть, даже интересней, важней, захватывающей и так далее.

ФАНТИКИ

Случалось не раз — родственники подарят мне какую-нибудь штучковину, а я возьму и обменяю ее на что-нибудь у приятеля; а потом вещь приятеля еще раз обменяю. Мне все быстро надоедало — я любил разнообразие. Часто даже было все равно, что на что менять, лишь бы поменяться; мне нравился сам процесс обмена — он напоминал игру в «кошки-мышки». Так однажды я обменял фильмоскоп на книгу, потом книгу — на увеличительное стекло, а стекло отдал Юрке за снежную бабу, которую он слепил во дворе. Но на следующий день была оттепель, баба развалилась, и я остался ни с чем. Тогда я понял, что обмен бывает выгодный и невыгодный. Выгодный — это когда обменяешь какой-нибудь карандаш на воздушного змея, или на билет в цирк. А невыгодный, когда отдашь, например, краски за конфету, а конфету не обменяешь, а просто съешь. Это очень невыгодно. Когда я это понял, то решил делать только выгодные обмены.

Как-то пришел к Вовке и говорю:

— Давай меняться! Я тебе рогатку, а ты мне коньки.

— Ты что? Спятил? — чуть не заорал Вовка. — Какую-то рогатку на коньки!

— А что? — говорю. — Коньки — это так себе! Все время бегай да бегай, еще упадешь да разобьешься. А рогатка — это ценная вещь! Это оружие! Можно подстрелить кого-нибудь.

— Не втирай мне очки! — говорит Вовка. — Думаешь, я совсем дурак?

— Никакие очки я тебе не втираю, — говорю. — Коньки нужны только зимой, а зима скоро кончится. А вот рогатка нужна и зимой и летом — оружие на все времена года, учит меткости и ловкости.

— Все равно не буду, — говорит Вовка. — Вот на твой мяч давай! На мяч, пожалуйста, а на рогатку ни за что!

— Нет, — говорю, — мяч мне самому нужен.

— Как хочешь! — говорит Вовка и поворачивается.

— Постой! — говорю. — Ладно, давай на мяч. «Все равно, — думаю, — выгодно. Мяч-то у меня старый, а коньки новые».

Обменялись мы с Вовкой. Взял я его коньки, вышел во двор. «На что бы их обменять, — думаю, — повыгодней?!» Хорошо бы на лыжи, а лыжи потом на велосипед, а велосипед на мотоцикл. Вот здорово было бы. Помчал бы куда-нибудь!»

Иду так, размышляю, фантазирую. Вдруг навстречу Генка с санками. Только я раскрыл рот, чтобы предложить ему обмен — коньки на санки, как Генка говорит:

— Давай меняться!

— Что на что? — спрашиваю.

— Твои коньки на мои фантики!

От неожиданности я даже немного побледнел. «Вот ловкач, — думаю. — Считает меня совсем ослом. Ну, погоди! Я тебя перехитрю!»

— Давай, — говорю. — Только дай мне в придачу санки.

— Ладно, — говорит Генка. — Дам. А ты мне тогда к конькам прибавь свой фотоаппарат.

Я совсем обалдел. «Ну и хитрец!» — думаю, но не показываю вида, что понимаю, как он меня дурачит.

— Хорошо, — почти спокойно говорю. — Только ты отдай мне еще и свой велосипед.

Генка замолчал, а потом вдруг рассмеялся.

— Знаешь, — говорит, — я передумал меняться. Я тебе просто подарю фантики. Просто подарю, и все. У меня сегодня хорошее настроение, всем хочется делать приятное.

Я усмехнулся и про себя подумал: «Хорошее настроение! Приятное! Как же, как же. Так я тебе и поверил! Уж ты подаришь фантики просто так, ни за что. Здесь явный подвох. Хочет меня облапошить по-крупному». Но я опять-таки решил притвориться, что ничего не понимаю, не улавливаю его хитрованского плана.

— Ладно, — говорю. — А я тебе дарю коньки. — Говорю, а сам думаю: «Ну, что теперь придумаешь?»

Но Генка вдруг поджал губы.

— Нет, коньки — дорогая штука! Это я взять не могу.

— Ну что ты, — усмехаюсь. — Бери! Они мне вовсе не нужны, я накатался вдоволь, меня от них просто тошнит.

— Нет, нет, — упирается Генка. — Не могу! Купить — еще туда-сюда, но взять как подарок — не могу. Это выше моих сил!

— Да бери, — говорю. — Вот чудак! — Я почти сунул ему коньки в руки.

Генка помолчал, потом вздохнул.

— Ну уж ладно, уговорил. На фантики и давай коньки.

ПОДАРОК ДЕДА МОРОЗА

В начальных классах школы Новый год для меня мало чем отличался от других праздников. Я считал, что в празднике главное — подарки, а раз так, то какая разница — Новый год это или день рождения. Елка, конечно, немного отличала Новый год от других праздников, но водить хоро-воды и петь песенки я считал занятием маменькиных сынков.

Вовка Карасев, наоборот, больше всех праздников любил Новый год — в новогодний вечер усаживался перед окном и ждал Деда Мороза, и каждый раз его сонного перетаскивали в постель, а утром он бичевал себя за то, что не дождался полуночи.

Вовка жил в доме у шоссе; мимо их окон то и дело проносились грузовики и от грохота дребезжали окна, а вечерами по стенам от фар ползли светлые полосы.

Вовка хотел стать шофером; по всей улице собирал поломанные игрушечные автомашины, чинил их, а потом возил грузы, устраивал автогонки. После школы Вовка часам торчал на соседней автобазе. В основном около самосвала дяди Феди — подавал мастеру инструмент, гайки, болты. Всякий раз, завидев Вовку, дядя Федя восклицал:

— Ого! Автомобильный ас пожаловал. — И подмигивал приятелям. Потом хлопал Вовку по плечу и добавлял:

— Хорошо, что явился, классный водитель. Без тебя ничего не клеится. — И смеялся.

Во время перекура, так же посмеиваясь, дядя Федя рассказывал Вовке про рычаги управления, объяснял, зачем та или иная деталь. Вовка никогда не мог понять — шутит дядя Федя или говорит серьезно, тем не менее, все больше изучал машину.

Часто дядя Федя говорил:

— Ну давай, гроза шоссе, показывай, где там надо залатать?

И Вовка показывал царапины и вмятины.

Когда дядя Федя уходил обедать, Вовка забирался в кабину самосвала, включал скорости, прыгал на сиденье, крутил руль-баранку — представлял, как несется по шоссе.

Каждый день Вовка ходил на автобазу и через полгода уже считал себя профессиональным водителем и механиком. Не хватало только своего самосвала.

Однажды под Новый год Вовка встретил на улице дядю Федю.

— Ого! Кого я вижу! — проговорил дядя Федя нетвердым голосом. — Волкодав дороги! Ну-ка, иди сюда. Ахнешь, что тебе скажу, — дядя Федя нагнулся к Вовке и прошептал:

— Щас только с Дедом Морозом виделся. Он обещал в этот раз притащить тебе настоящий грузовик.

Вовка поднял глаза на дядю Федю и онемел от удивления.

— Да, да, точно, настоящий, — продолжал дядя Федя серьезно. — Уж ты, говорю, дед того! Смотри, Вовке-то пригони самосвальчик. Чего тебе стоит-то! Он, Вовка, говорю, парень наш, мировой... Пообещал... Так что все в порядке. Жди.

— Настоящий самосвал?! — еле выдохнул Вовка. — Как у вас?

— Лучше! Лучше, черт побери! — дядя Федя подмигнул и побрел в сторону.

В новогоднюю ночь Вовка долго не мог уснуть. Все вглядывался в морозное окно, ждал, когда к дому подкатит Дед Мороз на самосвале.

Утром, проснувшись чуть свет, Вовка бросился к окну и увидел чудо: прямо перед домом тарахтел новенький, сверкающий краской самосвал! Вовка накинул тулуп, ушанку, валенки, выбежал на крыльцо; он не сомневался, что это его, Вовкин самосвал: «Ведь такого на базе нет. К тому же стоит заведенный, а в кабине никого. Наверняка, Дед Мороз пригнал его ночью и оставил для меня».

Вовка влез на сиденье и покрутил руль. Потом выжал педаль, включил скорость и... самосвал медленно покатил.

Чем быстрее ехала машина, тем радостней становилось Вовке; он даже хотел запеть, но вдруг самосвал начал сползать в сторону и, круто повернув, уткнулся в сугроб. Вовка стукнулся лбом о руль-баранку; мотор заглох.

Потирая лоб, Вовка вылез из кабины и увидел — к нему со всех ног бежит дядя Федя и рядом незнакомый шофер.

— Ты что, спятил?! — кричал дядя Федя, а шофер грозил кулаком.

Подбежав, дядя Федя дал Вовке подзатыльник и кинулся осматривать машину.

— Все цело, — сказал шоферу и смахнул пот с переносицы.

— Ну и шкет! — проговорил шофер. — У вас здесь все такие?

— Да нет, — махнул рукой дядя Федя. — Это только он такой!

— Дядь Федь! — тихо сказал Вовка. — Ты же говорил... — Вовка хотел напомнить дяде Феде про его разговор с Дедом Морозом, но какой-то горький комок застрял в горле, он не выдержал и заплакал.

— Говорил, говорил, — проворчал дядя Федя. — Мало ли что говорил... Соображать надо. Парень-то вон уж какой!

Дядя Федя с шофером влезли в кабину, завели мотор и поехали назад. А Вовка еще долго стоял на дороге и тер глаза кулаками.

...Странно, но через несколько лет мы с Вовкой поменялись местами. Для него Новый год стал только поводом повеселиться, а я стал ждать Деда Мороза и надеяться на какое-то волшебство.

СОБИРАТЕЛЬ ЧУДЕС

Женька был длинный и худой, с удивленным немигающим взглядом, как будто все видел впервые. Тысячу раз мы гоняли в футбол между берез на нашей улице, но он всякий раз вздыхал:

— Ох, ну и березы! Во великаны!

Или частенько, задрав голову к небу, бормотал:

— Эх, погодка! Красота! — глубоко вздыхал и закрывал глаза от удовольствия. Это «Погодка! Красота!» я слышал от него каждый день. Даже в дождь и слякоть ему все было «красота».

А овощи, которые мы таскали с огородов, он считал чуть ли не заморскими фруктами.

— Никогда таких не ел! — смаковал какую-нибудь морковь и причмокивал и облизывался.

Змей, которого мы запускали, ему вообще казался лучшим в мире.

— Чудо, а не змей! — вопил и весь дрожал от возбуждения.

Я не любил Женьку — он слишком всем восторгался. И главное, не тем, чем надо. А вот футбол почему-то не очень-то любил и почему-то не ездил с нами на рыбалку.

С Женькой я никогда не разговаривал на серьезные темы — только о погоде.

— Ну, как погодка? — спрошу и усмехаюсь.

— Красота! — заулыбается Женька. — Красота погодка! — и помашет ладонью на покрасневшее лицо (если жара невыносимая) или подышит на варежки (если мороз трескучий).

Как-то мы с Вовкой собрались на рыбалку. С вечера, как всегда, накопали червей, положили в садок хлеб, помидоры, огурцы, соль. Только упаковались, вдруг выяснилось — назавтра Вовкину мать вызывают на работу, и Вовке придется сидеть с младшим братом.

Взял я удочки (мы собирались у Вовки), пошел, расстроенный, домой. Бреду по улице и рассуждаю: «Идти на рыбалку одному или нет?». Вроде бы идти надо — целую банку червяков накопали. В то же время одному идти скучно. Иду так, рассуждаю, вдруг навстречу топает Женька.

— Ого! — выпалил он, уставившись на удочки. — На рыбалку собрался?

— Как погодка будет? — обрезал я его.

— Красота погодка будет! Погодка будет что надо! Вот увидишь!.. Эх, — вздохнул он и поплелся рядом. — Мне бы с тобой.

— Куда тебе! Мамаша небось не пустит!

— Не пустит, точно, — откликнулся Женька. — А знаешь что?.. Я удеру! — он схватил меня за руку и его глаза совсем полезли из орбит.

Я встрепенулся:

— Как так?

— А так! — воскликнул Женька и, наклонившись ко мне, проговорил заговорщическим голосом:

— Ты свистни под нашим окном, когда пойдешь. Я незаметно и вылезу... Вот только удочек у меня нет. Дашь одну?

Я подумал, что идти на рыбалку с таким мямлей, как Женька, хорошего мало. «Но все ж вдвоем, — решил. — Говорить с ним ни о чем не буду, а станет мешать — уйду в другое место».

— Ладно, дам, — сказал я. — И смотри! Свистну рано, если сразу не вылезешь, больше свистеть не буду.

— Вылезу, — заверил Женька.

Будильник загремел, когда в открытое окно еще тянуло сыростью и в палисаднике зеленел полумрак. Вскочив, я быстро оделся, взял снасти и вышел на улицу.

Солнце еще не всходило, но в березах уже кричали птицы. Я направился к дому Женьки. Я был уверен, что он не пойдет, и спешил в этом убедиться, чтобы потом обозвать его болтуном и трусом. Подойдя к его дому, засунул в рот пальцы и свистнул. Как и ожидал, из окна никто не выглянул.

«Дрыхнет, трепач», — усмехнулся я и только хотел свистнуть еще раз — потрясти воздух как следует, как вдруг из-за угла дома выглянула его голова. Приложив палец к губам, он процедил:

— Тц-ц-ц!.. — и, перешагивая через мокрые от росы цветы, заспешил ко мне. — Я давно тебя жду, — поеживаясь, прошептал. — Только мои уснули, я сразу драпака. В сарае отсиделся, замерз...

«Надо же!» — удивился я про себя, сунул Женьке одну удочку и мы повернули к реке.

— Видал, сколько росы?! — подтолкнул меня Женька. — Значит, погода будет отличная... Ух, и половим!.. Как ты думаешь, мы много поймем?

Я только пожал плечами.

Когда мы спустились к реке, уже взошло солнце, и туман над водой стал рассеиваться. Я начал готовить снасть.

— Ух ты! Кто-то рисует водяные знаки! — вдруг громко поразился Женька и показал на зигзаги, которые чертили на поверхности воды плавники мальков.

— Тише ты! Рыбу распугаешь! — прохрипел я и зло посмотрел на «горе-рыболова».

Женька закрыл рот и стал спешно разматывать удочку. Только я забросил снасть, как Женька увидел водомерок, и у него опять вырвалось:

— Ух ты, как конькобежцы!

Я показал ему кулак и, сдерживая голос, бросил:

— Еще слово — и получишь!..

Женька смутился и тоже забросил удочку. Минут десять он стоял молча, только тарашил глаза по сторонам и строил мне гримасы, как бы говорил: «Видел это?» или «Заметил то?».

«Никак не поймет, дуралей, что это я видел тысячу раз», — усмехнулся я про себя, и в этот момент мой поплавок задергался. Сделав подсечку, я потянул удилище, и на песок плюхнулся полосатый окунь. Женька сразу бросил свою удочку, подбежал ко мне и тихо затараторил:

— Ай-я-яй! Ой-е-ей!

Пока он рассматривал окуня, его поплавок резко поплыл в сторону.

— Смотри! — я толкнул его в плечо.

Женька метнулся к удилищу, схватил его обеими руками и попятился от воды. Он семенил до тех пор, пока на мелководье не плеснуло и в песке не затрепетал небольшой голавль. Бросив удилище, он подбежал к рыбе, схватил ее и, прижав к животу, затанцевал от радости. Он успокоился, только когда я стукнул его меж лопаток; тогда снова взял удочку и притих.

Солнце поднялось выше, и по воде прямо на нас побежала слепящая полоса; у наших ног она обрывалась в прыгающие блики. Женька опять засиял, растянул рот в улыбке.

— Чудо! Настоящее чудо! — забормотал.

«Вот олух, — злился я. — Солнце, что ли, никогда не видел? Где там чудо?.. Все такое обычное».

Через час я поймал еще трех окуней и одну плотвичку. Женька выудил крупного ерша; каждую мою рыбу он встречал восторгом, рассматривал и так и сяк, щелкал языком, а отцепив своего ерша, сказал:

— Спасибо, что взял меня на рыбалку... И вообще здорово, что я убежал!..

Стало припекать. Потянул ветерок. На другой стороне реки закружил коршун.

— Высматривает мышь на земле? — тихо спросил Женька, но я ничего не ответил.

После рыбалки, не переставая улыбаться, Женька сказал:

— Давай пойдем через лес? Мои все равно уже встали, все равно мне влетит. Пойдем, а?

Дорога через лес была длиннее, но зато по пути можно было набрести на куст малины или россыпь ежевики.

— Ладно, пойдем, — нехотя согласился я. — Только не скачи, как козел. Иди спокойно!

В лесу было еще холодно и от деревьев падали длинные тени. Вначале мы прошли редкий осинник, в котором бродили овцы и щипали тонкую траву. Потом вступили в сосновый бор с высокими замшелыми стволами.

— Какой-то сказочный, совсем сказочный лес, — тихо вторил Женька. — Наверное, в нем полно разных леших?

Я презрительно фыркнул, и Женька стушевался, покраснел....

Через два дня мы рыбачили с Вовкой. Как всегда, Вовка удил сосредоточенно, молча; сидел, впившись в поплавок, и только подсекал. Он вытаскивал одну рыбку за другой, деловито снимал с крючка и, опустив в садок, наживлял нового червя. Вовка поймал штук двадцать рыбин, а у меня что-то ловля не клеилась. Вначале я засмотрелся на восходящее солнце и на его отражение в воде — оно выглядело, как расплавленное золото. Потом заметил множество маленьких солнц в каплях росы, в мокрой листве, в ракушках, в паутине. Потом стал разглядывать распускающиеся цветы, из которых вылетали жуки; потом — ласточек, проносившихся над водой, и высокие кучевые облака, похожие на белый каракуль.

КАК НА КАЧЕЛЯХ

рассказы о школе

ПЕРВЫЙ УРОК

Когда я должен был идти в школу, родители купили мне портфель, букварь, тетради, пенал, ручку, карандаш и ластик. Стал я ждать первого сентября. Все рассматривал свои принадлежности, переключал их из одного отделения в другое. Переключал, переключал и вдруг подумал, а если меня спросят что-нибудь, а я не знаю?! Что тогда?! Скажут: «Иди обратно в детский сад». Да еще поставят двойку, огромную, как гусь. Такого позора я не пережил бы, и мне сразу расхотелось идти в школу. Но первого сентября мать дала мне в руки горшок с цветами и все же повела в школу. Еще дома я сказал ей:

— Не хочу идти в школу.

— Это почему же? — спросила мать.

— Не хочу, и все.

— Тебе там понравится.

— А если не понравится?

— Понравится, вот увидишь. Все ходят в школу, и ты должен идти. Не хватало еще чтобы ты остался неучем! И потом, интересно, каким же образом ты станешь капитаном без знаний?!

Я, действительно, планировал стать капитаном дальнего плавания, но все думал — как бы сразу поступить в мореходное училище, минуя школу?

По дороге в школу я сказал матери:

— Вряд ли мне там понравится, но ладно! Один раз схожу, посмотрю. Если не понравится, больше ни за что не пойду.

Когда показалась школа, мне опять расхотелось в нее идти.

— Я только загляну, — сказал я матери. — Если не понравится, сразу сбегу.

Около школы толпились мальчишки и девчонки с портфелями и ранцами. Они выстраивались цепочками от ступеней школы. На ступенях стояли учителя и в руках держали картонные квадраты с буквами: «А», «Б», «В». В одной цепочке я заметил мальчишку с бумажными погонами, на которых были нарисованы большие генеральские звезды. Учительница с буквой «В» заметила мальчишку, улыбнулась и отдала ему честь.

Мать подвела меня к учительнице с буквой «Б», и я встал за какой-то девчонкой; в одной руке девчонка держала портфель, другой сжимала куклу. Учительница с буквой «Б» стала ходить вдоль нашей цепочки и всех пересчитывать. Около девчонки с куклой остановилась и сказала:

— Куклу спрячь в портфель и в следующий раз в школу не бери.

Учительница с буквой «Б» мне сразу не понравилась. Я вышел из цепочки и подбежал к матери.

— В чем дело? — к нам подошел толстый дядька в очках. — Тебя как зовут?

— Егор Смехов, — сказала мать.

— Очень хорошо, Егор Смехов. А я директор школы Борис Васильевич. Так почему ты сбежал?

— Ему учительница не понравилась.

— Вот это да! — удивился директор. — Ну, хорошо. Мы сделаем вот что! Пойдем, ты сам выберешь себе учительницу.

Директор подвел меня к учительницам, наклонился и шепнул:

— Выбирай!

Я показал на учительницу с буквой «В».

— Очень хорошо! — сказал директор. — Ты молодец, бьешь без промаха. В самом деле выбрал лучшую учительницу. Ирина Николаевна, принимайте Егора Смехова!

Учительница с буквой «В» улыбнулась и первым провела меня в класс.

Рассадив всех за парты, учительница стала каждого записывать по имени и фамилии. Моим соседом оказался мальчишка с погонами. Сашка Карандашов. Он меня спросил:

— Читать умеешь?

— Угу, — сказал я.

— Ну, сколько будет три да три?

Я стал загибать пальцы под партой. Потом говорю:

— Пять.

— И нет! — засмеялся Сашка. — Во сколько, — и пальцем нарисовал в воздухе семерку. Затем снова спросил:

— Ты кем хочешь стать? Я — генералом.

— Я буду капитаном дальнего плавания, — сообщил я Сашке и подробно рассказал, как буду бороздить океанские просторы. В заключение я предложил Сашке место боцмана на моем судне.

Сашка тут же согласился и даже выразил готовность на время плавания сменить генеральские погоны на боцманские.

Когда учительница закончила всех переписывать, одна девчонка на первой парте вдруг запела, а потом встала и направилась к двери.

— Лена Покровская, ты куда? — спросила учительница.

— Тузика кормить, — сказала Ленка, и все засмеялись.

И учительница улыбнулась. А потом посадила Ленку снова за парту и сказала:

— Тузиков и Мурзиков будем кормить после уроков. И попугаев тоже. У меня, например, дома живет попугай. Он знает двадцать слов. Целый год их учил. А мы должны эти слова выучить за неделю. Начнем с букв, — учительница взяла мел и подошла к доске...

Учительница мне понравилась и понравилась Ленка Покровская, но больше всех — Сашка Карандашов. У него были замечательные погоны. Он обещал мне сделать такие же, но с якорями, и предложил после школы слазить в угольную яму и посидеть на бревнах. И еще обещал познакомиться со своей собакой.

— Все думают, она девочка, — сказал Сашка, — а он мальчик, потому что гоняется за кошками.

В общем, в школе мне понравилось, вот только перемены оказались слишком короткими.

ЗАДАЧКИ

В третьем классе мы с Сашкой неожиданно стали отстающими по арифметике. Все началось с задачек. Мы наловчились сами придумывать задачки. Сделаем быстренько домашнее задание, разные там примеры и начнем выдумывать задачки. Для одноклассников. Сашка придумает что-нибудь такое: «Дорого или дешево продавать хороших жирных червей по десять копеек за штуку, если на такого червя можно поймать леща на десять рублей?». А я придумую еще заковыристей: «Если тряпку бросить в ведро с водой и вынуть не через пять минут, а через час, она будет мокрее или нет?».

Над нашими задачками одноклассники сильно ломали головы. Случалось, мы и друг друга ставили в тупик. Например, Сашка подумает, подумает и говорит мне:

— Ты пошел в школу коротким путем. Пошел через забор, да порвал штанину. Пошел назад, чтобы мать зашила, да споткнулся о камень. И у тебя над глазом появился фонарь. Пришел домой, а тебе еще мать всыпала за то, что ходишь не как все. Сколько ты всего получил тумачков?

А я сразу Сашке в ответ:

— Ты списал задачку у Генки, а я у тебя, и мы все получили по двойке. После уроков я хотел бить тебя, потому что ты плохо списал у Генки. А ты хотел бить Генку, потому что он неправильно решил. Кого надо было бить?

И так все время, изо дня в день. Мы с Сашкой придумали около сотни задачек, честное слово. Целый учебник можно было составить.

Однажды на уроке учительница Ирина Николаевна велела каждому придумать по задачке. Все ребята как-то сразу приуныли, но мы-то с Сашкой, ясное дело, обрадовались. Уж что-что, а задачки-то мы придумывали отлично, здесь нас никто не мог переплюнуть.

— Пара пустяков, — громко проговорил Сашка. — Раз-два — и готово! Сколько задачек надо придумать, Ирина Николаевна?

— Всего одну, Карандашов. И успокойся, пожалуйста, и не прыгай! А ты, Смехов, — это относилось ко мне, — перестань ему подмигивать. В классе стало тихо, только было слышно, как перья скрипят.

— Давай про болезни что-нибудь, — шепнул мне Сашка.

— Давай, — я пожал плечами. — Мне все равно про что. Про болезни, так про болезни.

Сашка придумал такую задачку: «У Пети болела голова, и ему купили всяких сладостей. Коля объелся огурцов, и, чтобы не ревел, ему подарили пробочный пугач. Ваня вывихнул ногу, и ему купили самострел. Чем лучше всего болеть?».

А я написал: «Петю укусила собака пять раз, а Ваню два. Петю положили в больницу, и его родители принесли ему целую корзину пирогов. А Ване только купили конфету. Кому лучше: Пете или Ване?».

Мы с Сашкой первыми сдали свои задачки и стали посмеиваться над соседями, шепотом давая советы, пока нас Ирина Николаевна не вывела из класса.

На другой день мы с Сашкой получили по двойке. От такой неожиданности я сильно расстроился и домой пришел в неважном настроении, но чтобы родители не разгадали причину моего состояния, сделал вид, что мне очень весело. Ходил и нарочно громко пел.

После ужина мать забеспокоилась:

— С чего это ты так распелся? Уж не заболел ли?

А отец встал из-за чертежного стола (он работал и по вечерам) и буркнул:

— Ну-ка, покажи дневник!

У меня внутри все так и заледенело.

Ну, а потом отец в наказание велел мне весь вечер стоять за бойлерной, да еще спиной ко двору. И вот, значит, стою я там, стою, вдруг краем глаза вижу — Сашка идет. Весь замызганный какой-то.

— Чтой-то ты, Сашка, — говорю, — такой грязный?

— Отец веником вздул, — пробормотал Сашка. — А ты что там? На доски смотришь?

— Ага, — говорю. — Меня сюда отец поставил. На весь вечер.

Сашка только присвистнул:

— Мне лучше.

На следующий день к нам с Сашкой, как к отстающим, прикрепили Ленку Покровскую, отличницу. Сразу после уроков Ленка устроила нам дополнительные занятия.

— Сядьте за парту, и слушайте внимательно, — строго произнесла она — точь-в-точь как Ирина Николаевна. — Очень хорошо, что вы придумываете задачки. Но ваши задачки все глупые. Арифметика учит

считать, а в ваших задачках нет счета. Вы думаете, они смешные, да? И нет вовсе. Они глупые, вот какие! И у них нет одного ответа. Каждый может ответить, как ему вздумается.

— Дурочка ты Ленка! Нет ответа! — поморщился Сашка. — В моей задачке каждому ясно, что лучше всего вывихнуть ногу. Сразу получишь самострел.

Ленка оторопело заморгала глазами, потом взглянула на меня.

— А ты, чем хотел бы заболеть в его задачке?

— Чтoб болел живот от огурцов. Пугач лучше самострела.

— Вот, — обрадовалась Ленка, и повернулась к Сашке. — Вот видишь, он выбрал бы пугач.

— Ты что, спятил? — накинулся Сашка на меня. — Самострел же лучше!

— Вот еще! — хмыкнул я. — Лежать неделю с больной ногой. Нет! Пугач лучше. Стрела улетит, и все. А пробок везде полно.

— Не спорьте, — улыбнулась Ленка. — Давайте лучше вместе придумаем задачку. Со счетом и с одним ответом.

— Про что? — оживился Сашка.

— Про что хотите.

— Может, про море? — ввернул я. — Про море лучше всего. Корабль тонет, и все спасаются.

— Точно, — кивнул Сашка. — Десять человек сели в лодку, а остальные взяли спасательные круги. Сколько спаслось, и сколько утонуло?

— Нет, нет, — Ленка замахала рукой. — Никто не утонул, все спаслись. Десять человек сели в одну лодку, десять в другую, а остальные взяли круги. Сколько было людей на пароходе, если кругов было...

— Семь! — подсказал я.

— Да, семь, — согласилась Ленка.

— Десять, десять, да еще семь, — Сашка закатил глаза к потолку и выдохнул: — Двадцать семь.

— Правильно! — возликовала Ленка. — Замечательная задачка.

— Завтра весь класс ахнет! — вскочил Сашка.

А я уже представил, как наши двойки сами собой исправляются на пятерки.

БЕДНЫЙ ТУРГЕНЕВ!

Что мы с Сашкой не любили по-настоящему, так это диктанты. Особенно на предложения, где много запятых. Из-за этих проклятых запятых мы с Сашкой постоянно получали двойки. У меня запятых всегда штук пять не хватало, а у Сашки было слишком много, почти после ка-

ждого слова — просто целый полк жирных таких запятых. Однажды перед диктантом Сашка храбро объявил мне:

— Сегодня весь наш ряд получит пятерки.

Он подвел меня к первой парте, за которой сидела Ленка Покровская — отличница; от нее тянулась нитка по всему ряду парт.

— Понял? — загадочно усмехнулся мой друг.

— Что понял? — спросил я.

— Эх ты, голова! Ленка будет дергать за нитку, когда ставить запятую, понял?

— Здорово! — удивился я. — Сам придумал?

— А кто ж еще! — заважничал Сашка. — Я и не то могу.

И это было правдой — Сашка слыл первоклассным выдумщиком.

Прозвенел звонок, в класс вошла Ирина Николаевна и объявила:

— Сегодня пишем диктант. Отрывок из рассказа Тургенева «Воробей».

Урок начался. Ленка Покровская намотала нитку на палец левой руки, а правой приготовилась писать. Сашка тоже левой рукой взял нитку, а правой ручку. Ирина Николаевна начала диктовать.

Как Сашка и говорил, после слова, где надо ставить запятую, Ленка дернула за нитку. Сашка вывел крючок и дернул Кольке Зайцеву, который сидел за ним. Колька поставил запятую и дернул Гальке Котельниковой. Галька поставила знак препинания и подала сигнал дальше. Так они и писали диктант.

На другой день весь Сашкин ряд, кроме Ленки Покровской, получил двойки. Вот как ребята написали одно и то же предложение:

Ленка Покровская: «Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой».

Сашка: «Моя собака медленно приближалась к нему как, вдруг сорвавшись с, близкого дерева старый черногрудый, воробей камнем упал перед самой ее мордой».

Колька Зайцев: «Моя собака медленно приближалась к нему как вдруг сорвавшись с близкого, дерева старый черногрудый воробей камнем, упал перед самой, ее мордой».

Только Жижин, который сидел на последней парте: «Моя собака медленно приближалась к нему как вдруг сорвавшись с близкого дерева старый черногрудый воробей камнем, упал перед, самой ее, мордой».

Бедный Тургенев! Что вы с ним сделали! — сказала Ирина Николаевна, зачитав вслух диктант Тольки.

ВОПРОСЫ

Последнюю парту, на которой сидел Толька Жижин, одни называли «Камчаткой», другие — «ослиной». И не зря.

Толька Жижин занимался борьбой и не упускал случая продемонстрировать «приемчики»: то и дело нас валил, ломал, душил. Правда, и к себе был суров: постоянно поднимал тяжести, отжимался от пола, бил себя палкой, чтобы сделать тело «нечувствительным к боли». И все время старался подчеркнуть свои выгодные качества: подходил и протягивал руку с сжатым кулаком.

— Потрогай мышцы!

Мышцы у него действительно были, как поленья.

Одно время Толька корчил из себя всезнающего ученого. При встрече всем задавал сложные вопросы:

— Знаешь, почему одна лягушка ловит комаров, а другая сидит под лопухом и попусту тратит время?

Спросит, засунет руки в карманы и едко ухмыльнется — видали, мол, какой я умный, все знаю.

Как-то этот умник с неделю изводил нас с Сашкой вопросами. В первый день подошел, принял вызывающую позу и ухмыльнулся.

— Ну, почему светятся светляки, знаете?

— Почему? — спросили мы.

— Вот то-то и оно, почему? — Толька прищурился, щелкнул языком. — Я-то знаю. Это вы скажите, — и снова загадочно ухмыльнулся.

Мы с Сашкой стали мучительно думать, ломать голову.

— Эх вы! Ничего не знаете! — бросил Толька и ушел, размахивая руками.

Мы побежали в школьную библиотеку, перекопали кучу книг, узнали про светящиеся пигменты на брюшке светляка и на следующий день все выложили Тольке.

Он выслушал, кивнул.

— Правильно. Ну, хорошо. А куда они улетают на зиму?

Мы с Сашкой понурили головы, совсем ошарашенные. А Толька довольный ушел, размахивая руками и насвистывая.

Мы снова помчали в библиотеку. Снова сообщили Тольке все, что вычитали. А он выслушал и — бах! Еще отчебучил пару вопросиков.

Так продолжалось несколько дней. Мы с Сашкой уже стали думать: «Какой же умный Толька! Столько знает о животных!». А тут еще услышали — он задает вопросы не только нам, но и другим ребятам. В общем, мы зауважали Тольку, в наших глазах он уже выглядел ученым. И вдруг все раскрылось.

Толька при всех задал вопрос Ленке Покровской.

— Знаешь, почему гремучая змея называется гремучей?

— Знаю, — улыбнулась Ленка. — Потому, что у нее на хвосте растут кольца, которые гремят, как погремушки.

Только раскрыл рот, чтобы задать еще один вопрос, но Ленка опередила его:

— А вот ты скажи. Кто может полгода не есть?

— Верблюд! — твердо заявил Толька.

— И нет! — Ленка тряхнула головой. — Паук!.. А кто видит, что впереди, сбоку, сверху, снизу и сзади?

— Сова!

— Нет. Стрекоза!.. Почитай книжки. Ты хитрый. Задаешь вопросы, чтобы тебе все узнавали. Чем заниматься своей дурацкой борьбой, лучше почитай книжки.

Толька покраснел и сразу из ученого превратился в круглого недоучку.

ДНИ НА ВЕРЕВКЕ

За окном была весна. По всему городу текли ослепительные ручьи, в оврагах бушевали водопады, и первые смельчаки гуляли без пальто. А мой друг Юрка лежал в больнице.

Уже запах талого снега сменился на запах сохнущей земли. Уже почки набухли и светились, как лампочки, уже от асфальта шел пар, и все тише бормотали задыхающиеся водопады, и облака становились высокими и неподвижными. А Юрка все лежал в больнице.

Уже солнце всю проказничало — раскидывало сверху стрелы; уже листвой покрылись метелки берез и в скворечнях галдели желторотые. А Юрка все лежал в больнице. Мой близкий друг Юрка лежал с тяжелой простудой. Он каждую весну простужался — такой был болезненный.

«Наверно, ему там скучно, — думал я. — Наверно, хочет со мной поболтать, сразиться в шашки... Но мне все некогда к нему зайти. Много дел; то одно, то другое».

Из нашего класса к Юрке ходила только Ольга Петрова, скучная, невзрачная тихоня; она вечно о чем-то грустила, вздыхала; если и заводила разговор — только о музыке и стихах — корчила из себя принцессу. Но я-то видел коварство этой тихони. Она прекрасно знала, что мы с Юркой неразлучные друзья, и навещала его мне назло. Я твердо знал, что нравлюсь ей и она завидует нашей с Юркой дружбе, ревнует к нему. Однажды сидим на уроке, а она пялит на меня глаза. Мне, конечно, приятно, но все же не очень. Что подумают ребята? Я дружу с девочкой! Этого мне еще не хватало!.. Я смотрю на нее с усмешкой и

отворачиваюсь. Вообще в тот день она была какая-то странная. На пере-мене подходит и тихо произносит:

— Мне надо тебе что-то сказать.

— Ну, говори! — Я засовываю руки в карманы, приготавливаюсь слушать.

— Не сейчас, — говорит. — После уроков.

До конца занятий у меня прекрасное настроение, даже напеваю тихонько. «Все, — думаю. — Не выдержала. Решила признаться, что от меня без ума».

Вышли мы с ней из школы, а она молчит. Прошли всю улицу — все молчит. Мне надоело ждать, и я спрашиваю:

— Ну, так что ты хотела сказать?

— Ты гадкий эгоист, — вдруг выпалила она. — Я все думала, ты догадаешься сходить к Юре в больницу? Но до тебя разве дойдет?! Ты бесчувственный, даже деревянный. И почему только он с тобой дружит?! — махнула рукой и ушла. Вот так и ошаршила меня — прямо заклемила позором. Да еще оскорбила. Мое настроение резко испортилось.

На следующий день я отложил все дела и пошел к Юрке.

Его кровать стояла перед окном; он сидел и что-то рисовал; худой, бледный и взгляд какой-то туманный. Увидев меня, отложил рисунок.

— Что так долго не приходил?

— Дела, Юрка. Полно всяких дел.

— Какие дела?

— Разные. Очень много разных дел. Просто тьма.

— А я вот скучал, скучал. Потом Ольга Петрова краски принесла. Стал рисовать. Каждый день по рисунку. Весну за окном рисовал, — Юрка показал в угол. Там, на бечевке висели прикрепленные зажимками акварели. На самой первой — еще зима, на последней — уже почти лето.

— А почему на веревке? — спросил я.

— Сохнуть повесил, да так и не снял. А теперь, вроде, выставка.

В палату вошла Юркина мать с букетом каких-то мелких цветов и разными сладостями в сумке-сетке. Кивнула мне, расцеловала Юрку в обе щеки.

— Весна — лучший доктор, — сказала. — От всех болезней вылечит.

В двери появилась Ольга Петрова; поздоровалась и протянула Юрке шоколад. Сразу за Ольгой шумно вошел доктор.

— Ну-с, как наше самочувствие? — обратился к Юрке и улыбнулся; распахнул форточку и в палату ворвался теплый воздух с гомоном птиц и голосами прохожих. Доктор пощупал Юркин пульс.

— Ну вот, все в порядке. Скоро будем выписываться. Видишь, и друзья стали к тебе наведываться, — он подмигнул Юрке. — Я всегда говорил: лучший способ узнать, есть ли у тебя настоящие друзья — немного заболеть. Как бы понарошку. Правда, здесь есть опасность — можно разболеться всерьез. А чтобы этого не случилось, не мешает принимать солнечно-воздушные и прохладно-водяные ванны. Одним словом — закаляться.

Юрку выписали из больницы другим человеком. Совершенно другим. Не внешне; внешне он быстро вошел в форму — начал принимать «ванны» и набрал вес, даже стал здоровее, чем прежде. Он изменился в отношении к ребятам. Теперь он никого не называл другом — только приятелем. Даже меня, своего давнего закадычного друга. Стоило мне заикнуться, что мы с ним «друзья до гроба», как он поправлял: «Приятели. И не до гроба, а до следующей весны». Теперь он дружил с Ольгой Петровой. Случалось, ребята подшучивали над ним, отпускали колкости в его адрес, но он не обижался. Даже наоборот — выставлял напоказ свою дружбу с девчонкой, и гордился этой самой дружбой.

ПЕЧАЛЬНЫЕ И РАДОСТНЫЕ ЗИМНИЕ ДНИ

Наш двор был красив во все времена года, но зимой особенно. В морозный солнечный день сугробы вокруг бойлерной блестели, как слюда, с деревьев сыпался иней и появлялись радуги. Зимние радуги! А в метель дули странные ветры — снизу вверх, и в воздухе искрилась колючая снежная пыль.

Дополнительную красоту двору придавали снеговики — они постоянно красовались по окружности двора — середину занимал ледовый пятачок, где мы играли в хоккей. Снеговиков мы лепили в каждую оттепель, как только снег становился липким. Лепили их великое множество: больших и маленьких, толстых и тонких, с бородами и усами, с шевелюрами из прутьев, и лысых, с метлами и лопатами в руках.

Некоторые взрослые считали снеговиков просто-напросто безмозглыми истуканами, но для нас они являлись полноправными жителями двора. Во всяком случае, я был уверен, что как только мы расходимся по домам, у снежных человек начинается своя интересная жизнь. Не раз я пытался подглядывать за ними в окно, но как только прикинул к стеклу, они, хитрецы, застывали в невинных позах. А по утрам я замечал, что многие из них стоят не на своих местах и было ясно — ночью они играли в какие-то игры, водили хороводы. Случалось, у одного снеговика нос оказывался на боку, у другого в стороне валялась метла, у третьего и вовсе не хватало руки, и я не сомневался — между ними произошла потасовка.

Так продолжалось всю зиму. С наступлением весны на лицах снеговиков появлялись грустные гримасы и они худели прямо на глазах. Я защищал их от солнца: прикрывал фанерой, тряпками, но с каждым днем они худели все больше, и еще темнели и оседали. И однажды выбежав во двор я замечал — они исчезли совсем. От них оставались только метлы и лопаты, да их шляпы — дырявые ведра, тазы. «Растаяли», — говорили взрослые, а мне казалось — убежали в холодные северные страны.

А на ледовом пяточке мы играли в хоккей. Прикручивали веревками коньки к валенкам и гоняли консервную банку, которая служила шайбой. Коньки на ботинках имели всего двое-трое ребят. Однажды в число счастливых попал и Сашка Карандашов — отец купил ему новенькие «гаги», и в мастерской коньки приклепали к новеньким ботинкам. В первый день Сашка катался до одури; даже в детский сад за младшим братом, куда его послала мать, отправился на коньках, чтобы не расслабляться. И по пути еще дал приличный крюк по улицам. А когда прикатил в детский сад, оказалось, что мать устала ждать «конькобежца» и сама взяла Сашкиного брата.

Обратно Сашка возвращался на ватных ногах, то и дело присаживаясь на снег отдохнуть. Недалеко от дома окончательно выбился из сил и свалился. На его счастье, в это время с работы возвращался электромонтер дядя Витя; он и дотащил Сашку.

Однажды и со мной приключилась подобная история. Даже похуже. Я, вроде Сашки, решил совершить конькобежный марафон на своих коньках, прикрученных к валенкам.

Я отправился на стадион, чтобы там покататься на ледяной дорожке. Накатался вдоволь — сделал десять кругов и последний проехал с закрытыми глазами — легко и красиво побил сразу два мировых рекорда. Но мой взлет закончился печально: на обратном пути я почувствовал жуткую усталость; решил снять коньки и дальше топтать в валенках, но как-то неуклюже подвернул ногу и рухнул от боли. Самое смешное — на том же самом месте, где и Сашка, каком-то заколдованном месте недалеко от дома — там пролегли обледенелые колдобины.

К дому меня подтащила наша дворничиха тетя Клава, подтащила на широкой лопате для уборки снега. У меня оказался вывих.

Но конечно, зимой было больше радостного. И когда лепили снеговиков, и когда строили снежные крепости, и когда устраивали снежные баталии, а однажды случилось сверхрадостное.

В те дни в нашем городке гастролировал передвижной цирк и дети артистов целый месяц посещали нашу школу. Эти ребята казались нам самыми счастливыми на свете, ведь они жили среди акробатов, жонглеров, клоунов, и сами участвовали в некоторых номерах; случалось, на

переменах вытворяли такие трюки! Но главное, ребята-циркачи объездили десятки городов, столько всего повидали! Точно иностранцы они даже жевали нечто экзотическое — парафин, в отличие от нас, которые жевали обычный вар.

В нашем классе новеньким оказался Вовка Фиников, сын дрессировщика мартышек. Что мне сразу понравилось в Вовке — он не зазнавался; когда его просили рассказать про обезьян или показать фокус, не кочевряжился, но главное — всех бесплатно проводил в цирк. Меня провел одним из первых, хотя в день его появления в классе между нами возникло трение. Дело в том, что на уроке истории учитель Николай Иванович разрешал садиться где вздумается и с кем захочется. Мы с Сашкой, естественно, договорились сесть вместе, и на первой парте — история была нашим любимым предметом. Я сел за парту, а Сашка где-то замешкался, и в этот момент в классе появился Вовка и хотел было плюхнуться рядом со мной, но я отчеканил:

— Здесь занято.

— Извини, — стушевался Вовка, но не показал вида, что обиделся. И все же, как оказалось, немного обиделся. Спустя неделю, когда мы возвращались из цирка, сказал мне:

— ...Эх ты! Я же никого не знал в классе, а ты сразу меня отвадил.

Тут уж стушевался я и попросил прощения.

Ну, а наше посещение цирка — самое яркое впечатление за всю зиму. Вовка подвел меня к служебному входу и сказал вахтерше, читающей газету:

— Теть Зин, он со мной.

— Ладно, проходите, — буркнула вахтерша, не отрываясь от газеты.

До начала представления я нетерпеливо ерзал на месте, бросал взгляд то в одну, то в другую сторону, и сильно завидовал Вовке, что у него отец дрессировщик, что он в любой момент может прийти в цирк. Лишь когда погас свет и объявили первый номер, я перестал об этом думать и даже забыл о Вовке. Больше того, как только на арену выбежали клоуны, я испытал такую бурю чувств, что вообще забыл, где нахожусь, и стал кричать и топать. Да и не я один — многие зрители. И вот в пик возбуждения я вдруг поймал себя на том, что все время толкаю кого-то в бок, а в ответ — никакой реакции, словно толкаю мешок с опилками. Повернулся и внезапно увидел... спокойное, каменное лицо Вовки — казалось, он нацепил маску.

— Ты что, Вовка?! — задыхаясь проговорил я.

— А-а! — протянул Вовка. — Я это уже тысячу раз видел... Пойми, я ведь смотрю не как простой зритель. Я смотрю на технику исполнения. Чисто сработано или не очень.

Я ничего не понял из этих слов, но каким-то странным образом Вовке удалось охладить мой пыл, правда ненадолго: когда клоуны начали палить из пистолетов, я развеселился снова.

После клоунов объявили: «Аттракцион с мартышками!». Вовка шепнул мне:

— Не знаю, все чисто пройдет или не очень. С утра животные что-то капризничали, — он подался вперед и сосредоточенно впился в арену.

Мне показалось, что все прошло безупречно чисто. Мартышки ходили по проволоке, делали сальто, вертелись на карусели, катались на автомобиле, играли на музыкальных инструментах и танцевали.

— Здорово! — еле выдохнул я после аттракциона.

— Ничего, нормально отработали, — вздохнул Вовка. — Был момент... но отец выкрутился. Не зря его называют профессионалом чистой воды. Эх, мне бы таким стать... Кое-что у меня с Мифом уже получается.

— Кто такой Миф?

— А та мартышка в красных шароварах... Кстати, а кем ты хочешь быть?

— Капитаном, — нерешительно выдавил я, прекрасно понимая, что еще ни шага не сделал на «морском» пути, в то время как Вовка к своей цели уже прошагал километры.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ И НЕЛЬСОН

Бывший артиллерист, учитель истории Николай Иванович имел странную фамилию — Редкий. Фамилия обязывала его быть необыкновенным человеком, и он был таким: особенным, исключительным, талантливым. Мало того, что Николай Иванович ввел новшество — рассаживаться где вздумается, он еще приучал нас самостоятельно мыслить, не зубрить, а размышлять. Например, расскажет про указы какого-нибудь Людовика и спрашивает, как бы мы поступили на месте короля. Или даст домашнее задание: нарисовать план, как стояли войска Карла XII в Полтавской битве. Николай Иванович вел урок творчески, вдохновенно; просто и доходчиво объяснял сложные вещи — как известно, это особый талант.

Все учителя пытались сделать из нас «интеллигентных мальчиков», Николай Иванович стремился вселить в нас дух «настоящих мужчин, защитников Отечества». С этой целью водил в исторический музей, рассказывал о полководцах, а в классе на доске по памяти рисовал их портреты (его красочный метод дал хорошие плоды — многие ребята после школы поступили в военные училища). Он вообще проводил с нами много времени вне школы. Однажды организовал сдачу макула-

туры, и все ребята разгрузили квартиры от хлама. А я, к огромному стыду, опростоволосился: отнес важные чертежи отца — они валялись под столом и я подумал, что отец их выкинул, — после чего в семье был нешуточный скандал. К счастью, мать сходила в пункт приема макулатуры и часть чертежей разыскали.

В другой раз (перед Новым годом) Николай Иванович решил сделать нам подарки; привел в «Детский мир» и у прилавка с масками сделал широкий жест:

— Выбирайте!

Одни ребята выбрали зайцев, другие медведей. А я оказался на высоте — взял маску осла (мне понравилась длинные уши). Кое-кто из ребят начал отпускать нелестные шуточки в мой адрес, но Николай Иванович тут же поставил их на место:

— Осел самое неприхотливое и трудолюбивое животное. Молодец, что взял эту маску. Ты яркий индивидуалист. Вполне возможно станешь личностью.

Еще больше похвал свалилось на голову Сашки. Он выбрал лошадиную маску, и ребята тоже начали посмеиваться.

— Напрасно смеетесь, — остановил их Николай Иванович. — Лошади издревле наши великие друзья и помощники. Например, они десятилетиями участвовали в сражениях. Если б не лошади испанцам было б труднозавоевать Америку. Просто туземцы до той поры не видели таких животных, и в панике бежали. От небольшого отряда всадников бежали тысячи вооруженных туземцев, так то...

Иногда Николай Иванович приглашал нас к себе, для «мужского разговора», и чтобы «снабдить литературой для внеклассного чтения». Прежде чем вручить книгу, он артистично прочитывал пару-тройку захватывающих страниц, чем сильно заинтриговывал нас — потом, дома, остальное мы просто проглатывали.

Раздав книги, Николай Иванович нарочито приказным тоном бросал жене, приветливой толстухе:

— Вера Петровна, пожалуйста, чай! — а нам подмигивал: — Мужчины должны заниматься делом, а женщины варить кашу и заваривать чай.

У Николая Ивановича жил кот. Понятно, у необыкновенного хозяина и кот был необыкновенный — одноглазый, по кличке Нельсон. Глаз он потерял, как и знаменитый адмирал, в сражениях (разумеется, кошачьих). Нельсон являлся полноправным членом семьи: обедал с хозяевами за столом (на отдельном стуле), спал с ними же на кровати; когда Николай Иванович отправлялся в школу, Нельсон тоже шел «на работу»: обходил дом, метил территорию. Обрато в подъезд его впускал кто-нибудь из соседей; он подбегал к двери и вопил на весь дом.

Каждую весну Нельсон уходил на три-четыре дня «на свадьбу». Однажды прошла неделя, а он все не появлялся. Николай Иванович с женой забеспокоились. Потом заметили: перед дверью соседки, у которой жила собака девица, лежит пес жених. И на первом этаже под почтовыми ящиками лежит еще один поклонник страдалец. И перед подъездом — третий. Тут Николай Иванович и понял, почему Нельсон не возвращается; пошел на поиски и за домом обнаружил кота — он весь трясся от страха. Такой был «адмирал».

КАК НА КАЧЕЛЯХ

Моя мать всегда просыпалась с улыбкой и всегда по утрам напевала. Отец говорил, что у нее счастливый характер. Я же постоянно вставал с «левой ноги». Утром меня раздражало карканье ворон, бой часов у соседа, даже запах жареной картошки, тянувший из кухни. А уж пасмурные дни наводили такую тоску, что я подолгу не вылезал из-под одеяла. Как-то в один из таких дней мать подошла к моей кровати и сказала:

— Вставай скорее! Ты хотел уроки доделать, задачи решить. И завтрак готов.

— Еще посплю немного, — буркнул я и натянул одеяло на голову.

«Зачем вставать, когда под одеялом так тепло. К тому же задачи можно решить и под одеялом, а потом встать и быстренько записать». Но мать продолжала меня тормозить:

— Эх ты, курица, а не мужчина. Говоришь одно, а делаешь другое. Вставай!

С трудом я слез с постели и, не открывая глаз, на ощупь поплелся к умывальнику. После завтрака немного пришел в себя, но не совсем. Надо было садиться решать задачи, которые не успел решить вечером. Полчаса сидел над ними, но так ни одной и не решил. Настроение вконец испортилось.

Когда я вышел из дома, все вокруг выглядело противно: и потрескавшиеся березы, и покосившийся забор, на котором было написано: «Катя дура»; неприятно холодил утренний воздух. По дороге в школу встретил Надьку Кокину, которая училась во вторую смену, — она крутилась на одном месте, раскинув руки в стороны. Беспокойная Надька в школе была участницей всех кружков и театральной студии. «Корчит из себя танцовщицу», — с неприязнью подумал я и прошел мимо. Остановился около дома, где жили старики. Старушка сидела на крыльце и, часто моргая, смотрела, как дед сажал в ящики цветы, при этом что-то советовала деду, называя его Дуся. Дед соглашался, кивал и в ответ звал старушку Буся. Подойдя ближе, я услышал:

— Странный ты, Дуся! С тех пор как полысел, все цветы сажаешь. А ведь в молодости совсем их не любил.

— Брось, Буся! Странный, странный! — бормотал дел. — Я и раньше цветы любил. Еще мальчишкой, бывало, иду с рыбалки, обязательно матери букет нарву. — Дед провел ладонью по лысине и вздохнул:

— Эх, Буся, Буся! В детстве ведь у меня были золотистые локоны, да! Мать девочку хотела, а родился я. Так она до трех лет мне волосы отпускала и в платяг наряжала...

— А у меня в детстве, — затараторила старушка, — были две длинные косички...

«Как? Неужели и они были маленькие? Глупые какие-то», — мелькнуло в голове. Потом я увидел шофера дядю Федю — он лежал под самосвалом и что-то ремонтировал. Я встал рядом, стал смотреть — починит или нет? Стоял, стоял, потом говорю:

— Чтой-то, дядь Федь, машина у вас часто ломается?

— Иди в школу. Опоздаешь! — буркнул дядя Федя.

«Так ему и надо, что машина сломалась», — подумал я и отошел. На овощной палатке заметил пустую консервную банку. Не раздумывая, достал рогатку и выстрелил. Голыш упал рядом с банкой. Только прицелился второй раз, как из-за прилавка выглянула продавщица.

— А ну, прекрати пальбу! А если меня убьешь?! В тюрьму захотел?!

Потом я увидел впереди Сашку Карандашова с портфелем; он шел вприпрыжку, чиркая расческой по стенам домов. Заметил меня, подскочил:

— Приветик! А у меня во что! — достал из кармана пищалку и пискнул. — Вчера ходил на речку, а там камышины! Из них отличные пищалки получают. — Он пискнул мне прямо в лицо и перевернулся на одной ноге.

— Покажи своей бабушке! — крикнул я. Меня просто взбесил этот владелец богатства. Мало того, что он не позвал меня на речку, еще похвалялся пищалкой! «Ну, погоди, — подумал я. — После школы сделаю себе свистульку из липы, посмотрю, как ты тогда попищишь!»

— Побежали, а то опоздаем! — спохватился Сашка.

— Беги! — отрезал я и направился к углу улицы, где сидел сапожник дядя Коля.

— Что, в школу спешишь? — спросил дядя Коля, когда я подошел.

— Угу.

Некоторое время я наблюдал, как дядя Коля вколачивал в башмак гвозди. Воткнет гвоздь наискосок, чтобы лучше входил, и с одного удара вколачивает; а другой гвоздь держит во рту наготове, губами за шляпку.

— Хорошо быть сапожником, правда, дядь Коля? — сказал я.

Он ничего не ответил, только пожал плечами. А я продолжал:

— Можно работать, а можно идти домой. Сам себе хозяин, что хочешь, то и делаешь.

Дядя Коля снова промолчал; он уже прибил подметку, поставил башмак на деревянную плашку, стал обрезать лишнюю кожу. Нож был широкий, из пилки; резал кожу мягко, как масло.

— Ты в школу не опоздаешь? — вдруг мрачно спросил дядя Коля.

— Не-ет, — протянул я, но все же отошел, и подумал: «Скучный какой-то. Все время молчит».

В школу я все-таки опоздал, но к моему удивлению, учитель даже не спросил, где я задержался; только сказал:

— Проходи, садись скорей.

Это было первое, что подняло мое настроение. Второе произошло после того, как учитель заявил, что спрашивать задачи не будет, а начнет объяснять новый материал. Третье, и самое главное, произошло на следующих двух уроках, когда я получил подряд две пятерки. До этого я и четверки получал редко (а стоило мне увидеть учителя математики, как я вообще тупел и никогда не получал больше тройки), и вдруг такой успех! Первую пятерку я получил на уроке рисования. Учитель дал задание: нарисовать праздник; каким мы его представляем. Я нарисовал праздник на воде: ночное море и огромный корабль, весь в огнях. Корабль салютовал, и в темном небе сверкал фейерверк.

— Хороший рисунок, — сказал учитель и приколол мою работу к доске.

А потом была ботаника.

— Сегодня я расскажу вам о растениях-хищниках, — объявила учительница. — Слышал ли кто-нибудь из вас о них?

Я сразу вспомнил, как летом на рыбалке отец показал мне пузырчатку, и громко выпалил:

— Я видел пузырчатку.

— Очень хорошо, — сказала учительница. — Расскажи нам, где ты ее видел?

— Летом мы с отцом много рыбачили, — начал я. — На удочки. Ловили окуней, иногда плотвички попадались. А однажды поймали огромную щу...

— Ты говори о пузырчатке, — остановила меня учительница.

— Тогда и пузырчатку отец мне показал. Она растет в воде. Вся в воде. И вся в пузырях. Над водой — только стебель да цветок. Желтый такой, как флажок...

— Правильно! — кивнула учительница. — На конце листьев пузырьчатки большие и маленькие пузырьки. От них она и получила свое название.

— Пузырьки имеют дверцы, — продолжал я.

— Клапаны, — поправила учительница.

— Клапаны, — повторил я. — Спасается малек от окуня, ткнется в дверцу-клапан, она откроется и скроет малька. Только потом захочет малек выбраться наружу, а дверца его не выпустит. Так и съест пузырь малька.

Ребята загудели, заерзали на партах, но учительница сказала:

— Да, так. Стенки пузырька выделяют кислоту, отравят малька и постепенно переварят совсем. Спрятался малек от окуня, да попал в западню... Молодец! Садись, пять!

Я шел по улице, размахивая дневником. Около сапожника дяди Коли остановился и рассказал, как получил пятерки. И дядя Коля отложил работу, улыбнулся и сказал:

— Молодчина! Пятерки — это не хиханьки и хаханьки, их зря не дают. Удивляюсь, как это тебе удастся, вроде и учишься с прохладцей...

И тут я понял, что дядя Коля мне казался молчаливым, потому что я сам много говорил.

Затем я догнал Сашку Карандашова. Мне почему-то уже не хотелось делать свисток из липы, чтобы вызвать Сашкину зависть. Я достал из кармана перегорелую лампу и сказал:

— Пойдем кокнем?

Проходя мимо овощной палатки, я показал продавщице дневник, и она заулыбалась и протянула мне грушу.

Как и утром, я остановился около дома стариков; они сидели на крыльце и задумчиво смотрели на улицу. Я попробовал представить старушку тонкой девчонкой с косами, а деда — мальчишкой с удочками, но сразу почувствовал к ним жалость и, спрятав дневник, незаметно прошел мимо.

Из своего дома выбежала Надька Кокина, покружилась на одном месте и направилась к школе; увидев меня, остановилась и засмеялась.

— Ты чего? — удивился я.

— Смешной ты какой-то! Глаза, как у зайца... в разные стороны.

Тут уж и я не выдержал и тоже засмеялся.

Когда я подходил к нашему дому, все люди на улице казались мне хорошими и близкими, почти родными. Да и сама улица, такая знакомая, вдруг стала особенно дорогой: и острокрышие дома с палисадниками, и высокие белоствольные березы, и видавший виды забор, и воздух, пахнувший яблоками.

НА ОКРАИНЕ

Мое детство прошло на окраине небольшого городка, среди пыльных улиц с лотками, разукрашенными вывесками, колонками и канавами для стока воды, и фонарями, на которых болтались бумажные змеи. На окраине был прямо-таки мальчишеский рай. Во-первых, вдоль наших улиц тянулся песчаный обрыв, с которого мы прыгали и кубарем катились вниз к речке Серебрянке. А саму речку пересекали дощатые мостки, с которых можно было нырять. А на обрыве возвышались огромные вязы — на них мы забирались, словно матросы на мачты парусников. Во-вторых, наши улицы с одно-двухэтажными домами и палисадниками представляли собой лабиринт из дворов и проулков, то есть мы имели неограниченные возможности для игр. В-третьих, по одной из улиц ходил трамвай. Он выскакивал из-за поворота и наполнял окрестность скрежетом и лязгом; ярко-красный, с блестящими цифрами на боках, он звенел, раскачивался и пружинил, и катил по рельсам рассыпая искры. Мы катались на «колбасе» трамвая.

Но главное, на наших улицах находились мастерские и мы часами наблюдали за работой сапожника, столяра, слесаря, и мечтали стать такими же мастерами, как они.

КОЛОДЕЦ

С Сашкой Карандашевым у нас отношения были скорее прохладными, чем теплыми. Ну что может быть общего у мальчишек, если один из них (я, то есть) любил лето, а другой (Сашка, разумеется) — зиму; и если один (опять-таки я) хотел стать капитаном, а другой (понятно — Сашка) уже видел себя полярным летчиком.

— Летом лучше всего, — говорил я. — Солнце, рыбалка.

— Зимой лучше, — тут же заявлял Сашка. — Хоккей, лыжи. Можно бабу слепить.

— Зимой купаться нельзя. И в футбол не поиграешь, — продолжал я высказывать очевидные вещи, уже немного злясь на Сашку.

А он знай, гнет свое:

— Летом жара сплошная. Ни мороза, ни снега — скука.

Сашка был жутко упрямый. Как осел. Ему никто ничего не мог доказать. Каждую весну и каждую осень мы с ним до хрипоты спорили, какое время года лучше: лето или зима. Но с наступлением теплых дней, купаясь на речке, Сашка начисто забывал о своих словах, о том, как всего два месяца назад расхваливал зиму. Правда, во время зимних каникул, гоняя на лыжах и коньках, я тоже не вспоминал лето.

Конечно, у Сашки были кое-какие таланты: он умел свистеть, засунув в рот пальцы, и выдавал свист на орехе и на коре. И втайне мастерил тачку — чтобы всем все возить. И однажды он выкинул неплохой

номер: выкрасил свою собаку Найду оранжевой краской — подо льва, чтоб всех пугать. И действительно, напугал девчонок во дворе и нескольких старушек на улице. Бесспорно, Сашка был выдумщик, но все его таланты меркли из-за его ужасного характера, из-за упрямства и заносчивости. Случалось, он грубил мне без всякого повода, на пустом месте. Как-то он залез на бойлерную и стал забрасывать удочку во двор. Я подумал — забрасывает от нечего делать — авось что-нибудь зацепит. И крикнул снизу:

— Вылавливаешь разные штуковины?

— Ругаюсь сам с собой, — огрызнулся Сашка (он частенько говорил загадками).

— Как так? — переспросил я.

— Приучаюсь к усидчивости, воспитываю в себе дисциплину. Для летчика это главное. А ты все болтаешься без дела? Ты очень разболтанный. Из тебя никогда не выйдет капитан.

Вот так он и оскорблял меня ни с того, ни с сего. Но однажды произошел случай, после которого мы с Сашкой подружились. В тот день парни нашего двора уронили в колодец кошелек с деньгами и позвали нас с Сашкой:

— А ну, шкеты, давайте спустим одного из вас на веревке! Вы маленькие, легкие. Раз, два, и готово! На мороженое заработаете.

Задание было ответственное, но и страшноватое. Колодец находился в углу двора, и, к счастью, давно пересох, но — к несчастью — почти не осыпался и выглядел довольно глубоким. Во всяком случае мы побаивались в него заглядывать и вообще обходили стороной.

Парни принесли веревку и повернулись к нам:

— Ну, кто смелый? Кто ползет первым?

Я подтолкнул Сашку, а он меня, да так сильно, что я невольно шагнул вперед. Парни обвязали меня, перетаскили через бревенчатый венец; я вцепился в веревку и почувствовал — опускаюсь в темноту. Квадрат неба над головой становился все меньше и меньше, темнота сгущалась, сильно пахло сыростью. Я пытался нащупать ногами опору, но ботинки скользили по замшелым бревнам. В меня вселился нешуточный страх, по телу пробежал озноб.

— Держись! — донеслось откуда-то сверху, но мой озноб перешел в колотун.

Я уже хотел было крикнуть, чтоб вытаскивали, но вовремя спохватился и пересилил себя — избежал несмываемого позора.

Вскоре веревка ослабла и я почувствовал, что стою на чем-то более-менее твердом. Присмотревшись заметил — ботинки увязли в какой-то жиже.

— Ищи! — слышалось гулкое эхо.

Я стал шарить в липкой грязи; наткнулся на дохлых лягушек, потом на что-то похожее на кошелек и заорал:

— Тащите!

— Да это какая-то картонка! — усмехнулись парни, вытащив меня и рассмотрев мою находку. — Не мог поискать как следует! Тебе только с девчонками в классики играть. Давай ты! — они обратились к Сашке.

Неожиданно Сашка нашел злополучный кошелек и парни, как и обещали, отблагодарили его мелочью на мороженое. Когда они ушли, Сашка обеспокоенно шепнул мне:

— Я нашел еще вот что, — и достал из кармана обручальное кольцо. — Золотое. Побежали к ювелиру, он за него, знаешь сколько денег даст! Миллион! Только смотри, никому ни гу-гу!

Мы побежали в мастерскую; по пути Сашка строил грандиозные планы: купить велосипед, мотоцикл, катер; не забыл и обо мне — обещал подарить коньки, о которых я давно мечтал (надо отдать ему должное — он был щедрым как никто).

Мы влетели в мастерскую, подошли к мастеру, и Сашка выпалил:

— Вот золотое кольцо! Я нашел в колодце!

— Вы, стручки, его случаем не стащили? — пробурчал мастер, рассматривая кольцо.

— Вот еще! — возмутился Сашка и подробно рассказал, как достал драгоценность из колодца.

— Полезайте туда еще, может, там целый клад? — усмехнулся мастер. — И все тащите сюда... А эта безделушка не золотая, а всего лишь медная. Вот вам за нее, — он протянул нам несколько рублей.

Мы вышли из мастерской и не то, чтобы расстроились до слез, но нам стало нестерпимо тоскливо. И велосипед, и мотоцикл, и коньки сразу улетели куда-то в поднебесье. Только после шести пачек мороженого немного пришли в себя и твердо решили еще раз слазить в колодец — Сашка где-то вычитал, что обычно драгоценности валяются кучно, да и мастер это предположил.

АРБУЗ

Сашка все уши мне прожужжал, что арбуз овощ, но я-то был уверен, что арбуз — фрукт. Однажды мы доспорились чуть ли не до драки, и в конце концов решили купить арбуз, съесть его и сделать окончательный вывод — овощ или фрукт.

От денег, которые нам дал ювелир еще оставалась приличная сумма и на арбуз хватило сполна. Кстати, говорят: деньги портят человека; Сашку они совершенно не испортили. Так вот, арбуз мы купили на

рынке — выбрали самый огромный и такой тяжелый, что вдвоем еле дотащили до дома. Пришли к Сашке, стали резать арбуз на столе. Долго резали: то Сашка, то я — это оказалось не таким-то простым делом. Наконец, полосатый шар затрещал и развалился на две половины, и сразу покрылся инеем, как зимой. Мы стали хрустать красный сладкий «снег» и так увлеклись, что совершенно забыли о споре. И слопали весь огромный арбуз — от него остались только зеленые корки и черные семечки. Наши животы раздулись, языки еле ворочались. И тут, убирая корки, Сашка объявил:

— Овощ, точно!

Я замотал головой:

— Не-ет! Определенно фрукт!

И началось: мы обвиняли друг друга в бестолковости, тупоумии, вредности — короче, разругались в пух и прах. И не разговаривали с неделю, пока не начались занятия в школе; тогда у нас наступило перемирие. Правда неустойчивое. А окончательно мы помирились, когда подошли к учителю ботаники и спросили, что же такое арбуз на самом деле, кто из нас прав? Оказалось, арбуз... ягода! По строению цветка из семейства ягодных.

— Ничего себе, ягодка! — Сашка хлопнул меня по плечу и заговорщически добавил: — Может, расскажем ребятам, откуда у нас деньги?

ТОРТЫ

Однажды я пришел к Сашке, а он мне говорит:

— Знаешь что? — говорит шепотом, хотя в квартире никого нет — его родители были на работе.

— Что? — спрашиваю.

— У нас в буфете... торт! Иди сюда, покажу.

Сашка достал из буфета коробку с тортом, открыл крышку и я обалдел! Таких тортов я еще никогда не видел — это было настоящее произведение кулинарного искусства: яркое, пахучее, со множеством полосок и завитушек. Смотрели мы с Сашкой на торт, легонько трогали его и нюхали. Потом взяли сверху по одному ореху и съели. Затем немного попробовали кремовую завитушку, а потом и совсем съели, как будто ее и не было. После этого Сашка предложил немного обрезать торт, как будто он и был поменьше.

— Все равно никто не заметит, — торопливо объяснял Сашка, и мы набросились на сладость.

В общем, подрезали мы торт, и подравнивали, и не заметили, как от него остался маленький квадратик — с пирожное.

— Ну, вот! — вздохнул Сашка, откинувшись на спинку стула.

— Да-а... — протянул я. — Что ж делать?

— Ничего, — поджал губы Сашка. — Могли же матери вместо торта положить в коробку пирожное. По ошибке.

— Могли, — не очень уверенно согласился я.

Мы закрыли коробку, перевязали ее лентой и вновь поставили в буфет. И отправились во двор. До вечера мы играли в футбол, совершенно забыв о торте. Потом опять зашли к Сашке, и его родители оставили меня ужинать.

Съели мы первое, второе.

— Ну, а теперь чай с тортом, — сказала Сашкина мать и поставила коробку на стол. Сняла крышку и... ее глаза полезли на лоб.

— Вот это да! Фокус! — Сашкин отец неожиданно разразился смехом. Он вообще любил посмеяться. По каждому поводу. Но на этот раз быстро отсмеялся, посмотрел на нас и объявил:

— Наверно, перепутали.

Мы с Сашкой поспешно закивали.

— Забыли положить, — схитрил Сашка.

— Так часто бывает, — ляпнул я.

Сашкина мать засмеялась и разрешила пирожное на четыре части, и мы стали пить чай. Все закончилось как нельзя лучше, и мы с Сашкой были довольны: то и дело подмигивали друг другу, подталкивали локтями.

На следующий вечер мы с Сашкой, как всегда, гоняли мяч во дворе; внезапно нас окликнул Сашкин отец — он возвращался с работы, и в руках нес какую-то коробку. Когда мы подбежали, он торжественно провозгласил:

— Вот вам подарок! Заводной грузовик! — и вручил нам коробку.

— Ух ты! — вылетело у нас с Сашкой одновременно, и мы принялись горячо благодарить Сашкиного отца, но когда открыли коробку, в ней оказался... один ключик.

— А где же... машина? — пробормотал потрясенный Сашка.

А я так опешил, что забыл все слова.

— Наверно, забыли положить, — невозмутимо бросил Сашкин отец и спокойно направился к дому.

Мы догнали его и, задыхаясь от возмущения, закричали:

— Как забыли?! Что это значит?! Так не бывает!

— Почему не бывает? — удивился Сашкин отец. — Вы же сами говорили, что бывает. И довольно часто.

И тут мы вспомнили про торт, покраснели, зашмыгали носами. А потом у Сашки хватило сил признаться во всем.

Как ни странно, Сашкин отец не стал нас ругать. Даже наоборот — громко расхохотался и внезапно... достал из-под полы пиджака грузовик.

— Иначе вас, врунов, не перевоспитаешь, — сказал, смахивая выступившие от смеха слезы. — Хотя, это, конечно не педагогично. Уж извините... А то, что вы признались — молодцы! На это способны только сильные люди, и вы оказались не слабаками.

Поразительно, но вскоре в Сашкином доме произошла еще одна история связанная с тортом — уже другим, маленьким — «Сказкой». Кстати, в их семье вообще частенько покупали торты — все любили сладкое. Даже собака Найда; она была сластена та еще!

История произошла на Сашкин день рождения. Вначале все шло прекрасно: родственники расхваливали Сашку, дарили ему подарки, пили вино, налегали на закуски; мы с Сашкой рассматривали подарки, потягивали лимонад, уплетали пирожки — все шло прекрасно, пока не принесли чайник. В этот момент Сашкина мать объявила:

— Ну, а теперь чай с тортом.

Она открыла буфет и тут же растерянно обернулась.

— А где же торт?!

Сашкин отец выразительно посмотрел на сына, перевел взгляд на меня, но не расхохотался, а нахмурился. Вероятно подумал: «Ну и негодяи — подложили свинью на праздник!». А мы с Сашкой были не при чем. Мы даже и не знали о торте. Это и подтвердили в один голос.

В разгар наших излияний, Сашкин отец все же взорвался хохотом, и показал в угол комнаты. Там из-за занавески как-то виновато повисивал хвост Найды. Сашкина мать отдернула занавеску и мы увидели перепачканную тортом мордашу собаки; рядом валялись куски коробки — вероятно, Найда разорвала ее с досады, что торт оказался слишком маленьким.

В этой истории осталось загадкой — каким образом Найда добралась до верхней полки буфета? Ну открыть створку и вытащить торт — это она вполне могла, тем более, что створки сами распахивались от малейшего толчка, но добраться до верхней полки!.. Не пододвигала же она стул. Впрочем, Найда была сообразительной. Такой же, как Сашка. И намного спортивнее его. Например, могла прыгать в высоту на полтора метра. Так что, допрыгнуть до верхней полки буфета было для нее парой пустяков.

КРАСАВИЦА И УМНИЦА

Найда была красавицей, с пепельно-дымчатой, в завитках, шерстью и янтарными глазами. До того, как появиться в Сашкиной семье, она считалась бездомной, ничейной, хотя обитала в пристройке к бойлерной, то есть имела собственную квартиру, и ее подкармливал весь двор. Скорее, она была общей.

Об отваге Найды во дворе ходили легенды. Особенно после пожара в пристройке, когда, несмотря на жуткий огонь, Найда спасала своих щенков. Сама обгорела, но щенков всех вынесла.

В другой раз на соседней улице, где ходил трамвай, на рельсах играл ребенок — перебирал какие-то камешки. И внезапно из-за поворота выскочил грохочущий вагон. К несчастью, поблизости не оказалось взрослых, но к счастью, там прогуливалась Найда. В несколько прыжков она очутилась около ребенка, схватила за рубашку, оттащила в сторону. Возможно, даже наверняка, вагоновожатый затормозил бы, но сообразительность и смелость Найды налицо. Именно умственные способности, а не красивый окрас и янтарные глаза выделяли Найду из всех дворовых собак. Эти способности и сразили сердце одинокой старушки, Сашкиной соседки — она взяла Найду к себе.

С того дня жильцы нашего двора по несколько раз в день видели трогательную парочку: старушку и рядом гордо вышагивающую Найду с ярким ошейником; они гуляли по двору, ходили в булочную и овощную лавку, а позднее, когда старушка заболела, Найда стала ходить за продуктами самостоятельно. Старушка давала ей сумку, предварительно положив в нее деньги, и Найда с невероятным усердием, с сумкой в зубах обегала булочную и овощную лавку. Вбежит в магазин, встанет на задние лапы, положит сумку на прилавок и гавкнет. И продавщица отпускает ей товар, заранее оговоренный со старушкой.

Конечно, Найда брала продукты вне очереди, но все знали ее мощную хозяйку и подобное поведение не рассматривали как собачье нахальство — даже наоборот, в один голос хвалили «умную собачку».

Ну, а через два года старушка умерла и Найду взяли к себе Сашкины родители. Как ее было не взять, такую умницу?!

ШУТОЧКИ

Одно время мы с Сашкой придумывали всякие шуточки. Обвяжем монету ниткой, положим перед булочной, а сами спрячемся за углом. Нагнется какой-нибудь прохожий, а мы — раз! — и дернем. Потом выходим из-за угла и хохочем. Или положим на дороге картонную коробку, а в нее спрячем кирпич. Пнет кто-нибудь коробку и кричит от боли. А мы покатываемся со смеху.

По вечерам мы пугали прохожих «светящейся головой» — по задумке Сашки. Найдем гнилую тыкву среди отходов столовой, вынем из нее мякоть с семечками, вырежем в корке глаза и рот, а внутри тыквы укрепим зажженную свечку; и ставим «голову» на дорогу. Увидит кто-нибудь в темноте светящееся страшилище и перепугается до смерти. А мы, естественно, гогочем, слезами заливаемся.

Еще по вечерам в подъездах рисовали фосфором скелеты и старушки тряслись от страха. И не только старушки.

Как-то мы решили подшутить над электромонтером дядей Витей.

Каждое утро собираясь на работу, дядя Витя драил сукном металлические пуговицы на своем кителе, драил долго, пока они не начинали блестеть, как прожекторы. Затем, на одно плечо вскидывал складную дюралевую лестницу, на другое — сумку с инструментом и пересекал наш двор, при этом хорошая «электромонтерская» улыбка сверкала на его лице — такая же яркая, как пуговицы-прожекторы. Складная лестница и металлические пуговицы были предметами нашей постоянной зависти. Особенно мне не давали покоя пуговицы — ведь они были с якорями.

Для дяди Вити Сашка придумал отличную проделку: набить в бумажный пакет дорожной пыли и, когда дядя Витя пойдет с работы, скинуть пакет перед ним с дерева — попросту устроить взрыв.

Сашкину задумку мы осуществили прекрасно, взрыв получился что надо — целое облако пыли. Дядя Витя остановился пораженный, взглянул на дерево и, увидев нас, изобразил «электромонтерскую» улыбку.

— Здорово придумали! Хвалю за изобретение! — сказал как-то почтительно и отряхнул пыль с кителя. Потом задумался, и вдруг сменил мягкий тон на серьезный:

— Вот что! Завтра приходите ко мне в мастерскую. Дело есть!

Мы немного растерялись; думали дядя Витя рассвирепеет, начнет ругаться, а то и отлупит нас, а он, наоборот, похвалил, да еще какое-то дело обещал.

На другое утро, подстегиваемые любопытством, мы с Сашкой направились на работу к дяде Вите; с нами увязался Юрка Фетисов из соседнего двора — так себе мальчишка, с вечно глуповато-спокойным лицом, который только и умел, что играть в фантики, да собирать этикетки со спичечных коробков.

Дядя Витя покуривал перед мастерской, и беседовал с гадалкой, строгой старушенцией в черном платье с кружевами. Около старушенции на табуретке стоял фанерный ящик с морской свинкой.

— Знакомьтесь! — сказал дядя Витя. — Мои приятели. А это Василиса Герцоговна, знаменитый чародей, предсказатель судьбы.

— Здравствуйте, мальчики! — прошепелявила старушенция. — Вы, конечно, хотите узнать, что вас ждет в будущем. Дайте свинке по кусочку морковки, а взамен она выдаст конвертики, в которых написано, что ждет вас впереди.

Старушенция протянула нам тощую ладонь с синими прожилками, на которой лежали кусочки нарезанной моркови. Мы схватили морковь, и Сашка первый бросил свой кусок в ящик. Свинка сгрызла мор-

ковку, сунула мордочку в какую-то щель и вынула оттуда маленький белый конвертик. Мы удивились безмерно и замерли — что будет дальше? А старушенция взяла конвертик у свинки и протянула Сашке.

— Читай!

Сашка развернул конвертик и прочитал вслух: «Ты здорово умеешь придумывать. Из тебя выйдет хороший инженер. Будешь строить летательные аппараты». Потрясенный Сашка разинул рот, отошел в сторону и стал перечитывать записку. А дядя Витя стоит рядом, улыбается.

После Сашки морковку бросил Юрка. Ему свинка вытащила конвертик, в котором было написано: «Ты будешь моряком. Будешь плавать по всем морям и океанам». Юрка поразился еще больше Сашки; весь задрожал и его глаза остекленели. «По всем морям и океанам», — прошептал он и покраснел. А я побледнел — ведь это было моей мечтой, и надо же! — она досталась никчемному Юрке. А дядя Витя все стоит рядом, улыбается — как всегда, «электромонтерски».

Я тоже бросил свою морковку, и мне свинка тоже достала конвертик. В нем было всего четыре слова: «Ты будешь строить мосты». Я поразился до крайности. Строить мосты! Почему именно мосты?! Как я буду их строить, когда ничего о них не знаю?! — мои мысли смешивались одна с другой. Весь день и весь вечер я пребывал в сильнейшем волнении, загадочные слова не давали мне покоя, я все пытался понять: почему свинка почти угадала мечту Сашки — стать легчиком, а мою мечту — стать капитаном — отдала Юрке, который никогда и не заикался о море и, будучи сыном аптекаря, собирался пойти по стопам отца. Обидно было до чертиков. Мне хотелось, чтобы восстановилась справедливость и свинка поменяла наши с Юркой конвертики.

На следующее утро я зашел за Сашкой, чтобы, как всегда, выкидывать шуточки. Зашел к нему, а у них вся комната в нарезанной бумаге, и на полу восседает мой друг и клеит какую-то бочку из реек.

— Что это? — удивился я.

— Дирижабль новой конструкции, — подал голос Сашка, даже не повернувшись в мою сторону.

— Может, пойдем выкинем шуточку? — неуверенно проронил я.

— Какие шуточки?! Ты что, спятил?! — заорал Сашка. — Завтра запускать буду, а мне еще винт надо сделать.

От Сашки я пошел к Юрке — хотел убедиться, что он-то ничего не делает «морского».

Юрка сидел на диване и крутил из веревки какие-то узлы; перед ним лежала книга с рисунками парусников. Юрка заглядывал в книгу и бормотал... дорогие моему сердцу слова:

— Зюйд, вест, фок-мачта, ватерлиния.

Этот несчастный будущий аптекарь молот языком то, в чем ничего не смыслил! Меня прямо бросило в жар. А тут еще Юрка бросил мне веревку.

— Развяжи-ка узел!

Я стал развязывать; тянул за концы, поддевал карандашом, пробовал зубами — узел не поддавался и все тут. Как замок! А Юрка взял у меня веревку, дернул за какую-то петлю, и узел сам собой раскрылся.

— Морской узел! — важно сказал Юрка. — Соображать надо!

Я чуть не резал ему от злости, но сдержался и только хлопнул дверью, и в жутком настроении побрел к дому. По пути вспомнил про «свои» мосты и дома просто так, чтобы убить время, попробовал сделать мост из спичек, но он сразу развалился. Это меня заело, и я попробовал еще раз. Мост вышел ничего, более-менее крепкий; даже выдержал блюдце. Это было уже интересно.

Я начал делать мосты из линейек, книг, стульев — из всего, на чем задерживался взгляд. Потом вышел во двор, устроил запруды у колонки и начал строить мосты из глины. Многие мои сооружения рушились, и тогда я придумывал разные крепления.

Через пару часов я уже наловчился строить маленькие перекидные мостики и большие мосты на опорах, разные понтонные мосты и подвесные — на веревках, легкие и длинные. Чем больше я строил мостов, тем больше увлекался этой работой. В какой-то момент мне подумалось, что я всегда хотел строить мосты, только раньше не подворачивался случай. Но, само собой, и от капитанства я не собирался отказываться.

СОЗИДАТЕЛЬ И РАЗРУШИТЕЛЬ

Мы с Сашкой поздно поняли, как увлекательно что-то делать своими руками, а в нашем дворе был мальчишка, который к этому пришел давным-давно, и постоянно что-нибудь мастерил. Его звали Генка.

Генка уже в десять лет был знаменит тем, что хотел стать — ни много ни мало — членом правительства! «Чтобы всем все давать», — как он говорил. Одни, взрослые называли Генку «доброй душой», другие «созидателем». Дотошный, старательный умелец Генка мог сделать отличный планер, починить полку или сломанную игрушку, или вылечить больного голубя. Ко всему, Генка был главным заводилой во всех наших играх. Мы с Сашкой считали Генку лучшим другом.

Однажды Генка сотворил «театр теней». Из картона вырезал множество всяких животных, деревья, дома, корабли. Потом из реек сколотил раму, натянул на ней кальку и установил на столе, обложив книгами; а за рамой пристроил настольную лампу. С наступлением темноты гасил

в комнате свет, включал настольную лампу и двигал животных по светящейся кальке-экрану. Получался театр теней.

Как-то Генка с младшей сестрой Анькой показали нам целый спектакль, и так взаправду подавали за зверей голоса, что мы были уверены — в темноте за столом не меньше пяти-шести настоящих артистов.

Генка с Анькой жили без отца; их мать днем работала на заводе, а вечером подрабатывала уборщицей, и Генке приходилось быть для сестры и нянькой, и воспитателем. Анька, вроде брата, тоже все время чем-нибудь занималась: то стреляла яблочным семечком, то пачкала руки об уголь, то помешивала какое-то варево для кукол и пищала: «пф!». Она то и дело хвасталась, что у них с Генкой две бабушки: одна с черными глазами, другая с голубыми. И что ее брат умеет все, а их кот самый смелый на свете, потому что поймал и съел змею.

Генка, в самом деле, умел все, но их героический кот был не таким уж смелым, как говорила Анька. Например, наш кот вообще никого и ничего не боялся: ни собак, ни воды, ни молний.

И был в нашем дворе мальчишка, о котором взрослые говорили: «испорченный ребенок», «разрушитель». Его звали Борька. Этот Борька ходил по улицам вразвалку, задрал нос. Он не расставался с рогаткой и стрелял во все, что попадалось по пути. А уж если где свисала ветка или отходил от забора штакетник — непременно сломает; если найдет бутылку — кокнет, увидит спящую кошку — пнет, заметит жука — раздавит.

Мы с Сашкой не любили Борьку. Общались с ним, конечно, но дружбу не заводили. Единственно, что нам нравилось у Борьки, так это его попугай, который умел говорить: «Птички на веточке, а я, бедняжка, в клеточке. Бедный Гоша. Красавец мужчина!».

Как-то Генка предложил нам с Сашкой построить во дворе шалаш. Мы с радостью согласились и начали таскать разные палки и проволоки, куски фанеры, обрезки жести. В разгар нашего строительства подошел Борька и некоторое время с усмешкой наблюдал за нами.

— Давай, помогай! — сказал ему Генка.

— Еще чего! — хмыкнул Борька. — Но знаю, где есть хорошие доски. Сможешь починить мою авторучку, принесу доски, — он протянул Генке авторучку с оборванной пипеткой.

— Дома попробую починить, — Генка положил авторучку в карман.

А Борька ушел и вскоре вернулся с хорошими гладкими досками. Мы не знали, что он начал ломать пристройку к бойлерной, где раньше обитала Найда, и принялись укладывать доски, как вдруг появился электромонтер дядя Витя и, без обычной «электромонтерской» улыбки, даже с негодованием, обратился к Борьке:

— Ты что ж, разрушитель, одно лечишь, другое калечишь?! Живо тащи доски обратно! Вздумал тоже! Ломать-то — не строить, ума не надо.

Борька понес доски, а дядя Витя повернулся к нам с Сашкой.

— Советую вам строить шалаш не здесь, а на речке. Там подручного материала полно. И устройте соревнование — кто лучше построит.

Генка подхватил этот совет на лету, и даже развил его: предложил представить, что мы потерпели кораблекрушение и очутились на необитаемом острове — каждый в отдельности, как Робинзон Крузо.

На речку отправились впятером: Генка, мы с Сашкой, Борька и, как всегда, с нами увязался Юрка Фетисов.

На берегу Генка разметил каждому по клочку земли с кустами тальника, за которым «остров» кончался — каждому ровно десять шагов.

Генка построил просторную хижину: каркас сделал из веток, крышу из лопухов; для двери использовал кусок мешковины. Затем приспособил под мебель отполированные водой коряги и булыжники.

Мы с Сашкой соорудили неплохой шалаш. Нашли на нашей территории брошенные рыбаками корявые удилица и рогульки, составили из них пирамиду и забросали ветками с густой листвой. У Юрки тоже кое-что получилось: что-то вроде навеса из прутьев и травы.

Борька вначале последовал примеру Генки — начал строить хижину. Он старался изо всех сил, все время подглядывал за Генкой, пытался повторить его действия, но все Борькины конструкции разваливались одна за другой. Мы с Сашкой втайне радовались этому — наконец-то Борька не задирает нос, даже наоборот — выглядел растерянным.

Промучившись часа два с хижинкой, и так ничего и не сделав, Борька решил скопировать наш с Сашкой шалаш, но и здесь у него ничего не получилось — его сооружение рухнуло от первого дуновения ветерка. Тогда Борька какой-то железкой стал копать землянку, и выкопал приличную нору, но когда залез в нее, земля обвалилась и засыпала незадачливого строителя — мы еле успели вытащить его за ноги.

— Ты, Борька пропадешь на острове от холода и голода, — заключил Сашка.

— Можно считать, что ты уже умер, — вставил я.

Юрка ничего не сказал, только хихикнул.

А Генка великодушно пригласил Борьку в свою хижину.

— Будешь в ней Пятницей.

— Нет уж, спасибо! Пятницей не буду, — зло процедил Борька.

— И не забудь починить авторучку! — он круто развернулся и зашагал к домам.

А на другой день, когда мы пришли на речку, все наши жилища были сломаны.

СТРАХ

Одно время я боялся темноты, с наступлением сумерек обходил стороной темные закутки и подвалы; если же с ребятами забирался на какой-нибудь чердак, от каждого шороха волосы вставали дыбом. Все оттого что среди ребят только и было разговоров про домовых, леших и водяных. Эти последние вселяли в меня особый страх. Несколько раз я пробовал плавать вечером в темной воде, но всегда казалось — вот-вот за ногу схватит водяной и утащит в глубину.

Днем, когда солнце просвечивало толщу воды и виднелось дно, я никого не боялся: первым бросался в речку или вбегал на дощатый пружинящий настил, под которым вода бурлила и пенилась, и нырял в шипящие завитки. Однажды мы с Сашкой накупались до того, что еле стояли на ногах, и прилегли отдохнуть в Генкин шалаш (он его восстановил и сделал лучше прежнего). Мы так устали, что не заметили, как уснули.

Я проснулся от холода, вокруг стоял полумрак; сквозь ветки шалаша виднелись корявые кусты. Сашка крепко спал. Внезапно послышались шорохи, и в шалаш кто-то бросил песок. Потом еще несколько раз. Я онемел от страха и стал осторожно озираться по сторонам, но никого не разглядел. Кидать песок перестали, но тут же в кустах загорелись и снова погасли чьи-то глаза. А потом на речке что-то гулко плеснуло, и многоголосое эхо прокатилось по всему берегу.

Я приподнялся и увидел того, кого боялся больше всего, — борода-того водяного. Он медленно выходил из воды, волоча за собой... водяного змея. У меня затряслись руки и внутри все заледенело. Водяной потоптался на берегу, повесил змея на дерево и начал разжигать костер.

Я растолкал Сашку и показал на водяного.

— А этого старичка я знаю, — сказал Сашка и побежал к костру.

Спустя несколько минут я тоже вылез из укрытия. Почему-то сразу посветлело, и на водяном даже издали различались обыкновенные телогрейка и болотные сапоги. Приблизившись, я отчетливо увидел, что змей на дереве — всего-навсего рыбацкая сеть, а горящие глаза в кустах — светляки.

— Хм, еще один пират, — усмехнулся старичок, когда я подошел. — Отогревайся! Замерзли небось.

После этих слов я почти пришел в себя, но какая-то смутная тревога еще оставалась.

— В нас кидали песок, — сказал я.

— Какой песок? — спросил Сашка.

Я пожал плечами, а старичок ухмыльнулся.

— Кто ж мог кидать? Я тут уж давно. Вроде бы, кроме меня, некому, а я таких шалостей не люблю. Это небось «боли-голова» стреляла.

— Какая «болиголова»?

— Обычная. Вон ее кусты возле шалаша. Как перезреет, так лопаются и брызгает... А вы что ж, пираты, домой не спешите? Родители уж небось заждались.

— Сейчас окунемся и побежим, — Сашка прыгнул в воду.

Без всякого страха я последовал за ним.

Вода была теплая, с дрожащими, утонувшими звездами; мы с Сашкой набирали их в ладони.

НЕПОНЯТНОЕ

Наши с Сашкой отцы вместе ходили на работу, а после работы часто вместе заглядывали в пивную; наши матери вместе обсуждали события во дворе и вообще все на свете. И конечно, мы с Сашкой не отставали от взрослых — все дни напролет проводили вместе. Даже когда не было никаких дел. Просто забирались на бойлерную, и сидя плечом к плечу сверху рассматривали двор.

— Вон пошел Борька, — говорил Сашка, хотя я и сам отлично видел «разрушителя».

— Он закаляется, — добавлял Сашка. — Лужи не обходит, комаров на себе не бьет.

— Он живодер, — говорил я. — И ничего не умеет делать. Даже шалаш не мог построить. Его попугай умнее, чем он.

Сашка кивал — был полностью со мной согласен.

Некоторое время мы молча обзревали двор в надежде увидеть что-нибудь интересное, но ничего интересного не замечали.

— Вон на клумбе сидит Юрка, кормит собак печеньем, — говорил я, хотя Сашка и сам прекрасно видел сына аптекаря.

— Юрка слюняй, — усмехался Сашка. — Ему только б в фантики играть.

Вот так мы с Сашкой частенько сидели на бойлерной и все рассматривали, обсуждали то да се. Обычно ничего интересного во дворе не происходило и мы просто убивали время. Как-то сидим, вдруг видим — во дворе появилась наша одноклассница Галька Котельникова. Это уже было интересно.

Надо сказать, мы с Сашкой старались девчонок не замечать, но это нам плохо удавалось. По какой-то непонятной причине мы их замечали, и даже очень. Тем более таких, как Галька, которые что-то из себя строят: все время молчат и таинственно хихикают, а если и говорят, то какие то странные слова — «Очень мило», или «Я дивлюсь».

В Гальку почему-то влюблялись все мальчишки. Вначале влюбился Борька: чуть завидит ее, показывает ловкость — делает стойку на ру-

ках, залезет на пожарную лестницу. Но однажды свалился и сразу разлюбил Гальку. Видимо от удара вышибло всю его любовь.

Потом в Гальку влюбился Юрка: подолгу смотрел на нее, улыбался, сиял, расцветал. Как-то даже подарил ей коробку с фантиками. И Галька согласилась дружить с ним, но быстро поняла, что он полный рохля — не умеет ни плавать, ни кататься на коньках, ни бегать на лыжах. В общем, Галька порвала с Юркой всякую дружбу, а заметив, что он продолжает на нее пялиться, отлупила его пеналом.

Мы с Сашкой многого не понимали в Гальке и от этого злились на нее. Злились, и в то же время хотели разгадать непонятное в ней. И вот в тот день, когда она показалась во дворе, мы стали осторожно за ней наблюдать.

Галька осмотрелась, прошла по вытопанному пятаку, нашла палку и прочертила классики. И запрыгала из клетки в клетку. Мы кинули в классы камень — просто чтобы обозначить свое присутствие, чтобы Галька заметила нас и оценила наше геройство, ведь не каждый может влезть на бойлерную.

Галька подняла голову и, увидев нас, демонстративно отвернулась.

Мы слезли с бойлерной, и сделали слабую попытку заговорить с ней.

— Ты к кому пришла? — спросил Сашка.

— К слюнтю Юрке небось, — с издевкой вставил я.

Галька фыркнула:

— Очень мило, что вы бросили камень. А если б попали в меня? — она пропрыгала весь класс и сдула волосы со лба. — Я дивлюсь, ну же! вам нечем заняться? Непонятные какие-то. Вот Гена... он всегда что-то делает, придумывает интересное...

Она снова осмотрела двор.

— Вы не знаете почему он не выходит из дома? И сестры его почему-то нет. Непонятно...

ПРИМЕТЫ

Сашка верил во все приметы: в черную кошку, перебежавшую дорогу, в птицу залетевшую в комнату, в страшный тринадцатый понедельник. Перед контрольной в школе Сашка клал в ботинок пятак или съедал пятилепестковый цветок сирени, а то и трамвайный билет со счастливым номером. Я тоже верил в эти приметы, но не так сильно, как Сашка. Сильно я верил только в примету про свист.

Мать постоянно мне твердила:

— Не свисти дома, у нас не будет денег.

А все старушки, и особенно гадалка Василиса Герцоговна, предупреждали:

— Свистом созывают чертей.

А я все время забывался и насвистывал. Причем в свисте достиг немалых успехов, можно сказать стал мастером художественного свиста. Возможно, именно поэтому в нашей семье постоянно не хватало денег, и мать еле сводила концы с концами. Но однажды из-за меня, свистуна, у нас появились и черти.

Это произошло ночью. Накануне я особенно рассвистелся: весь вечер, пока отец не вернулся с работы, а мать у подъезда что-то обсуждала с матерью Сашки, выдавал залихватские трели, а когда опомнился было уже поздно.

Ночью передо мной явились черти. Скорчив рожи, они запрыгали перед кроватью, а один вдруг вцепился мне в горло и стал душить. От моего крика проснулся весь дом, жильцы подумали: пожар, грабители! Мое горло распухло и было жутко красным. Хриплым голосом я с трудом объяснил, в чем дело, но мне никто не поверил.

Утром мать повела меня в поликлинику, и мы записались на прием к врачу.

В коридоре в ожидании приема я взглянул на стенд, где за стеклом виднелись пластмассовые ухо, горло, нос, — все было как настоящее и мне стало страшно, я подумал — вот и меня сейчас разрежут на части.

Ну, а потом мы зашли к врачу, он осмотрел мое горло и сказал матери, что у меня сильная простуда, хотя стояли жаркие дни и я нигде не мог простудиться. Об этом и сказал матери, а она хмыкнула:

— Я тебе сто раз говорила, что в жару можно простудиться сильнее, чем в холод. Но ведь ты никого не слушаешь. Набегаешься под солнцем, перегреешься и пьешь холодную воду из крана. Вот тебе и результат.

И тут я вспомнил, что последние дни с утра до вечера гонял во дворе мяч и время от времени разгоряченный пил холодную воду. Но не из крана, а из шланга дворника дядя Жени. И не только пил, но и весь обливался. Из шланга била мощная и прямо-таки ледяная струя — она приятно охлаждала тело, до мурашек.

РЕСТАВРАТОР

Время от времени по нашим окраинным дворам ходил человек с огромным мешком. В наутюженном костюме, в пенсне и шляпе, всегда предельно серьезный, он был похож на ученых, портреты которых висели в коридоре школы, но в свой мешок «интеллигент», как о нем насмешливо отзывался дворник дядя Женья, собирал всякую ерунду: битую посуду, сломанные будильники и игрушки, разные коробки и этикетки. Некоторые взрослые считали необычного собирателя «старым чудаком», кое-кто пугал им малышей:

— Будешь плохо себя вести, дядька посадит в бездонный мешок и унесет.

Мы с Сашкой были уверены, что странник никто иной, как разбойник, маскирующийся под ученого. Однажды мы выследили его.

Он жил на центральной улице, в обычном доме на втором этаже. Напротив его окон возвышались липы — одна из них была удобным наблюдательным пунктом. Несколько дней подряд мы вглядывались в окна, и вот что заметили: каждый раз вернувшись из похода по окраине, мужчина подолгу разбирал мешок с хламом, все штукорины отряхивал от пыли, протирал, аккуратно расставлял на столе; некоторые дотошно разглядывал через лупу и склеивал, другие выпрямлял, ремонтировал и выносил на балкон.

Как-то с балкона мужчина увидел нас, нахмурился, но поманил. Мы слезли с дерева, мужчина перегнулся через оградительную решетку и озабоченно проговорил:

— Заходите, покажу кое-что интересное.

Не без страха мы вошли в его квартиру. Что сразу поразило — комната напоминала лавку утильщика. Чего только там не было! Дырявые кастрюли, чайники и самовары, погнутые абажуры, сломанный подсвечник, облезлая деревянная лошадь, треснутый пластмассовый попугай...

Мужчина спросил наши имена, представился Валерием Алексеевичем и показал на диван:

— Устраивайтесь, не стесняйтесь. Я люблю гостей, но, к сожалению, у меня почти никто не бывает, — он сел за стол, закурил трубку. — Вас страшно интересует, чем я занимаюсь, верно? Я, дорогие мои, реставратор. Слышали про такую профессию? Нет? Это люди, которые дают вещам вторую жизнь... Работаю в краеведческом музее, а дома... это просто увлечение. Вот недавно нашел собаку.

Валерий Алексеевич взял с полки тряпичного пса.

— Собачка была одноглазая, без уха, вся грязная. Я ее отмыл, сделал ей пластическую операцию: пришил глаз и ухо, теперь, видите, улыбается, — Валерий Алексеевич, довольный, шмыгнул носом, поправил пенсне. — Так что, если у вас сломается какая-нибудь вещь, приносите, починю... Понимаете, дорогие мои, огромное удовольствие чинить вещи. Угадываешь мысли мастеров, которые их делали, представляешь этих мастеров... Некоторые люди ничего не ценят. Чуть что поломалось — выбрасывают. А ведь кто-то вложил труд в эту вещь. В каждой вещи частица души мастера... Надеюсь, вы бережно относитесь к вещам. А если что и поломалось, починить можете, — Валерий Алексе-

евич внимательно посмотрел на нас и улыбнулся. — Наверняка, вы рукастые ребята, я угадал?

Мы с Сашкой кивнули, и Сашка рассказал, как клеил дирижабль, а я рассказал, как строил мосты.

КЕМ СТАТЬ?

Прежде чем я решил стать капитаном, в моей душе был полный разброд. В то время все ребята прекрасно знали, кем будут, когда вырастут, а я никак не мог выбрать себе профессию.

Вначале я хотел стать дворником. Посмотрел, как дворник дядя Женья поливает асфальт водой и сразу понял, чем интересней всего заниматься. В те дни гибкий шланг, мощная струя, сверкающие потоки снились мне даже во сне. Но осенью, когда улицу засыпали листья и появилась грязь, когда дяде Жене приходилось и утром и вечером чистить улицу, мне расхотелось быть дворником. А зимой, когда дядя Женья в поте лица работал лопатой, да еще скребком и ломом, я понял: дворник — самая скучная профессия на свете.

Отец и мать уходили на работу в семь часов, а мне, чтобы я не опаздывал в школу, заводили будильник на восемь. Как-то будильник сломался и несколько дней меня не будил назойливый звон. Я приходил в школу ко второму уроку, говорил:

— Мать заболела.

И мне все сходило с рук — еще бы! — больная мать — это нештучная причина для опозданий. Но потом обман раскрылся, а поскольку к этому времени я уже нахватал кучу двоек, отец в наказание запретил мне играть в футбол и ходить на рыбалку, а мать дала подзатыльник и безжалостно отчеканила:

— Бери будильник, иди в мастерскую к дяде Володе, пока не починит не возвращайся!

Часовая мастерская находилась на соседней улице и напоминала музей: в ней красовались напольные часы — огромные как шкафы, с тяжелыми гирями и маятником, размером с тарелку; всякие настенные — от ходиков с кукушкой до современных, в виде одного циферблата со стрелками; настольные и каминные всевозможных форм и расцветок; ну и конечно, будильники, карманные и ручные — даже такие крохотные, что было не слышно, как они тикали.

Когда я принес будильник, дядя Володя чинил карманные часы — перебирал пинцетом маленькие колесики и винтики.

— Что, барахлит механизм? — бросил он, мельком взглянув на будильник.

— Не звенит, — буркнул я, втайне надеясь, что дядя Володя никогда его не починит; настроение у меня было отвратительное.

— Ну оставляй. Приходи завтра. Оживим механизм, — дядя Володя снова склонился к колесикам и винтикам.

— Мать сказала, чтоб не возвращался, пока вы не почините.

— Во-он оно что! — удивился дядя Володя. — Ну, тогда надо делать прямо сейчас, — он отложил карманные часы в сторону и взял будильник. — А за что это тебе такое наказание? Небось, выкинул какой-нибудь номер, а?

— Да, так, — уклончиво выдавил я.

— Давай рассказывай, что стряслось?

Я рассказал про дела в школе.

— Да, натворил ты чудес, — покачал головой дядя Володя, продолжая копаться в механизме будильника. — Надо, конечно, постараться, чтоб нахватать столько двоек... Ну, а как у тебя обстоят дела с литературой? Сколько имеешь по литературе?

— По литературе четверка, — оживился я.

— Уже неплохо... Стихи наизусть знаешь?

— Угу.

— Ну, прочитай. Что-нибудь веселое.

Я шмыгнул носом.

— Не хочется что-то.

Дядя Володя вздохнул и вдруг тихонько начал:

Люблю грозу в начале мая
Когда весенний первый гром...

После этих слов я не выдержал и громко продолжил:

Как бы резвяся и играя
Грохочет в небе голубом...

Я прочитал стихотворение полностью, а когда закончил, мне стало как-то легко и весело, и главное, захотелось что-нибудь делать. Что-нибудь полезное. Например, стать часовщиком и чинить разные механизмы...

— А где учатся на часовщика? — внезапно выпалил я.

— Где-где... У меня, — ухмыльнулся дядя Володя. — Приходи, научу. Но вначале исправь двойки. Сам понимаешь, без знаний никогда не разберешься в механизмах. Тем более, таких тонких, нежных, как часы, — он уже починил будильник, протянул его мне, и вновь принялся за карманные часы.

Вскоре я решил стать чистильщиком. На углу нашей улицы, за ящиком со щетками для чистки обуви важно восседал парень по фамилии Серьезный. На самом деле парень был совершенно не серьезный —

вечно болтал какую-то ерунду. Мы его звали Гуталин, потому что он хвастался, будто сам варит кремы для обуви и рецепты этих кремов не знает никто, кроме него. Взрослые говорили, что он врет, и покупает банки с кремом у цыган, но мы верили. Да и как было не верить, если нам Гуталин рассказывал о вареве подробно, рассказывал про специальную печь и специальную кастрюлю, про какое-то немислимое топливо, которое выделяет ядовитый дым — про что угодно, но о составе крема умалчивал. На все наши вопросы отвечал напыщенно, с каким-то черным юмором:

— Рецепт скажу только перед смертью.

Чародейство Гуталина не на шутку разжигало наше любопытство. Кажется, втайне мы даже желали ему смертельной болезни, чтобы услышать рецепт, но Гуталин имел богатырское здоровье.

Угол дома, где сидел Гуталин, был размалеван пробными мазками кремов: на одной стене — желтыми и оранжевыми — ее Гуталин называл «стеной радости»; на другой — «стене печали» — коричневыми и черными.

Много раз, когда Гуталин кому-нибудь чистил обувь, я наблюдал за его работой. Вначале он маленькой щеткой ловко намазывал башмак или туфлю ваксой, затем двумя щетками с длинной щетиной быстрыми движениями доводил обувь до блеска, в заключение проводил по ней бархоткой и блеск переходил в зеркальный глянец.

По вечерам Гуталин катал на велосипеде девушек, причем, постоянно оттачивал технику вождения: возил даже двоих сразу — одну на раме, другую на багажнике.

Наблюдая за Гуталином я втайне тоже мечтал стать чистильщиком. Как-то даже сколотил ящик, взял щетку, и пристроился рядом с Гуталином.

— Ты чего это вздумал? — у Гуталина глаза полезли на лоб.

— Дай немного крема, я тоже хочу чистить, — протянул я.

На минуту Гуталин оторопел, потом прорычал:

— Ишь, додумался! Марш отсюда! Клиентов мне распугать хочешь?!

Я оскорбился, взял ящик и побрел домой. По пути, просто так, от нечего делать, заглянул в подвал к истопнику дяде Коле.

Подвал освещала тускляя лампочка, но я разглядел кирпичную кладку и чугунные дверцы топки, бак с водой и толстые трубы с кранами. В топке бушевало яркое пламя: красные языки бежали наверх, переплетались, и облизывали брюхо бака, и дрожали, и таяли. В котельной стоял такой горячий воздух, что перехватывало дыхание.

Дядя Коля совковой лопатой забрасывал уголь в топку и шуровал его длинной кочергой. Иногда раскаленный уголь выпадал из топки и дядя Коля брал его рукой — без всякой перчатки — и забрасывал обратно в топку. И не обжигался! У него были огнестойкие руки. Большие, мозолистые и огнестойкие.

Когда-то дядя Коля служил на корабле кочегаром. Он и на суше оставался бывалым «морским волком» и частенько отдавал нам команды кочегарским басом:

— Сбегай за папиросами! И живей!... Принеси банку воды! И веселей!

Очутившись в котельной, я сразу представил себя на корабле, и не на простом, а на пиратском — ведь по стенам котельной бродили огромные тени, один к одному похожие на пиратов. Морские разбойники угрожающе размахивали саблями и пистолетами, и всем своим видом давали понять — пощады никому не будет.

Я схватил палку и стал сражаться с пиратами, но вдруг услышал кочегарский бас:

— Чтой-то ты за ящик принес?

С минуту я размышлял, что сказать. Потом нашелся:

— Принес сжечь.

— У-у, отличное топливо, пробасил дядя Коля. — Кидай его в топку! Выполняй! И веселей!

Я закинул ящик в топку, он запылал, стало светло — пираты тут же обратились в бегство. В этот момент я твердо решил стать кочегаром на корабле и объявил об этом дяде Коле.

— Одобряю! — кивнул дядя Коля и крепко пожал мне руку своей кочегарской огнестойкой лапищей.

Будущую специальность я начал осваивать с огня: разводил под обрывом костер и совал в него пальцы — хотел сделать руки огнестойкими. Потом чернилами нарисовал на груди якорь, и стал зубрить морские словечки, но внезапно произошло одно событие.

Наши соседи решили сделать из своей открытой террасы застекленную веранду. Кажется, их планы простирались и дальше — они вздумали устроить дополнительную комнату и на лето сдавать ее тем, кто жил в центре города, в «каменных джунглях», а у нас на окраине местность была почти дачная.

Так вот, к соседям пришел стекольщик, этаким весельчак с ящиком стекол — он все время напевал какую-то зажигательную песню, — и стал рулеткой замерять рамы. Такое важное событие я не мог пропустить, залез на террасу и увидел: в ящике стекольщика лежали разноцветные стекла! До этого я и цветную бумагу-то не видел, а тут стекла!

Оказалось, по замыслу соседей, на веранде поверх обычных стеклянных рам должен был идти орнамент из цветных стекол. По-видимому, соседи за такую красоту намеревались брать дополнительную плату.

Стекольщик работал под зажигательную песню и мой восторженный взгляд. Положит стекло на стол, проведет по нему алмазом, с обратной стороны постучит и стекло со звоном обламывается — ровно, без единой трещинки. Нарезав таким образом множество разноцветных треугольников, стекольщик начал вставлять их в переплет рамы и закреплять маленькими гвоздями. На минуту прервал пение и повернулся ко мне.

— Ты как, слабак или не очень? Замазку сможешь размять? — он кивнул на кусок замазки в ящике и снова затянул песню.

Я стал разминать коричневый куб — а он твердый, поддается с трудом, — но тут уж речь шла о моем престиже и я нашел в себе силы, размял весь огромный кусок.

— Вижу, ты не слабак, — вновь оборвал песню стекольщик. — А кем решил стать?

Я пожал плечами.

— Не решил еще.

— Пора бы решить. Уж небось в школу ходишь?

— Уже в третий класс пойду! — выпалил я, слегка обидевшись.

— Тем более! — тоже повысил голос стекольщик и, помолчав, протянул: — Эхе-хе, твоя заблудшая душа, — и опять затянул песню.

— А где у вас простые стекла? — ввернул я, заметив, что в ящике их нет.

— Вставлять простые стекла — не нашего с тобой ума дело, — откликнулся стекольщик. — Хозяева заявили: «Сами вставим». Наше дело — художественное оформление. Я, понимаешь ли, мастер по витражам... А вставить простое стекло — пара пустяков, каждый дурак может. Нарезал в мастерской и вставляй. Цветная мозаика — дело посложней, тут вкус нужен, взгляд художника...

Стекольщик еще не закончил работу, но от его цветной мозаики уже захватывало дух — казалось, смотришь в гигантский калейдоскоп. Я встал на табуретку и взглянул на улицу через красное стекло; и ту же вся улица стала красной, словно начался пожар. Потом посмотрел в синее стекло — все сразу посинело, точно спустился вечер. Перевел взгляд на желтое — все моментально наполнилось солнцем, хотя день был довольно пасмурным.

В тот день я без колебаний решил стать мастером по витражам, и уже представлял собственный ящик с цветными стеклами, алмаз, ру-

летку; даже нарисовал несколько красочных витражей... Вот только песню стекольщика никак не мог вспомнить.

А потом я захотел стать вагоновожатым — просто спал и видел себя в кабине ярко-красного вагона... После вагоновожатого загорелся работой слесаря водопроводчика, и наконец, остановился на двух профессиях: музыканта и плотника. То есть решил стать одновременно и тем и другим.

Как музыкант я играл на губной гармошке «Во поле березка стояла», а как плотник ходил по дворам с молотком, подбивал расшатанные заборы, петли на калитках, почтовые ящики, чем заслужил массу благодарностей.

Стояло лето и мой день проистекал так: с утра я недолго дудел на гармошке, затем в каком-нибудь палисаднике прибывал пару досок, потом снова брал гармошку, а там уже и ребята футболисты появлялись — с ними до вечера и гонял мяч.

Уже через несколько дней я убедился, что иметь две специальности очень удобно: надоела одна, взял и бросил ее на время, занимаешься другой. А у меня и вовсе получалось как нельзя лучше, ведь известно — умственную работу полезно чередовать с физической.

Но вскоре я заметил, что для серьезных занятий музыкой необходимо изучать ноты, а заколачивая гвозди отбил все пальцы, ведь попадал не только по шляпке гвоздя. Спустя неделю мне расхотелось становиться и музыкантом, и плотником.

Снова я стал думать: кем стать, чем заняться? Целыми днями слонялся по улице и все думал. И вдруг пришел к замечательному открытию. Оказалось лучше всего было вообще ничего не делать. Я просто гулял, играл в футбол, ходил от одного приятеля к другому, смотрел, чем они занимаются, давал им ценные советы.

Вначале заходил к Антону и смотрел, как он раскладывает марки в альбоме. Антон называл себя филателистом. В самом деле, он был просто помешан на марках: все время встречался с такими же, как он, заядлыми собирателями; они обменивались марками, хвастались отдельными заграничными экземплярами, рассматривали их в лупу, о чем-то шептались... Антону я советовал устроить выставку своей коллекции, после чего он долго тряс мою руку, бормотал как признателен за участие в его жизни и прочее.

От Антона я отправлялся к Витьке, который хотел стать боксером и целыми днями дубасил подушки, пуфики на диване и вообще все, что попадало под руку. Худой, низкорослый, но решительный и жесткий Витька на улице то и дело вставал в стойку, делал выпады, пригибался, вскрикивал, хрипел и сопел — боксировал с воображаемым соперни-

ком. А иногда и не с воображаемым. Как-то увидел меня и завопил на всю улицу:

— Защищайся! — и набросился на меня с кулаками.

Я попробовал отбиться, но он сразу же дал мне в поддых, и я свалился, корчась от боли.

— Готов! — хмыкнул Витька. — Нокаут!

Отдышавшись, я закричал:

— Ты что, спятил? Ни с того, ни с сего лезешь драться? Что я тебе сделал?

— Это бокс! — важно объявил Витька и, стиснув зубы, ударил воздух.

Я приходил к Витьке, смотрел, как он колошматит подушки, поднимает гантели, но как только он предлагал мне быть спарринг-партнером, тут же направлялся к двери.

— Запишись в секцию бокса! — бросал ему перед уходом.

Больше всех я советовал Кольке — ему я дал массу отличных советов. Колька собирался стать художником и целыми днями рисовал как одержимый. А уж в рисовании я разбирался, ведь до этого хотел быть мастером по витражам, и не раз делал эскизы витражей.

Вот так я все ходил, смотрел и советовал. И размышлял: «Я-то еще успею выбрать себе профессию. Я способный, и чем угодно могу заниматься. Мое время еще придет». А время, как назло, тянулось медленно. И главное, я почему-то сильно уставал от безделья. Даже больше, чем когда занимался чем-то.

Потом Антон получил премию на выставке филателистов и стал таким известным, что его приветствовали даже собаки на улицах. Витьку приняли в секцию бокса и там он одерживал одну победу за другой. А Колька поступил в художественную школу и вскоре уже всю расписывал вывески на лотках, за что получал вознаграждения овощами и ягодами. Понятно, теперь мне уже нечего было им советовать. Теперь они мне советовали; от них просто сыпались советы.

Антон обнимал меня и доверительно шептал:

— Становись коллекционером. Мы не просто собираем марки, у нас особая жизнь, мы путешествуем по странам.

— Ты хоть немного тренируйся, — без устали повторял Витька. — Укрепляй мышцы. Пораскинь мозгами — ты парень или кисейная девочка?

Но самый дельный совет мне дал Колька:

— Ты не разбрасывайся, выбери что-нибудь одно. Ну, например, когда ты чинил заборы, у тебя все неплохо получалось. Возьмись снова за это дело.

В те дни я чувствовал себя самым несчастным на свете. Все ребята уже добились огромных успехов, а я никак не мог найти себя; целыми днями слонялся без дела и настроение у меня было — хуже нельзя придумать.

Как-то я брел по улице, где ходил трамвай. Поравнявшись с двухэтажным домом, увидел в окне первого этажа бледного, страшно худого мальчишку. Я и раньше его видел; он обычно сидел за столом и рассматривал трамваи или листал книгу. «Какой-то маменькин сынок», — думал я.

Вот и в тот день мальчишка паялился на улице; только если раньше окно было закрытым, то на этот раз — открытым. Заметив меня, мальчишка разулыбался и махнул рукой, подзывая к окну.

Я подошел.

— Чего тебе?

— Представляешь! В одном трамвае с утра катается старичок. Туда-сюда, туда-сюда.

— Ты, небось, обознался.

— Нет, точно! — мальчишка вытаращил глаза. — Вот сейчас пойдет двадцать четвертый. Там вожатая в платке. И увидишь, старичок сидит на первом месте.

В самом деле, через некоторое время показался трамвай, в котором на первом месте сидел старичок — он с любопытством разглядывал все, что появлялось по сторонам.

— Наверное, турист. Или иностранец, — предположил мальчишка.

— А может, шпион, — ввернул я.

— А сейчас пойдет тридцатый. Там вожатый молодой, с усами. Он мне обязательно позвонит.

— Ладно врать-то.

— Вот увидишь.

Действительно, когда подъехал тридцатый, усатый вожатый помахал мальчишке рукой и выдал целый каскад звонков. Мальчишка заулыбался, помахал в ответ и покраснел — так ему было приятно внимание вожатого... Тут я заметил, что он сидит в кресле, обложенный подушками.

— Ты как король, на подушках, — усмехнулся я, не скрывая своего презрения.

— Ага! — краска с лица мальчишки сошла и он вновь стал бледным.

Я приподнялся на носки и вдруг увидел рядом с креслом... костыли. И спросил:

— Ты что, ногу сломал?

— Не-ет, — мальчишка глубоко вздохнул. — Я не могу ходить... Есть такая болезнь полимиелит, — он опустил голову, его губы задрожали. — Уже три года не выхожу на улицу.

— А когда ты вылечишься?

— Не знаю. Врачи говорят надо лечиться... долго... Но я каждый день делаю гимнастику и уже могу вставать на ноги. Вот смотри! — мальчишка отжался от стола и попытался забраться в кресло с ногами, но у него не получилось.

— Сейчас, сейчас! — пробормотал он, надуваясь и краснея; его лицо покрылось каплями пота.

После нескольких попыток ему все-таки удалось забраться и встать на колени.

— Вот! — он радостно вскинул руки, и отдышавшись, снова опустился в кресло. — Я думаю, все же вылечусь и смогу ходить... Может даже... смогу поиграть в футбол.

Позднее я подружился с мальчишкой. Его звали Игорь. Я приходил к нему и он учил меня играть в шахматы и собирать модели парусников.

А в тот день, отойдя от окна, я почувствовал жгучий стыд за то, что могу бегать и прыгать, и вообще не знаю, что такое болезни, но все не найду себе занятия. Я вспомнил совет Кольки и решил по-настоящему освоить плотницкое ремесло, и вновь несколько дней усердно чинил заборы, но потом Игорь дал мне прочитать книгу про мореплавателей и я окончательно и бесповоротно решил стать капитаном, и непременно — капитаном дальнего плавания, чтобы бороздить океанские просторы, с тайной надеждой открыть какой-нибудь еще не открытый остров.

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

В том приволжском городке было три достопримечательности: пристань, речной техникум и духовой оркестр судоремонтного завода. Ни пристани мальчишки мечтали.

Игорь мечтал стать речным капитаном; он носил тельняшку, рисовал чернилами на руках якоря и объяснял девчонкам, что створные знаки на берегу — не для мебели, а бакены, вехи и буи на реке — далеко не игрушки, как думают некоторые с пассажирских судов.

Игорь собирался поступать в речной техникум, чтобы получить права судоводителя и ходить на разных посудинах до Черного моря, и дальше, пересекая проливы, бороздить океанские просторы и, если особенно повезет, открывать еще неоткрытые земли. По сути дела в мечтах Игоря обыкновенный речной капитан как-то незаметно, плавно превращался в морского капитана дальнего плавания и в конечном счете становился бывалым морским волком.

Здоровяк Леха мечтал работать слесарем на заводе; у него оттопыривались карманы от гаечных ключей; при случае он хвастался моторной лодкой, которую собирался строить в будущем. Как и Игорь, Леха планировал кое-где побывать, но в более ограниченном районе плавания — ему хватало и бассейна Волги.

Была у мальчишек и общая мечта — играть в духовом оркестре: Игорь по-настоящему любил музыку, а Леха хотел просто «дудеть, чтоб всех веселить» и «подрабатывать на свадьбах и похоронах».

Попробуй быть спокойным, когда по улице, сверкая медью, марширует духовой оркестр! Когда воздух сотрясается от объемных звуков, четкого, упругого ритма! В тебя вселяются приподнятость и бодрость; непроизвольно начинаешь подпевать, подстраиваешься под шаг оркестрантов. Духовой оркестр — единственный из всех транспортабельный, то есть играющий на ходу. И самый яркий — по набору инструментов. Он — яркая брошь на платье музыкального искусства, если можно так выразиться.

Духовой оркестр многолик: на парадах — это оркестр энтузиазма, на вокзалах и пристанях — оркестр встреч и расставаний, на танцах — оркестр чувств, на похоронах — оркестр прощания. А музыканты-духовики, как правило, неунывающие люди.

— Как вы так здорово играете? — спросил однажды Игорь заводского тромбониста.

— Нам просто интересно жить, — ответил тот и, проиграв что-то затейливое, пояснил: — Есть люди прямолинейные; они идут по жизни, как в туннеле, ничего не видят вокруг. И сами не меняются и не вносят в мир ничего своего. А мы все время меняемся: сегодня здесь играем, завтра там, и все расцветиваем музыкой.

Во время войны заводские музыканты-духовики ушли на фронт и никто из них не вернулся. После войны без неунывающих людей в городке воцарилась довольно унылая атмосфера. Иногда в заводском клубе заводили патефон, но многим тогда было не до танцев, да и танцевать под пластинки — совсем не то, что танцевать под оркестр, не тот душевный настрой — это понятно каждому, кто хоть немного разбирается в музыке.

Однажды на чердаке клуба, среди пыльной рухляди, случайно обнаружили несколько инструментов; все они были с вмятинами и побитыми раструбами; медь матовая, с налетом зелени; внутри трубы и альты виднелась коррозия, у тубы не хватало мундштука, у тромбона — кулисы.

Инструменты обнаружил столичный школьник Олег, который приехал на летние каникулы к деду, сторожу клуба. Олег целыми днями плавал в Волге, прямо не вылезал из воды, и все удивлялся, что дед, еще сравнительно молодой, живет у реки и не плавает.

— Я купаюсь в роскоши, — усмехнулся дед. — После кинофильмов и танцев закрываю клуб изнутри и за сценой почитываю книжки. Там старинная мебель, обитая плюшем. Развалюсь в ней как царь, купаюсь в роскоши...

Как-то, наплававшись до посинения в Волге, Олег зашел в клуб, посмотреть на «купанье» деда; облазил в клубе все закутки и на чердаке обнаружил инструменты. А надо сказать, Олег был на редкость музыкальным пареньком — одно время даже учился в музыкальной школе, но потом более сильная тяга к спорту отодвинула музыку на дальний план. И вдруг эти инструменты!

Олег взял трубу — у нее был наиболее приличный вид — и за сценой, в дедовских «хоромах», привел инструмент в надлежащий вид: снаружи отчистил пылью от кирпича, внутри — зубным порошком с водой; затем смазал клапана бриолином и... с того дня плавал только по утрам, а весь день играл на трубе.

В какой-то момент, заслышав звуки трубы, в клуб заглянул Игорь. К этому времени будущий капитан-романтик уже подошел к своей основной мечте достаточно близко — уже учился в речном техникуме, — но не забыл и свою вторую мечту — насчет духового оркестра. И, естественно, увидев Олега с трубой, Игорь загорелся этой второй мечтой не на шутку.

— Там, на чердаке есть еще инструменты, — подмигнул Олег. — Альтушка и туба более-менее ничего, а тромбон сломан. Ты как, не хочешь поучиться играть на альтушке? Красивый инструмент и звук у него красивый?!

— Хотелось бы! — выдохнул Игорь.

— На это надо решиться, — серьезно сказал Олег. — Это все равно, что прыгнуть со скалы.

Игорь был давно готов к прыжку.

Ребята слезили на чердак за альтом, привели его в порядок и Олег сыграл на нем несколько пьес. Он играл так легко и непринужденно, из инструмента лились такие мягкие, гибкие звуки, что Игорь был уверен — перед ним великий музыкант, не иначе.

На листе бумаги Олег написал нотную азбуку и показал Игорю, как из альты извлекать тот или иной звук. Вначале у Игоря все получалось коряво: он путал ноты, из альты вырывался свист, и стон, и хлип — «рыданья», как их в шутку называл Олег, но постепенно Игорь освоился и временами проигрывал ноты вполне сносно. Во всяком случае через неделю Олег писал своему ученику уже длинные музыкальные фразы, почти мелодии целиком и Игорь справлялся с заданием.

— У тебя дело пойдет, — твердо говорил Олег. — Слух есть, остальное дело техники. Скоро сыграем дуэтом вальс. Я нашел на чердаке кое-какие ноты.

И они действительно сыграли вальс — «На сопках Манчжурии»; Олег на трубе вел мелодию, Игорь изображал второй голос, часто фальшивил, но концовку отыграл блестяще.

Слушатель у них был всего один — дед Олега, но зато какой слушатель! Когда ребята закончили, дед попросил сыграть еще раз, а потом прослезился, и сказал, что эта музыка напомнила ему довоенное время.

— Мы еще разучим танго «Соловей» — пообещал Олег.

А Игорь почувствовал, что его мечты готовы поменяться местами, то есть, капитан-романтик готов уступить пальму первенства музыканту-духовику.

Игорь влюбился в «альтушку» и не расставался с инструментом ни на минуту; укладываясь спать, вешал его над кроватью, и видел во сне — то переливчатой раковиной, то золотистым водоворотом. Теперь на репетициях «Соловья» Олег все чаще хвалил Игоря:

— Уже почти владеешь звуком.

Но стоило Игорю взять неверную ноту или выдать несоловьиную трель, а какой-нибудь острый писк, маэстро морщился:

— Дребедень! От этих охотничьих арий вянут уши! Бери понежнее. Представь, что поешь в хоре. Все духовые инструменты близки к хору.

В разгар репетиций «Соловья» Олег сказал, с досадой в голосе:

— Жаль нет баса! В низах вся основа... У тебя никого нет на примете, кто мог бы поиграть на тубе?

Перед Игорем моментально возник Леха.

— Но ведь в тубе дырки, и нет мундштука?

— Попрошу деда, может, на заводе кто починит. Главное — найти человека со слухом. Туба — инструмент несложный. Играть только: тум-ба-ба, тум-ба-ба! — и все!.. А звук у тубы — красота! Густой, мужественный.

На следующий день дед Олега отнес тубу на завод, где инструмент выправили и залудили. С мундштуком дело обстояло сложнее: и на заводе, и в механической мастерской отлить мундштук отказались наотрез: «Это сложная штука», — сказали.

Выручил дед Олега — он предложил пристроить к тубе мундштук от тромбона. Так и сделали, подогнав детали напильником.

— Конечно, это техника пещерных людей, — усмехнулся Олег. — Мундштук должен подходить заподлицо и вообще быть посеребренным, а этот неизвестно какой.

— Скажи спасибо, что так-то получилось, — отозвался дед. — Когда нет колодца, пьют из лужи.

В тот же день Игорь привел в клуб Леху. К этому времени будущий слесарь-виртуоз Леха уже ухватил свою главную мечту за хвост — уже работал учеником на заводе, а свою второстепенную мечту — «стать духовником», совершенно забыл. Игорь напомнил ему про нее, рассказал про Олега и тубу. В ответ Леха почесал затылок.

— Вообще-то можно попробовать подудеть. Музыканты выше остальных людей, и девушкам они нравятся.

С Лехой Олег натерпелся.

Во-первых, Лехе сразу не понравилась туба — «много железа», — сказал и пояснил, что рассчитывал играть на барабане.

Во-вторых, Леха, когда Олег все же его уговорил «делать ритмический рисунок», начал играть по-деревенски грубо: дул в мундштук изо всей мочи, так что из тубы вылетали не мужественные, а суровые и зловещие звуки, такие что дед Олега, постоянный слушатель оркестрантов, вздрагивал.

В-третьих, и это самое главное — Леха нес отсебятину. Это последнее доставляло Олегу настоящую боль. Читать ноты Леха научился довольно быстро, но особенно чтением себя не утруждал. Случалось, во время репетиции «Соловья», даже Игорь улавливал, что Леха играет явно не то. Олег подходил к Лехе — а перед ним лежали совершенно другие ноты.

И все же, «Соловья» одолели и даже сыграли на публике. В тот вечер, после киносеанса, дед Олега объявил зрителям:

— А сейчас вам сыграет духовой оркестр!

Олег, Игорь и Леха вышли на сцену. Их выход, с надраенными до блеска инструментами, был впечатляющим. Все повскакивали с мест, подбежали к сцене, окружили музыкантов и замерли — восторженные зрители мгновенно превратились в онемевших слушателей.

— Танго «Соловей»! — объявил Олег, отбил ногой такты и, запрокинув трубу, начал мелодию.

Игорь повел свою партию и держал строй вполне прилично; его альт был как бы связующим звеном между трубой — Олегом и тубой — Лехой, который делал фон мелодии; он очень старался и общего впечатления не портил, правда, у него инструмент почему-то все время сползал и, поправляя ремень, Леха сбивался, его звук вибрировал и получалась какая-то мутная музыка. Но эти погрешности замечали только Олег с Игорем, а слушателей охватило очарование. Еще бы! Живая музыка рождалась прямо перед ними! Это не какие-то заезженные пластинки!

— Сыграйте вальс! Теперь фокстрот! Устроим танцы! — слышались голоса, когда музыканты закончили и раскланялись под бурные возгласы и хлопки.

Олег с Игорем могли сыграть вальс «На сопках Манчжурии», но Леха ритм вальса еще не разучил. Поэтому Олег шепнул:

— Ты, Леха, только делай вид, что играешь.

Леха кивнул, но в середине вальса не выдержал, и стал играть в ритме танго; и опять слушатели ничего не заметили — они уже во всю кружили по клубу. Так и играли музыканты две вещи попеременно, пока от одних и тех же мелодий не наступило всеобщее одурение.

Когда расходились по домам, Олег сказал Лехе:

— Очень громко играешь. И меня, и альтушку глушишь. Завтра склею тебе сурдину из картона, а на репетициях завешивай тубу марлей. Очень громко играешь!.. Пойми, духовая музыка идет изнутри, от живота... Своим дыханием мы оживляем инструмент...

Через неделю Леха «развил дыхалку», освоил ритмы Вальса и фокстрота и с сурдиной, которую Олег ему склеил, уже играл как надо. Втроем они разучили задумчивый вальс «Дунайские волны» и искрометный фокстрот «Цветущий май»; теперь у них был репертуар и они называли свое трио — «духовой оркестр».

Теперь в клубе устраивались танцы по полной программе, а после танцев музыкальные танцоры, то есть люди со слухом, долго благодарили Олега, жали руку Игорю и похлопывали по плечу Леху. Немзыкальные, которым «медведь на ухо наступил», сыпали похвалу Лехе, а Олегу с Игорем говорили: «У вас тоже неплохо получается» — видимо, они не различали, кто что играет и считали — чем больше инструмент

в оркестре, тем главнее. По их понятиям выходило, что в оркестре все держалось на Лехе, а Игорь ему только не мешал, а Олег вообще стоял на сцене для красоты. К счастью, таких было мало — в основном приятели Лехи из слесарного цеха. Но вскоре Леха стал героем и на своем судоремонтном заводе.

В середине лета на заводе состоялся спуск на воду отремонтированного буксира, и оркестрантов попросили сыграть туш и марш. Накануне Олег, Игорь и Леха всю ночь репетировали в клубе. Туш разучили сразу, с маршем возились до утра. Дело в том, что на чердаке нашли ноты одного марша «Прощание славянки», и те не полностью. Олегу пришлось проигрывать марш по слуху и записывать целые куски.

И вот во время торжеств на заводе Леха и стал героем, вернее, после того, как духовой оркестр продемонстрировал свой высокий класс. Сам директор завода отметил Леху и тут же перевел его из учеников в слесари и пообещал выделить кое-что из отходов производства для постройки моторной лодки. Прямо на глазах Олега и Игоря главная мечта их товарища стала явью.

А потом повезло и Игорю. В городок прибыла футбольная команда из соседнего поселка для товарищеской встречи с командой судоремонтного завода. Гости прибыли на пароходе; их встречали на пристани с цветами и, конечно, с духовым оркестром — как же без него, если он есть?! И здесь отличился Игорь, вернее, его отличило высокое начальство речного техникума, которое сплошь состояло из футбольных болельщиков.

Игоря отличили тем, что его фотографию поместили на доску почета, с надписью: «Самый способный из будущих флотоводцев». До выхода на океанские просторы оставался всего один шаг; это и радовало Игоря и доставляло ему беспокойство; он уже подумывал: «Не стать ли профессиональным музыкантом, а по совместительству — капитаном-любителем?» В нем постоянно боролись две мечты, и «духовик» все чаще клал на лопатки «морского волка».

Но в конце лета, когда Олег уехал из городка и оркестр распался, у Игоря реальной и близкой осталась только одна мечта, то есть «морской волк» внезапно, одним махом, припечатал «духовика» к земле.

Раза два Игорь с Лехой пытались играть в клубе дуэтом, но получалось плохо: Игорь еле справлялся с мелодией, а Леха спешил, гнал такты — он уже весь был там, где полным ходом шло строительство его лодки. Без Олега все уже было не то.

С каждым днем главная мечта Игоря отодвигалась все дальше и дальше, а после окончания речного техникума, стала и вовсе еле различимой.

КОГДА Я БЫЛ МАЛЬЧИШКОЙ

СВЕРЧОК И СВЕТЛЯЧОК

Одно лето мы снимали комнату за городом. Перед нашим окном в палисаднике было пиршество цветов, а высоких, спутанных трав произрастало такое множество, что казалось — в них войдешь и исчезнешь навсегда. Травы стелились вдоль земли, тянулись ввысь, обвивали изгородь и ниспадали с нее, а вьюнки прямо ввинчивались в кустарник.

Кто мне особенно нравился из обитателей палисадника — так это сверчок и светлячок. «Музыкант» и «фонарщик». Оба таинственные: кого бы я не спрашивал, никто ничего толком о них не знал.

Каждое утро я просыпался от стрекотанья. Где-то под окном невероятно веселый музыкант без устали играл на разных инструментах. Когда стрекотанье становилось особенно громким, до звона в ушах, я был уверен — он крутит трещотку, а когда стрекот стихал и переходил в тонкое пиликанье, мне казалось — он дает концерт на скрипке. Заслышав эти звуки, я вскакивал с кровати, вылезал через окно в палисадник и, раздвигая высокую траву, подползал к невидимому музыканту. Увлеченный игрой, он забывал про осторожность и подпускал меня совсем близко — играл где-то в травах прямо перед моим лицом, но где, я так и не мог разглядеть.

«Фантастика! — думал я. — Музыкант невидимка!»

Отец был в командировке и я спросил о сверчке у матери.

— Не знаю, не видела, — сказала она. — Говорят, он поселяется только у семейных людей, у одиноких почему-то не живет.

Такая разборчивость сверчка сделала его еще более загадочным. Эта загадка не давала мне покоя.

Светлячка я представлял сторожем, который по ночам зажигает крохотный фонарик и освещает травы и цветы — охраняет разных букашек или летает и рисует в небе светящиеся зигзаги.

Каждый вечер я подбегал к окну и вглядывался в зеленоватую темноту — все хотел увидеть светлое пятнышко, но мне это никак не удавалось.

— Ну, а светлячок, — спросил я у матери, — он какой?

— Не видела, — сказала она. — Знаю только, что он живет у дороги.

Это была вторая загадка, не менее сложная, чем первая.

«Что за палисадник?! — думал я. — Сплошные загадки! И травы, как джунгли — какие-то цепкие капканы!» Я был в полном смятении.

Однажды поздно вечером, возвращаясь с рыбалки, я заблудился в перелеске. Долго ходил взад-вперед, никак не мог отыскать тропу к поселку, как вдруг заметил в траве синеватый огонек, мерцавший, точно

маленькая звездочка. Подошел ближе, нагнулся и увидел жучка со светящимся брюшком. Взял его в руки и тут же чуть дальше заметил другого. Направился к этому второму жучку и внезапно заметил, что иду по тропе. Передо мной загорелся один светлячок за другим — целая россыпь огоньков освещала мне путь. Так и подошел к дому по светящейся цепочке.

А через несколько дней из командировки вернулся отец, и стрекотавший под окном сверчок сразу перебрался к нам в дом — он оказался кузнечиком с длинными усами. Теперь целыми днями «музыкант» стрекотал и «дринькал» в комнате за шкафом.

— Почему сверчок живет только у семейных людей? — спросил я у отца.

— Не в каждой семье, — засмеялся отец. — Только в семьях, где уют и покой, и во всем согласие. Ведь он музыкант, а для музыканта главное что? Хорошее настроение!

ПТИЦЫ

Тетя Зина Полякова каждое утро уезжала на электричке в город — она работала в зоомагазине. Продавцом птиц. И сама была похожа на птичку: маленькая, худая, остроносая, с тонким голосом; по вечерам ходила по саду и пела:

— Где много пташек, там нет букашек.

У Поляковых жили дрозд и маленькая Совка. Дрозд весь день летал по саду, на ночь через форточку возвращался в клетку. Сова наоборот — днем крепко спала, а ночью ловила мышей в сарае; иногда вылетала из сарая и кружила над садом — как бы осматривала свои владения.

Как-то я встретил тетю Зину у колонки и попросил рассказать о своих птицах.

— Дрозда зовут пересмешником, — начала тетя Зина. — Он подражает всем звукам: пению петуха, кудахтанью кур, кваканью лягушек, и скрипу телеги, и визгу пилы — да он многое может, когда в настроении. Как-нибудь приходи, послушаешь...

— Зачем как-нибудь? — удивился я. — Сейчас пойду.

— Ну пойдем, — улыбнулась тетя Зина. — Но сегодня он что-то не в настроении. Не знаю, станет ли кого-нибудь изображать.

Дрозд в самом деле был не в настроении. А увидев меня, и вовсе нахохлился и что-то неприветливо пробурчал.

Тетя Зина ласково заговорила с ним, погладила и он оживился: промяукал, как кошка, и пролаял — точь-в-точь, как собака.

— Здорово! — сказал я. — А говорить он умеет?

— Нет, — покачала головой тетя Зина. — Он все же не попугай. Но с него и этих талантов хватит. У него необыкновенный слух — не то, что у некоторых людей, которые ни одной песни не могут спеть правильно. Тетя Зина запела:

— Где много пташек... — видимо, давая мне понять, что у нее-то со слухом все в порядке.

Одно время поляковская сова повадилась разорять птичьи гнезда в садах. По ночам вылетала из сарая и разбойничала. Но однажды случайно — возможно спронеся, вылетела днем, и птицы отомстили ей. Пока сова медленно пролетала над поселком, трясогузки, скворцы, ласточки — все пернатые, с отчаянным писком, носились над ней, подлетали и клевали слепую, беспомощную толстуху. Весь поселок пришел в движение, над садами происходил настоящий воздушный бой. Даже воробьи кружили над совой, правда, близко не подлетали — только громко чирикали, как бы насмехались над грозной разбойницей. Еле спряталась сова под террасой поляковского дома.

— Сова любит ночью купаться и ловить рыбу, — рассказывала тетя Зина. — Сядет в речке на мелководье, раскинет крылья против течения — получится запруда, в ней и ловит мальков. Подолгу сидит, иногда до рассвета...

Вот так сова и погибла. Поздней осенью примерзла на мелководье. Тетя Зина прибежала на речку, а сова уже вся заснежена. Но об этом я узнал уже на следующий год. А в то лето случилась другая захватывающая история.

Когда мы только приехали в поселок, во всех скворечнях обитали скворцы, но наша по какой-то странной причине пустовала. И домик был не хуже других, и прибит в хорошем месте — на березе, среди зеленых метелок, но вот никто в нем не поселился. Я никак не мог понять, в чем дело, но вскоре стал свидетелем невероятного события.

К скворечне залез кот Васька и только хотел запустить в нее лапу, как вдруг отпрыгнет, точно ошпаренный; соскочил с дерева — и наутек.

«Вот это да, фокус!» — подумал я и полез на березу. Добрался до скворечни, заглянул в отверстие, а оттуда... змея! Извивается, шипит. Я чуть не свалился от страха, но, отпрянув, все же удержался на ветвях и стал разглядывать змею. А она странная какая-то: серобурая, с белыми крапинками и глазщи уж слишком огромные.

Стал я слезать с дерева, а из скворечни — раз! И вылетела птица. Пискнула: «Ти-ти-ти!» — и исчезла в кустарнике. У меня совсем глаза полезли на лоб от удивления.

Примчал к тете Зине.

— Теть Зин! — крикнул. — Удивительная история! Настоящее чудо! Представляете, в нашей скворечне змея и птица живут вместе!

— Не может быть! — твердо сказала тетя Зина.

— Не верите? Пойдемте, покажу, — я потянул тетю Зину за рукав.

— Так-так, — задумалась она. — Послушай, а змея какая? Не бурая с белыми крапинками?

— Точно! — выпалил я.

— Ах вон оно что! — засмеялась тетя Зина. — Ну конечно, это вертишейка. Твоя змея и птица — одно и то же. Вертишейка, птица, которая подражает змее. Она угрожающе вертит головой, изгибает шею, шипит. Любой зверь остановится ошарашенный, сбитый с толку, а плутовка в это время и улетит... Иногда начинает корчить из себя змею, когда вообще видит что-нибудь необычное, но это уже просто так, пугает на всякий случай.

ПУГАЛО

Огородные пугала стояли по всему поселку. В сарафанах и ярких рубашках, с ведрами, горшками и мисками на голове; в руках у них болтались бумажные вертушки, бутылки, консервные банки и разные склянки. Эти штуковины трещали и звенели, но птицы не обращали на них никакого внимания: летали, где вздумается и клевали что хотели; некоторые даже садились на пугала и, как бы посмеиваясь над ними, чистили клюв.

Самое огромное пугало стояло в огороде Поляковых — оно напоминало разбойника: в драных широченных брюках, в лохмотьях от телогрейки и дырявой соломенной шляпе; на лице — наволочке, набитой опилками, чернели глазищи-пуговицы и усы из шнурков; в руках палка — не пугало, а вылитый разбойник.

Таким же разбойником, даже бандитом, выглядел поселковый мальчишка Славка — конопатый, с растрепанными, как мочалка, волосами, весь в царапинах и ссадинах.

Целыми днями Славка шастал по поселку в поисках приключений; за ним неотступно вышагивала его младшая сестра Аленка — она выполняла роль оруженосца и загонщика. Когда Славка охотился на ворон, Аленка собирала камни для рогатки и обходила птиц стороной, пугала их и гнала к засидке брата. Когда Вовка сбивал чужие яблоки, Аленка стояла на стреме и предупреждала об опасности. Эта дошкольница внешне была — копия брата, и в ней тоже угадывались кое-какие разбойнические наклонности — то и дело показывала мне язык.

Ну а Славка с нами, дачниками, говорил откровенно насмешливо. Однажды сказал:

— Поляково пугало ночью по огороду бродит и гудит.
— Не верю! — сказал я.
— Заливай больше! — хмыкнул Вовка, тоже дачник.
— Не верьте, пожалста, — Славка разлегся на траве и начал жевать травинку.
— Ты что, видел? — спросили мы с Вовкой.
— Если б не видел, не говорил. Вчера полез к ним за клубникой, а оно как бросится на меня! Еле удрал.
— Вот фрукт! — сказал Вовка. — Дурака валяет. Думает, мы маленькие.
— Не верьте, пожалста, — Славка пожал плечами. — Но лезть не советую.
— А мы нарочно слазим, — сказал я.
— Ну слазьте, слазьте, — усмехнулся Славка. — Я посмотрю, как вы драпака дадите.
— Не смей! — сказали мы с Вовкой. — Сегодня же ночью полезем.
— На спор? — Славка прищурился.
— На спор!
— Встретимся в двенадцать ночи у их сарая, идет? — сказал Славка.
— Идет, — ответил Вовка, а я кивнул.
С вечера мы с Вовкой забрались на наш сеновал. Стали ждать полночи. Ждали, ждали и не заметили, как уснули. Проснулись от стука — кто-то бросал гольши в окно.
— Наверно, Славка зовет, — вскочил Вовка.
Мы выглянули наружу, но Славку не увидели. Слезли с сеновала, обошли двор — никого не обнаружили. А вокруг темнота, и ветер какой-то, и в старицах шлепают лягушки.
— Пойдем к поляковскому сараю. Может, он там, — предложил Вовка.
Еще на сеновале, как только послышался стук, мне расхотелось идти к пугалу, а в этот момент — и подавно, но отговаривать Вовку я все же не решился и, поеживаясь, проговорил:
— Пойдем.
Мы подошли к поляковскому сараю, но Славки и там не было.
— Дрыхнет, — сказал я.
— Может, он в огороде? — откликнулся Вовка.
Мы пролезли в дыру между изгородью и сараем, и очутились на грядках. Стало тихо. В глубине огорода чернело пугало.
— Пошли, — подтолкнул меня Вовка.
— Угу, — выдавил я.

Прижавшись друг к другу, мы стали подкрадываться. Внезапно я почувствовал, как Вовка дрожит.

— Ты что дрожишь? — прошептал он.

— Это ты дрожишь, — пробормотал я.

Дальше мы поползли, не отрывая глаз от пугала. С каждым ползком пугало увеличивалось; мы уже различали его глазищи и усы, слышали шелест лохмотьев, позвякивание бутылок... И вдруг — то ли мне показалось, то ли на самом деле, но неподвижный истукан качнулся. Я замер; по спине пробежали мурашки.

— Ты что? — шепнул Вовка.

— О-он шатнулся, — еле пролепетал я.

— Ты что, рехнулся? Я ничего... — Вовка не договорил. Пугало явственно закачалось и вдруг...загудело, взмахнуло палкой и пошло на нас.

Мы заорали и бросились назад, к сараю. А оно — за нами, и все гудит. Вовка первым оказался у дыры, полез да застрял. Я пихнул его, но поскользнулся и упал. А пугало уже почти подбежало, уже занесло палку, чтобы ею огреть меня по голове, и вдруг как крикнет:

— Попались, голубчики!

И мы сразу узнали Славкин голос...

— Думаешь, мы испугались? — сказал Вовка, когда Славка вылез из пугала. — Дудки! Нам совсем не было страшно.

— Нисколечко! — добавил я, стряхивая землю и незаметно вытирая слезы.

ВОДОЛЕЙЩИК

По вечерам все поливали огороды. Колонка находилась в центре поселка; из нее била мощная водометная струя. Колонку называли «водокачкой» и считали самым важным поселковым сооружением. От колонки к домам вели водоотводные канавы для стока, и в каждом саду была водоемкая яма, чтобы не ходить с ведрами на колонку и чтобы вода за день нагревалась. Водоносные канавы называли «каналами».

Были и старые канавы с запрудами, от которых тянулись протоки в старицы — топкие водоемы, заросшие травой и затянутые тиной — царство тритонов, лягушек и водоме-рок.

Две-три старицы имели приличные размеры — в них мы купались и катались на плотах, а в одной даже ловили карасей — когда-то кто-то выпустил мальков и они расплодился. Эту последнюю старицу-озеро время от времени очищали от водяных растений — она служила водохранилищем на случай пожара.

Вовка был смотрителем каналов-водоводов; то и дело углублял их русло, водомерным шестом измерял ямы, справедливо распределял водосброс, открывая одни и закрывая другие «шлюзы» на водоотливных рукавах. Это была ответственная работа; не зря Вовку уважительно называли водолейщик, а то и — водовик, водовод.

Вовка знал все: какой канал водостойкий, водопадистый, какой водопойный, то есть слишком впитывающий водоток; в какой яме вода синяя, с водоворотами, в какой — темная, стоячая, в какой — ржавая, железистая, в какой «цветет», то есть позеленела от микроорганизмов.

— Самое трудное после дождей, — объяснял Вовка дачникам. — Тогда в ямах начинается разлив, наводнение. Приходится делать отводные каналы, водорытвины.

Многие взрослые считали, что из Вовки получится великий строитель каналов.

— Вы правы, но не вполне, — говорил дачник дядя Юра, который в молодости служил на флоте, а последние годы работал мастером на заводе. — Из него может получиться отличный моряк или водолаз, или спортсмен-пловец. У него совершенно отсутствует водобоязнь.

В самом деле Вовка любил воду, он был настоящий водолуб: с утра обходил свои владения, босиком шлепал по каналам, вброд пересекал старицы; домой приходил мокрый, в тине и ряске. Вовкина мать жаловалась посельчанам:

— У всех дети как дети, а у меня не сын, а водяной.

— Вы совершенно неправы, — говорил дачник дядя Юра. — Ваш сын занимается крайне важным делом, без него цветущие огороды так пышно не цвели бы.

Два летних сезона Вовка «работал» водолейщиком, но затем в поселке провели водопровод и на участках установили краны; надобность в каналах отпала, вскоре они заросли травой, а ямы пересохли и осыпались.

Вовка оказался не у дел, но он быстро нашел себе новое занятие — его потянуло в небо. Он стал клеить воздушных змеев, строить планеры, причем, запускал свои летательные аппараты с деревьев: забирался на самую верхушку и запускал.

Посельчане почему-то не заметили нового увлечения Вовки и по-прежнему при встрече спрашивали:

— Как сегодня водичка? Теплая или холодная? — при этом уже почему-то называли Вовку водовозом.

Некоторые интересовались:

— Когда станешь моряком, покатаешь на своей посудине?

Кое-кто заходил слишком далеко:

— Когда построишь канал-то, великий водный путь? Из Подмоскoвья в Европу? Хочется сплавать, посмотреть другие страны!

Вовка отмалчивался, но чаще объяснял, что решил стать летчиком. Этиx посельчан на место ставил дядя Юра.

— Давно пора закончить эти водянистые разговоры, — говорил он. — Вы назначаете капитана на уже затонувший корабль. Все в жизни течет, все меняется, как проточная вода. Я тоже был моряком, теперь — мастер на заводе. Почему водолейщик не может стать летчиком? Отличным летчиком или парашютистом, в крайнем случае — строителем-верхолазом?! У этого паренька совершенно отсутствует боязнь высоты.

ЯГОДЫ

Славкин отец работал путевым обходчиком. По утрам снимал с вешалки китель, драил на нем металлические пуговицы, пока они не начинали блестеть, как прожекторы, затем брал молоток с длинной ручкой, кожаную сумку и шагал по шпалам до следующей станции; заметит, болт ослабился, подтянет; увидит трещину на рельсе, ставит метку, чтоб заменили.

Славкина мать, тетя Клава, знала массу интересного про ягоды. Как-то мы со Славкой увязались за ней в лес — собирать малину; набрали по бидону сочных, покрытых пушком, ягод; заодно наелись костяники — прозрачных капель с темными косточками внутри; внезапно набрали на россыпь голубики, и тетя Клава звонко воскликнула:

— Сейчас станем пьяными!

— Почему? — спросил я.

— Да потому, что голубика всегда растет у багульника — вон его раскидистые кусты. А багульник дурманит. Пособираешь голубику, и голова закружится. Потому и называют голубику пьяницей.

Мы со Славкой съели по пригоршни притуманенных ягод и, в самом деле, почувствовали головокружение. Да такое сильное, что весь обратный путь шли зигзагами...

Я вспомнил выражение отца насчет пьющих мужчин и возмнил себя совершенно взрослым. Славка толкнул меня локтем, подмигнул — наверно, тоже сразу повзрослел; и мы оба испытали друг к другу глубокое чувство товарищества. До самого поселка я шатался и хихикал, и откуда-то издали слышал голос тети Клавы:

— В следующий раз пойдем на болото. Самые полезные ягоды растут на болоте. Взять клюкву. Ее и сушат и мочат, и добавляют в пироги, в квашенную капусту. И делают из нее конфеты и наливки,

сиропы и кисели... А морошка! Самая красивая ягода. Вся золотистая, вкуса печеного яблока. Какие из нее варенья! Пальчики оближешь!

На террасе у тети Клавы висели гроздья рябины и бузины. Из рябины тетя Клава делала варенье и лекарства, бузиной счищала нагар в самоваре и красила платя. Все женщины в поселке приносили к тете Клаве красить платя. Заходит таганок в их саду — значит, тетя Клава начала свое варево. Набросает в котел кисти бузины и туда же опускает платя. Слабо протравит ткань — зеленая и синяя получится, а сильно — будет пурпурный цвет.

В саду деда Дениса сливовые деревья просто сгибались под тяжестью ягод. Ягоды висели крупные, лилово-сизые, точно заиндевшие. Однажды я ходил вдоль забора и думал, как бы залезть в сад и стянуть несколько слив. Все ходил и думал, как бы незаметно это сделать, чтобы дед Денис не проснулся — он сидел посреди сада на скамье и дремал, его совсем разморило на солнцепеке.

Долго я топтался у забора, глотал слюни, но так и не решился проникнуть в сад. И уже собрался уходить, как вдруг дед окликнул меня.

— Ну-ка, поди сюда! На-ка, возьми, — и протянул мне целую миску слив.

Я поблагодарил, вышел за калитку, стал уминать ягоды. Внезапно объявился Славка, за ним, как тень, — его сестра Аленка.

— Что это у тебя? Сливы? — схватил несколько штук. Потом замер. — Где взял? У деда Дениса стащил?

Я объяснил, как было дело.

— Врешь! — прищурился Славка.

— Врешь! — пискнула Аленка и взяла из миски сливу.

Я снова объяснил, что мысли «стащить» у меня были, но все решилось само собой и поклялся, давая понять, что совесть моя чиста.

— Смотри! — пригрозил Славка, хапая новую партию слив. — Мы к деду Денису не лазим.

— Почему? — удивился я. — Сливы отличные.

— Почему, почему! Дед Денис кто? Фронтовик! Соображать надо! К Поляковым и Васильковым — пожалста. А к деду Денису ни-ни!

— Ни-ни! — повторила Аленка и выплюнула в мою сторону косточку.

ВАСИЛЬКОВЫ, ДЯДЯ ЮРА, ТУМАН И ПРОЧЕЕ

Напротив нашего палисадника через дорогу находился палисадник Васильковых. Братя Васильковы отчаянно палили в меня из деревянных пистолетов. Но еще более отчаянно палила их сестра — Ольга. Раза два она даже кинула в наш палисадник гранату — пакет с

дорожной пылью. Ольга была предводителем армии Васильковых; братья выполняли все ее приказы.

Я воевал с Васильковыми в одиночку, но мой пистолочный наган стрелял без промаха. Однажды я прицелился в Ольгу, но в это время, как назло, мимо шел дачник дядя Юра. Я бахнул, и он вдруг... упал. У меня по лицу прошел жар, а внутри все заледенело.

Я выбежал на дорогу, наклонился над дядей Юрой, а он не дышит. «Вот это да!» — мелькнуло в голове, меня охватило сильнейшее волнение.

— Дядь Юр! — зову. — Я же понарошку!

— Ничего не понарошку, — говорит он, не открывая глаз. — Убил ты меня наповал.

— А что же вы тогда разговариваете? — спрашиваю.

— Еще не умер, умираю только, — дядя Юра поднялся, нахмурился. — Теперь твоя пуля надолго в моей душе... И когда только кончатся эти войны?! — отряхивая брюки, он направился к платформе.

Ни к вечеру, ни на следующий день дядя Юра не появился. Мне стало тревожно не на шутку. Братья Васильковы пытались начать перестрелку, но я даже не посмотрел в их сторону. Обошел весь поселок и незаметно подкрался к дому дяди Юры, а в его палисаднике — Ольга; кормит печеньем Тумана, собаку дяди Юры, что-то ей говорит, почесывает за ушами. Заметила меня и сказала:

— Дядя Юра притворщик и насмешник. А Туман хороший. Когда он был щенком, мы с ним пошли на озеро. Он еще не видел столько воды, подумал, что это синий луг и побежал... А его лапы утонули. Он обернулся, посмотрел на меня, ничего не понимает... Я научила его плавать... Больше всего ему понравилось, что на озере воду можно пить сколько душе угодно, не то, что в миске... Хочешь, пойдем с Туманом гулять?..

Мы пошли с Туманом по поселку. Туман был невероятно доволен: вышагивал, высоко задрал голову, улыбался, высунув язык.

Вскоре к нам присоединились Ольгины братья; они то и дело гладили собаку, а мне объясняли, что мать Тумана живет в конуре у платформы, а его отец — в соседнем поселке; весь день ходит вокруг озера, гоняет ворон и лягушек, а ночует на клумбе посреди того поселка.

К вечеру неожиданно появился дядя Юра. Увидев нас с Туманом, усмехнулся:

— Я смотрю тишина в поселке, думаю — значит война кончилась. Наконец поживем спокойно.

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

ПЛУТИК

Мать купила мне хомяка, когда я перешел в третий класс; принес зверька домой, пустил под стол, а мне ничего не сказал. Вечером я сел делать уроки, вдруг слышу — в углу кто-то шуршит. «Неужели, — думаю, — у нас мыши завелись?» Потом смотрю — занавеска зашевелилась и по ней прямо на стол влез маленький пушистый зверек. Розовато-серый, щекастый, с глазами-бусинками. Увидев меня, зверек очень удивился, встал на задние лапы и замер. Так мы и смотрели друг на друга, пока за спиной я не услышал голос матери:

— Ну как, хороший Плутик?

— Хороший, — сказал я. — Но почему Плутик?

— Он мало того что прогрыз карман моего пальто, еще и в подкладку спрятал монеты. Плут, не иначе.

Я поместил Плутика в клетку для птиц. По совету дяди внутри клетки привязал пластмассовую трубку наподобие градусника, налил в нее воды; рядом положил морковь, печенье, насыпал семечки, орешки, а в углу устроил подстилку из ваты. Но Плутику этого показалось мало. Он натаскал в клетку газет, долго комкал их, укладывал на вату. Потом залез под них и проверил — удобная ли получилась спальня? Видимо, остался доволен своей работой, потому что стал запихивать орехи и семечки за щеки и относить под газеты.

Клетку я поставил на стол и оставил открытой, чтобы Плутик мог спокойно разгуливать по комнате. У него был излюбленный маршрут: из клетки подбегал к креслу, которое стояло у стола, спускался по нему на пол и бежал вдоль плинтуса до занавески. По ней карабкался на стол и снова входил в клетку. Все, что ему попадалось по пути, тащил в свой дом. Он был запасливый, хозяйственный.

По утрам, проснувшись, Плутик делал гимнастику — вытягивал задние лапки, обнажая крохотные розовые подушечки; потом прихорашивался — умывал мордочку, разглаживал шерстку на животе. Приведет себя в порядок, позавтракает и отправляется на прогулку «по петле», как я называл его маршрут.

Однажды Плутик с прогулки не вернулся. Я облазил всю квартиру, но его нигде не было. Вечером и мать включились в поиски нашего маленького жильца, но и втроем мы не смогли его найти — он просто-напросто исчез из дома.

— Скорее всего он пробрался в вентиляцию, — предположила мать. — Наверняка появится у кого-нибудь в квартире. Напиши объявление и повесь в подъезде.

Я тут же написал пять объявлений и наклеил их не только в подъезде, но и во дворе и на улице. А на следующее утро Плутика принес Иван Петрович, сосед из квартиры над нами.

— Сижу вечером, читаю газету, вдруг слышу писк, — начал рассказывать Иван Петрович. — Смотрю — кот играет с каким-то розовым шариком. Пригляделся, а это хомяк. Жена сказала, что он ваш, она читала объявление.

Я прижал к себе Плутика, внимательно осмотрел его. К счастью, кот не успел поцарапать моего дружка.

В тот же день я забил фанерой вентиляционную решетку.

Как-то мой приятель Вовка предложил поехать на рыбалку. Речка находилась на городской окраине, у последней остановки трамвая. Я решил и Плутика вывезти на природу.

— Пусть погуляет на травке, — сказал Вовке. — А когда будем ловить рыбу, посадим его в коробку.

Мы соорудили для Плутика переносной домик из картонной коробки и, кроме удочек, взяли на рыбалку перочинный ножик, чтобы накопать червяков, и спички, чтобы жарить рыбу на костре.

Был полдень, погода стояла замечательная и замечательным было наше настроение. Через час мы уже были на речке. Первым делом нашли ровную лужайку и, открыв крышку коробки, выпустили Плутика погулять. Увидев перед собой огромное зеленое пространство, Плутик немного растерялся; привстал на задние лапки, осмотрелся и вдруг заметил какого-то жука; потянулся к нему, но жук сразу уполз под лист подорожника. Потом Плутик заинтересовался кузнечиком; решил рассмотреть его поближе, а кузнечик как прыгнет! Плутик испугался и зашепшил к коробке.

— Для первого раза ему хватит гулять, — сказал Вовка. — Давай накопаем червяков и будем ловить рыбу, а потом Плутика снова выпустим.

Мы закрыли Плутика в переносном домишке, накопили червяков и спустились к воде.

Часа два мы пытались поймать какую-нибудь приличную рыбу — окуня или плотву, но поймали только трех пескарей.

— Неважнецкий улов, — поморщился Вовка. — Будем жарить или отнесем коту Ивана Петровича?

— Жарить! — уверенно сказал я. — Кот чуть не съел моего Плутика.

Мы набрали сухих веток и запалили костер, и в этот момент я заметил, что домишко Плутика лежит на боку. Подошел, а крышка коробки приоткрыта. Заглянул в коробку, а Плутика нет. Я обошел лужайку,

заглянул под каждый листок, но моего дружка и след простыл. Позвал Вовку и мы вдвоем расширили место поиска. Мы звали Плутика, по-свистывали, причмокивали, больше часа искали его, обошли весь близлежащий берег — все без толку. А уже стало темнеть, на небе появились первые звезды.

— Без Плутика домой не поеду, — твердо заявил я. — Давай заночуем у костра, а утром начнем искать снова.

— Давай, — согласился Вовка.

В глубоком унынье мы присели у костра, как вдруг услышали шуршанье. Пригляделись — в темноте блеснули два огонька — это были глаза Плутика. Продираясь сквозь траву он шел к нам — шел на свет и наши голоса. Подошел, уткнулся в мою ладонь, стал зевать — он явно устал от долгой прогулки, и вообще выглядел испуганным, ведь трава для него была настоящим дремучим лесом.

— Ах ты беглец! — проговорил я, сажая Плутика в коробку. — Правильно говорит отец — ты настоящий плут.

Мы потушили костер и заспешили к трамвайной остановке.

В вагоне я держал коробку на коленях и руками крепко прижимал крышку, чтобы Плутик не смог ее открыть, но когда мы подъезжали к нашей остановке, я внезапно увидел сбоку коробки дыру. Открыв крышку, я обнаружил, что Плутик опять исчез. Мы с Вовкой забегали по вагону.

— Что вы ищете? Что потеряли? — спросила одна старушка.

— Понимаете, — говорю, — хомяк убежал из коробки.

— А какой он?

— Пушистый и маленький, с мышью.

Старушка заглянула под сиденье, и другие пассажиры стали смотреть себе под ноги. К нам подошла кондукторша; узнав, в чем дело, спокойно сказала:

— Ищите внимательней. Из вагона он никуда не мог убежать.

Мы облазили весь вагон, но Плутика так и не нашли. Я сильно расстроился — второй раз за день Плутик ухитрился нас провести.

Трамвай доехал до конечной остановки. Когда все пассажиры вышли, кондукторша сказала:

— Сейчас поедem в депо. Ночью в вагонах уборщицы будут прибираться и найдут вашего хомяка. Я сообщу о нем уборщицам. Так что, приходите завтра.

Я стоял в нерешительности — как можно вернуться домой без Плутика?!

— Иди, иди — подтолкнула меня кондуктор. — Уж скоро ночь, сейчас его все равно не найдете. А уборщицы найдут.

Дома я не находил себе места. Смотрел на пустую клетку и еле сдерживался, чтобы не заплакать. А утром чуть свет прибежал в депо, и сторож вручил мне Плутика... в большой стеклянной банке.

— Принимай путешественника, — сказал. — И в следующий раз грызуна в коробке не вози. Только в клетке. Или вот так, в банке.

С тех пор я вообще Плутика никуда не возил. Я понял — он домашнее животное и лучшее путешествие для него — «петля» по комнате.

Однажды, шагая по своему обычному комнатному маршруту, Плутик нашел на полу деревянную линейку. Это была для него слишком тяжелая вещь, но все-таки он полез с ней по занавеске. И для чего она ему понадобилась — непонятно. Ну не измерять же свое жилище?! Скорее, по привычке — я же говорю, он был запасливый, хозяйственный. Он уже долез до края стола, как вдруг сорвался и шлепнулся на пол. Подняв Плутика, я увидел, что у него на одной задней лапе содрана кожа, а другая сильно скрючена. Я встревожился и побежал в ветеринарную лечебницу.

Осмотрев Плутика, врач сказал:

— На одной лапе сильный перелом. Придется ампутировать. Но ты не огорчайся, ему ведь не надо прыгать. А ходить он и на трех сможет.

Так и стал Плутик инвалидом. Его рана быстро затянулась, и вскоре он уже гулял по своему маршруту, только теперь постукивая культей. И по этому стуку я всегда знал, где он находится.

Днем, когда я был в школе, Плутик чаще всего спал, а вечером, когда я садился за уроки, просыпался и обходил «петлю». Потом шебуршил, хозяйствовал в клетке. Он занимался своими делами, я своими. Случалось, мне не хотелось делать уроки, и я подолгу наблюдал за Плутиком. А он без устали, деловито все что-то перекладывал, прятал, прикрывал газетами, приводил свой внешний вид в порядок. Я смотрел на него, и мне становилось стыдно за свое лентяйство — Плутик как-то заражал меня трудолюбием.

Мы с Плутиком все сильнее привязывались друг к другу. После школы я уже не засиживался у приятелей, как раньше, а спешил домой. И Плутик скучал по мне. Мать говорила:

— Когда тебя нет дома, Плутик не выходит из клетки и ничего не ест.

Он прожил у меня два года. Лазил по клетке, ходил по «петле», смешно набивал полные щеки семечками и орехами, сосал воду из трубки-«градусника», делал запасы, обустроивал «спальню». Но с каждым месяцем все реже выходил из клетки, а потом и из «спальни» стал вылезать редко. Он спал все больше и больше и как-то незаметно однажды заснул навсегда.

СИМА

Кошка Сима была в почтенном возрасте, ей исполнилось двенадцать лет, и за все эти годы она ни разу не покидала квартиру. Случалось, когда хозяева уходили на работу и открывали дверь, Симе удавалось заглянуть в коридор, но ничего интересного она там не замечала — всего лишь коробки, лыжи, санки; иногда появлялся кто-нибудь из соседей.

Будучи сугубо домашней кошкой, Сима никогда не была во дворе, не видела ни своих собратьев, ни каких-либо других животных — разве только птиц за окном, но и тех не отчетливо — окна закрывали занавески.

Квартира была уютной, хозяева Симы — бездетные супруги — любили свою питомицу, но уделяли ей мало времени, поскольку с утра уходили на работу и возвращались поздно, уставшие. Когда она была котенком, они с ней изредка играли — кидали на пол шарики из бумаги — Сима прыгала на них, подкидывала, ловила и снова катила к хозяевам. Когда Сима подросла с ней перестали играть — ей только и оставалось, что гоняться за мухами.

Симу хорошо кормили, иногда брали на руки, гладили; спала она с хозяевами на одной тахте... Многие бездомные кошки позавидовали бы ее благополучной жизни, но с другой стороны, в этой спокойной, ничем не примечательной жизни ничего не происходило. За долгие годы Симу ни разу не вывели во двор, она не испытала никаких приключений, любви, не стала матерью, можно сказать, она была кошкой без биографии. От однообразной, малоподвижной жизни под старость Сима превратилась в нескладную, вялую толстуху, которая большую часть суток спала на тахте.

Однажды хозяевам предстояла долгая командировка на все лето за границу, и они стали обзванивать знакомых, чтобы пристроить Симу на время их отъезда. Но у одних знакомых были свои животные — кошки, собаки (у некоторых и попугаи, хомяки, морские свинки), и, вполне понятно, эти люди опасались, что их питомцы встретят новую квартирантку не очень-то доброжелательно. Другие знакомые никогда не держали животных и боялись брать на себя такую ответственность. Третьи уже запланировали провести летний отпуск у моря, четвертые попросту не хотели лишними заботами усложнять свою жизнь.

Выручил хозяев Симы одинокий писатель Анатолий Анатольевич. Он был пожилым человеком, страдающим от повышенного давления. Хозяева Симы почти не надеялись на то, что писатель согласится взять кошку, да еще на целых три месяца, но неожиданно он сказал:

— Я с удовольствием возьму вашу Симу. Я собираюсь все лето работать на даче, и вдвоем нам будет веселее. К тому же, врачи говорят,

что надо каждый день, хотя бы полчаса, гладить собаку или кошку — это снижает давление. Вдруг, действительно, поможет.

Писатель повез кошку на дачу в большой корзине с привязанной картонной крышкой. Всю дорогу Сима нервничала, мяукала, скребла прутья корзины — пыталась выбраться. Еще бы! — впервые ее посадили в какую-то тесную клетку и везли неизвестно куда. Анатолий Анатольевич ее успокаивал:

— Потерпи немного, Сима. Скоро приедем на участок, там тихо, спокойно, тебе понравится.

Когда они прибыли на дачу, писатель вынул кошку из корзины, и посадил на террасу.

— Ну вот, Сима, мы и на месте. Сейчас открою дом, приготовлю нам с тобой обед, а ты пока осваивайся, погуляй по участку.

Но Сима не сдвинулась с места; открывшийся перед ней огромный красочный мир — березы и ели, кусты смородины, цветы и травы — все это зеленое царство, наполненное шелестом, гомоном, писком, стрекотанием, копошением, так ошеломило ее, что она прижалась к корзине, и только пугливо озиралась по сторонам. Она даже отказалась от еды, и так и просидела около корзины до темноты, пока писатель не отнес ее в дом.

Ночью Сима не спала. Анатолий Анатольевич понимал, что на нее свалилось слишком много впечатлений и подумал — как бы у старушки не случился нервный срыв. Он брал ее к себе в постель, поглаживал, почесывал за ушами, но как только засыпал, Сима перебиралась к открытому окну и всматривалась в темноту, прислушивалась к ночным звукам... Утром Анатолий Анатольевич так и застал ее у окна, глазающую на участок.

И все же утром Сима немного поела, потом осторожно переступила порог дома. Весь день она вновь просидела на террасе, с тревожным любопытством рассматривая все окружающее. Несколько раз она подходила к ступеням, принималась к цветам; к одному принялась, а цветком оказалась... бабочка — она взлетела, а Сима озадаченно проводила ее взглядом. В другой раз на перила террасы опустилась стрекоза; Сима потянулась к ней, чтобы получше разглядеть диковинное существо, но стрекоза оторвалась от перил, зависла над головой Симы и так громко застрепетала, что Сима испуганно попятилась.

Из всех насекомых Сима знала лишь мух, но над террасой, кроме обычных, домашних мух, вились и большие, с металлическим блеском, да еще осы и шмели, которые угрожающе жужжали, так что Симе все время приходилось быть начеку. На всякий случай она держалась поближе к двери, чтобы в случае чего спрятаться в доме (погода стояла жаркая и писатель даже на ночь не закрывал не только окна, но и дверь).

На третий день Сима отважилась спуститься с террасы и пройти до сарая. Первой, кого она встретила, была лягушка... Сима долго пялилась на пучеглазую особу, даже попыталась потрогать ее лапой, но не тут-то было! — лягушка сделала такой прыжок, что Сима от страха отскочила в сторону. Затем она понюхала одуванчик, после чего долго чихала и трясла головой, стряхивая пух. Она уже подошла к сараю, как вдруг где-то в ветвях березы оглушительно затрещала сорока, подлетела к Симе и чуть не клонула ее в хвост — Сима еле увернулась и прыжками бросилась в дом.

В доме Сима чувствовала себя в безопасности. Она довольно быстро обследовала все закутки жилища, даже забралась по крутой лестнице на второй этаж, где работал писатель.

Когда она впервые появилась в «рабочем кабинете», Анатолий Анатольевич воскликнул:

— Это кто ко мне пожаловал?! Сима, заходи, заходи, дорогая! Я вижу, ты смелая бабуса — залезла так высоко... Ну, что скажешь, подружка? Как тебе наша обитель? А как участок? Это встреча с прекрасным, верно?

Но на первом этаже Симе нравилось больше. И потому, что там стояла широкая тахта — на ней всегда можно было подремать, и потому, что с комнатой соседствовала кухня со множеством приятных запахов, а под столом стояли ее, Симины, миски: одна с едой, другая с водой.

Спустя неделю Сима более-менее ознакомилась с участком: обошла вокруг дома и сарая, и на углах строений оставила метки — покорябала доски когтями. Особенно ей понравился солнечный пяточок у забора, где росли высокие спутанные травы. Именно там Сима увидела первого кузнечика и первую ящерку.

Кузнечик привел ее в особо приподнятое настроение. Он стрекотал в траве и так увлекся своей музыкой, что подпустил Симу на расстояние вытянутой лапы. Некоторое время она разглядывала зеленого крылатого музыканта, потом все же решила его поймать, но промахнулась — кузнечик взвился в воздух и, перелетев через Симу, словно посмеиваясь над ней, застрекотал у нее за спиной. Сима немного разозлилась, и снова попыталась поймать музыканта, но у нее опять ничего не получилось. Так продолжалось до тех пор, пока Симе не надоела эта чехарда.

Ящерку Сима увидела на следующий день — она неподвижно грелась на горячем от солнца камне. Увидев ее — красивую, изящную, Сима прямо-таки воспламенилась; внезапно в ней проснулся азарт охотника — изловчившись, она прыгнула и цапнула хвостатое существо. Но произошло нечто поразительное — в Симиных лапах остался только виляющий хвост, а сама ящерка исчезла.

И все же свой первый трофей Сима принесла в дом и, желая им похвастаться, положила у ног писателя. Но Анатолий Анатольевич не только ее не похвалил, но еще и отругал:

— Этого еще, Сима, нам не хватало! Ты — домашняя, интеллигентная кошка или дикая зверюга? Тебе что, есть нечего? Вон в миске каша с печенкой!.. Так что утихомирь инстинкты своих предков и больше не трогай замечательных животных, иначе посажу тебя на поводок.

Больше писатель не видел Симу с добычей, но, естественно, не потому, что ей стало жалко «замечательных животных» или она испугалась поводка — просто-напросто эти самые животные почувствовали появление хищника на участке и стали более осмотрительны.

С каждым днем Сима все больше изучала участок. Через месяц она уже настолько освоилась в новой обстановке, что почувствовала себя хозяйкой огромных владений, вот только за калитку не решалась выходить — по улице время от времени пробегали собаки. Сима заметно похудела, помолодела, от ее прежней вялости не осталось и следа, а в ее, прежде тусклых, глазах появились горящие искорки.

Теперь по утрам, после завтрака, Анатолий Анатольевич поднимался в свой «кабинет», а Сима выскакивала на террасу, щурясь от солнца потягивалась и совершала резвую пробежку вдоль забора, при этом перепрыгивала через корни деревьев и упавшие ветви. Как-то, заметив эти прыжки, Анатолий Анатольевич удивился:

— Ого! Я вижу, Сима, твои спортивные достижения растут день ото дня. Если дело так пойдет и дальше, станешь мировой рекордсменкой среди кошек преклонного возраста.

После пробежки Сима обследовала что-нибудь еще неизведанное на участке; это могла быть поленница дров, бочка с водой или темное пространство под сараем, или какой-нибудь раскидистый куст, или вьюнок с пахучими цветками-граммофонами — на том неухоженном, заросшем участке было много всякого, заслуживающего внимания кошки.

В жаркий полдень Сима обычно отсиживалась в доме — там было прохладней. Чаще всего она отдыхала после бурно проведенной первой половины дня, а если писатель готовил обед, то терлась о его ноги, тербила лапами и нетерпеливо мяукала, а иногда вдруг ни с того ни с сего затевала игру с его ботинками — пыталась вытащить из них шнурки. И опять Анатолий Анатольевич удивлялся:

— Похоже, Сима, у тебя началась вторая молодость! Или ты, как некоторые старички, впала в детство?

А по вечерам, после ужина, Сима с писателем слушали по радио музыку. Анатолий Анатольевич включал приемник, усаживался в кресло и закуривал трубку. Сима впрыгивала к нему на колени, устраивалась

поудобней и, под музыку и поглаживания Анатолия Анатольевича, тихо мурлыкала.

— Ну вот, Сима, и закончился еще один день, — вздыхал Анатолий Анатольевич. — И поработал я, доложу тебе, вполне плодотворно... И ты, судя по твоему виду, насыщенно провела время. Теперь мы имеем полное право на отдых, как ты считаешь?

В те вечерние часы Сима была просто счастлива. Во-первых, радиоприемник ей нравился гораздо больше телевизора хозяев — в телеящике все время что-то мелькало, кто-то постоянно тараторил; а из маленькой коробки писателя лились умиротворяющие звуки. Во-вторых, в отличие от хозяев, которые всегда говорили много и громко, и только между собой, Анатолий Анатольевич говорил мало и тихо, и только с ней, Симой. Да что там! Даже дым от трубки писателя был более ароматный, чем дым от сигарет хозяина.

В свою очередь Анатолий Анатольевич в те вечерние часы был счастлив потому, что испытывал приятную усталость, после интенсивной работы; и потому, что впервые за долгие годы мог с кем-то поговорить перед сном; и потому, что убаюкивающее мурлыканье Симы, как ничто другое, снимало дневное напряжение.

К сожалению, эта вечерняя идиллия вскоре нарушилась.

В середине лета к Симе неожиданно стали наведываться поклонники. Первым явился соседский рыжий кот Персик. Уже пожилой, скромный, даже застенчивый, он особенно не досаждал Симе: подлезал под калиткой, нерешительно делал несколько шагов в сторону дома, усаживался под каким-нибудь кустом и издали наблюдал за новоявленной соседкой. Сима тоже замечала пришельца и некоторое время заинтересованно разглядывала его, потом все же убегала в дом.

Затем объявились еще два «дачника»: самоуверенный здоровяк Кузя и холодный красавчик Иннокентий. Эти типы вели себя довольно развязно. Кузя сразу пересек весь участок, сделал пару меток на деревьях, а увидев Симу около террасы, подошел, развалился в двух шагах и стал сверлить ее взглядом. Иннокентий тоже подошел, но не так близко, и присев, уставился на Симу. Сима не выдержала их взглядов и вновь спряталась в доме.

Последним притопал кот сторожей Семен. Вечно грязный, со сбитой шерстью, Семен по праву считался властелином поселка, и слыл грозой мышей и отчаянным драчуном. При его появлении «дачники» удрали на свои участки, а он, принюхиваясь к следам Симы, забрался на террасу и так и норovil проникнуть в дом, но все же не решился. Спрятавшись за углом дома, он подождал, пока Сима не вышла на очередную прогулку, тут же подскочил и стал нахально ее обнюхивать. Сима на-

столько растерялась, что даже не успела убежать, только отчаянно завопила и, готовясь защитить себя, выпустила когти. На ее вопль из дома вышел писатель и прогнал Семена.

На следующий день Семен все же вошел в дом, и не найдя Симы — она в тот момент нежилась на солнечном пяточке, — слопал ее кашу с печенкой. Затем отправился на поиски «невесты» на участок.

Для Симы начались беспокойные дни. Один за другим коты приходили с раннего утра и следили за каждым шагом Симы, и всюду подкарауливали ее, подбегали, выгибались, прыгали перед ней — показывали, какие они красивые и ловкие. Сима делала вид, что не замечает эти трюки, но явно нервничала — урчала, раздраженно виляла хвостом и спешила в ближайшее укрытие.

Но самое отвратное начиналось с наступлением темноты, когда коты устраивали меж собой состязание — кто кого переорет. Здесь уж Сима не выдерживала — с воем выбегала из дома и пыталась разогнать настырных ухажеров. Но они только отбегали от разъяренной особы, но совсем уходить не собирались. Бывало, эти спектакли продолжались до рассвета. Не раз Анатолий Анатольевич звал Симу домой, но где там! — она так возбуждалась, что ей было не до сна.

В конце концов, вероятно, чтобы отвести других поклонников, Сима выбрала скромника Персика и разрешила ему сидеть с ней на террасе. С той поры на участке воцарилась тишина.

С «посиделок» Сима возвращалась под утро и Анатолий Анатольевич ее стыдил:

— Сима, ты настоящая гулена! В твоём солидном возрасте надо созерцательно относиться к жизни, а ты завела кавалера! Что за любовь на старости лет? Побереги свое сердце!

Между тем, конечно, отношения Симы с Персиком нельзя было назвать любовью. Их отношения были ничем иным, как дружбой, искренней дружбой двух пожилых соседей, что, как известно, не менее ценно, чем любовь. Впрочем, к концу лета слово «пожилая» к Симе уже никак не подходило — она выглядела очень даже молодожаво.

Не меньше Симы преобразился и Анатолий Анатольевич. Самое главное — его перестало мучить давление. Ну, и что тоже немаловажно, на его, обычно угрюмом, лице появилась приветливая улыбка. Похоже, общение с кошкой затронуло в душе писателя какие-то дремавшие струны. Возвращая Симу хозяевам, он сказал:

— Мы с Симой так подружились, что теперь я буду по ней скучать. На следующее лето, если не возражаете, мы с ней снова поживем на даче. С ней мне работалось, как никогда, хорошо.

ЧИЖУЛЯ

В детстве мне подарили кенара, известного певуна, стоящего в таблице о рангах среди певчих пернатых на втором месте после соловья. Пичуга была меньше воробья, но по окрасу и изяществу намного превосходила вездесущую серую птаху. Желто-оранжевый, с коричневыми пестринками на крыльях, кенар выглядел как артист во фраке. Собственно, он и был артистом, неиссякаемым певцом, влюбленным в исполнительское искусство, — с утра до вечера он распевал песенки, и довольно сложные: этакое многоколенное верещанье, которое то переходило в свист, то рассыпалось в мелодичных переливах. Я прямо-таки заслушивался его концертами.

Мой кенар жил в прекрасных условиях: имел просторную клетку с двумя жердочками — одна неподвижная (ветка-насест), другая (карандаш на бечевке) служила качелями, — клетка стояла на подоконнике, то есть из нее был отличный обзор всего двора; кормил я своего дружка отборными семечками и постоянно разговаривал с ним. К тому же у нас жила собака Вета, которая проявляла к кенару повышенный интерес: то и дело подходила к клетке, принохивалась, виляла хвостом, повизгивала, всячески показывала, что ей нравятся песенки маленького артиста. Так что недостатка в общении кенар не испытывал. Но главное — я часто оставлял клетку открытой и кенар мог свободно летать по комнате. Позднее, когда он привык к новому жилью, я время от времени открывал и форточку — кенар вспархивал на раму окна и голосисто выдавал трели на весь двор, а иногда и совершал облет тополя напротив нашего окна — сделает круг и возвращается в свою обитель — все-таки дома было спокойней и надежней, чем в огромном шумном пространстве за окном, где грозно каркали вороны, вдоль подвала шастали кошки, а на асфальтированном пятаке гоняли мяч мальчишки, стучали костяшками доминошники и кто-нибудь непременно выбивал ковер или заводил мотоцикл.

Кенара я назвал неудачно — Чижуля, и все потому, что меня ввел к заблуждению приятель. Он принес пичугу и сказал:

— Вот, дарю тебе чижику. Купил на рынке, да мать не разрешает дома держать. Он начинает петь, как только взойдет солнце и мать все время не высыпается. Можно, конечно, клетку закрывать тряпками — в темноте он не поет, — но ведь жалко его.

Так и появился у меня Чижуля. Спустя месяц к нам зашел мой всезнающий дядя и авторитетно заявил, что птица в клетке вовсе не чижику, а самый что ни на есть кенар; но поскольку Чижуля уже откликнулся на свою кличку, я решил оставить все как есть, не придумывать кенару новое имя, не сбивать его с толку.

Чижуля оказался на редкость сообразительным. Когда я разговаривал с ним, он внимательно слушал, не отрывая глаз-бусинок от моего лица, и то кивал, в знак согласия, то раскрывал рот от удивления. Во всяком случае, когда на меня сваливались неприятности и я с горечью в голосе произносил: «Плохи дела, Чижуля!» — он садился на насест, склонял голову набок и опускал крылья — всем своим видом давал понять, что огорчен безмерно. Когда же у меня случалась удача и я восклицал: «Дела, Чижуля, идут как нельзя лучше!» — он приподнимался на носки и заливался радостным пением. Но все это мелочь, в сравнении с тем, что Чижуля умел делать.

Как только я входил в комнату и посвистывая спрашивал: «Чижуля, где ты?» — он тут же откликался — звонко тренькал. Я говорил: «Чижуля, покачайся!» — он прыгал на качели и раскачивался. Стоило мне сказать: «Чижуля, спой!» — как он исполнял весь свой репертуар. Но и это еще не все. Чижуля по команде открывал клетку! Я бросал клич: «Чижуля, открой дверцу!» — и чем бы мой пернатый друг в это время ни занимался — клевал ли семечки, качался ли на качелях, — мгновенно забрасывал свое занятие, и спешил к дверце клетки; клювом поворачивал крючок и выталкивал дверцу наружу. «Чижуля, ко мне!» — говорил я, протягивая руку, и мой дружок выходил из клетки и вскакивал на ладонь. «Сюда!» — я хлопал себя по плечу — Чижуля взлетал на плечо и клювом дотрагивался до моего уха, как бы говорил: «Вот какой я умный, талантливый!» Если при этом ко мне ласкалась Эта, Чижуля на нее посматривал свысока — и в прямом и в переносном смысле, мол: «Я ближе к хозяину, и наша дружба значительней и крепче». Чтобы не вызывать у Веты ревности, я одной рукой поглаживал ее, а другой — легонько Чижулю.

Надо отметить — все наши «цирковые номера» Чижуля проделывал с невероятной готовностью — он был очень исполнительный, старательный артист. Разумеется, в награду за каждый «номер», я давал ему ядрышко семечка.

Частенько мы с Чижулей играли в «кошки-мышки»: я привязывал к нитке дохлую муху и «водил» ее по столу, а Чижуля смешно гонялся за ней, раскинув крылья. Или я делал бумажного голубя и пускал его по комнате, а Чижуля с негодующим писком летал за ним и все норовил клюнуть непонятого гостя. И с собакой Чижуля любил поиграть: когда Вета спала, он осторожно подкрадывался к ее хвосту и щипал за шерстинки.

Поиграю я с Чижулей, послушаю его песенки и говорю: «Ну все, Чижуля, иди на место, в клетку». И он моментально летит в свою «квартиру». Как-то я подсчитал — Чижуля выполнял целых восемь ко-

манд! Ко всему прочему, он научился пить воду из крана — ну, конечно, при слабой струйке — сильной побаивался. И какие там условные рефлексы?! Он явно понимал, что я говорил, отдавал отчет своим поступкам. Ну не могли же его предки открывать дверцы клеток, или пить из водопроводного крана, или играть с бумажными птицами?! И ладно б все это делала собака или кошка, а то ведь пичужка! И как в такой крохотной головке появлялись столь сложные мысли?!

Однажды весной Чижуля как обычно вылетел в форточку, обогнул тополь, но в комнату не вернулся, а уселся на соседнем подоконнике. Потом и с подоконника вспорхнул и понесся к домам напротив. Я выбежал во двор.

— Вон он! На балконе! — закричали мальчишки.

Чижуля сидел на балконе противоположного дома. Посвистывая я позвал беглеца. Он нехотя подлетел ко мне, сникший, печальный. Тут до меня и дошло — ему нужна подружка.

Канарейку я купил на птичьем рынке. Внешне она выглядела малопривлекательно, была вся какая-то взлохмаченная, с нелепым черным пером на боку. И характер у нее оказался не подарочек: как только я впустил ее в клетку, она нахохлилась, что-то забубнила, затопала ножками на Чижулю и начала гонять его по клетке. В конце концов загнала его в угол, по-хозяйски прошлась по клетке, съела все семечки, попила воды из блюдца, забралась на насест, почистила клюв; затем немного покачалась на качелях, снова вспрыгнула на насест и, зевнув, приготовилась ко сну — взъерошилась, превратившись в пушистый шарик, закрыла глазки и спрятала головку под крыло. Чижуля вышел из угла и встряхнулся, чтобы прийти в себя от неожиданного потрясения, потом немного покрутился в нерешительности, со страхом поглядывая на вздорную особу, почесал затылок лапкой, как бы прикидывая, что делать в сложившейся ситуации; наконец наметил план действий — стал прихорашиваться, разглаживая клювом перья, а когда привел себя в порядок, впрыгнул на насест и расположился на безопасном расстоянии от задремавшей канареихи. Выдержав паузу, он с величайшей предосторожностью, переступая по жердочке, подкрался к «невесте» и легонько клювом дотронулся до нее. Канареиха встрепенулась и опять набросилась на Чижулю; согнала его с насеста и, недовольно бурча, вновь погрузилась в сон.

Так продолжалось с неделю и все эти дни канареиха измывалась над моим Чижулей. Но в один прекрасный день, вернувшись из школы, я обнаружил клетку открытой; Чижуля сидел на распахнутой форточке и с особым подъемом давал концерт на весь двор; у него был прямо-таки ликующий вид. Когда я подошел к окну, он вспорхнул на мое плечо и затараторил в ухо: «Слава богу, избавился от этой сварливой дурехи!»

МЕДВЕДЬ

Лесник Петрович и его пес Цыган живут в пяти километрах от деревни Сосновка. Вокруг дома лесника буйно растут — прямо валят забор — шиповник и боярышник.

— Они самые полезные, — говорит Петрович. — Настойка шиповника — лекарство от сорока болезней, а у боярышника древесина прочная, вязкая, радужная. Недаром из нее точат художественную посуду, игрушки. А я ложки и черпаки режу.

На полках у Петровича лежат деревянные заготовки и свежеструганные изделия, пахучие, с темными прожилками-разводами. Кто бы ни зашел к Петровичу, без ложки или черпака не уходит.

Два раза в неделю к леснику на велосипеде приезжает почтальонша Лиза, самая приветливая девушка в Сосновке. Лиза привозит Петровичу газеты, а Цыгану печенье.

Петрович угощает почтальоншу чаем с брусничным вареньем; за самоваром рассказывает:

— Вчера приходил сохатый с семейством... Овощи любят... А впервые пришли зимой. Раз под утро слышу — Цыган заливается. Вышел, а они стоят у калитки. Пара лосей с лосенком. Зима-то снежная была, корм доставали с трудом. Вот и пришли. Ну я вынес им картофелины, морковь... С того дня повадились... И летом навещают...

— Они любят вас, — смеется Лиза. — Вы же добрый.

— А ведь когда я был подростком, охотился. Да-а. У отца была берданка. От нужды, конечно, охотился, не забавы ради. Раз на охоте подбил селезня. Вытащил его из камышей, у него было перебито крыло. И вот держу его, значит, в руках... и чувствую, как бьется его сердце. А он смотрит на меня и тихо крикает, как бы просит о помощи. Потом затих и начал остывать. И вот тут-то мне стало не по себе. «И зачем, — думаю, — лишил жизни такую красивую птицу?» Представил, как он красовался перед подругой, ходил кругами, хлопал крыльями... как потом выводил бы утят на плес, обучал их нырять... Да-а. Человек может многое сделать, но вот живую птицу не сделает никогда.

Лиза сообщает Петровичу последние деревенские новости, потом прощается:

— Ну, я поехала. Спасибо за варенье.

— Тебе спасибо за газеты, — отзовется Петрович. — На-ка ложку возьми, в хозяйстве пригодится, да и в доме должно пахнуть деревом. И это, слепни объявились... Ежели укусит, потри земляничкой — боль и пройдет.

Лиза вскакивает на велосипед, машет рукой. Цыган провожает ее до деревни.

Часто, тоже на велосипеде, к Петровичу заезжает молодой ветеринар Костя; он работает в Сосновке всего несколько месяцев. Костя со Петровичем за чаем с наливкой ведут задушевные беседы.

Иногда Костя вспоминает Москву, где учился на ветеринара и где осталась его девушка.

— Наши девушки лучше городских, — говорит Петрович. — К примеру, почтальонша Лиза. Какая славная... В городе каждый сам по себе, а наши, как одна семья. Правда, сейчас и в деревне некоторые нажимают на свое. А раньше все делали сообща. Всей деревней выезжали солить грибы. На телегах прикатим в лес, разбредемся, перекликаемся. Потом на поляне очищаем грибы от иголок и слизняков, засыпаем в бочки, перекладываем ягодами для запаха и листьями дуба для крепости. И все под песни, прибаутки, да-а.

— Наш ветеринар чудной какой-то, — говорит почтальонша Лиза Петровичу. — В клуб не ходит, все вечера дома сидит, книжки почитывает... Вот просто интересно, почему он в клуб не ходит, а к вам приезжает?

— У нас общая привязанность к животным, — объясняет Петрович.

В жаркие дни кордон лесника залит солнцем; от елей бьет горячей хвоей, сосны потрескивают чешуйчатой корой, в воздухе терпкие испарения. Воздух тягучий, липкий. Только у речки прохладно; она течет вдоль кордона, мелководная, извилистая.

— Если ее выпрямить, получится расстояние до Москвы, — шутит Петрович.

В полдень к речке тянутся все обитатели леса. Лучший «пляж» занимают кабаны; радостно похрюкивая, точно ватага ребят, они вбегают в воду; искупаются, начинают валяться на песке. Потом хряк, а за ним и все стадо, зарывается в песок, поглубже, чтоб не перегреться на солнце.

В тенистый бочаг, спасаясь от жары и слепней, заходят лоси. Заходят медленно и важно. Войдут и долго стоят с закрытыми глазами — дремлют, но ушами настороженно шевелят — прислушиваются, как бы кто не подкрался.

На мелководе тут и там плещутся сороки и разные мелкие птицы; окунутся несколько раз и бьют по воде крыльями. Иногда, задрав лапы, заваливаются на бок — прямо как загорающие купальщики. Вылезут из воды, отряхнутся; потом одни летят на ветви обсыхать, другие ложатся в лунки на берегу, при этом то и дело ссорятся за более удобные, как им кажется, места.

Изредка к реке, тяжело дыша, подходит лисица. О ее приближении всех оповещают сороки; их тревожная трескотня — верный сигнал об опасности. Заслышав сорок, остальные птицы взлетают на деревья.

Лисица не купается, только полакает воду и спешит назад, в нору, подальше от палящего солнца. До норы, перелетая с ветки на ветку и треща, ее сопровождают сороки.

Лисица скроется под корнями раскидистой ели, а сороки еще долго сидят на ветвях и негодуяще бормочут. Потом, успокоившись, вновь подлетают к речке и уже трещат раскатисто, победоносно, как бы говорят, что прогнали непрошеную гостью и все могут возвращаться.

Как-то в Сосновку прибежал Цыган: шерсть вздыблена, глаза ошалелые; с громким лаем пес подбегал то к дому почтальонши, то к дому ветеринара — тех, кого лучше всех знал.

Но Лиза накануне уехала в райцентр, а Костя на ферме осматривал телят. Все жители деревни были на сенокосе, только мальчишки бегали по дороге — запускали змея. Они-то и увидели Цыгана и подумали, что в деревню пришел Петрович, но потом заметили — лесник не появляется, а пес с беспокойством носится от дома к дому. Мальчишки поняли — на кордоне что-то случилось, и побежали к ветеринару.

Костя сел на велосипед и, сопровождаемый Цыганом, покатил к леснику. Еще издали он увидел, что у дома сидит... медведь.

Бурый медведь со сбитой шерстью и проплешинами, сидел, привалившись к срубу, и ревел. Завидев велосипедиста и собаку, медведь смолк, потом наклонил массивную голову, неуклюже повалился на бок и завыл.

Навстречу Косте вышел Петрович.

— Вот с утра сидит. Пришел за помощью. У него чего-то с задней лапой, все ее поджимает.

— Как же ее осмотреть? — опешил Костя.

— Да он мой старый знакомый, не первый раз приходит. Я его подкармливаю сладостями. Он почти домашний. Но одному не сподручно осмотреть. Я сейчас его отвлеку, помажу хлеб вареньем. Он его жуть как любит.

Петрович с Костей направились к дому, а Цыган стал из-за кустов негромко облаивать лохматого пришельца.

Когда лесник с ветеринаром подошли к крыльцу, медведь перестал выть и задрал заднюю лапу — явно показывая, где у него нестерпимая боль; меж «подушек» медвежьей стопы виднелась острая сосновая щепка.

— Видать, на лесосеке занозил, — сказал Петрович и заспешил в дом.

Он вынес ломоть хлеба с вареньем и протянул медведю, но тот отвернулся — он как бы говорил: «Вылечите мне скорее лапу. Я все стерплю, без всяких сладостей».

Пока Петрович отвлекал медведя хлебом с вареньем, Костя наклонился и резким движением вытащил щепу. И сразу отскочил на всякий случай.

Медведь вновь повернулся и глубоко вздохнул. Потом встал, протиснулся сквозь калитку и, прихрамывая, побрел к лесу.

Цыган проводил его уже не лаем, а тихим бурчаньем.

— Он с большим понятием, — сказал Петрович, когда медведь скрылся в чаще. — Вот говорят, он лапу сосет — у него кожа на стопе сходит. А я заметил, прежде чем залечь в спячку, он топчется на ягоде, набивает сладкие лепешки на лапах. А в берлоге сосет. Да-а... И вот как знает: долгая будет зима — больше топчется. Я по медведю определяю, какая будет зима. Он никогда не ошибается.

ЁЖИК

В детстве я мечтал стать капитаном и всюду пускал бумажные кораблики: в бочке, в тазу, в ведре и даже, если не видела мать, в тарелке с супом. Но чаще всего — в широкой луже у колонки посреди нашего поселка. В той луже было много глинистых бугорков с пучками травы — они мне представлялись необитаемыми островами.

Однажды, шлепая босиком по луже, я проводил свой кораблик меж «островов», вдруг услышал сзади какое-то чмокание. Обернулся — за спиной воду пил... ёжик. Крупный ёжик с острым черным носом и маленькими черными глазами.

Ежи появлялись в наших садах каждую осень, как только начинали падать яблоки. Они приходили из ближнего леса и всегда ночью. А этот смельчак пришел в поселок днем и, не обращая на меня никакого внимания, громко лакал воду. Напился, фыркнул и, переваливаясь, заковылял в кустарник.

Он приходил к луже и на следующий день, и потом еще несколько раз. Я узнавал его сразу — этакий толстяк с рваным левым ухом — видимо, побывал в лапах собаки или лисицы. Ёжик совершенно меня не боялся. Иногда, напившись, он некоторое время с любопытством рассматривал мой кораблик — было ясно, что бумажное суденышко ему гораздо интересней, чем какой-то мальчишка, который только мутит воду.

В ту осень мой младший брат сильно простудился, и сосед шофер дядя Коля сказал моей матери:

— Надо пацана обмазать спиртом с гусиным салом. А еще лучше — салом ежа. Пузырек спирта я возьму на автобазе, а ежа... — дядя Коля повернулся ко мне. — Давай поймай ежа в саду. Утопим его в бочке, сдерем шкурку, а сало вытопим на огне. Вмиг твой братец поправится.

На следующий день дядя Коля зашел к нам со спиртом и спросил у меня:

— Ну, поймал ежа?

— Их нет в нашем саду, — соврал я, хотя и не собирался никого ловить.

— Эх ты! — усмехнулся дядя Коля. — Пойдем ко мне!

Я нехотя пошел за ним.

В своем саду дядя Коля сразу направился за сарай и вскоре появился с большим ежом, свернувшимся в клубок.

— Подержи-ка! — сказал, сунув мне в руки животное.

Я прижал ежа к животу; он немного развернулся, высунул острую мордочку из-под иголок и взглянул на меня одним глазом. Это был мой толстяк с рваным ухом!

— Видал, какого жирного поймал? — спросил дядя Коля, засучивая рукава рубахи. — Отъелся на моих яблоках. Из него много сала будет.

Засучив рукава, дядя Коля схватил ежа и понес к бочке с водой. Ёжик тревожно засопел, стал брыкаться, отчаянно пищать. Меня пере-дёрнуло от жалости.

Дядя Коля погрузил ежа в воду. Послышалось бульканье, всплески, на поверхности воды появились дергающиеся лапы — было видно, как ёжик изо всех сил пытается вырваться из рук дяди Коли. В какой-то момент ему это удалось — задрал нос, чихая и кашляя, он в панике стал карабкаться на обод бочки, в его глазах был жуткий страх.

— Дядь Коль, не надо! — дрожащим голосом попросил я. — Отпусти его!

— Тебе его жалко?! А о братце ты не думаешь?! — дядя Коля схватил ежа и снова утопил в воде.

Я заревел и, вцепившись в руку дяди Коли, крикнул:

— Отпусти его! Он жить хочет!

— А-а! — скривившись, протянул дядя Коля. — Делайте, как хотите! — вытащив ежа из воды, он бросил его в траву и зашагал к дому.

Несколько секунд ёжик неподвижно лежал в траве, из его открытого рта выливалась вода. Я нагнулся к нему, и он вдруг пошевелил головой, слегка приподнялся, потом чихнул, кашлянул и, покачиваясь, медленно побрел в кусты.

В тот же день мать купила на рынке гусяного сала и вскоре брат поправился.

У СТАРИКА ЛУКЬЯНА

Старик Лукьян загорелый, со множеством складок и морщин на лице; на запекшихся губах чешуйки и трещины. Лукьян носит полинялую от стирок, выцветшую тельняшку и широченные, как пароходные трубы, брюки. Его дом стоит на окраине деревни на берегу «великой воды России» — Волги; к реке меж кочек и буйных зарослей чертополоха петляет тропа — «вдохновенное место» — говорят рыбаки и туристы.

На лугу за домом Лукьяна пасутся корова Марфа и осел Савелий — «кормилица» и «труженик», как их называет старик, что вполне соответствует истине: корова дает по ведру молока в день, а осел самостоятельно, без прожатых, возит молоко на сыроварню. Лукьян устанавливает бутылки в сумки на боках осла и просто говорит: «Иди Савка!» и тот воодушевленно, вкладывая в работу всю душу, спешит в поселок. Войдет во двор сыроварни, терпеливо ждет, пока работники не опорожнят бутылки, потом топают назад в деревню.

Один год у Лукьяна жила восьмилетняя внучка из города. У девочки болели ноги, и родители отправили ее к деду в деревню. Лукьян мазал ноги внучки мазями из трав, поил ее топленным молоком, договорился с директором поселковой школы, чтобы Савелию в сумку клали школьные задания на неделю, а осла приучил после сыроварни подходить к школе. Через год внучка поправилась и вернулась к родителям, но Савелий по-прежнему после сыроварни подходит к школе. В его сумки суют газеты — для Лукьяна.

По утрам Лукьян удит рыбу в старице. Рыбы в старице — ловить, не переловить, но воду затягивает ряска, и поплавок тонет в зеленой каше. Лукьян использует собственное «инженерное изобретение»: делает кольцо из можжевелевого прута, разгоняет шестом ряску и бросает обруч в чистую воду; кольцо не дает ряске сплываться, и в него можно спокойно забрасывать снасть.

Днем во дворе Лукьян строит лодку для директора сыроварни Жоры. Рядом среди щепы и стружек бродит всевозможная разноцветная живность: куры, индюки, ручной журавль Фомка.

Длинноногий Фомка веселяга: распушит пепельное оперение и танцует, играет сам с собой: поднимет с земли щепку, подбросит в воздух, снова ловит. Фомка следит за порядком на дворе: заметит, петухи дерутся, — подскочит, заворчит, затопают, а то и ударит клювом драчунов. А соберутся индюки вместе — Фомка сразу к ним, прислушивается — о чем они бормочут, смотрит — кто что нашел.

В жару Фомка стоит в тени сарая, точно часовой, или вышагивает вдоль забора и смотрит на реку. Заметит, баржа показалась — предупреждает Лукьяна криком.

Однажды весной Фомка исчез и объявился через неделю... с подругой; вбежал во двор, заголосил, закружился. А журавлиха боится, не подходит, топчется за изгородью.

Начали журавли строить гнездо на крыше дома: натаскали прутьев, смастерили что-то вроде корзины, внутри устелили пухом, а снаружи вплели колючки, чтобы никто не своровал яйца. Через некоторое время из гнезда стали подавать голоса желторотые птенцы, и у Фомки с журавлихой забот прибавилось.

Вскоре журавлята подросли, стали бегать по крыше, спускаться во двор и все разглядывать. В такие минуты журавлиха беспокоилась; носилась взад-вперед по крыше, кричала, размахивала крыльями, а Фомка спокойно ходил по двору, присматривал за своими детьми — он-то прекрасно знал, кто главный в птичьем царстве.

В середине лета Фомка повел журавлят к реке обучать рыболовству. Первое время журавлята только воду баламутили, ничего не могли поймать, потом наловчились — гоняли рыбу строем, как солдаты.

Осенью журавлята совсем окрепли, и журавлиное семейство переселилось на болото, где жили их собратья. Журавлиная стая готовилась к отлету на юг, отъедалась рыбой и лягушками.

Обедает Лукьян за столом перед домом. Ко времени обеда во двор изо всех закутков и дыр спешат кошки и собаки. Они обитают около дома, у сарая и просто в кустарнике; одни — местные, другие — поселковые, третьи — просто приبلудные, неизвестно откуда. Вся эта кошачье-собачья братия тактично напоминает Лукьяну про обеденное время: сидят молча невдалеке, только призывно смотрят в его сторону да посапывают и перебирают лапами.

Случается, какой-нибудь невыдержанный пес, вроде Артамона, фыркнет: «Хватит, мол, ерундой заниматься! Закругляйся! Самое время перекусить да в тенек на боковую». Понятно, Лукьян подкармливает животных и, как всякая щедрая душа, не скупится на угощения.

Во время обеда некоторые, совсем ручные, лезут чуть ли не на колени к старику, другие, одичавшие, схватят кусок и драпака.

Один котенок то и дело впрыгивает на стол — готов поесть с Лукьяном из одной миски — этот шкет вообще нешуточно привязался к старику — целыми днями лежит у его ног. Лукьян конопатит нос лодки, и он рядом, Лукьян переходит на корму, и котенок за ним плетется. Воспитала этого котенка одинокая курица, которая почему-то живет не в курятнике, а под причалом. Спускаясь к реке, Лукьян не раз видел, как из-под крыла курицы выглядывает пушистая мордаха. Курица тоже подходит к обеду, но не поесть, а побыть рядом с котенком — такая трогательная мамаша.

Больше всех вокруг стола крутится Артамон, нагловатый рыжий пес. Он одним из первых появился у Лукьяна и потому считает себя хозяином: то и дело задирает ногу и метит угол дома, лодку, изгородь: «Все, мол, наше, — его и мое».

Как только Лукьян откладывает инструмент, Артамон срывается с места, подбегает к столу и клянит еду. Проглотит, начинает теревить лапой старика: «Давай еще, чего там!» Вымогатель тот еще! Съедает больше всех, да еще отгоняет других собак и не прочь кусок из чужой миски сцапать. Здесь, правда, Лукьян соблюдает справедливость и разным скромникам, стоящим позади, сам подносит еду.

Бывает, Артамон сопровождает Савелия, когда тот тащит молоко на сыроварню, но доходит только до окраины поселка — боится поселковых собак.

Появляется во дворе и огромный, с барашка, кот — морда круглая, как сковородка, шерсть — сплошь бурые клочья. Мальчишки зовут его Ипполитом.

Как-то Ипполит поймал воробья и, прежде чем сожрать, решил поиграть: выпустил из пасти, смотрит наглыми глазами на птаху, шлепает лапой: «Давай, мол, потрепыхайся напоследок». Серый комок лежит перед его носом, капли крови застыли на крыле. Что только Лукьян ни делал! Подкрадывался, звал Ипполита ласково, пытался отвлечь, напугать, заманить рыбой — ничего не помогало! Кот схватит воробья, отбежит и продолжает измываться над жертвой.

В другой раз идет Лукьян по деревне, вдруг видит — на террасе одной дачницы Ипполит трясет клетку с птицей. Птица мечется, кричит.

Вышла хозяйка, замахнулась на кота, а он знай себе просовывает лапу меж реек, все порывается птаху зацепить. Хозяйка лупит кота тряпкой, а он шипит, хвост трубой, глаза из орбит лезут.

Лукьян подбежал, помог отодрать Ипполита от клетки.

— Ну и злодей! — вытирая пот со лба, проговорила хозяйка.

— Злодей, — согласился Лукьян, — но и ему достается от собак — вон все уши в шрамах, — и дальше, вздохнув, философски заключил: — Так уж в природе все устроено — вечная борьба за жизнь.

Самая исполнительная и смышленная во дворе — Зина, черная непоседливая собачонка с живым бегающим взглядом. Лукьян услышит тархтенье моторки, усмехнется:

— Зина, иди посмотри, кто там подошел к причалу?

И Зина несется. Если причалили какие-нибудь рыбаки или туристы, предупредительно гавкнет, если путевой катер — заскулит, отчаянно завилает хвостом. Или Лукьян пошутит:

— Зина, посторожи лодку. Я схожу в поселок.

Зина садится рядом с лодкой и с максимальным усердием охраняет. Издали — умора! Неподвижно сидит маленький сторож около махины-посудины.

Как-то Лукьян видит — Зина подкрадывается к ящику с провизией; уши прижала, лапы дрожат, украдкой посматривает на старика, но заходит со стороны лодки, чтобы остаться незамеченной; подкралась и пытается лапой отодвинуть задвижку на ящике — и столько хитрости у воришки!

Частенько Зина выслуживается перед Лукьяном: тот позовет какую-нибудь собаку, а Зина забежит вперед и улыбается, ползет на животе, а то и перевернется на спину — показывает свою преданность.

Если же старик погладит другую собаку, Зина прижмет уши и обиженно уходит со двора.

— Они такие же, как мы, только постоять за себя не могут, — говорит Лукьян. — И чего люди все норовят научить их понимать человеческий язык?! Куда проще самим научиться изъясняться по-ихнему.

В дождь собаки и кошки прячутся в сарае — сидят и лежат молча, прижавшись друг к другу. Бывает, последним влетит Артамон, шумно отряхнется, забрызгивая соседей холодными каплями, наступая лапцами на спящих, проберется в середину сарая и займет лучшее место на мешковине.

На Зину Артамон вообще не обращает внимания, хотя она считается красивой собакой. Когда-то перед ее конурой просиживали породистые собаки дачников, был даже один пес-медалист.

— А тут какой-то замызганный Артамон — и не замечает! — усмеяется Лукьян. — Ясное дело, ей обидно.

Как-то Зина три дня не появлялась. «Наверно, в поселке», — предположил Лукьян, но опросив посельчан, выяснил — Зину не видели. А потом вдруг Лукьян заметил, что Фомка как-то странно себя ведет: во время обеда схватит кусок хлеба со стола и летит к лесосеке.

Лукьян решил последить за ним, пошел в сторону кустарника и увидел Фомку на опушке — он раскачивался на своих ходулях у края заброшенного пересохшего колодца.

Старик заглянул в колодец, а на дне... Зина жует черную корку. Увидела Лукьяна, залилась радостным лаем, запрыгала на скользкие, покрытые грибами, деревянные стенки.

Лукьян спустился на дно колодца, а когда выбрался с Зиной наружу, она стала ползать у его ног, лизать ботинки и вся ее сияющая морда так и говорила: «Ну и натерпелась я страху. Думала, уже не выберься мне отсюда. Ладно хоть Фомка подкармливал...»

Однажды Зина оценилась. У нее появилось шесть черных щенков. Лукьян сколотил конуру, настелил внутрь соломы, Зина перетаскала щенков в новое жилище и с того дня никого не подпускала к своему потомству.

Как-то к Лукьяну прикатил на «Москвиче» директор сыроварни Жора.

— Ну как продвигается строительство моей лодки? — спросил Лукьяна.

— Продвигается помаленьку, — поглаживая посудину, ответил старик. — Вот уже борта начал обшивать.

— Вижу, медленно продвигается, — определил Жора. — Плохо ты, дед Лукьян, организуешь рабочий день. Небось много времени в стариче торчишь, рыбешкой запасаешься или самогонку потягиваешь, а?..

— Всякое случается, — усмехнулся Лукьян.

— Через сколько думаешь закончить строительство? — обходя каркас лодки, прогундосил Жора.

Лукьян закурил папиросу.

— А кто знает. Может, через недельку, может, через две.

— Не годится. Во всем должна быть плановость. Даю тебе срок десять дней. В этот срок уложись как хочешь. Я уже пригласил на плавание кое-кого из района. Нужных людей, понимаешь? А еще надо ставить дизель да обкатать лодку, так что поторопись.

Жора еще раз обошел двор и вдруг остановил взгляд на конуре, в которой дремала Зина со щенками.

— Что это у тебя, щенки? Сколько штук?

— Шесть.

— Дай одного.

— Сейчас нельзя, собака будет волноваться.

— Вроде крупные, — проговорил Жора, заглядывая в конуру. — Плохо, что черные. Черные животные болеют чаще, чем белые, — притягивают солнце... И для чего тебе, дед Лукьян, беспородные собаки?! Вон у моего знакомого в городе собака так собака. Английская. Колли. Слышал про такую? Щенок дает десять штук в год. Каждый по сто рубликов. Соображаешь? Очень выгодная собака. Ну сожрет она мяса на сотню — все одно, за год себя оправдает... Только брехучая она... Эта твоя сука вроде лохматая. Ежели щенки будут большими, то одного пса на шапку хватит.

Лукьян отбросил окурок, взял ведро и спустился к реке, а когда вернулся, Жорин «Москвич» уже пылил в сторону поселка. Только Зина вела себя как-то необычно: бегала по двору, тревожно поскуливала. Заглянул Лукьян в конуру, а одного щенка не хватает.

Через десять дней, когда Лукьян доделал лодку, на грузовике приехали рабочие сыроварни; погрузили лодку в кузов, передали старику деньги от Жоры (гораздо меньше, чем условились при договоре — сказали «Жора позже еще подкинет»), и уехали.

Лукьян отправился в поселок; сделал в магазине кое-какие покупки и зашел на почту, где устраивали посиделки любители побеседовать.

На почте от сведущих людей Лукьян узнал, что директор Жора держит щенка в сарае и не выгуливает; изредка немного даст поразмяться во дворе и снова запирает.

К осени трех щенков Зины взяли односельчане, двое остались у старика. Лукьян заготавливал дрова на зиму, выкапывал и просушивал картошку, и щенки крутились около него, покусывали поленья, клубни — вроде бы помогали старику.

— Смышленные, чертенята, — усмехался Лукьян. — Все в мать.

Однажды зимой Лукьян направился в поселок за продуктами и куревом, за ним увязалась Зина. После магазина Лукьян, как обычно, заглянул на почту. Среди важных городских новостей и менее важных, поселковых, сведущие люди сообщили Лукьяну, что директор Жора отравил свою собаку. Никто не знал, кто сдирал с нее шкуру, но все в один голос утверждали, что скорняк в городе сшил Жоре отличную шапку.

Директор сыроварни оказался легок на помине — только Лукьян с Зиной отошли от почты — он идет им навстречу; в распахнутом тулупе, в черной лохматой шапке.

— Привет, дед Лукьян! — Жора весело вскинул руку и, проходя мимо, бросил: — Лодка получилась неплохая. Мои друзья из района остались довольны. Жди еще заказик.

Он уже отошел, как вдруг, принявшись, Зина оскалилась, зарычала, шерсть на ее загривке встала дыбом; внезапно она кинулась на директора и цапнула за ногу.

Жора заорал и, прихрамывая, побежал к почте. Зина снова бросилась на него — тихая, послушная собачонка точно взбесилась.

— Чья это тварь?! Заберите! — отбиваясь от собаки, вопил Жора.

Лукьян подошел, сделал вид, что отгоняет Зину, но Жора заметил ухмылку на лице старика.

— Это твоя, дед, собака, я знаю! Ты мне за все ответишь!

— Отвечу! Чего ж не ответить? Пошли, Зина!

Старик отмахнулся и зашагал в сторону дома.

БУРАН, ПОЛКАН И ДРУГИЕ

В десять лет меня называли «профессиональным выгульщиком собак». В то время мы жили на окраине города в двухэтажном деревянном доме, в котором многие жильцы имели четвероногих друзей.

Вначале в нашем доме было две собаки. Одинокая женщина держала таксу Мотю, а пожилые супруги — полупородистого Антошку. Мотя была круглая, длинная, как кабачок. Хозяйка держала ее на диете, хотела сделать «поизящней», но таксу с каждым месяцем разносило все больше, пока она не стала похожа на тыкву. А вот Антошка был худой, несмотря на то что ел все подряд.

Жильцы в нашем доме считали Антошку симпатичней Моти.

— Мотя брехливая и наглая, — говорили. — Вечно сует свой нос, куда ее не просят.

Некоторые при этом добавляли:

— Вся в хозяйку.

Антошка, по общему мнению, был тихоня и скромник.

Мне нравились обе собаки. Я их выгуливал попеременно.

Потом в нашем доме появилась третья собака: сосед, живший над нами, привел себе бездомного, грязноватого пса и назвал его Додоном. После этого мне, как выгульщику, работы прибавилось, но я только радовался такому повороту событий.

Наш дом слыл одним из самых «собачьих», и все же ему было далеко до двухэтажки в конце нашей улицы. В том доме собак держали абсолютно все! Там жили заядлые собачники, и в их числе дворник дед Игнат и слесарь дядя Костя.

Дед Игнат и его бабка держали Бурана — огромного неуклюжего пса из породы водолазов. У Бурана были длинные висячие уши, мешки под глазами, а лаял он сиплым басом. Как-то я спросил у деда:

— Почему Буран водолаз? Он что, под водой плавать умеет?

— Угу, — протянул дед.

— Наверно, любая собака может под водой плавать, — продолжал я. — Просто не хочет. Чего зря уши мочить!

— Не любая, — проговорил дед. — У Бурана уши так устроены, что в них не попадает вода. Таких собак держат на спасательных станциях, они вытаскивают утопающих. Вот пойдем на речку, посмотришь, как Буран гоняет рыб под водой. И на воде он держится не как все собаки. Крутит хвост винтом и несется, как моторка. Только вода сзади бурлит. А настырный какой! Не окрикнешь, так по течению и погонит. За ним глаз да глаз нужен. И куда его, ошалелого, тянет, не знаю! Ведь живет у нас, как сыр в масле. Вон и выглядит как принц. Ишь отъелся!

Дед потрепал собаку, и Буран зажмурился, затоптался, завилел хвостом и начал покусывать дедов ботинок.

— Цыц! — прикрикнул дед. — Весь башмак обмусолил.

Буран, обиженный, отошел, лег со вздохом, вытянул лапы и положил между ними голову.

Я почесал пса за ушами, он развалился на полу и так закатил глаза, что стали видны белки.

Буран любил поспать; он был редкостный соня, настоящий собачий чемпион по сну. Уляжется на бабкином диване и храпит. Иногда во сне охает, стонет, и вздрагивает, или глухо бурчит и лязгает зубами — сны у него были самые разные: и радостные и страшные.

Днем Буран разгуливал по дворам. От нечего делать заглядывал к своему брату Трезору, который жил на соседней улице. Раз пошел вот так же гулять — его и забрали собаколовы, «люди без сердца», как их называла бабка. Прибежал я его выручать, показываю собаколовам паспорт Бурана, а они и правда «без сердца».

— Ничего не знаем, без ошейника бегал, — говорят. Потом видят, я чуть не реву. — Ладно уж, — говорят, — забирай. Но смотри, еще раз без ошейника увидим — не отдадим.

«Все-таки у них есть сердце, — подумал я, — но какое-то железное, вроде механического насоса для перекачки крови».

Открыл я клетку, а Буран как прыгнет и давай лизать мне лицо. Казалось, так и говорил: «Ну и натерпелся, брат, я страху».

Дед Игнат научил Бурана возить огромные сани. Зимой купит поленьев на дровяном складе, впряжет Бурана в сани, и тот тащит тяжелую кладь к дому.

Много раз мы с ребятами стелили в сани драный тулуп, и Буран катал нас по улице; мчал так, что полозья визжали и за санями крутились снежные спирали, а нас подбрасывало и мы утыкались носами в мягкие завитки тулупа. Но долго нас Буран не возил. Прокатит раза два, ложится на снег и высовывает язык — показывает, что устал. Но выпряжешь его — начинает носиться с другими собаками как угорелый, даже про еду и сон забывает. Или бежит к своему брату и борется с ним до вечера и не устает никогда.

Буран вообще не любил с нами играть. Когда был щенком, любил, а подрос — его стало тянуть ко взрослым. Позовет его мальчишка или девчонка, а он делает вид, что не слышит. А если и подойдет, то нехотя, с сонными глазами и раз двадцать вздохнет. Ребят постарше еще слушался, а разных дошколят и не замечал.

Иногда на нашей улице случались стычки. Какой-нибудь мальчишка начнет говорить со мной заносчиво и грубо, а то еще и угрозы всякие

сыпать. В такие минуты я не махал кулаками, а шел к деду Игнату и прицеплял Бурану поводок. А потом прохаживался с ним разок-другой по нашей улице, и, ясное дело, заносчивый мальчишка сразу притихал. Частенько я проделывал этот трюк и без всякого повода, на всякий случай, просто чтоб никто не забывался.

По ночам деду не спалось, он ставил самовар и за чаем разговаривал с Бураном, рассказывая ему про свои стариковские дела. И Буран всегда его внимательно слушал. Наклонит голову набок и ловит каждое слово. Иногда бугорки на его лбу сходились и он вздыхал. Тогда дед гладил его:

— Ты-то, лохматина, все понимаешь, я знаю.

Но если Буран фыркнет, дед закипал:

— Что, не веришь? Еще спорить будешь со мной? — Потом отойдет, кинет Бурану кусок сахара и рассказывает дальше.

Так и бормочет, пока бабка не уведет собаку к себе на диван — она грела ноги в ее шерсти, говорила: «От ревматизма помогает».

Несколько раз в год бабка чесала Бурана и из шерсти вязала варежки и носки. По Бурану бабка определяла погоду: уляжется пес в углу — на завтра жди холодов, крутится посреди комнаты — будет тепло.

— Он все чувствует, — говорила бабка.

А у дяди Кости было две собаки: спаниель Снегур и овчарка Полкан, оба невероятные показушники: любили находиться в центре внимания, занять в комнате видное место, повертеться на глазах, похвастаться белоснежными зубами...

На Снегура сильно действовала погода. Серые, пасмурные дни нагоняли на него такую тоску, что он забивался под крыльцо и плаксиво повизгивал. Но в солнечные дни становился безудержно шумным: гонялся по двору за голубями, возился с Полканом, ко всем лез целоваться.

Снегур жил вместе с дядей Костей, а Полкан — на улице, в бочке. Дядя Костя опрокинул большую бочку, набил ее соломой, и конура у Полкана получилась что надо. Все собаки завидовали.

Сторожить Полкану было нечего — дядя Костя не держал ни кур, ни уток, не разводил огород, и Полкан целыми днями грелся на солнце. Время от времени гонял мух или почесывал себя за ухом и зевал, показывая ослепительно-белые зубы. Кстати, в бочке у Полкана я однажды ночевал — спрятался там, когда за что-то обиделся на родителей.

Когда Полкану исполнилось три года, у него было поразительное обоняние и чувство пространства. Однажды дядя Костя уехал в другой город, так Полкан прибежал к нему с оборванной цепью. Как нашел дорогу — никто не знает. Но от постоянного безделья Полкан обленился, перестал различать запахи и вообще поглупел. К старости только и

знал гоняться за своим хвостом да лаять когда вздумается, да еще кланчить конфеты — ужасно к ним пристрастился.

Что эти псы любили — так это петь. Когда дядя Костя играл на гитаре, Полкан высоко подвывал. Частенько и Снегур присоединялся и тянул приятным баритоном. Иногда так увлекались, что пели и после того, как дядя откладывал гитару. А стоило крикнуть «браво!» — начинали все сначала, да еще громче прежнего.

Но все-таки самой лучшей и самой умной собакой была Кисточка, которая жила в соседнем поселке, у знакомой моей матери тети Клавы. Кисточка была обыкновенной дворняжкой: маленькая, этакая замухрышка, черная, с закрученным баранкой хвостом и острой мордой.

Кисточка служила и сторожем, и нянькой, и зрителем. По ночам она охраняла сад от набегов мальчишек, днем сидела около коляски соседского малыша. Если ребенок спал, Кисточка смирно сидела рядом, но стоило ему пискнуть — начинала лаять и толкать коляску лапой. Проснется ребенок, заберут его кормить, Кисточка бежит на птичий двор. Уляжется в тени под навесом сарая, делает вид, что дремлет, а сама искоса присматривает за всеми. Заметит, гуси дерутся — подскочит и как рявкнет! А если коза начнет яблоню обдирать, Кисточка могла и покусать легонько. Никому не давала спуска. Даже поросенка не подпускала чесаться о рейки забора — еще, мол, повалит изгородь, чего доброго!

Кисточка была всеобщей любимицей в поселке, многие хозяева хотели заполучить ее на день-два постеречь сад или присмотреть за живностью. Заманивали ее печеньем и сладостями. Кисточка посмотрит на лакомства, проглотит слюну, но не пойдет — так была предана хозяйке.

Однажды мы получили от тети Клавы письмо, в котором она сообщала, что Кисточка родила пятерых щенков, трех забрали соседи, одного тетя оставила себе, а пятого предлагала нам.

В воскресенье мы с матерью съездили в поселок и вернулись с сыном Кисточки.

У щенка был мокрый нос, мягкие подушечки на лапах и коричневая шерстка. Я назвал его просто — Шариком.

В первый день щенок ничего не брал в рот. И в блюдце наливали ему молока, и в бутылку с соской — не пьет, и все тут! Поскуливает, дрожит и все время лапы подбирает — они у него на полу расползались. Я уж стал побаиваться, как бы он не умер голодной смертью, как вдруг вспомнил, что на нашем чердаке кошка Марфа выкармливает котят.

Сунув щенка за пазуху, я залез с ним на чердак и подложил Марфе. Она как раз лежала с котятами у трубы. И только я протиснул щенка между котятами, как он уткнулся в кошкин живот и зачмокал. А Марфа

ничего, даже не отодвинулась, только приподнялась, посмотрела на щенка и снова улеглась.

Прошло несколько дней. Марфа привыкла к приемному сыну, даже вылизывала его, как своих котят. Щенок тоже освоился в кошачьем семействе: ел и спал вместе с котятами и вместе с ними играл Марфиным хвостом. Все шло хорошо до тех пор, пока котята не превратились из сусунков в маленьких кошек. Вот тогда Марфа стала приносить им воробьев и мышей. Котятам принесет — те урчат, довольные, а положит добычу перед щенком — он отворачивается. Марфа подвинет лапой к нему еду, а он пятится. Зато с удовольствием уплетал кашу, которую я ему приносил.

Однажды Марфа со своим семейством спустилась во двор: впереди вышагивала сама, за ней — пузатый, прыткий щенок с нее ростом, а дальше катились пушистые комочки. Во дворе котята со щенком стали играть, носиться друг за другом. Котята залезали на дерево, и щенок пытался, но сваливался. Ударится, взвизгнет, но снова прыгает на ствол. Тут я и понял, что пора забирать его от кошек.

Только это оказалось не так-то просто — Марфа ни в какую не хотела его отдавать: только потянусь к Шарик, она шипит и распускает когти. С трудом отнял у нее щенка.

В жаркие дни мы с Шариком бегали на речку купаться. Шарик любил барахтаться на мелководье, а чуть затащишь на глубину — спешит к берегу или еще хуже — начнет карабкаться мне на спину.

Однажды я взял и нырнул, а вынырнув в стороне, увидел: Шарик кружит на одном месте и растерянно озирается. Потом заметил недалеко голубую шапку, такую же, как у меня, и помчал к пловцу. Подплыл и стал забираться к нему на спину. А пловцом оказалась девушка. Она обернулась и как завизжит!

Но еще больше испугался Шарик. Он даже поднырнул — только уши остались на воде, а потом дунул к берегу.

По воскресеньям у деда Игната собирались все «собачники». И дядя Костя, и я приходили с собаками. Бабка раздует самовар, достанет пироги, усядемся мы за стол, и собаки тут как тут. Смотрят прямо в рот — тоже пирогов хотят. Я дам им по одному, а бабка как крикнет:

— А ну пошли во двор, попрошайки! А тебе, Буран, как не стыдно? Ведь кастрюлю каши слопал! Такой обжора, прямо стыд и срам!

И Буран уходит пристыженный, а за ним и Снегур с Полканом, и мой Шарик.

Во дворе они начинали бороться. Понарошку, кто кого: Буран всех троих или они его. Дурашливые Полкан с Шариком сразу набрасывались на Бурана. Прыгали перед его носом, тьякали, все хотели в лапу

вцепиться, а Снегур не спешил: кружил вдалеке с хитроющей мордой; потом заходил сзади и — прыг Бурану на загривок. Тут уж и Полкан с Шариком набросятся на Бурана, а он, как великан, громко засопит, набычится, развернется — собаки так и летят кубарем в разные стороны.

Частенько и я принимал участие в этой возне. Вчетвером-то мы Бурана одолевали.

Вот так я и рос среди собак, и узнавал их повадки; даже научился подражать их голосам. Приду к дяде Косте и загавкаю из-за угла сиплым голосом, и Снегур с Полканом заливаются, сбитые с толку, — думают, Буран решил их напугать. Или забегу к деду Игнату, спрячусь за дверь и залаю точь-в-точь как Полкан — визгливым, захлебывающимся лаем. И Буран сразу выскочит и сердито зарычит.

Постепенно я научился различать голоса всех собак в окрестности. Понимал, что означает каждый лай и вой, отчего пес повизгивает или поскуливает, то есть в совершенстве выучил собачий язык.

И собаки стали принимать меня за своего. Даже совсем незнакомые псы, с дальних улиц. Бывало, столкнусь с такой собакой нос к носу, пес оскалится, шерсть на загривке поднимет, а я пристально посмотрю ему в глаза и рыкну что-нибудь такое:

— Брось, знаю я эти штучки! Своих не узнаешь?!

И пес сразу стушует, заюлит, заковыляет ко мне виляющей походкой. Подойдет, уткнется головой в ноги, вроде был извиняется: «Уж ты, того... не сердись, обознался немного. Ходят тут всякие. Я думал, и ты такой же. А ты, оказывается, наш. Вон весь в ссадинах и синяках. От тебя вон и пахнет-то псиной».

В то время я к любому волкодаву мог подойти — был уверен, никогда не цапнет.

Буран умер от старости. До самой смерти он сторожил дом и возил сани с дровами.

Когда дядя Костя уехал из нашего города, Снегура взяли сторожем в зоосад. К этому времени он уже стал совсем чудным, порой забывал, где находится. С его конурой соседствовала птичья вольера, так он облаивал маленьких птах. Рядом в клетке сидел огромный филин, но Снегур его почему-то не замечал.

Полкана взяли к себе соседи, сказали: «У него такая красивая шерсть».

А Шарик стал моим другом и равноправным членом нашей семьи.

В два года Шарик внезапно простудился. Целую неделю мы лечили его, давали таблетки и витамины, поили настоем ромашки. Когда Шарик поправился, он вдруг стал приводить к нашему дому других больных собак. У одной была ранена лапа, у другой порвано ухо, у третьей

во рту застряла рыбья кость... Мы лечили бедолаг, никому не отказывали. Соседи шутили:

— Пора открывать бесплатную лечебницу.

Однажды во время зимних каникул я поехал к приятелю на дачу и, конечно, взял с собой Шарика, ведь мы были неразлучными друзьями. Стояли крепкие морозы, на даче было холодно, и мы с приятелем беспрерывно топили печь. Мы катались на лыжах, строили снежную крепость, но не забывали подкладывать в печь поленья. И укладываясь спать, набили полную топку дров. А проснулись от яростного лая Шарика. Он выпрыгивал на кровать, стаскивал с нас одеяло...

Открыв глаза, я увидел, что вся комната полна едкого дыма. Он клубился волнами, ел глаза, перехватывал дыхание. Я растолкал приятеля, мы на ощупь нашли дверь и, выскочив наружу, долго не могли отдышаться на морозном воздухе. И пока стояли около дома, из двери, точно белая река, валил дым; он растекался по участку и медленно поднимался в темное звездное небо.

Вот так в тот день, если бы не Шарик, мы с приятелем задохнулись бы от дыма.

Как-то, когда я уже закончил школу, а Шарик исполнилось семь лет, я шел мимо одного двора. В том дворе мальчишки-негодяи привязали к дереву собаку и стреляли в нее из луков. Я бросился во двор, но меня опередила худая, светловолосая девчушка.

— Не смейте! — закричала она и вдруг подбежала к мальчишкам, выхватила у них стрелы, стала ломать. Она так яростно накинулась на мальчишек, что те побросали оружие и пустились наутек.

С этой девчушкой мы отвязали перепуганную насмерть собаку, и пес в благодарность начал лизать нам руки. Он был совсем молодой и явно бездомный. На его лапах висели засохшие комья глины, из шерсти торчали колючки. Пока девчушка выбирала колючки, я сбегал в аптеку и купил йод. Потом мы прижгли ранки лохматому пленнику.

— Когда вырасту, обязательно буду лечить животных, — сказала девчушка и, повернувшись ко мне, вдруг спросила: — А у вас есть собака?

— Есть.

— Как ее зовут? Расскажите о ней.

Я присел на скамейку, стал рассказывать. Девчушка внимательно слушала, но еще более внимательно слушал спасенный нами пес. Его взгляд потеплел. Он представил себя на месте Шарика — он уже не шастал по помойкам, не мок под дождями, его уже не гнали из подъездов и никто не смел в него стрелять. У него был хозяин.

БЕЛЫЙ И ЧЕРНЫЙ

Тот поселок расположен у подножия гор, вершины которых теряются в дымке. К поселку плотной массой подступают леса. До райцентра, где работает большинство поселчан, около пятидесяти километров, но дорога хорошая, усыпана щебенкой и гравием. В ненастье над поселком, зацепившись за горы, подолгу висят грузные облака, зато в солнечные дни меж домов тянет ветерок и остро пахнет хвоей.

Первым в поселке появился Белый, молодой длинноногий пес с ввалившимися боками. Он был белой масти, с желтой подпалиной на левом ухе, один глаз зеленовато-коричневый, другой — голубой, почти прозрачный. Эти разноцветные глаза придавали ему выражение какого-то невинного целомудрия. Позднее, когда он прижился в поселке, все заметили его застенчивость в общении с людьми и робкое почтение в общении с местными собаками. Никто толком не знал, откуда он взялся. Одни говорили, прибежал из райцентра, другие — из соседнего поселка, находящегося по ту сторону гор.

Первые дни Белый, словно загнанный отшельник, обитал на окраине поселка, в кустах, только изредка вкрадчиво подходил к домам, жалобно скулил, несмело гавкал. Случалось, ему выносили объедки, но чаще прогоняли — у всех были свои собаки. С наступлением осенних холодов Белый облюбовал себе под конуру большой дощатый ящик около заброшенного склада. В этом ящике когда-то доставили в поселок трансформатор, а потом за ненадобностью выбросили.

Рядом со складом находился дом бывшего сторожа Михалыча. За свою долгую жизнь Михалыч так и не обзавелся семьей, не устроил быт, даже обедал в поселковой столовой. Он вел скрытный образ жизни, брал книги в библиотеке райцентра, втайне писал и посылал в городскую газету фенологические наблюдения, но их всегда возвращали. Эти наблюдения Михалыч излагал в форме размышлений. «Возьмите любой куст, — писал он. — В нем заключается весь мир. В нем полно разных букашек, и у них своя вражда и своя дружба. У них все, как у нас. И страсти и трагедии...»

Михалыч начал подкармливать Белого, и как-то незаметно они сдружились. Во время затяжных дождей Михалыч пускал собаку в дом и, прихлебывая чай, подолгу беседовал с ней.

— Ну что, Белый, намыкался? Эх ты, бедолага. Вот так твои собратья шастают по поселкам, ищут себе хозяина, не знают, к кому прильнуть, кому служить, а их гоняют отовсюду. Народ-то какой пошел — не до вас. Все норовят подзаработать побольше, забивают дома добром, точно все в гроб возьмут. А жизнь-то, она ведь короткая штука, и ос-

тавляем-то мы после себя не вещи и деньги, пропади они пропадом, а память о себе и дела наши добрые.

Пес сидел около ног Михалыча, смотрел ему в глаза, ловил каждое слово; то вскакивал, топтался на месте и, отчаянно виляя хвостом, улыбался, то замирал, и в его разноцветных глазах появлялись слезы.

— Ну, ну, не плач, — тербил собаку за загривок Михалыч. — Не дам тебя в обиду.

Освоившись у Михалыча, Белый окреп, раздался в груди, стал держаться уверенней, случалось даже, облаивал прохожих, давая понять, что на складе появилась охрана.

Белый сильно привязался к Михалычу. С утра сидел на крыльце и прислушивался, когда тот проснется, а заслышав шаги и кашель, начинал вертеться и радостно поскуливать. Михалыч открывал дверь, гладил пса, шел в сарай за дровами. Белый забегал вперед, подпрыгивал и весь сиял от счастья. После завтрака Михалыч доставал рюкзак, брал ведро — собирался в лес за грибами и орехами; заметив эти сборы, Белый нетерпеливо вглядывался в лицо Михалыча, так и пытался выяснить, возьмет его с собой или нет?

— Ладно уж, возьму, куда от тебя денешься, — успокаивал его Михалыч, прекрасно понимая, что с собакой в лесу спокойней.

В полдень Михалыч ходил на почту, потом в столовую, и пес всюду его сопровождал. Но ближе к зиме Белый внезапно исчез.

— Думается, загребли твоего пса, — как-то обронил Михалычу шофер Коля. — Намедни фургон ловцов катал по окрестности. И правильно. Надобно отлавливать одичавших псов. Нечего заразу всякую разносить. Они ж вяжутся с лисицами, а у тех чума, лишай.

Коля слыл бесстрашным мужчиной, поскольку водил свой «газик» на бешеной скорости, входил в столовую, толкая дверь ногой, и говорил зычно, с присвистом. Он был суетливый, носил вызывающе яркие рубашки и галифе.

— Ловцы шас демонстрируют новое изобретение, — возвестил Коля с довольной улыбочкой. — Душегубку. Вывели выхлопную трубу в фургон и, пока катят в райцентр, травят собак газом. Быстро — раз, два и готово.

— Дурак ты, — буркнул Михалыч, брезгливо поджав губы. Потом постоял в раздумье, осмысливая изощренные методы убийства животных, и заспешил к автобусу, проклиная «разных, начисто лишенных жалости».

— Тоже мне, сердобольный нашелся! — крикнул ему вслед Коля. Михалыч приехал в райцентр на живодерню.

— Если собака с ошейником, ждем хозяев три дня, а если без ошейника, усыпляем, — объяснил Михалычу мужик с оплывшим лицом. — Поди в загон, там вчера привезли партию. Там есть пара белых. Может, один твой кобель.

В загоне, предчувствуя неладное, одни собаки жались к углам и тяжело дышали; другие стояли, обреченно понутив головы, и только судорожно сглатывали; третьи отчаянно бросались на решетку. Михалыч смотрел на собак, и его сердце сжималось от сострадания.

Белого среди узников не было.

Он появился весной. Заливаясь радостным лаем, неся из леса к дому Михалыча, а за ним, смешно переваливаясь, семенил... медвежонок. Бурый медвежонок с черной лохматой головой.

— Где ж ты пропадал, чертенок? — встретил Михалыч Белого. — И кого это ты с собой привел?

Белый прыгал вокруг Михалыча, лизал ему руки, а медвежонок стоял у склада и недоуменно смотрел на эту встречу. Вытянув морду, он некоторое время сопел, принюхивался, потом присел и помочился. Белый подбежал к нему, как бы подбадривая, приглашая подойти к Михалычу поближе.

— Совсем несмышлениш, даже человека не боится, — вслух сказал Михалыч, разглядывая нового гостя. — Наверно, мать потерял и потянул за Белым. Но как они свиделись?

Так и осталось для Михалыча загадкой, где так долго пропадал Белый и каким образом нашел себе необычного друга.

Черный, как назвал медвежонка Михалыч, оказался доверчивым, с веселым нравом. Оставив метки вокруг склада и дома Михалыча, он застолбил собственную территорию и стал на ней обживать: в малинике вдоль забора собирал опавшие ягоды, в кустарнике за складом откапывал коренья. А под старой яблоней устроил игровую площадку: приволок деревянные чурки и то и дело подкидывал их, неуклюже заваливаясь на бок, или забирался на яблоню и, уцепившись передними лапами за сук, раскачивался с осоловело-счастливым выражением на мордахе. На ночлег они с Белым забирались в ящик, благо он был большим.

По утрам Черный подолгу прислушивался к поселковым звукам: гавканью собак, мычанию коров, людским голосам, сигналам автобуса. А по вечерам, встав на задние лапы, зачарованно рассматривал освещенные окна и огни фонарей.

Однажды ребята, которые приходили поглазеть на медвежонка, конфетами заманили его на близлежащую улицу, и там на него напали собаки. К другу на выручку тут же бросился Белый. Тихий, застенчи-

вый пес вдруг ошетинился, зарычал, заклацал зубами и разогнал своих собратьев.

С того дня, под прикрытием Белого, Черный отваживался посещать и более отдаленные улицы, но без «телохранителя» дальше дома Михалыча не ходил — побаивался чужих собак.

Михалыч получал небольшую пенсию и особой едой своих подопечных не жаловал. Поэтому Белый и Черный изредка подходили к столовой и усаживались около входа в ожидании подачек; осторожно заглядывали в дверь, приносивались.

Многие недолюбливали эту компанию. Особенно шофер Коля.

— Михалыч совсем спятил, — с издевкой говорил он. — Устроил зоопарк. Подождите, медведь подрастет, наведет шороху. Сарай начнет ломать, задирает коров.

Но у ребят Черный был любимцем: они кидали ему пряники, печенье. Кое-что перепало и Белому. Черный не жадничал и, если угощение падало ближе к его другу, никогда за ним не тянулся.

За лето медвежонок сильно подрос, но никакой агрессивности не проявлял. По-прежнему, большую часть времени они с Белым проводили около склада и дома Михалыча, а иногда подходили к столовой. Он стал совсем ручным — брал угощение из рук и в благодарность облизывал детские пальцы.

Но однажды осенью случилась неприятность. Одна девчушка кормила его пряниками, и он, забывшись, слегка потеребил ее лапой — не медли, мол, отдавай все сразу, — и нечаянно царапнул ладонь ребенка. Увидев кровь, мать девчушки заголосила на весь поселок. Поблизости оказался шофер Коля; размахивая руками, он расшумелся:

— Я ж говорил! Я ж предупреждал! Это первая ласточка! Еще не то будет! Спихватитесь, поздно будет.

О случившемся узнали в райцентре, и власти дали команду «пристрелить медведя».

То утро было необыкновенно светлым — за ночь выпал снег. Черный, подчиняясь невидимым механизмам природы, уже натаскал в ящик прутьев и сухих трав, уже утапывал подстилку, готовясь залечь в спячку, и тут приехала милиция. Михалыч с Белым отлучились на почту и не видели, что произошло.

Услышав голоса Черный вылез из ящика и уставился сонными глазами на людей. Его нос был перепачкан кашей, которой накануне Михалыч кормил своих приемышей. Черный думал, ему принесли новое угощение, но вдруг увидел яркие вспышки, услышал оглушительные выхлопы и сразу почувствовал острую боль в груди. Несколько секунд он еще сидел, стонал, недоуменно смотрел на людей, а в него все пали-

ли. Потом Черный заревел и, пытаясь сбить жар в груди, повалился на снег, стал кататься на животе, трясти головой... и постепенно затих.

...Увидев друга мертвым, Белый окаменел, потом истошно завыл, забился в ящик и двое суток из него не вылезал. А на третий день его точно заменили: он перестал отлучаться от дома Михалыча и зло рычал на всех, кто бы ни проходил мимо.

— Он сбесился, этот кобель, — громогласно заявил шофер Коля.

Слух о том, что Белый подцепил бешенство, разнесся по всему поселку. Чтобы уберечь собаку от расправы, Михалыч посадил Белого на цепь у крыльца, но однажды обнаружил цепь пустой. Вначале Михалыч подумал — кто-то отстегнул ошейник и сдал Белого собаководам, но, съездив в райцентр, узнал, что на живодерню он не поступал. И тогда Михалыч решил, что Белый сам разогнул карабин, связывающий ошейник с цепью.

Белый исчез из поселка так же внезапно, как и появился. Иногда Михалыч думал, что пес не вынес унижительного сидения на цепи и, обидевшись на него, Михалыча, предпочел полуголодное существование в окрестных лесах. А иногда Михалычу казалось, что Белый отправился на поиски тех, кто убил Черного, хотел отомстить за друга.

ЩЕНОК

Дать имя человеку — проще простого. Обычно родители над именем ребенка долго голову не ломают. Раньше давали имя в честь святого, в день которого ребенок появился на свет, или в честь знаменитого родственника — с надеждой, что потомок станет не менее знаменитым. Потом стали называть детей в честь великих строек; например — Днепрогэс. В те времена некоторые родители, пытаясь быть современными, заходили слишком далеко — нарекали отпрысков Трактором, Шестеренкой.

Теперь некоторые молодые родители, желая пооригинальничать, дают звучные иностранные имена или полузабытые, древнерусские, но большинство, к счастью, выбирают самые обычные. Именно к счастью, иначе трудно представить сложный букет из ребячьих имен, где-нибудь в саду (в детском саду, разумеется), где Винтик соседствовал бы с Ромашкой, Сталина с Лютиком. Это не букет, а бездарный винегрет. Настоящий букет — это Алеша и Оля, Таня и Дима. Просто, красиво и благозвучно. Короче, дать имя человеку не так уж и сложно, выбор большой, а фантазия у родителей, как правило, недюжинная.

Совсем другое — придумать кличку животному. Скажем, собаке. Это нешуточное дело. Здесь одной фантазии мало. Необходимо учитывать родословную или внешний вид и характер животного, и даже его таланты. Нельзя же, к примеру, белую дворняжку назвать Клякса. Ну, Хризантема, ну Белка — еще туда-сюда, но Клякса — просто нелепость. Или взять и записать в паспорте огромного волкодава — Тузик. Это оскорбительно для такой собаки, и вообще издевательство над ней. Кличка должна соответствовать животному и быть короткой. Длинные клички плохо воспринимаются животным на слух. Не случайно, Джульбарса чаще зовут сокращенно — Джуля, а Викторию — Вика.

Немаловажная вещь — характер животного. Никак нельзя веселому, ласковому щенку давать свирепую кличку. Или глупого пса (такие крайне редко, но встречаются — обычно у хозяев, не блещущих умом) звать Сократом, который, как известно, был великим человеком.

Придумать хорошую кличку животному — дело тонкое и крайне ответственное. Вот поэтому мы с фотографом Игорем долго ломали голову, никак не могли придумать кличку одному щенку, этакому лопухому существу, которое неожиданно у нас появилось.

Игорь фото-художник, снимает исключительно пейзажи — я называю его «видовик». В то лето фотограф решил поснимать Рыбинское водохранилище и пригласил меня с собой за компанию, сказал, что на водохранилище можно «вдоволь отдохнуть и набраться впечатлений» (на самом деле я выполнял роль подсобного рабочего — таскал его

кофр и треногу, пока он выбирал «нечто живописное, колоритное, выразительное», но все же я и отдохнул, и набрался кое-каких впечатлений).

Как-то утром мы направились к лодке, чтобы походить на ней вдоль берега — мастер живописной натуры решил сделать снимки «с воды» — и вдруг посреди деревни увидели щенка с висячими ушами. Он был разношерстный, нескладный, с дурашливым взглядом. Переваливаясь с боку на бок, подбежал к нам, завилял хвостом. Мы погладили его и пошли своей дорогой, а он поплелся за нами. У причала мы встретили местного мальчишку Антона, нашего приятеля.

— Чей щенок? — спрашиваем.

— Ничей, — ответил Антон. — Он был у туристов. Они здесь жили в палатке и щенок от них сбежал. А когда туристы уехали, объявился.

— А как его зовут? — поинтересовался я.

— Не знаю, — Антон пожал плечами.

Мы решили взять щенка с собой на съемки, и пока укладывали фототехнику в лодку, придумывали ему кличку.

— Давай назовем ее Маруся, — предложил мастер пейзажей. — Во-первых, она девица, а во-вторых — для деревенской собаки и имя должно быть деревенским.

— Лучше назвать Анфиса, — сказал я. — Звучит как-то.

— Не-ет, плохо, — протянул фотограф. — У меня была знакомая с таким именем — жуткая женщина... Прямо не знаю, как ее назвать. Вспоминается множество имен, но все неважные.

Так ничего и не придумав, мы посадили щенка в лодку и поплыли. Наша ушастая подружка сразу освоилась в лодке: схватила щепку и стала ее подкидывать.

— Надо же, такая игрунья! — умилялся фотограф, пока я работал кормовым веслом. — И совершенно не боится качки! Прямо-таки морская душа. Назовем-ка ее Капитан! Или — Салака!

— Грубо! Режет ухо! — поморщился я и стал перечислять собачьи клички, которые приходили на ум: — Берта, Ника, Франческа, Изольда...

— Избито! Банально! С претензией! — махал рукой фотограф и, высматривая на берегу «колоритное и выразительное», рассуждал: — Имя должно быть простым и романтическим. А ты — Берта, Франческа! Куда тебя все уводит? Не надо нам богинь, но и всяких Пеструшек не надо. Ищи что-то среднее. Золотую середину.

В тот день фотограф сделал особенно удачные снимки и на обратном пути торжествовал:

— Собачонка принесла мне удачу. Странное дело — обычно женский пол на кораблях приносит несчастье, а мне сегодня повезло как никогда. Я запечатлел штук пять эффектных видов.

В деревне мы занимали покинутый дом и, не раздумывая, поселили собачонку у себя. Вечером к нам зашел Антон. Обычно он весь день околачивался у шоссе, смотрел на проезжающие машины. Или сидел на бревнах и лупой прожигал древесину. Но каждый вечер Антон являлся к нам. Я с ним вел разговоры о пустяковых вещах.

— Знаешь, кого в деревне больше всего? — спрашивал меня Антон.

— Кого?

— Петухов. Они спят прямо на деревьях. В курятниках спят старые, а молодые — на деревьях. Ох и задиристые эти молодые! Вот только поют некрасивыми голосами.

— В городе голубей больше всего, — сообщал я. — Бывает, тоже дерутся, но жаль, не поют.

В один из таких разговоров встрял фотограф.

— Ты вот что! — обратился он к Антону. — Оставь петухов в покое, займись делом. Вот у тебя есть лупа. Хорошая, я видел. Ты знаешь, что лупой можно выжигать картины?

— Как это?

— А так. Тащи доску, покажу.

С того дня фотограф вел с Антоном разговоры о серьезных вещах.

После плавания на лодке с собачонкой, Антон зашел к нам и спросил:

— Вы что, щенка оставите у себя?

— Пусть поживет у нас, — сказал фотограф.

— А как вы его назвали?

— Еще не назвали, — пояснил я. — Это дело сложное. Может у тебя есть какие мысли на этот счет? Учти, собачка девчонка.

— Назовите Стрелка.

— Хм, собачка необыкновенная, — усмехнулся фотограф. — Сегодня принесла мне удачу. И как можно ее называть какой-то Стрелкой?! Ты ведь будущий художник, выжигаешь картины! У тебя должно быть воображение! Думай, думай!

— Королева! — ляпнул Антон и покраснел — сам понял, что сморозил глупость.

Немного помолчав, Антон заявил:

— Вообще-то пацан как-то ее называл.

— Какой пацан? — спросили мы.

— Ну, сын туристов. Он везде бегал, искал щенка, плакал...

— Надо бы разыскать этих туристов. Они, наверняка, жутко переживают, что потеряли собачонку, — сказал я.

— Да-а, — протянул фотограф. — Мы сделаем вот что. Я сфотографирую щенка и в городе дадим объявление в газету. Возможно, туристы откликнутся.

Несколько дней мы прожили в деревне и все это время не расставались с собачонкой. Она и спала с нами: то у меня на кровати, то у фотографа; во сне чмокала, виляла хвостом, а однажды вцепилась в мой мизинец и начала сосать. По утрам она подлезала под одеяло, лизала щеки, тявкала в уши. Или спрыгивала на пол и поднимала возню с нашими ботинками. Вся ее сияющая мордаха так и говорила: Вставайте лежебоки, на съемку пора!

Днем мы с фотографом ходили на съемку, и собачонка всегда сопровождала нас, причем, когда мы работали, вела себя безукоризненно: не вертелась под ногами, не грызла кофр и треногу, даже отгоняла от нас ворон, чтоб не мешали — «поддерживала порядок на съемочной площадке», как говорил фотограф.

Антон тоже раза два ходил с нами «на пленэр», но вел себя не очень прилично: шатался от меня к фотографу, то покрутит треногу, то сунет палец в камеру, то начнет мучить вопросами — для чего это, для чего то? Почему одно называется так, другое эдак? Мне-то что! Я спокойно все объяснял ему, а вот фотограф нервничал:

— Вы своей болтовней сильно мешаете мне! Для хорошей съемки главное что?

— Фотоаппарат! — поспешно выдавал Антон.

— Умение сосредоточиться! — повышал голос мастер художественной фотографии. — Фотокамера дело второе. Главное сосредоточиться, уловить состояние природы, найти эффектное освещение, подождать пока там облачко найдет или побежит рябь по воде...

Одержимый фотограф мог снимать весь день, но я не выдерживал такую нагрузку и во второй половине дня, посвистев собачонке, отправлялся с ней обедать. По пути мы заглядывали на водохранилище. Я заплывал метров на сто от берега, переворачивался и обратно плыл на спине, а собачонка плескалась на мелководье, подпрыгивала, сердито гавкала на меня — была уверена, что я дурачусь в воде, вытворяю какие-то фокусы.

Ближе к вечеру появлялся мастер пейзажей; он входил в дом уставший, но ликующим голосом возвещал об очередных «эффектных» снимках. На радостях он брал собачонку на руки и тискал, а она визжала от удовольствия.

Перекусив, неугомонный фотограф начинал копаться в своей фототехнике, подготавливать ее к съемке на следующий день, а я просто не знал, куда себя деть от безделья, но вдруг подбежит наша подружка, запрыгает на месте — прямо зовет поиграть. Мы с ней перетягивали веревку, катали по полу бутылку из пластика. Случалось, так увлекались, что и фотограф откладывал свои серьезные дела и включался в нашу игру.

Что и говорить, мы привязались к собачонке, но взять ее в город не могли: у меня уже жили две собаки, а фотограф постоянно ездил в командировки. Накануне отъезда мастер пейзажей впервые за все те дни занялся портретной съемкой — как и обещал, сфотографировал щенка, а Антону сказал:

— Ты присмотри за собачкой. Думаю, туристы объявятся и приедут за ней.

— И не забывай кормить ее. У нас остались кое-какие съестные припасы, — я достал из рюкзака крупу и тушенку.

Антон кивнул.

— Я возьму пока ее к нам. У нас во дворе полно места. А наш Трезор тихий, ее не обидит.

Как только мы вернулись в Москву, фотограф отнес в одну из газет снимок и вскоре вышла заметка: «Щенок ищет своих хозяев». На фотографии красовалась наша подружка, а под снимком — адрес Антона.

Спустя неделю фотограф сообщил мне, что ему позвонили хозяева щенка. Они съездили на водохранилище и Антон передал им собачонку из рук в руки.

— Нас с тобой туристы благодарили от всей души, — сказал фотограф. — Кстати, собачонку зовут Жулька.

АНЧАР

В молодости он жил при автобазе, но как там появился, никто точно не знал; говорят, просто пристал к собакам, служившим при проходной, и поселился около их будок, под навесом. Кто-то из сторожей назвал его Анчаром; так и пошло — Анчар и Анчар.

Он был обыкновенной дворняжкой. Цвет его природной серой шерсти постоянно менялся — все зависело, в какую лужу он угодил перед этим, в какой грязи побывал, и только его янтарные глаза всегда светились радостью. Веселый, ласковый игрун, он сразу понравился шоферам — то один, то другой притаскивал ему разные лакомства. Случалось, сторожевые полуовчарки даже ревновали к нему: на шоферов смотрели осуждающе, а на пришьельца недовольно бурчали.

— Среди собак любимчиков не любят, — говорили сторожа шоферам. — Вы не очень-то Анчара обхаживайте. А то другие псы могут его и покусать.

Но всюду есть люди, которые относятся к животным беспричинно жестоко; были такие и на базе. Один из них, вечно чем-то недовольный шофер Ибрагим, постоянно покрикивал на собак, а на Анчара, которого считал дармоедом, обрушивал зловещую ругань. Каждый раз, когда Ибрагим орал на Анчара, сторожевые псы выказывали шоферу свое полное одобрение и облаивали дворнягу.

— Нельзя часто шпынять одну собаку, — вступались за Анчара сторожа. — Если все время ругать одну собаку, другие ее покусуют. У них, у собак, сложные отношения.

Однажды осенью грузовик Ибрагима послали в Тверь, за сто пятьдесят километров от Москвы. Незаметно для всех Ибрагим запихнул Анчара в кабину и покати. Поздно вечером на одной из безлюдных улиц Твери Ибрагим вышвырнул собаку из кабины, и его грузовик исчез в облаке газа.

От многочасовой тряски, нанюхавшись бензина, Анчар некоторое время чихал и кашлял, потом, озираясь и поскуливая, бросился по дороге в сторону, откуда машина ехала. Его вел оставшийся в воздухе запах грузовика. Но вскоре запах стал слабеть, а на окраине города, когда Анчар выскочил на открытое шоссе, исчез окончательно.

И все же Анчару не составляло труда ориентироваться — шоссе было прямое, четко обозначенное, с резким, знакомым по автобазе запахами солярки и мазута. Он бежал посередине шоссе — на фоне темной земли и перелесков оно было намного светлее. Заметив огни фар и услышав грохот, Анчар сворачивал на обочину, а как только машина проносилась, снова выбегал на трассу.

Первые двадцать километров он пробежал довольно легко, но потом почувствовал усталость и сбавил темп. В глотке у него пересохло — на его беду осень стояла сухая, дождей давно не было, и вдоль дороги не попадалось ни одной лужи. Только перед рассветом Анчар увидел впереди блестящее водохранилище — оттуда тянул тугой ветер, слышались крики чаек.

Сбежав в низину, Анчар долго пил прохладную воду. Потом зашел на мелководье и постоял в быстрой струе, остужая зудящие лапы. А потом снова выбрался на шоссе и принялся. Ветер донес запах жилья, голоса петухов, мычание коров; Анчар помчался к поселку.

Уставший и голодный, он подходил к каждому дому и всматривался в окна и двери, но от одних домов его отгоняли хозяйские собаки, от других — сами хозяева — кому есть дело до какой-то замызанной дворняги? В одном из проулков на Анчара набросилась свора местных собак; их предводитель, матерый тучный кобель, хрипло рыкнув, сбил Анчара грудью и вцепился в его загривок. Остальные псы, заливаясь лаем, подскакивали и кусали чужака за лапы.

Анчару удалось вырваться из пасти вожака, он отскочил к забору, прижался к рейкам и, приняв оборонительную позу, зарычал и оскаллился. Старый кобель, устав от борьбы, отошел в сторону, а без него собаки не решались напасть на Анчара. Немного покружив около забора, свора удалилась.

Отдышавшись, покачиваясь и прихрамывая, Анчар побрел к шоссе; около дороги плюхнулся в кювет и началлизывать раны.

Через некоторое время, передохнув, он снова заковылял по шоссе и на выходе из поселка внезапно уловил запах столовой; подошел к двери, заглянул в помещение. За крайним столом сидела компания молодых рабочих.

— Эй, Шарик, на! — крикнул один из парней.

Анчар осторожно переступил порог, но тут же почувствовал, как ему в морду плеснули горячий чай и завыл от боли. Под гоготанье парней Анчар выскочил на улицу, упал в траву, стал тереть лапами обожженные глаза. Когда боль немного стихла, поднялся и, непрерывно моргая и стряхивая слезы, засеменял подальше от злосчастного селения.

Теперь бежать ему было трудно — болело покусанное тело и все время слезились глаза, а тут еще наступил полдень и солнце стало палить совсем по-летнему. Раскаленный асфальт жег подушечки лап, над дорогой стояли нестерпимые испарения, проносящиеся машины поднимали с обочины пыль, которая еще больше разъедала воспалившиеся веки. Анчар свернул на тропу, петляющую вдоль шоссе, но и там было не легче — то и дело он натыкался на камни.

Во второй половине дня впереди показалась деревня, и Анчар вновь почувствовал запахи жилья, но теперь подходил к домам настороженно. Около первого дома он увидел девушку — она шла по дороге, шла и пела, и в такт мелодии размахивала букетом осенних цветов. Анчар сразу почувствовал, что это добрая девушка и приветливо вильнул хвостом.

— Ой, чей же ты такой? — приблизившись, девушка присела на корточки. — Откуда ж ты взялся? Весь где-то ободрался, бедняжка!

Анчар доверчиво лег у ног девушки, заскулил. Девушка погладила его.

— Бедный ты, бедный. Откуда ж ты взялся? И где твой хозяин?.. Иди, иди в деревню. Там тебя покормят. — Девушка встала, махнула букетом и пошла по шоссе, напевая.

В деревне стоял неподвижный сухой воздух. Около колодца Анчар наткнулся на застоялый бочаг и стал жадно лакать воду, и вдруг услышал окрик. Вздвогнув, Анчар отскочил за колодезный сруб и увидел — из палисадника вышел мужчина со свертком в руке. Анчар начал было пятиться, но мужчина добродушно улыбнулся:

— Не бойся! Я ж тебе котлеты вынес. Наш-то охранник запропастился, где-то свадьбу справляет. Не выбрасывать же добро. На, поешь!

Мужчина положил сверток возле колодца и удалился. Ноздри Анчара приятно защекотал запах теплого мяса. Убедившись, что мужчина ушел в дом, Анчар схватил котлеты и отбежал в кустарник. В безопасности, за ветвями с жухлой листвой он проглотил еду, еще раз попил воды в бочаге и направился в сторону шоссе. И вдруг заметил, что от сельмага отъезжает мальчишка-велосипедист. Анчар шарахнулся в сторону, а мальчишка вдруг посвистел ему, залез в сумку, висевшую на руле, и, прямо на ходу, бросил кусок ливерной колбасы. Анчар удивился такому подарку и подумал, что в селениях живут и добрые, и злые люди, совсем как в городе, на автобазе.

Дальше продолжать путь стало легче — еда придала Анчару силы, к тому же, за деревней шоссе углубилось в лес и теперь можно было бежать в тени деревьев, среди мягких трав и приятных запахов.

Анчар бежал весь вечер и всю ночь. Лесные массивы сменялись перелесками и лугами, изредка в стороне темнели спящие деревни, но Анчар все бежал по обочине дороги и по тропам вдоль гудящих телеграфных столбов.

Под утро он сильно устал и, встретив на пути стог сена, хотел передохнуть, но желание скорее вернуться на автобазу подстегнуло его. Он только прилег около колкой, пахучей травы, еще раз зализал раны на лапах и снова направился к тропе.

На вторые сутки Анчар совсем выбился из сил и уже еле брел с опущенной головой и полузакрытыми глазами; высунув язык, дышал тяжело, прерывисто. Снова было жарко, за весь день на небе не появилось ни одного облака. К вечеру машин на шоссе стало больше, на тропе появились велосипедисты, далеко впереди показался город.

Когда Анчар вошел в городские предместья, солнце уже село, но над домами стояло зарево от освещенных улиц. Если бы Анчар умел читать, он узнал бы, что перед ним город Клин — крупные буквы чернели на указателе, но он сразу понял, что этот город не Москва. Строения были намного ниже, и транспорт по улицам катил другой, и другой стоял шум, другие запахи. Но все-таки это был город, а в городе, среди множества улиц, перекрестков, тупиков, собаке не так-то легко ориентироваться, тем более найти нужное направление.

К счастью, у животных имеется «биологический компас», благодаря которому они по магнитной сетке земли находят верный путь. У одних животных этот «компас» развит сильнее, у других слабее. У Анчара, несмотря на его дворовое происхождение, «компас» был развит достаточно хорошо.

Прижимаясь к домам, стараясь не попадать прохожим под ноги, Анчар медленно зашагал вдоль главной городской магистрали. На пути ему попадались кафе и закусочные с ярко освещенными витринами и вкусными запахами, оттуда слышалось многоголосье и музыка. Несколько раз Анчар останавливался у этих заведений, с надеждой, что кто-нибудь вынесет ему еду, но никто даже не обратил на него внимания, все спешили по своим делам.

У одного из дворов Анчар уловил звук падающей воды. Он пошел на звук и увидел колонку, из которой сочилась вода. Осмотревшись, Анчар пересек двор и уткнулся в деревянный желоб. Он пил воду до тех пор, пока не почувствовал тяжесть в животе.

Недалеко от двора на него замахнулся метлой дворник, через квартал кто-то из подворотни швырнул в его сторону камень. Из последних сил, прижав уши и не оглядываясь, Анчар побежал через центр города, лавируя меж прохожих. Он бежал от фонаря к фонарю, от него шарахались, слышались крики:

— Бешеный! Весь в слюне! Куда милиция смотрит!

Постепенно дома из четырех-трехэтажных превратились в одноэтажные, стали попадаться избы, которые Анчар видел в деревне. Городской шум стих, с дальних пустырей потянуло ночной прохладой.

Очутившись на окраине, Анчар остановился и перевел дух. И вдруг заметил среди домов уютный закуток — какой-то покинутый сарай. Полумертвый от усталости, он шагнул в темноту и рухнул.

Ему снилась автобаза, шофера, приносящие лакомства и треплющие его по загривку, дружки-полуовчарки...

Анчара разбудил отчаянный собачий вопль и хриплые мужские голоса. Выглянув из укрытия, он увидел, что на дороге стоит фургон и в него двое мужчин запихивают визжащего пса с петлей на шее.

— Вон еще псина! — один из мужчин указал на Анчара. — Давай, обкладывай выход сеткой! Щас я его изловлю.

Второй мужчина бросился к сараю, но Анчар уже почувствовал ловушку и успел выскочить из проема двери. В несколько прыжков он достиг шоссе и помчался по осевой линии. Через десяток метров он услышал сзади рокот двигателя и, не оглядываясь, понял, что это — погоня за ним. Резко свернув, Анчар бросился по насыпи вниз, к сверкавшей внизу речке. С разбега бросился в воду, переплыл небольшой омут и побежал дальше по петляющему полувысохшему руслу. Потом выскочил в поле и, не теряя из вида шоссе, побежал параллельно асфальтированной ленте.

Он бежал не останавливаясь, бежал в правильном направлении, ведомый внутренним «компасом», который обозначал ему все новые и новые ориентиры. С шоссе водители машин и их пассажиры видели бегущую собаку — странного одинокого путника вдали от селений, — но никто не остановился, не окликнул, хотя бы ради любопытства. А могли бы и покормить, и обработать раны, и вообще довести до города, ведь по виду Анчар был явно потерявшимся.

Часа через два, измученный долгим бегом, Анчар спрятался в придорожных кустах и уснул.

Он проснулся от зуда — его раны на лапах облепляли мухи. Несмотря на боль во всем теле и слабость от голода, Анчар все же встал и продолжил бег.

В полдень он прибыл в пустынный городок Солнечногорск. После встречи с собаколовами, он решил не искать в городе приключений на свою голову и побыстрее выбежать из него, но по пути, если попадется помойка, обнюхать ее — может, и удастся чем-нибудь поживиться.

Анчар побежал по улицам, обсаженным деревьями, вдоль домов, пахнувших свежей побелкой, мимо редких прохожих. Придерживаясь широкой улицы, он обежал несколько перекрестков, миновал дымящую фабрику, вокруг которой стояла едкая копоть, и прачечную, окутанную сладким паром, обогнул сквер и, пробежав весь городок насквозь и не встретив на пути помойку, очутился на противоположной окраине.

Здесь к нему присоединился какой-то бездомный коротконогий пес, перепачканный углем. Видимо, обиженный на всех жителей городка, пес задумал попытать счастья в другом месте, и некоторое время

прыжками гарцевал за Анчаром, всем своим видом показывая, что он может быть преданным другом. Изредка поскуливая, он даже забежал вперед и пригибался — выражал некую собачью лесть, как бы восхищался стремительным бегом Анчара. Но Анчару было не до него, а темп бега, который он уже набрал, оказался не под силу короткононому горемыке. Вскоре пес отстал.

В этот третий день погода стояла пасмурная, и бежалось Анчару легче, чем в предыдущие дни, когда над шоссе стояло душное марево. Впервые воздух был свежим, а дорога прохладной. Но ближе к вечеру пошел дождь.

Вначале на асфальт лились редкие тонкие струи и такой душ для Анчара был даже приятным, но потом сверху хлынуло сильнее. От расплывшихся изображений и плещущего шума Анчар на мгновение потерял бдительность и чуть было не попал под автобус, но вовремя успел отскочить.

Анчар решил переждать дождь, но поблизости не было никаких укрытий, даже дренажной трубы под дорогой. Ему ничего не оставалось, как плестись в кювете среди луж и мутных потоков; он сильно промок и его трясло от холода.

Наконец, сквозь пелену дождя, Анчар разглядел чуть в стороне подъемный кран и под деревьями контейнеры со строительным мусором. Подойдя ближе, Анчар обнаружил еще кучу поломанной мебели; втиснувшись под какую-то драную тахту, он сразу отключился.

Во сне он стонал и дергался — ему снился фургон и собаколовы, и как он, Анчар, никак не может от них убежать.

Он проснулся ночью. Дождь кончился, по мебели только стучали капли, падающие с деревьев. Анчар вылез из-под тахты, но почувствовал головокружение и слабость в лапах. Около контейнеров он нашел какие-то пищевые отходы, но даже не смог их есть — горло слишком опухло. Анчар решил отлежаться и снова забрался под тахту.

К утру у него поднялась температура; нос пересох и стал горячим, а все тело колотил озноб, но он уже научился терпеть и, пересилив себя, все-таки вылез из-под укрытия. Его шатало и тошнило, но он упорно побрел к своему городу.

Через несколько часов Анчар подошел к Химкам. Последние километры он одолевал с трудом, еле перебирая лапами, но Химки — это уже был въезд в его город; шоссе уже превратилось в шумную автостраду, по ней взад-вперед тянулись потоки машин, уже слышался гул большого города. И Анчар сразу почувствовал близость родных мест.

Он был обессилен до крайности, его мучили простуда и голод, но внезапно он ощутил прилив сил. У кольцевой дороги смело пошел на

запах горячего хлеба и, дойдя до булочной, стал откровенно попрошайничать, и вскоре получил пряник и печенье. Затем разглядел невдалеке гастроном, подошел, и красивая, пахнущая духами, женщина дала ему сосиску.

Теперь дорога стала опасной. В одном месте Анчар это особенно почувствовал, когда увидел сбитую машиной собачонку. Маленькая, лохматая, она лежала в кювете и отчаянно выла. Анчар подошел, полизал ее перебитый бок и сочувственно заскулил, как бы извиняясь, что ничем не может помочь. Он сидел рядом с собачонкой, пока она не затихла, потом отправился на поиски своей автобазы.

...Целый месяц бродил он в лабиринте московских улиц, вместе с людьми на светофор пересекал проезжую часть, спускался в подземные переходы, у столовых и булочных кланчил еду, подбирал на помойках объедки. За месяц нашел несколько автобаз, автобусных и троллейбусных парков, но своей автобазы найти никак не мог. От слабости его «компас» давал сбой.

В скверах уже облетели последние листья, уже наступили предзимние холода, а он все шастал по городу с рассвета до темноты, а ночи коротал на промерзшей траве газонов и решетках метро. Ночами давала себя знать накопленная усталость, в Анчара вселялось отчаяние, он уже готов был бросить поиски и остаться на зиму в каком-нибудь дворе, около теплой бойлерной, но утром неизменно шел разыскивать свою автобазу.

Однажды поздним вечером он уловил невероятно знакомый, единственный в мире запах будки своих сторожей. Часа два он лаял и царапался в ворота, но его не слышали. В тот холодный, ветреный вечер сторожа крепко спали, а полуовчарки приняли слабый и сиплый голос Анчара за голос приبلудной собаки, и им было лень отгонять бродягу.

Его увидели только утром, когда на работу пришли шоферы. Он лежал около ворот базы, свернувшись клубком, запорошенный первым снегом. Его еле разбудили. Он был весь в шрамах, с запавшими боками и сбитыми в кровь лапами. Он сильно изменился: янтарный блеск в глазах потух, вместо улыбки на морде — гримаса боли. Его не сразу и узнали — думали, очередной бездомный бедолага, но подбежали полуовчарки, обнюхали и вдруг приветливо завиляли хвостами.

Потом появились сторожа и сказали, что «пес — Анчар, точно».

ПОЧТАЛЬОН ТИШКА

Тишка был дворняжкой. Его имя вам ничего не скажет, но, поверьте на слово, он был необыкновенный пес. В его жизни не найти ярких фактов, он просто добросовестно трудился, выполнял редкую для собак работу. Но начну издали, отведу небольшое место описанию таежного поселка, где жил Тишка.

Тот поселок оленеводов находился в тени лесистого холма, где по камням струился быстрый ручей. Жизнь в поселке была организованная, с естественным порядком вещей; люди жили без напряжения и суеты, спокойно справляясь с житейскими неурядицами. Но главное — они сами делали свою судьбу, а не ждали когда она их сделает.

Посельчане почтительно относились к природе, для них срубить дерево означало то же самое, что убить живое существо. А к животным они относились уважительно. Не только к оленям и собакам — основным помощникам, но и к хищникам.

Я оказался в том поселке случайно, пролетом. Наш «кукурузник» приземлился, чтобы выгрузить почту и дозаправиться горючим. Пока выгружали посылки, связки писем, самолет окружили оленеводы, олени, собаки. Летчик, угостив оленеводов сигаретами, расписывал вид тайги сверху, при этом крепко ругал нефтяников, которые по его словам «уродуют тайгу».

— Странные люди, — буркнул стоящий рядом со мной высокий, прямой парень с бородой. — Говорят о возвышенном и употребляют крепкие ругательства. Как не понимают — комья грязи убивают красоту. На сто процентов.

Я полностью согласился с парнем и спросил:

— Ты, художник? Такое мог сказать только художник.

— Нет, — усмехнулся парень. — Позвольте скромно вставить — я всего лишь почтальон. Вот сейчас заберу письма и в путь-дорожку по стойбищам.

— Ты, наверняка, родился художником, — продолжал я, — просто до сих пор не знаешь об этом.

— Сильно сказано, — засмеялся парень, — но позвольте тихо заметить, не умею даже кисть держать, — он протянул руку:

— Виктор Чердаков.

Я пожал его руку, тоже назвал и добавил:

— И в твоей фамилии явно просматривается художественное, ведь художники по преимуществу творят на чердаках.

— Удачно, в смысле формулировки, но вот мое художество, — Виктор начал складывать связки писем в сумки. — Под Новый год такие художественные открытки бывают! Дети пишут Деду Морозу на-

счет подарков. Адрес — лес. В наших местах дети считают, что Баба-Яга и Черт бывают только в сказках, а Снежная Королева и Дед Мороз существуют на самом деле... И мы с Тишкой тоже так считаем, — Виктор позвал белую дворняжку, которая до этого крутилась около летчика. У пса был теплый, контактный взгляд, он широко улыбался, высунув язык, но подбежав к Виктору, сосредоточенно застыл, в ожидании чего-то важного; улыбка с его морды исчезла, взгляд стал серьезным. И вдруг Виктор без всякой церемонии навьючил на собаку две сумки с письмами и перевязал их ремнями.

— И Тишка носит? — удивился я.

— Он в основном и носит. И страшно гордится своей работой... Часто бегают в одиночку. А я только помогаю ему, когда есть посылки. Летом пешком, зимой на оленях. А Тишка круглогодично на своих четырех. Вот такое художество!.. В городе собака, как и жена, нужна для того, чтоб было с кем поругаться, отвести душу. А здесь собака работага на сто процентов. Ее и называют нежно — «собачка». И кормят в первую очередь, прежде, чем сами садятся за стол.

На этот раз из самолета выгрузили несколько посылок и перед дорогой Виктор пригласил меня к себе «на чаек». За чаем неторопливо, размеренно, взвешивая каждое слово, он рассказал о Тишке. Это был блестящий рассказ. За давностью времени я не помню колоритные (художественные) слова Виктора, поэтому передам историю Тишки в своем изложении.

...Вообще-то в тех местах в почете были лайки — самые выносливые собаки, но по поселку шастало несколько и беспородных, «Крайне-Задунайских», как их в шутку окрестили. Тишку сняли весной с льдины, плывущей по реке, как он попал на нее — неизвестно. Первое время у него был одичавший, ошалело-затравленный вид; он не позволял себя гладить, скалился на местных собак. Но вскоре оттаял, на его морде появилась робкая улыбка. Он оказался простосердечный, стеснительный, даже застенчивый. Стало ясно — его необщительность была напускной, он просто умело скрывал неуверенность в себе.

Чем дальше, тем больше проявлялся Тишкин золотой характер. Он бродил по поселку, ласкался к каждому встречному, всем хотел угодить — был безгранично услужлив. В его душе всегда имелось место для радости. А радовался он зажигательно, от переизбытка чувств подпрыгивал, звонко лалял.

Как-то Тишка увязался за Виктором в поход до стойбища — просто так, от нечего делать, чтобы размять лапы. Вдвоем они прошли по бездорожью тридцать километров. Расстояния там огромны, хотя меж собой оленеводы говорят: «Здесь рядом, километров двадцать, не

больше». Пройдешь этот путь и если смахнешь пот, оленеводы говорят: «Чтой-то ты сегодня не свежачок», что значит «плохо выглядишь» для такого ничтожного перехода.

Так вот, в первом совместном походе Тишка показал себя во всем блеске: на ровном участке ненавязчиво семенил за Виктором, но стоило появиться завалу или оврагу, тут же забегал вперед, обследовал препятствие и первым преодолевал его. При этом отгонял нахальных воронов, которые несколько раз летели над путниками и норовили клюнуть Виктора в кепку, а Тишку дернуть за хвост. А на любопытных сорок, сопровождавших путников, Тишка вообще не обращал внимания.

На полпути к стойбищу находился старый, наскоро смастряченный от непогоды, чум — промежуточный пункт, где путники легли передохнуть, и здесь Виктор впервые понял, что идти вдвоем — совсем не то, что топтать одному. Было с кем поговорить.

Для начала Виктор, как опытный ходо, пичкал Тишку ценными советами — как легче переносить тяготы похода: поменьше пить воды, идти в тени деревьев, обходить низины с запахом гнили — там может оказаться топь, избегать пригорков на солнцепеке, где возможны полчища муравьев... Тишка внимал с интересом и время от времени кивал, в знак того, что почти все понял.

Когда показалось стойбище, Тишка вырвался вперед и с присущей ему радостью оповестил оленеводов о прибытии почтальона.

С того дня Тишка постоянно сопровождал Виктора. У них сложилась настоящая мужская дружба. Как наставник, Виктор изредка отпускал Тишке небрежную похвалу, но отчитывал за мельчайший промах. И Тишка не обижался. В самом деле чего обижаться! Ведь похвала нужна слабым, сильным не мешает критика, наоборот — упорней работают, самосовершенствуются.

Тишка работал очень упорно, с большим душевным подъемом, высунув от усердия язык. Он шел в поход, словно доблестный боец на войну. У него было редкое качество — когда поход складывался удачно и Виктор шел, насвистывая веселый мотив, Тишка оставался в тени, ничем не обозначая свое присутствие, но стоило Виктору загрустить или, чего доброго, остановиться в раздумье, скажем, перед ручьем, взбухшим от грозы и превратившимся в бурный поток, тут же подскакивал и как бы вопрошал: «Могу ли чем помочь? На меня можешь рассчитывать!» А зимой в метель Тишка не раз просто-напросто выручал Виктора — отыскивал тропу.

В одно прекрасное утро, когда «кукурузник» привез слишком много почты, Виктор подумал: «А почему бы и Тишке не потаскать письма?»

Сшил из кожи две маленькие сумки и привязал их ремнями к бокам Тишки. Виктор думал, что Тишка заупрямится, будет препираться, что его придется приучать к необычной ноше, но талантливый Тишка сразу усек — ему выпала высокая честь; он воодушевился и с величайшей серьезностью стал таскать сумки по поселку, при этом спину прогнул, морду приподнял и на собак, которые разинули рты от удивления, посматривал с некоторым превосходством. Словом, в тот светлый и торжественный день Виктор набил сумки Тишки письмами, в свой рюкзак уложил посылки и... с той поры по стойбищам уже ходили два почтальона.

Тишка относился к своим сумкам, как к священным предметам. Случалось, где-нибудь в зарослях, ремни расстегивались, Тишка сразу подавал клич — громко звал Виктора, чтобы тот поправил поклажу. А переходя вброд мелкие речки, старался не брызгать лапами, чтобы не замочить «свою почту».

В стойбищах почтальонов встречали как посланцев неба: обнимали, угощали жареным мясом, вареньем из морошки. Конечно, в эти минуты Виктор с Тишкой испытывали профессиональную радость от проделанной работы, несмотря на гудящие ноги и лапы. Этот сердечный прием давал им на обратный путь мощный заряд энергии.

Однажды Виктор заболел, две недели пролежал в постели, и почты накопилось — уйма. Тогда «старший почтальон» позвал «младшего»:

— Ну, Тишка, давай тащи один. Дорогу знаешь назубок. Не подведи! Покажи все, чего ты стоишь! — и привязал Тишке сумки.

Некоторое время Тишка топтался в нерешительности и дрожал от волнения, потом все-таки пошел, оглядываясь — никак не верил, что наступил самый ответственный момент в его жизни!

...— Из того похода он вернулся в ссадинах и кровоподтеках, с разорванным ухом, — вздохнул Виктор, — я представляю, сколько ему досталось. Ведь дело было весной, когда в лесу полно низин с затопленными деревьями, их надо обходить; так что Тишке приходилось до отказа напрягать силы... Похоже на него кто-то напал. Волки — вряд ли, здесь их мало. И если б они напали, от Тишки ничего не осталось бы. Судя по кровавым полосам на Тишкином боку, это был след лапы владыки леса — медведя. Косолапый вполне мог его хватануть, изголодавшись за зиму. Но Тишка увертливый и бегаёт прилично, с ним не так-то легко справиться... Вот такой он парень, — закончил рассказ Виктор.

— Скромный герой! — сказал я.

— Никакой ни герой. Просто выполнял свою работу, — слабо возразил Виктор, притеняя славу Тишки. Он говорил о подвиге своего друга так, словно речь шла о рыбалке или обычной грибной вылазке.

...Я провел с Виктором и Тишкой чуть больше часа, но был счастлив с ними. Потом мы попрощались, как я думал — навсегда. Но спустя несколько лет судьба снова забросила меня в те места. От поселчан я узнал, что Виктор давно уехал в город и последние годы Тишка ходил в стойбища один.

Он носил почту до глубокой старости. В любую погоду. То есть, шел под дождями и палящим солнцем, в убийственную жару и в пургу, под снегопадом.

— Теперь он совсем старый, слепой, целыми днями лежит у амбара, — сообщили поселчане. Один из них вызвался проводить меня на окраину поселка.

Тишка сильно сдал: бока ввалились, шерсть облезла, обнажив множество шрамов. Когда я подошел, он приподнялся, принюхался и вдруг заскулил, завилял хвостом — явно узнал меня.

— Надо же! — пробормотал я. — И общались-то всего-ничего, а вспомнил.

— Ничего удивительного! — хмыкнул мой спутник. — Собака запоминает три тысячи запахов.

Вот и все о Тишке. На этом с вами прощаются автор и герои его рассказа. Всего вам хорошего.

ЛЮБОВЬ К ЖИВОТНЫМ

Подросток Лешка любил животных и собирался учиться на зоотехника, а пока работал конюхом и, вместе с возчиком пенсионером Иваном, катал на лошадях ребят. «Лошадник со стажем», Лешка два года с утра до вечера торчал в конюшне: чистил денники, в одни корыта насыпал корм, в другие наливал воды, и все время поглаживал лошадей и разговаривал с ними.

Конюшня находилась в конце парка и представляла собой старое продуваемое помещение с протекающей крышей; лошади постоянно простужались, но директор парка говорил Лешке и Ивану:

— Скажите спасибо, что выделяю деньги на закупку сена и отрубей. Ваша работа на кругу — убыточное дело. Очень убыточное. В праздники, в выходные дни еще туда-сюда, дает кое-какой доход. Но это пять-шесть дней в месяц, верно? А остальные дни? Сами знаете, в плохую погоду и одним рублем все оборачивается. А лошадей-то содержать надо и вам платить надо. А у меня карманы пустые, — директор выразительным жестом почти выворачивал карманы пиджака. — Так что ремонт конюшни отложим. До лучших времен.

В жаркие дни Иван часто отлучался к пивному ларьку и доверял упряжку своему малолетнему напарнику. Лешка подъезжал к будке-кассе, а там уже в нетерпении бурлила детвора. Ребята усаживались в тележку и Лешка гнал лошадь рысцей по аллеям. Обогнув болото, упряжка легко вбегала на покатоое взгорье, и лошадь на мгновение останавливалась, как бы оглядывая открывающееся пространство, потом, запрокинув голову, неслась вниз; ребята визжали, захлебываясь встречным ветром, а Лешка, степенный, важный, покрикивал на лошадь и хлопал вожжами. На пятаке у будки-кассы притормаживал, кричал:

— Вытряхайтесь!

Ребята прыгали с тележки и, покачиваясь, ошалелые от гонки, снова бежали в очередь.

Парк имел двух жеребцов: списанного с бегов Голоса и степного табунного Сиваша. Голос был тихий, доверчивый, все время лез к Лешке целоваться, обжигая лицо горячим дыханием. Когда-то Голос бегал по ипподрому и считался одним из фаворитов, но потом его подвело зрение. Год от года он видел все хуже; в конце концов его и приобрели для работы в парке. После ипподрома, широких дорожек, шумных трибун и былой славы, бег на тихих аллеях казался Голосу скучным и постыдным занятием — неким тихим прозябанием, поэтому к катанью по кругу он относился безответственно и постоянно отлынивал от работы. Бывало, Иван его зовет, а он, хитрец, прикидывается, что не слышит,

хотя имел отличный слух, а если и подходил, то симулировал болезнь, разыгрывал хромоту.

Любимец детворы Сиваш привык к вольной жизни и, несмотря на четырехлетний возраст, так и остался диковатым, строптивым; постоянно задирался к Голосу, доказывал свое главенство, при случае мог прижать, куснуть; завидев собаку или кошку, так и норовил ударить копытом. Из табуна Сиваша взяли в школу верховой езды, но там от перенапряжения он потянул ноги и его списали за негодность. Некоторое время он возил мелкие грузы на деревообрабатывающем заводе, потом его купил директор парка.

Сивашу было тяжело бегать, на ночь он ложился на больные ноги; Лешка делал ему массаж, растирал мазями, ставил спиртовые компрессы, но как бы Сиваш себя ни чувствовал, работу выполнял добросовестно и никто, кроме Ивана и Лешки, не видел его в унынии. Этот не сломленный дух, внутреннюю силу Сиваша чувствовал и Голос — куда бы Сиваш ни шел, безропотно следовал за ним.

Иван всячески поощрял Лешкину любовь к лошадям.

— Ты смекалистый, — говорил. — Но учти, в спешке многое теряется. А в нашем деле мелочей нет. Важно все: и как упряжку содержишь — смазал ли кожу, чтоб была податливой, не задубела, не потрескалась... И, конечно, лошадь всегда должна быть чистой, выхоленной.

Лешка воспринимал эти слова как приказ и все делал без колебаний, без оглядки. А старый возчик все наставлял:

— Учиться тебе надо, а то будешь всю жизнь на побегушках. Технику хорошая задумка, но ты смотри дальше, не мешало бы и в институт поступить. Цель ставь большую и иди к ней упорно. Я в тебя верю.

— Ерунда все эти институты, — брезгливо поджимал губы Эдик, заведующий аттракционами, большой любитель заграничных сигарет и вообще всего заграничного. — Век живи, век учишься и дураком умрешь. Я без всякого высшего образования живу неплохо. Главное — вести здоровый образ жизни. Занимайся, Леха, спортом. Найди свой вид спорта. Спорт готовит к жизни, учит преодолевать трудности, дисциплинирует и вообще закаляет дух. Ну и само собой, расширяет круг интересов, общаешься с новыми людьми. А всю жизнь быть лошадиником — нет, извините. Верховая езда — это еще туда-сюда. Это престижно, отвечает духу времени. А всю жизнь проторчать в конюшне — нет уж, извините.

Эдику было двадцать пять лет; хвастливый, нахальный, он ходил на свиистывая, на его лице так и читался вызов всему и всем; от него резко пахло одеколоном — так резко, что при его появлении лошади чихали

и фыркали. Целый день Эдик шастал от аттракциона к аттракциону — «давал ценные указания»; заметит девушек, подходит, рисуется:

— И как вам, ласточки, у нас нравится? Советую посетить павильон смеха. Могу проводить.

Жизнь Эдика текла как вечный праздник. К подчиненным он относился бесцеремонно и жестоко. Как все тупоумные люди, наделенные властью, требовал безоговорочного исполнения своих указаний, всякое неповиновение вызывало у него озлобление.

Однажды без ведома старого возчика и юного конюха, Эдик взял лошадей покататься с девицами. Вечером, когда сторож закрыл парк, Эдик пришел с двумя подружками, взял у сторожа ключи, седлал лошадей и чуть ли не до утра гонял, усталых после дневной работы, животных. Он загнал лошадей: на их мокрые от пота тела надели мухи, у Голоса изо рта шла пена, Сиваш еле стоял на дрожащих ногах.

Придя в конюшню, Лешка сразу увидел, что головы у лошадей опущены, шерсть взъерошена, ноги сбиты.

Лешка разыскал сторожа и, когда тот изложил суть дела, бросился к Эдику. Заведующий аттракционами встретил его подозрительным взглядом и, не успев Лешка открыть рот, отчеканил:

— Ты почему не на рабочем месте?

— Вы почему катались на лошадях? Кто вам разрешил? Какое вы имели право? — вскричал Лешка.

Эдик от неожиданности моргнул; он не привык, чтобы на него повышали голос, но подумал, что Лешка может пожаловаться директору, и неуклюже попытался вывернуться:

— Понимаешь, так получилось... Но ты об этом, смотри, никому...

Задыхаясь от негодования, Лешка направился к директору.

— Постой! — Эдик схватил его за руку. — Если пожалуешься, тебе здесь не работать, так и знай.

Лешка никого не боялся, кроме отъявленных бандитов. Эдик не был бандитом, тем более отъявленным; он был всего-навсего показушник, мелкий показушник и болтун. Поэтому Лешка все рассказал директору, и Эдику влили строгий выговор. Но потом в конюшне пропало седло, оказалось продырявленным корыто. Лешка догадывался, кто это делает. «Но одно дело догадываться, другое — застать на месте преступления», — именно так заявил директор и добавил, что он, Лешка, попросту стал плохо относиться к своим обязанностям.

От такой несправедливости Лешка чуть не разревелся. Известно — сильные люди, если и плачут, то лишь от незаслуженных обид, а Лешка был сильным, вне всякого сомнения.

— Возьми себя в руки, — спокойно сказал Иван Лешке. — Все наладится. Знаешь, что я тебе скажу — бывает не одна неудача, а сразу несколько свалится, но я заметил — за каждой десятой неудачей обязательно идет удача. Как пить дать... И куда директор без тебя денется?! Он прекрасно знает — ты работающий, добросовестный парень. А негодя, который здесь портачит, мы отыщем и взгреем, как следует.

Все плохое имеет конец. Конечно, Эдик попался — его застал на месте преступления Иван, и заведующего аттракционами с треском выгнали из парка.

День шел за днем. Лешка поступил в техникум, у него появились друзья, такие же любители животных, как он. Но были в техникуме и случайные учащиеся, которых пристроили по знакомству; они не любили животных — им нужен был только диплом.

Давно подмечено — такие случайные люди есть всюду; они сразу видны — по отношению к своему делу. Случайных учащихся поддерживал завуч Канатов, человек с неумным темпераментом, которого в одной газете назвали «устремленным в завтрашний день». Худой, какой-то скрюченный, завуч, точно плот, сорванный бурей с якоря, носился по училищу и гремел:

— Народному хозяйству нужны только животные, дающие мясо и молоко. Остальных домашних животных, разных собак и кошек, я бы — в ров. Баловство это. Развели, понимаешь!.. А бродячие, ничейные животные подлежат уничтожению.

Завуч был теоретиком без практики и потому большинство учащихся считали его главной фигурой случайных людей. А среди неслучайных главным и любимым был преподаватель Матвеев — плотный мужчина с вечной улыбкой на широком, сизовато-лиловом от бритья, лице. За глаза его звали ласково — Пончик. Пончик был практик; он лечил абсолютно всех животных: от цирковых слонов до комнатных попугаев и рыбок. Причем лечил бесплатно, что встречается крайне редко среди таких специалистов.

— Издревле животные соседствуют с человеком, — с улыбкой говорил Пончик. — Обитающие в городах собаки, кошки, птицы являются кем? В некотором смысле, представителями природы!

Дальше улыбка с лица Пончика исчезла.

— Позор, что мы входим в шестерку стран, где нет закона об охране бездомных животных!.. Должен сказать, Россию всегда отличали милосердие и сострадание. Где они теперь?! И если мы не хотим прослыть безнравственными дикарями, нам нужен такой закон.

Улыбка снова озаряла Пончика.

— Я надеюсь, вы его добьетесь. Если не вы, то кто же?

На практических занятиях, когда проводились опыты на лягушках и кроликах, Пончик усмехался:

— Во многих странах подобные опыты проводят на муляжах, а мы в бедственном положении... Должен сказать, вам предстоит нелегкая работа. К ветеринарии у нас отношение какое? Никакое! В некотором смысле. Лекарств и перевязочных средств выделяют мало. Никому нет дела до наших нужд. Так что надейтесь, молодые люди, только на себя... Но, должен сказать, если вы чего-то очень хотите — добивайтесь! Здесь, в смысле на этом пути, напрасных трат не бывает. Все идет на пользу дела...

На втором курсе техникума Лешку — уже Алексея — направили на практику в совхоз Калужской области, в знаменитые Брянские леса.

Директор совхоза встретил Алексея приветливо и некоторое время о работе не говорил, давая гостю освоиться, отдохнуть после дороги — привел к себе домой и вначале предложил принять баню, которую тут же и приготовил: разжег печь, достал с чердака березовых веников.

Надышался Алексей горячего пара, настегал себя веником; вылез из бани румяный, разомлевший, пропахший листвой, и почувствовал себя посвежевшим и помолодевшим, хотя и так был молод — дальше некуда.

За обедом директор рассказал Алексею о своем хозяйстве и посоветовал обосноваться в деревне Полушки, где жил старый ветеринар самоучка Кузьма Кузьмич, гомеопат-травознай, «великий зельник», как назвал его директор.

Деревня располагалась на берегу Жиздры, полноводной реки. Алексею предоставили избу, хозяева которой перебрались в город. Изба была в хорошем состоянии, светлая и чистая, с простой мебелью.

Не успел Алексей разложить вещи, как явился Кузьмич, старик с живым взглядом и располагающей улыбкой. Он чем-то напоминал Пончика. Это и понятно — у хороших людей много общего — ну хотя бы то, что они доброжелательны к другим, никому не завидуют и радуются чужим успехам не меньше, чем своим собственным.

Кузьмич сразу же объявил, что рад приезду молодого специалиста и что теперь ему, «необразованному старому хрену самое время отправляться на пенсию».

— Посмотрим, посмотрим, чему вас там учили, — добродушно бормотал он, но заметив, что Алексей покраснел, мягко добавил: — Не пугайся. Введу тебя в курс дела, открою тайны трав...

Кузьмич показал Алексею коровник и ферму, где содержались поросята, амбар для комбикормов, силосные ямы; по дороге перекидывался шуточками с доярками и работницами ферм.

— Вот жениха вам доставил, — и, наклонясь к Алексею, шептал: — Наши девчата самые красивые в области, а может — и во всей России.

Таинственное превращение в бане, таинственные травы Кузьмича и особенно — самые красивые таинственные девушки — все это вселило в Алексея некоторое волнение. «К счастью, — подумал он, — Кузьмич совсем не таинственный, простой, знающий свое дело».

— С пастухами у меня уговор, — говорил Кузьмич. — Вечером они пригоняют стадо и сообщают мне, какая корова кашляет, какая подвернула ногу.

Теперь по утрам Алексей отправлялся в ветпункт, где его уже поджидал Кузьмич; они шли в коровник, осматривали и лечили больных животных. Алексей назначал лечение «по науке», Кузьмич одобрительно кивал, но к «химии» добавлял «дедовских средств» — настойки трав, подробно объясняя молодому напарнику их «сбор».

— С любым животным надобно разговаривать, — сообщал Кузьмич. — Они ласку понимают. Самое приятное для них — поглаживание...

Первой, кого Алексей вылечил самостоятельно, была корова Машка. Простуженная Машка несколько дней понуро лежала в коровнике и не принимала никакой пищи, но после того, как Алексей ее вылечил, пришла в невероятное возбуждение: бегала по загону с пучком сена в губах и игриво брыкалась задними ногами, словно молодая телка, а ее теленок изумленно смотрел на мать, не в силах понять, что с ней происходит.

После Машки Алексей вылечил Мишку, огромного хряка, который вдруг стал забиваться в темный угол и виновато сопеть, точно стеснялся показаться не в форме перед хавроньями — оказалось, у него от ссадин воспалились копыта.

Неделю Алексей лечил хряка, и все это время тот радостно похрюкивал, только что не говорил: «Ты уж, дружище, побыстрее вылечи мои сбитые ноги, мне никак нельзя залеживаться, без меня эти безмозглые толстухи натворят чудес, да еще, чего доброго, свинарки спишут меня и погонят на убой; глупо ведь умирать из-за такой чепухи». Поправившись, хряк стал ходить за Алексеем, точно приبلудный пес; только ветеринар войдет в свинарник, хряк, расталкивая сородичей, спешил к нему и начинал чесаться о сапоги.

Из всех животных Алексей особенно заботился о телятах. И они чувствовали эту заботу и доверялись молодому врачу. Длинноногие, с большими темными глазами и влажными сливовыми носами, увидев Алексея, они обступали его и кланчили лакомство — морковь. Алексей знал всех телят «в лицо» и одинаково любил застенчивых тихонь и скромников, и шалунов, которые лезли бодаться.

Жители Полушек сразу признали Алексея за своего. Все сошлись на том, что он знающий, серьезный и скромный и, несмотря на диплом, не считает зазорным учиться уму-разуму у необразованного Кузьмича и не гнушается советоваться с пастухами и доярками.

Особенно деревенским нравилось, что он, горожанин, не кичился «городским происхождением», вроде бы даже стеснялся этого, как бы испытывая неловкость за ту часть населения, которая оторвалась от земли. Мужчины старались незаметно, по пути, «подбросить Алексею дровишек», отправляясь в район, заходили узнать «не надо ли чего?». Женщины, то одна, то другая, приносили «отведать домашних харчей», предлагали «прибрать в доме, постирать, подшить». Но особое замешательство Алексей вызвал у девушек. В день приезда он заметил, что все деревенские девушки одеты плохо и небрежно, кое-как. Кузьмич объяснил:

— Не для кого им наряжаться. Парней-то почти нет. Парни после армии идут в город. И деньги хорошие можно заработать и вообще веселее. Вот и танцуют девчата в клубе друг с дружкой...

Но на следующий день, где бы Алексей ни появился, его встречали уже принаряженные девушки. Кузьмич был прав — молодые жительницы Полушек оказались красавицами. Узнав, что Алексей холостяк, девушки сразу пригласили его в клуб на танцы. От танцев Алексей вежливо отказался, признался, что танцевать не умеет, но кинофильмы обещал смотреть все подряд, и впоследствии сдержал свое слово.

Однажды Алексея с Кузьмичом вызвали в дальнюю деревню. За ними приехал «газик», но на раскисшей после дождя дороге машина то и дело застревала.

— Машина не везде удобна, — вздохнул Кузьмич. — Здесь на лошади сподручней. Только сейчас в совхозе почти нет лошадей. Всех техника вытеснила. Даже конный инвентарь выпускать перестали. А лошадь незаменимая помощница. Доставлять молоко с фермы, съездить на почту, вспахать людям огороды, подсобить в чем другом... На машине едешь, надо за дорогой следить, а на лошади — смотришь по сторонам, любишься природой... Лет семь назад наш совхоз выкинул старую клячу — ее венозные ноги разъезжались, кожа кровоточила, живот был больной, квадратный. Я подобрал ее, начал выхаживать. Ночевал с ней в сарае, глаз не смыкал. Прикладывал к ее ногам лопухи и заячью капусту. Тыльной стороной. Верное средство... Вылечил, и она расцвела, стала такой кобылицей!.. С ее помощью я и землю обрабатывал, и урожай вывозил, и дрова заготавливал, и еще соседям помогал в подсобных хозяйствах... Сейчас она в центральной усадьбе, па-

сется сама по себе. Совсем дряхлая стала, но в работу так и рвется. Благодарное животное!

Алексей в свою очередь рассказал Кузьмичу про окраину парка, Голоса и Сиваша, возчика Ивана, катанье на кругу...

— Что говорить! — вздыхал Кузьмич. — Раньше ведь ни один праздник без лошадей не обходился. И на тройках катались, и соревнования устраивали. А сейчас так и норовят от последних лошадей отказаться.

По вечерам после работы Алексей заходил к Кузьмичу в его старую избу с замшелыми бревнами. В том доме стоял какой-то особый древесный дух... Старик угощал Алексея «своим» чаем.

— Такого чая ты нигде не попьешь, — хвастался Кузьмич. — Лучшая заварка — застывший березовый сок. Можно еще добавить листок смородины или бросить листок кислицы. Кислица лучше всякого лимона... Может, и поешь чего? У меня тут окуньки есть, утречком в вершу забрели. Отведаешь? Ты окуня как, уважаешь? Я вмиг пожарю. Его чистить муторно, но надо вначале ошпарить, тогда он легко чистится. Не хочешь? Ну смотри, а то быстренько сготовлю. Я уж один-то давно живу, научился хозяйствовать. Моих-то ведь всех немцы расстреляли, когда я партизанил... Здесь ведь бои были страшные. Сколько народу полегло и не счесть. Вон над лугами ночью до сих пор идет свечение от костей, — Кузьмич махал рукой в сторону Жиздры. — А от деревень одни трубы остались. Это все заново отстроили...

Ветеринары пили душистый чай, Кузьмич рассказывал о военном времени и последующей разрухе, потом переводил разговор на животных:

— Зверя было много... Раз, помню, мы с отцом плыли по Жиздре в половодье, ракету неломучую срезали — из нее отец корзины плел... Вот плывем, значит, вдруг лодка накренилась, смотрим — за борт медведь ухватился и карабкается. Видать долго плавал, выбился из сил... Залез на корму, сидит, отдышаться не может. Ну, а как подошли к берегу, он снова бултых в воду! И в лес... Вот оно как было! Да что там!.. Один год по деревне бегали лисицы!.. А сейчас леса пусты. Лисиц всех перебили. Зайцев мало... Несколько лет назад под Каменкой убили последнего медведя. Городские. Приехали зимой, нашли берлогу и давай расталкивать спящее животное. Ну и когда показалась сонная голова, всадили в нее несколько пуль... Вот такие дела... Я слышал, одна городская дамочка завела в квартире щенка-лисицу, растила себе на воротник! Вот до чего люди дошли. До какой жестокости. Синтетика им мало, что ли?! Одно дело, когда выращиваем бычков на убой. Это необходимость. Так уж устроен мир... Другое дело, когда забавы ради или

для обогащения, — Кузьмич с огорчения махнул рукой. — У нас-то животных любят. Видал, сколько по деревне собак бегают, сопровождает ребятишек? Как не посмотришь, смешанная ватага мальчишек и дворняжек. В каждом дворе собака, в каждом доме кошка. Я всем сызмальства прививаю любовь к братьям нашим меньшим.

Летние дни пролетели быстро. Во время листопада Полушки скрыл занавес из дождя и тумана. В один из дождливых дней бычков двухлесток отправляли на бойню. Кузьмич сказал Алексею:

— Ты это... иди в усадьбу, заполняй бумажки, а я прослежу за сдачей молодняка. Я жуть как не люблю всякой писанины.

Но неожиданно подъехал «газик» и шофер объявил, что старого ветеринара срочно вызывают в район — у какого-то большого начальника очутилась собака-медалистка и только он, Кузьмич, мог ее спасти.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул Кузьмич. — Придется тебе, Алексей, следить за сдачей... Нашему брату предписано присутствовать.

Бычков грузили в крытые фургоны. Крича и ругаясь, пастухи загоняли мокрых, забрызганных грязью, животных на настил. Бычки упирались, прятались друг за друга, тревожно мычали.

«Неужели я лечил этих бычков только для того, чтобы вылечив, отправить на убой?» — подумал Алексей и сразу догадался, почему Кузьмич посылал его на «писанину».

Во время погрузки выяснилось, что план по мясу совхоз не выполняет, и директор распорядился пригнать телят-молочников.

Их оторвали прямо от коров. Они были еще совсем несмышлеными, им даже не передан страх остального стада: одни топтались и с любопытством рассматривали фургоны, другие вытягивали шеи и чмокали губами — искали матерей.

Увидев этих неокрепших, не доигравших сосунков, Алексей не выдержал и быстро зашагал к дому. Внезапно он вспомнил Пончика — преподавателя в техникуме, который лечил цирковых и комнатных животных, и ему захотелось вернуться в город, работать в ветеринарной лечебнице, лечить собак и кошек, морских свинок и певчих птиц. Потом он вспомнил возчика Ивана и его завет: «Цель ставь большую». «Надо поступить в институт, — решил Алексей, — чтобы стать настоящим мастером своего дела. Мне будет легко учиться. Практику имею, знаю тайны лечебных трав, спасибо Кузьмичу».

На следующий день у Алексея заканчивалась практика. Прощаясь с Кузьмичом, он рассказал о своей «большой цели».

— Одобряю, — кивнул старый ветеринар. — Институт молодому специалисту не помешает. И, ясное дело, в городе нашему брату работать интересней.

— Жаль, что уезжаешь, — сказали Алексею работницы фермы и доярки. — Оставь адресок, может свидимся. Мы ж бываем в городе.

А полушкинские девушки ничего не сказали, только загрустили.

...После окончания техникума Алексей поступил в институт и, пока учился, часто вспоминал Кузьмича. И вспоминал Полушки, пойменные луга, Жиздру, смешанный лес, поляны, усыпанные желтыми шариками купав. Перед его глазами вставали знакомые лица и животные, он слышал мычание коров, лай собак, пение петухов, вдыхал горячий воздух, пропитанный запахами коровьего молока, свежескошенных трав...

АЛДАН

У меня есть старый друг — человек замечательный во всех отношениях. Он почти знаменитый чудака: живет в трехстенном доме — четвертую заменяет забор, по которому ползают орды муравьев, но и те стены, что есть, сделаны из сухих веток тамариска — издали они не видны и кажется, что крыша висит в воздухе. «Моя пирамида» — называет свое жилище друг. Хорошо, что он живет в Средней Азии, где всегда тепло — трудно представить такой дом в нашей средней полосе.

Внешне мой необыкновенный друг похож на разбойника с жуткой, кровавой биографией: он вечно взлохмаченный, глаза выпучены, усы торчат, словно щетки; он носит бессменный костюм на пять размеров больше, чем надо, и никогда не знает, куда деть длинные руки, при ходьбе левой ногой наступает на правую, да еще, по рассеянности, надевает разные ботинки — свою неуклюжесть и чудачества он довел до совершенства. Ко всему, он никогда не прибирает постель, курит самодельные папиросы, набивая их мелкоструганным пахучим сандаловым деревом и вечно благоухает одеколоном.

Мой прекрасный друг десятикратный счастливчик, ему во всем везет: выходит на улицу — прекращается дождь, направится к остановке — тут же подъезжает автобус; другие ждут полчаса, а он только подошел — пожалуйста, транспорт к его услугам.

— Боюсь произносить желания, — признается мой справедливый друг, — они сбываются! Думаю, я обладаю мистическими силами.

Мой дорогой друг высокодаровитый человек: мечтает разводить павлинов и выращивать гигантскую цветную капусту — с бочку, и строит фантастические планы: ловить кометы и держать их в железных сейфах до нужного времени, когда понадобится дополнительная энергия. Но главное, мой друг любит животных и знает их повадки как никто другой. Это и не удивительно — он работает в зоопарке, правда, всего лишь сторожем, но ведь не место красит человека!

Однажды я получил письмо от моего незаурядного друга. Почерк у него жуткий — случилось, что-нибудь напишет, потом сам полчаса разбирает. Я в его письме разобрал только три слова: «...приезжай, хорошо отдохнешь!» Забросив работу (я работаю «свободным художником»), я приехал в небольшой зеленый, цветущий городок.

— Ну, наконец-то объявился! — встретил меня закадычный друг, накрыл стол под маслиновым деревом, перекрученным вокруг своей оси, заварил зеленый чай, добавив в него «царя среди трав» — корень женьшеня. За чаем друг сообщил нечто захватывающее:

— ...У нас весной была гроза, потом ударил мороз. Я замерз на ходу и ненадолго превратился в статую...

Я не притворился, не сделал вид, что верю, и просто сказал:

— Это лучшая шутка года.

— А недавно было землетрясение, — храбро продолжал друг, не обращая внимания на мою реплику, — так на поверхность вышли реки, текущие под землей. На моих глазах упал дом: балконы, карнизы отлетели, как щепки... Рядом с этой катастрофой гроза и мороз выглядят детскими хлопучками.

Я поежился, а мой драгоценный друг посчитал свое выступление недостаточным и решил о землетрясении рассказать полнее:

— ...На кладбище гробы выскакивали из могил, мертвецы вставали на ноги и скалились.

Тут уж я не выдержал:

— Твои ужасные слова погубят меня! Расскажи что-нибудь светлое, про красивый отрезок своей жизни! Сделай нашу беседу исторической!

Мой тактичный друг сразу переменял тему и высокотождественно объявил:

— Самое светлое — в нашем зоопарке появился Алдан, — с этими словами он вскочил и повел меня в зоопарк, смотреть «корабля пустыни».

Верблюд был очень старый: морда в морщинах и складках, ноги сбиты, шерсть облезла, только на горбах висели бурые клочья; он неподвижно стоял под деревьями, огромный, величественный; стоял с закрытыми глазами, тяжело дышал, раздувая ноздри, и жевал жвачку. Мой друг подошел к верблюду, погладил по шее; исполин приоткрыл глаза, принялся и, уловив знакомый запах, уткнул морду в полы пиджака моего друга.

— У Алдана необычная судьба, послушай! — друг закурил сандаловую папиросу и рассказал всю долгую жизнь Алдана.

...Его матери, игривой верблюдице, в мужья предназначался вожак верблюжьего стада — злой, надменный самец с черной шерстью и отвислыми губами. Так решили «уважаемые люди» городка, которые мало в чем смыслили, но во все совали носы и командовали. В эту спаянную компанию входили: директор совхоза, капитан милиции, судья и еще два-три крупных начальника. Но погонщик верблюдов, тонкий знаток своего дела, заметил, что игривую верблюдицу обхаживает молодой верблюд. Этот верблюд в караване то и дело выглядывал, высматривал будущую мать Алдана, а на привале ложился рядом с ней, вздыхал, тарачил на нее глаза, словно зачарованный, и целовал ноги своей избранницы. Он ухаживал за ней деликатно, старомодно, по-рыцарски. Мать Алдана отвечала ему взаимностью; на глазах всего стада влюбленные обвивали шеи друг друга. Погонщик их и свел в

один прекрасный день. За самоуправный поступок «уважаемые люди» уволили погонщика, но на свет появился самый красивый и сильный верблюжонок из всех, каких видели в той местности. Известное дело — от любви и дети рождаются красивые, талантливые. (Кстати, тем погонщиком был мой талантливый друг в молодости. Талантливый — даже не то слово. Слабое слово. Непревзойденный! Вот подходящее слово!).

Длинноногий, большеглазый с рыжей шерсткой верблюжонок стал всеобщим любимцем. Веселяга и игрун, он унаследовал от матери легкий общительный характер, а от отца — терпеливость и выносливость. У него была одна особенность — когда он улыбался, на его щеках появлялись ямочки. Верблюжонок назвали Алдан. (Это имя придумал мой неиссякаемый на выдумки друг. Он же повесил на шею Алдана медный колокольчик, который верблюжонок носил с некоторым шиком).

С раннего детства Алдана брали в многодневные переходы по степи; он шел за матерью и никогда не хныкал от тягостей похода, только на привале дольше обычного пил материнское молоко — самое вкусное и полезное в мире. Когда Алдан подрос, у него появилась густая, длинная шерсть, на ногах образовались мозолистые подошвы; сильный, резвый, на соревнованиях молодняка во время праздников он обгонял всех соперников.

— Это не корабль пустыни, это — смерч в пустыне! — восторженно восклицали зрители, в том числе и «уважаемые люди» (они начисто забыли, кому обязаны появлением Алдана на свет).

После победы на соревнованиях, Алдан не задирает голову, как поступали некоторые победители до него, он просто стоял и улыбался, правда, при этом ямочки на его щеках превращались в ямы.

Наконец, наступил день, когда Алдана поставили в караван и доверили самостоятельно нести поклажу. Он очень гордился своей ношей, и когда на привале погонщики решили несколько облегчить его груз, замотал головой и даже плюнул (не в погонщиков, конечно, — в сторону). Алдан и в дальнейшем в этом вопросе проявлял строптивость. Когда стал совсем взрослым, мощным верблюдом, с массивным корпусом, когда таскал самые тяжелые мешки, бывало, где-нибудь на водопое после привала ему пытались заменить груз, но он наотрез отказывался — хотел нести только то, что нес. Во всем остальном Алдан оставался неприхотливым и послушным.

В это время у Алдана появилась еще одна особенность — дружелюбное отношение к козлу. (Со слов моего всезнающего, мудрого друга, перед караваном шествует осел, на нем едет один из погонщиков; но весной, когда в степи появляются скорпионы и фаланги, перед каравана-

ном пускают козла — у него иммунитет к яду насекомых, он их спокойно пожирает, как опавшие ягоды). Так вот, почему-то большинство верблюдов относятся к козлу равнодушно, не понимают, кто их спасает от болезненных укусов, но Алдан понимал — в конце перехода непременно подходил к козлу и благодарно лизал в затылок.

В пятилетнем возрасте Алдан влюбился в молодую верблюдицу Зиган, холодную красавицу с гордой осанкой. Зиган не обращала на Алдана никакого внимания; она вообще ни на кого не обращала внимания — была занята собой; только и знала, что любовалась своим отражением в лужах на водопое. Немного пощиплет полынь, солянку и скорее спешит к луже — прямо помешалась на своей красоте. Алдан остро переживал небрежное отношение Зиган, хотя и пытался скрыть свои чувства. Но вскоре судьба повернулась к нему счастливой стороной. В тот день на бегах он в очередной раз выиграл приз и его отметили венком из верблюжьей колочки. Неожиданно и Зиган отметила победителя — подбежала к Алдану, поцеловала и тут же согласилась стать его подругой.

Через несколько лет Алдана забрали на озеро Арал — таскать рыболовные сети. Новые хозяева Алдана были грубыми людьми, меж собой общались посредством изобретательной полновесной ругани, и всю свою злость за тяжелый труд вымещали на верблюде: когда он тянул из воды сети, лупили его палками. С утра до вечера без передышки работал Алдан; от веревок шерсть на его боках вытерлась, ноги от воды распухли. По ночам, отлеживаясь под навесом, он зализывал раны и ссадины и тихо стонал. Теперь караван, погонщики и Зиган ему вспоминались как прекрасный сон.

Однажды поздней осенью на Арале появился торговец из далекого сибирского города; при нем было шесть крикливо размалеванных чемоданов. Этот человек умел все покупать и все продавать, деньги были его страстью, денежные заботы не давали ему покоя. Увидев Алдана, торговец быстро смекнул, что на энергичном напористом верблюде можно «погреть руки», как он выразался.

— Я дико извиняюсь, — сказал рыбакам, — но зачем вам этот больной верблюд?! Отдайте его мне... Ставлю ящик вина.

Рыбаки, не раздумывая, согласились.

Алдана повезли на Север в крытом грузовике, потом еще в вагоне по «железке». Он не видел куда его везут, только чувствовал, что с каждым днем становится все холоднее. Наконец, товарняк встал на окраине большого города, Алдана вывели из вагона и он впервые увидел снег. Посмотреть на верблюда сбежалось полгорода, Алдан даже немного

стусевался от такого внимания. (И в дальнейшем, за все время пребывания в городе, Алдана сопровождала толпа зевак.)

Торговец решил продать Алдана в городской зоопарк, но заломил такую сумму, которая оказалась зоопарку не по карману — то пристанище животных вообще было крайне бедным и находилось в плачевном состоянии. Тогда торговец привел Алдана в городской цирк.

— Я дико извиняюсь, — сказал директору цирка. — Готов вам для представлений продать верблюда, — и снова заломил баснословную сумму.

— Понимаете какая штука, — вежливо ответил директор цирка, — верблюд замечательное животное, но его надо готовить к выступлению с раннего возраста, а вашему уже не менее пятнадцати лет. Так что, тоже извиняюсь.

Неунывающий торговец немного приуныл и стал в голове перебирать другие варианты, куда повыгоднее пристроить верблюда — «урвать кусок», как он выражался. Он рассуждал примерно так: «Верблюд сильнее лошади, значит может везти большой груз». С этими мыслями торговец привел Алдана на кирпичный завод.

На кирпичном заводе не успевали вывозить кирпич по причине отсутствия запасных частей для грузовиков, поэтому дирекция завода с радостью встретила предложение торговца.

— Опять же реклама нашей продукции, — сказали кирпичных дел мастера и купили Алдана, только за меньшую сумму, чем просил торговец.

Пять лет отработал Алдан на кирпичном заводе. Летом, задыхаясь от красной раскаленной пыли, возил тяжелые телеги, зимой, под снегопадом и в метель — огромные сани-розвальни. Не раз зимой Алдан простужался и болел, но и тогда продолжал работать. В конце концов кирпичный завод достал запасные части, починил грузовики, а Алдана перепродал в леспромхоз.

В леспромхозе верблюд оказался как нельзя кстати. На заготовке леса работало несколько лошадей — они лучше всяких тракторов меж пней и завалов тащили спиленные деревья из чащи к дороге. Тащили волоком, связанные цепью два ствола. Алдан сразу же вывез четыре.

Вначале, после работы, Алдана вместе с лошадьми заводили в конюшню, но лошадям не нравилось такое соседство, жеребцы так и норовили куснуть Алдана — похоже, лошади завидовали его силе и побаивались, как бы их всех не заменили на верблюдов. Тогда на ночь Алдана стали приводить в сарай, где стояла корова. Машка (так звали корову) довольно приветливо встретила Алдана — немного одичала от одиночества, к тому же, она боялась мышей, а Алдан их совершенно не

боялся и тем самым как бы успокаивал ее, трусиху. И хозяйка Машки обрадовалась новому пополнению. Но чего ей было не радоваться?! Впервые, Алдану приносили сено и кое-что перепало Машке, во вторых, в свободное время Алдан «помогал по хозяйству»: возил дрова, бочку с водой...

Слухи о том, что Алдана с Арала увезли куда-то в холодную Сибирь пришли в цветущий городок запоздало. Мой благородный, чуткий друг разволновался не на шутку, приехал на Арал и узнал от рыбаков о торговце. И написал ему письмо, в котором просил сообщить о судьбе Алдана. Торговец ответил: «Судя по письму, ты — великий человек, а великий человек должен быть богатым. Готов дать информацию о местонахождении верблюда, но за определенную мизерную плату». В скобках стояла приличная сумма. Мой щедрый друг выслал деньги, а получив адрес леспромхоза, направил телеграмму, что готов выкупить Алдана.

К этому времени Алдан уже постарел, его походка стала тяжелой, по количеству вывозимых деревьев он сравнялся с молодыми лошадьми, а тут еще на заготовку леса прислали японские тракторы, маленькие, юркие, грузоподъемные. Короче, начальство леспромхоза выразило готовность продать Алдана, а заодно и лошадей. «Один верблюд — ни то ни се, — говорилось в ответной телеграмме, — забирайте вместе с лошадьми, их всего пять штук, отдадим дешево». Мой добросердечный друг обратился за помощью к соседям и встретил ответную сердечную поддержку. «Нам нетрудно» — откликнулись соседи, и каждый принес деньги, кто сколько мог. Но еще предстояло нанять грузовик, оплачивать железную дорогу... И тогда мой отзывчивый друг продал свой дом, мебель и грандиозную идею насчет комет (ее приобрели «уважаемые люди», в надежде послать в Москву и прославиться).

Таким образом теперь мой великий друг живет в ветхой лачуге. Впрочем, это его ничуть не огорчает. «Главное, Алдан на заслуженном отдыхе», — ликует он и улыбается — так широко, что его усы из щеток превращаются в цветущие кусты саксаула.

ЗВЕРИНЕЦ В МОЕЙ КВАРТИРЕ

РЫЖИК

Я нашел его в лесу. Он лежал в траве — светло-рыжий комок с выщипанным хвостом и ранками на голове; похоже, упал с дерева, где его клевали вороны — они часто нападают на бельчат. Притаившись в траве, он испуганно смотрел на меня, его нос мелко дрожал от прерывистого дыхания.

Когда я принес бельчонка домой, мой пес Миф пришел в страшное волнение: стал крутиться вокруг нас, принохиваться — необычный зверек произвел на него сильное впечатление. Некоторое время Миф сердито бурчал и фыркал, на всякий случай задвинул свою миску под стол.

Прежде всего я решил покормить найденыша и налил в блюдце молоко, но бельчонок был слишком слаб и сам пить не мог. Тогда я впрыснул молоко в его рот пипеткой. Бельчонок смешно зачмокал и облизался. Молоко ему понравилось — он выпил целое блюдце. Потом я начал сооружать жилище бельчонку. На стол поставил коробку из-под обуви, наполовину прикрыл ее фанеркой, а внутри устроил мягкую подстилку. Жилище бельчонку тоже понравилось — он сразу же в нем уснул.

Два дня бельчонок не вылезал из коробки, только высовывал мордочку и с любопытством осматривал комнату. Если в этот момент поблизости находился Миф, бельчонок сразу же прятался и зарывался в подстилку.

На третий день меня разбудил Миф. Он стоял около стола и лаял, а бельчонок сидел на коробке и, быстро перебирая лапами, грыз карандаш. «Посмотри, что делает этот рыжий проказник!» — как бы говорил Миф и топтался на месте от негодования.

— Он поправился и хочет есть, — успокоил я Мифа.

Рыжик — так назвал я бельчонка — проявил редкий аппетит. Он ел все овощи и фрукты, и печенье, и конфеты, но особенно ему нравилась кожура лимона. Схватит лимон и начинает крутить, выгрызая ровную полоску на цедре. Но, конечно, любимым лакомством Рыжика были орехи — их он мог щелкать без устали. Разгрызет орех, ловко очистит от скорлупы и жует. Еще не съел один орех, а уже берет другой и держит его наготове.

Время от времени Рыжик делал кладовки — прятал про запас огрызки картофеля, моркови, печенье, орехи. Эти заготовки я находил по всей квартире: под столом и за шкафом, на кухне за плитой и даже под подушкой на кровати.

Через месяц Рыжик превратился в красивого зверька, с ярко-оранжевой, блестящей шерсткой и пушистым хвостом. Он совсем ос-

воился в квартире и с утра до вечера бегал из комнаты на кухню и обратно; быстро, как язычок пламени, забирался по занавеске на карниз и, пробежав по нему, прыгал на шкаф. Со шкафа скачками перебирался на косяк двери, с косяка бросался вниз и по коридору, шурша коготками, пронесился на кухню. Там вскакивал на стол, со стола — на полку около окна.

Полку Рыжик избрал как наблюдательный пункт. С нее были видны не только деревья за окном, но и коридор и комната. Сидя на полке, Рыжик всегда знал, где в этот момент находится Миф, какая птица — голубь или воробей — сидит на оконном карнизе, что из съедобного лежит на столе. На полке Рыжик чувствовал себя в полной безопасности, но если замечал, что на дерево уселась ворона, стремглав бежал в коробку.

Со временем Рыжик и Миф подружились. Даже устраивали игры: Рыжик схватит мяч, впрыгнет на стол и, повилявая хвостом, перебирает мяч лапами — как бы поддразнивает Мифа. Миф облаивает Рыжика, делает вид, что злится, на самом деле лает, просто чтобы напомнить бельчонку, кто главный в квартире. Если Рыжик сразу не бросает мяч, Миф идет на хитрость: подкрадывается с другой стороны и бьет лапой по столу. Рыжик сразу бросает мяч и по занавеске вскакивает на карниз.

Заметив, что Миф спит, развалившись посреди комнаты, Рыжик начинал через него перепрыгивать. При этом бельчонок немного зависал в воздухе и, как мне казалось, любовался своей отвагой и ловкостью. Во всяком случае, в такие минуты его глаза были полны восторга.

Миф не любил, когда ему мешали спать. Да и как можно спокойно спать, когда над тобой летают всякие с острыми когтями?! Миф открывал глаза и, не поднимая головы, искоса следил за трюками бельчонка. Улучив момент, Миф вскакивал и пытался цапнуть Рыжика за хвост. Но не тут-то было! Юркий бельчонок уже стремительно несся к полке.

У Рыжика оказался веселый нрав, и все его игры были безобидными. Только иногда, чересчур разыгравшись, он начинал грызть ножки стульев. Заметив это, я сразу хлопал в ладони:

— Рыжик, нельзя!

Миф срывался с места, подбегал к стулу, начинал громко гавкать, всем своим видом давая понять, что не позволит портить домашнее имущество. Бельчонок впрыгивал на стол, вставал на задние лапы и как-то виновато наклонялся вперед — явно просил прощения за свою проделку.

По утрам, как только звенел будильник, Рыжик прыгал ко мне на подушку и начинал теребить мои волосы и «укать» — вставай, мол, завтракать пора!

В ванной, пока я приводил себя в порядок, Рыжик вскакивал на полку под зеркалом и тоже прихорашивался: лапами умывал мордочку, чистил шерстку, разглаживал хвост и уши — он тщательно следил за своей внешностью и потому всегда выглядел чистым и опрятным. Умываясь, Рыжик изредка посматривал на себя в зеркало. Почему-то ему не нравился «второй» бельчонок. Обычно, увидев его, он замирал, затем резко отворачивался, но раза два пытался царапнуть незнакомца.

Потом я выгуливал Мифа, а Рыжик нас терпеливо дождался. Завтракали мы так: Рыжик у «дома», Миф на полу, я за столом. Рыжик первым съедал свой завтрак, подбегал ко мне и бил по руке — требовал чего-нибудь еще.

Когда я приходил с работы, Рыжик не бежал, а летел мне навстречу. Он впрыгивал мне на колено и кругообразно, точно по дереву, бежал по мне до плеча. Усевшись на плечо, издавал ликующие «уканья» и гордо посматривал на Мифа, который крутился у моих ног. Он как бы говорил: «Я ближе к хозяину, чем ты».

По вечерам, если я работал за столом, Рыжик сидел рядом на торшере и занимался своими делами: что-нибудь грыз или комкал разные бумажки — делал из них шарики. Когда я работал, он мне не мешал, но если я смотрел телевизор, ни минуты не сидел спокойно. Носился по комнате, подкидывал свои бумажные шарики, рвал газету и разбрасывал клочья по полу, подскакивал то ко мне, то к Мифу, пытался нас расшевелить, затеять какую-нибудь игру. Я смотрел на Рыжика, и мне было радостно, оттого что у меня живет такой веселый зверек. На работе случались неприятности, не раз я приходил домой в плохом настроении, но когда меня встречал Рыжик, настроение сразу повышалось.

С наступлением темноты Рыжик укладывался спать; из его «дома» слышались шорохи и скрипы — бельчонок взбивал подстилку. Спал он на боку, свернувшись клубком, уткнув мордочку в пушистый хвост, совсем как котенок. Его выдавали только кисточки ушей.

Когда бельчонок подрос, он стал убегать из квартиры. Через форточку вылезал на балкон и по решеткам и кирпичной стене бежал наверх. С моего второго этажа он взбирался на четвертый!

Каждый раз я со страхом следил за этими восхождениями Рыжика. Я боялся, что он сорвется или залезет на крышу и потом не найдет дорогу обратно. Но бельчонок всегда благополучно возвращался. К тому же,

он откликнулся на мой зов. Стоило крикнуть: «Рыжик! Рыжик!», как он мчал домой.

Я понимал, что Рыжик стал взрослым и ему необходимо общение с сородичами. Хотел было отнести его в лес, но подумал: «Прирученная домашняя белка вряд ли выживет в лесу, не сможет прокормиться и погибнет».

Кто-то из мальчишек сообщил мне, что на соседней улице открылось детское кафе и там в витрине две белки крутят колесо. Я пришел в это кафе, и заведующая охотно согласилась взять Рыжика.

— Втроем им будет веселее, — сказала.

А мне без Рыжика стало грустновато. Без него в квартире все стало не то. Я уже не находил зачех, и на моем столе уже не лежали бумажные шарики, и на полу уже не валялись разорванные газеты. В квартире была чистота, все лежало на своих местах, а мне не хватало беспорядка. Особенно не по себе было по вечерам, если я не работал.

Миф тоже заскучал. Несколько дней ничего не ел, ходил из угла в угол, поскуливал.

Спустя полгода я как-то пришел с работы, открыл дверь и вдруг из комнаты ко мне метнулась... белка! Она прыгнула мне на колено, пронеслась по спине до плеча, затеребила мои волосы, «заукала»... Подбежал Миф, закрутился, залился радостным лаем, потянулся ко мне с сияющей мордой. Он так и хотел сказать: «Рыжик вернулся!»

МОИ ДРУЗЬЯ ЕЖАТА

Этих двух колючих зверьков мне подарили приятели на день рождения. У ежат были мягкие, светлые иголки, а на брюшках виднелась слабая шерстка. Одного из них, юркого непоседу с узкой мордочкой и живым, бегающим взглядом, я назвал Остиком. Другого, медлительного толстяка с сонными глазами и косолапой походкой, — Ростиком.

Очутившись в квартире, Остик ничуть не растерялся и сразу отправился осматривать все закутки.

К нему подбежал Миф, обнюхал. Остик тоже вытянул мордочку и задергал носом. Он впервые видел собаку и, конечно, она ему показалась огромным зверем. Но Остик не испугался. Даже дотронулся носом до усов Мифа, а чтобы дотянуться, поставил свою маленькую лапку на лапу собаки. Миф оценил смелость Остика и легонько лизнул его темный нос.

Ростик так и остался сидеть на полу, на том месте, где я его положил. Он только обвел взглядом комнату и, увидев Мифа, поднял игол-

ки и съежился. Потом, ради любопытства, все же выглянул из-под игло-лок. Миф подошел к нему знакомиться, а он еще больше взъерошился.

С первых дней Остик проявлял завидные таланты: откликался на свое имя, меня узнавал по походке, а к незнакомым людям подходил осторожно и долго принимался.

Ростик стал откликаться гораздо позднее, а из людей узнавал только меня. Всех остальных делил на «хороших» и «плохих». Кто даст поест — «хороший», кто не даст — «плохой». Хоть гладь его, хоть играй с ним, не даешь — «плохой». А ел он и днем и ночью, и при этом всегда громко чмокал. Быстро свое съест, подходит к Остику и отталкивает его — пытается и у брата все съесть. А ночью и миску Мифа подчищал.

Ростик ел все подряд: мух, жуков, червей, супы и кисели, но больше всего любил манную кашу с изюмом. Наестся, долго зевает, потом уляжется спать, вытянув передние лапки и положив на них толстую мордочку. И задние лапки вытянет — сверху посмотришь — колючий комок, из-под которого торчат розовые «подушечки» с коготками. Помоему, и во сне Ростик что-то ел. Во всяком случае, заснув, снова начинал чмокать.

Остик был работяга и чистюля. Он исправно чистил свою «лежанку» в углу комнаты, то и дело приносил в нее дополнительные мягкие вещи: какую-нибудь тряпочку, перо, выпавшее из подушки. Остик быстро сообразил, что туалет только в одном месте — на фанерке с песком.

Ростик был отъявленный лентяй и грязнуля. Спать обычно залезал в мои ботинки, лужи оставлял где придется. Ростик гонялся за мухами, пытался уколоть мой халат.

Они вообще были очень разные, эти ежата. И чем взрослей становились, тем больше различались их характеры. Остик обожал Мифа, постоянно ходил за ним и во всем подражал ему. Миф что-нибудь понюхает и потрогает лапой, и Остик проделывает то же самое. Миф подходит к миске, и Остик подбегает к своему блюдцу. Миф завалится спать, и Остик рядом пристраивается.

Особенно Остик подражал Мифу в играх. Миф начнет подкидывать свою железную щетку, и Остик пытается подкинуть какую-нибудь бумажку. И если у него ничего не получается, злится, урчит, а если получается — танцует, радуется своему успеху.

Ростик побаивался Мифа и играть не любил. У него была только одна игра: ночью, когда все спят, затеять возню с Остиком. Они боролись, как котята. Ростик все пытался навалиться на брата и куснуть его. Но

ловкий Остик уворачивался и подбегал к спящему Мифу. Пес для него был лучшим телохранителем.

Но в чем ежата были одинаковы — оба любили ласку. То один, то другой подходил ко мне, терся о ноги, просил погладить. Я гладил их мордочки и бока — проводил ладонью по уложенным иголкам. Если я гладил Остика, ко мне тут же подбегал Ростик, дул и тыкался носом в ладонь — не забывай, мол, и обо мне! Попробуй не погладь! Обидится и даже манную кашу есть не будет. Приходилось гладить ежей одновременно. При этом Ростик старался оттеснить брата, чтобы я гладил его одного. Тогда хитрый Остик вдруг подбегал к блюдцу и начинал нарочито громко чмокать. Он знал, чем можно отвлечь брата. Простодушный Ростик, думая, что Остик ест что-то вкусное, тоже спешил к блюдцу. Он не простил бы себе, если бы кто-то съел больше его. Но пока Ростик разворачивался, подходил к блюдцу и распознавал обман, Остик быстро возвращался ко мне и уже получал поглаживания в «спокойной обстановке».

Как-то приятель позвал меня на дачу.

— Ты легок на подъем? — спросил. — Приезжай на выходные дни. Отдохнешь. И собаку, и ежей привози. Им будет где побегать. А то сидят в четырех стенах.

Надо сказать, то лето было особенно жарким. Какое-то утомительное лето. У нас во дворе от зноя замерла всякая жизнь. И в квартире было душно. Я открывал окна и дверь, но вместо прохладного сквозняка ощущались теплые течения воздуха.

«Надо проветриться, съездить на природу», — решил я и стал собираться в дорогу.

Но когда объявился на даче со своими питомцами, приятелю неожиданно понадобилось ехать в город.

— Ничего, денек проживете и без меня, — сказал он. — А завтра я вернусь.

Дача приятеля представляла собой временную постройку, что-то среднее между жилым домом и сараем. Правда, в комнате была кое-какая мебель, у двери стояла железная печурка, а на окне красовался аквариум. На его дне лежали две вазы, в которых шевелились рачьи усы и клешни.

— Раки все время дрались из-за кусочков мяса, и я рассадил их в вазы из-под цветов, — объяснил приятель. — Сейчас они линяют. Сбрасывают панцири. Выросли из них. Ты, кстати, вечером покорми их. Вот мотыль. — Приятель протянул мне железную коробку с маленькими червями.

Пустив ежей на участок, мы с Мифом проводили приятеля до станции. А вернувшись, обнаружили около дома одного Остика. Я стал звать Ростика, но он не появлялся; обежал весь участок, но его нигде не было.

— Ты ищи Ростика там, — сказал я Мифу, кивнув на дорогу, — а я пойду к соседям.

Но и у соседей ежа не оказалось. Я облазил все кусты, но он бесследно исчез.

— Вообще-то я видела не так давно, вон там кто-то пробежал, — соседка показала на канаву перед домом. — Но по-моему, это была крыса.

Мы с соседкой прошли вдоль всей канавы и вдруг я увидел — к нам с лаем несется Миф. Он подлетел ко мне, завизжал от радости, чуть не схватил за руку — явно звал за собой.

Мы выбежали на дорогу, и Миф, повизгивая, наклонился над ямой для столба электропередачи. Я заглянул в яму — на ее дне виднелся Ростик. Он тщетно карабкался на стену, пыхтел и фыркал, издавал свистяще-шипящие звуки — звал на помощь. Я вытащил нескладуху, легонько шлепнул:

— Будешь знать, как гулять где не надо!

Вечером, как просил приятель, я начал было кормить раков, но заметил, что они лежат без движения.

«Может быть, уснули», — подумал я и тоже отправился спать, предварительно затащив ежей в комнату.

Как всегда, Миф спал у меня в ногах. Обычно в городе он спал беспокойно: во сне брыкался, рычал, хрипел, стонал, поскуливал, но на даче — то ли набегался в поисках Ростика, то ли надышался свежего воздуха — неожиданно спал спокойно. Во сне улыбался и повиливал хвостом.

Зато ночью меня разбудил Остик. Он, видите ли, тоже вздумал залезть на кровать и начал забираться на нее со стороны стены. Лапами цеплялся за одеяло, а иголками упирался в доски. Я проснулся оттого что кто-то с меня стаскивал одеяло и прямо около уха громко сопел. Открыл глаза — на подушку лезет Остик и радостно похрюкивает, доволен, что все-таки добрался до меня. Уткнув мордочку в мою щеку, он засвидетельствовал свою любовь, и по мне направился к Мифу. Но Миф не терпел, когда тревожили его сон. Вскочил и, недовольно бурча, пошел спать к двери.

Утром, накормив Мифа и ежей, я взял мотыль и подошел к аквариуму. Вокруг ваз валялись чешуйки панцирей, рядом лежали голубые, студенистые раки. Они были без всяких признаков жизни.

«Надо же, умерли», — пожалел я.

Потом вынул вазы из аквариума, зачихнул в них раков и поставил на подоконник. Клешни сразу повисли, как нераскрывшиеся бутоны цветов.

Некоторое время я работал по хозяйству: пилил дрова, мотыжил грядки. Миф бродил вдоль изгороди, осматривал территорию. Ежата с полчаса около дома перебирали разные корешки и камушки, жевали травинки, грызли прутики, потом вошли в дом, залезли под кровать и уснули.

В полдень я решил приготовить обед. Разжег печь и пошел за водой на колонку. Только налил в ведра воду, слышу отчаянный лай Мифа. Подхожу к калитке, а из дома валит дым, и мой пес лапой выкатывает из комнаты спящих ежей. Выкатил, подбежал ко мне, стал кусать ботинок. «Смотри, мол, что ты натворил! Пожар устроил!»

— Это не пожар, — успокоил я Мифа. — Просто дрова еще не разгорелись. Сейчас поправим дело.

Я поставил ведра и погладил Мифа — поблагодарил за бдительность и извинился за свою оплошность.

Во время обеда у окна раздался шлепок. Я посмотрел на подоконник. В одной вазе рак шевелил усами, другая была пуста, но на полу... ползал второй рак. К нему, подняв иголки, устремился Ростик. Он всегда поднимал иголки, когда видел что-нибудь необычное. Ростик уже раскрыл рот, чтобы цапнуть рака, но я опередил его.

«Чудеса! Ожили!» — покачал я головой, сажая раков снова в аквариум.

А вечером приехал приятель и сказал:

— При линьке раки так выбиваются из сил, что подолгу лежат точно мертвые. Я забыл тебя предупредить. Но хорошо, что все обошлось и твои ежи их не слопали. Я ведь к ним привык, к этим ракам. За ними интересно наблюдать. Хорошо, когда живые существа в доме, верно?

За чаем приятель продолжил:

— У меня ведь тоже, вроде тебя, и собачонка была, и кошка. Собачонку звали Лайма. Так получилось, что у нее умерли щенки. Она очень переживала, и, чтобы не заболела, я принес ей котенка. Подобрал около дома. Ну и вылизывала она его! Прямо как родного! И обучала всему... И знаешь, у котенка стали вырабатываться собачьи повадки...

— Не гавкал? — пошутил я.

— Нет, но кости обгладывал... А потом этого приемыша пришлось отдать. Прочитал объявление на столбе: «Потерялся котенок. Серый с белыми чулками». Точь-в-точь мой. Пришел по адресу, а там девочка

плачет. Ну, конечно, она узнала своего дружка... А теперь у меня вот раки... Хорошо, когда в доме живые существа.

Я согласился с приятелем и, допив чай, обратился к своим питомцам:

— Собирайтесь, ребята! Пора домой!

Ежата сразу заспешили к коробке, в которой я привез их, Миф схватил поводок.

ЗВЕРИНЕЦ В МОЕЙ КВАРТИРЕ

Конечно, зверинцу место на природе, а не в городской квартире, и когда-нибудь я займу дом на природе и переселюсь в него со своими зверятами. И у меня будет свой зоопарк. Этот зоопарк я представляю достаточно зримо: бревенчатый сруб под раскидистыми деревьями и вокруг на участке много кустарников, и среди них — навесы, домишки и мои разгуливающие зверята.

И что странно — я вижу всех своих зверят: и тех, с которыми живу сейчас, и тех, которые у меня были когда-то, и даже тех, которые, возможно, еще будут. А пока мы неплохо уживаемся и в квартире. Мы — это пес Миф и кот Паша, два ежа — Остик и Ростик, белка Рыжик, ворона Кузя, крольчиха Машка и я.

Мы жили вдвоем с Мифом, но однажды я подобрал в лесу раненого бельчонка. Принес домой, выходил, и мы стали жить втроем.

Потом я приютил бездомного кота, которого голубятники поклялись убить будто бы за то, что он съел какого-то голубя-монаха. В квартире Паше больше всего нравится телевизор. Но не передачи, а сам теплый корпус телевизора. Он любит на нем полежать, при этом сбивает накидку, чтобы расположиться с комфортом.

Еще Паша любит «летать». Из форточки прыгает на дерево, с дерева на карниз каморки уборщицы, с карниза на землю. «Полетает», снова подходит к двери и мяукает.

Похоже, Пашины родители были потомственными помойщиками — его так и тянет к ведрам, которые выносит уборщица. Можно подумать — ходит голодный. Конечно, особых деликатесов я не развожу — варю нам на всех большую кастрюлю каши с мясом. Короче, мы питаемся неплохо, просто Паше обязательно надо самому найти что-нибудь этакое, какой-нибудь селечный хвост.

Как-то летом с соседнего дерева в мое открытое окно влетела ворона и неуклюже плюхнулась на стол. Смотрю — у нее перебито крыло. Видимо, еще раньше, с дерева, она видела, как я лечил Рыжика, — у ворон острое зрение. И прилетела, чтобы я и ей помог.

Миф с Пашей хотели сразу прогнать ворону, но она улетела только после того, как я заклеил пластырем ее крыло. А на следующий день прилетела снова и как ни в чем не бывало стала разгуливать на моем столе: перебирать карандаши, ластики, скрепки.

Так и повадилась прилетать каждый день. Все мы к ней как-то привыкли и не удивились когда на зиму она вообще перебралась в квартиру.

Кузя любит всякие блестящие штучки. То и дело с улицы приносит осколки стекол, фольгу, пуговицы, бусины. На моем столе целая гора этих «драгоценностей». И монет около рубля. Если так будет продолжаться, скоро я стану сказочно богат и наконец куплю дом на природе.

Но случается, Кузя таскает перстни и обручальные кольца — наверняка, залетает в комнаты. Тогда мне приходится расклеивать объявления о «находках».

А однажды во дворе я увидел: Кузя тащит за хвост попугая. И где его нашла? Попугай верещит, а Кузя знай себе его тянет и все пытается с ним взлететь. Я еле отбил у нее птаху. Попугай отряхнулся и полетел к соседнему дому. Кузя хотела было ринуться вдогонку, но я успел ее схватить.

Кузя умная: в отличие от своих сородичей, она сообразила, что бабочек можно и не ловить, а просто выклеивать из радиаторов машин, куда они попадают. Обычно Кузя дремлет на форточке, но стоит к дому подъехать машине, как она срывается вниз. Ходит перед машиной, высматривает лакомство. Сразу не клюет, ждет, когда радиатор остынет.

Кузя талантливая: она умеет лаять, как Миф, мяукать, как Паша, и «укачь», как Рыжик. Она повторяет некоторые мои слова и подпевает певцам, выступающим по телевизору.

В нашем доме живет третьеклассник Дима, такой же любитель животных, как я. На лето Диму отправляют в деревню к бабушке. Однажды, вернувшись из деревни, Дима принес мне крольчиху.

— Вот, — говорит, — возьмите в ваш зверинец.

— Дима! — говорю. — Ты же знаешь, у меня уже много животных, и крольчиху я взять никак не могу.

— Она необычная крольчиха, — говорит Дима. — Она умная. Представляете, в деревне живет один дядька. Он разводит кроликов и шьет из них шапки. Красивые такие кролики. Я им рвал молочай... Однажды я подкрался к загону и выпустил их всех. А там рядом лес. Я пригнал кроликов в лес. Там они стали есть траву. Я подумал, что спас их, а они, дурачки, вечером взяли и вернулись в загон. А эта крольчиха не вернулась. Она умная. Она стала жить на опушке. Я ей молочай при-

носил... Но бабушка сказала: «Зимой она погибнет, потому что не приучена жить в лесу».

— Да, верно, — согласился я. — Но почему ты не оставишь ее у себя?

— Мамка не разрешает... Вы возьмите дня на два. Я кого-нибудь из ребят уговорю взять насовсем. А если ребята не возьмут, отвезу ее на птичий рынок в воскресенье.

Несколько дней прожила у нас крольчиха. Мифу и Паше она сразу понравилась. Спокойно хрустает себе морковку. Съест, умывает мордочку лапами, разглаживает уши. Не трогает чужие игрушки, как Рыжик, и не прыгает по столу, как Кузя. И вот смотрю, как-то вечером Миф с Пашей спят в обнимку, а к спине Мифа прижалась... крольчиха. Тоже спит. Спит на спине, вытянув длинные задние лапы. И я подумал: «Пусть останется. Ведь я уже приручил ее, а, как известно, мы все в ответе за тех, кого приручили».

А на день рождения приятели подарили мне двух ежей, сказали, что в зверинце их явно не хватает, и пообещали для полной коллекции подарить крокодила. Но пока не достали.

Вот так и получился мой зверинец.

Я сильно привязался к своим питомцам. Теперь мне даже странно, как я мог жить без них. Они отвечают мне преданностью и любовью. И главное, они любят меня всегда, независимо от моего настроения, независимо от моих неудач и успехов. Конечно, с ними хлопотно, но радости они дают гораздо больше. Когда мне грустновато, они утешают и взбадривают меня. Когда мне весело, они радуются так, что устраивают настоящее цирковое представление.

Квартира у меня обычная, размерами не отличается, но места нам хватает, и мы живем дружно. Случаются и размолвки, не без этого. Бывает, Рыжик заиграется и порвет занавески на окнах, или Ростик опрокинет миску с водой, или Кузя устроит кавардак на моем столе. Тогда я отчитываю шалунов за проделки, а Миф, как мой помощник и старожил в квартире, всячески поддерживает меня. Грозно смотрит на Рыжика, или бурчит на Ростика, или гавкает на Кузю — смотря кто провинился. Это он делает с невероятной готовностью и, по-моему, втайне доволен, что я кого-нибудь ругаю, ведь потом обязательно его похваляю:

— А ты, Миф, молодец! — скажу.

И мой верный помощник закрутится, расплывется в улыбке, прекрасно понимая, что он-то отличается примерным поведением.

По вечерам, ожидая меня с работы, «братья меньшие» сидят у окна и всматриваются в тропу от автобусной остановки. Первым меня замечает Кузя. Она издает радостный клич, и все несутся к двери, и

прислушиваются к шагам в коридоре, и нетерпеливо топчутся, поскуливают, повизгивают, посапывают. Я открываю дверь, и они бросаются ко мне, и каждый пытается меня лизнуть, потереть за руки, потереться о ноги.

Некоторые соседи считают, что в моем доме не все в порядке. А я считаю, что у них не все в порядке. У меня вдоль стен коробки-домики, кадка с фикусом, на окнах — цветники. Летом по квартире летают бабочки и запах от цветов, как на лугу. А у соседей все завешано коврами, заставлено шкафами с хрусталем. У них всего лишь удобная красота, а у меня — живой многоликий мир. В их квартирах чистота и покой, а у меня по квартире разбросаны игрушки, бумажные шарики, палочки; с утра до вечера гомон, возня, урчание — играют мои зверята.

В ДОЖДЬ У ЛЕСНИКА

— О-о! Это кто же к нам пожаловал?! Юные грибники! Ну здравствуйте, ребята, здравствуйте! Проходите быстренько, а то промокните до нитки — вон как дождь-то посыпал... Полкана не бойтесь! Это он так радуется, приветствует вас... Должен вам, ребята, признаться — дождь-то я устроил, хе-хе! Видите, в сенях стоят туески! В темном — дождь, в светлом — солнце. Ведь целую неделю сушь да зной стояли, вот я и открыл темный туесок, выпустил дождь... А этот туесок с ветром, вон тот — с росой, хе-хе!.. Проходите, рассаживайтесь на лавках. Значит, дождик решили переждать? Правильно решили. Как раз к самовару поспели. Ну, давайте знакомиться. Меня зовут дядя Юра. Я местный лесничий или управляющий лесом, это уж как вам угодно. А это Полкан, самый умный пес на свете, великий следопыт. А вас как величать?

НА ОТКРЫТЫХ ПОЛЯНАХ

... — Вот и самовар. Сейчас будем пить чай с медком. Медок, скажу вам, самый лучший — шмелиный. небось, и не слышали о таком?! Тот-то! Кроме пчел, мед ведь собирают и осы и шмели. Так вот, шмелиный мед самый вкусный и полезный. Вот он, наш драгоценный, золотистый — отличное средство от всех болезней! Берите ложки, лопаите, не стесняйтесь! У нас этого добра полно, верно Полкан?.. Мед липовый... Кто больше всего меда дает, знаете? Липа! Хорошая, зрелая липа дает бочонок меда. А у меня их три штуки — вон под окном стоят, кра-савицы. И все взрослые, зрелые.

Липа — скромное, но богатое дерево. Ее бог оберегает — потому и молния не бьет. Во время грозы звери прячутся под ней. Полезно просто постоять в тени липы — сразу улетучиваются плохие мысли... Днем Полкан под липами спит. А на ночь укладывается на клумбе, среди цветов. Любит приятные запахи. Это и понятно, ведь приятные запахи устанавливают хорошее настроение, навевают красивые сны. Видали, какие у нас цветы на клумбе? Верно, красивые? И весьма большие...

Ну уж, конечно, не самые большие в мире! Не преувеличивайте! Самый большой в мире цветок знаете какой? Виктория-Регия. На реке Амазонке в Бразилии. Это, скажу вам, по красоте просто богиня среди цветов. В ее чашку вы вполне могли бы залезть и покачаться, как в гамаке. Вернее, поплавать в ней, как в надувной лодке...

Но, скажу вам, и у нас тут есть необычные цветы. К примеру, на открытых полянах растет запальный цветок яркий, с резким запахом. В жару у него такие сильные испарения, что иногда сами по себе воспа-

меняются. И может начаться лесной пожар. Так что, в жару я обхожу поляны с огнетушителем, хе-хе!..

Там, на полянах, уйма всяких насекомых, но самые интересные пауки-рыболовы, которые не плетут сеть, а держат в лапах удочку — нить с блестящей липкой каплей на конце. Эта приманка привлекает разных... нет, не рыбешек, конечно! Откуда им на поляне взяться? Мушек! Любопытные мушки то и дело прилипают к капле, так что еды у паука хоть отбавляй!

Кстати, знаете почему пауки, да и многие насекомые, зимой не замерзают? В них имеется незамерзающая жидкость, вроде спирта. Да-да! Потому им никакие морозы не страшны.

Наливайте еще чай, наливайте, не стесняйтесь! Улавливаете, какой у чая запах? Это я добавляю лист смородины. Такой чаек бодрит и от всякой хандры избавляет... А пить его с медом — наивысшее удовольствие, верно?..

Ну, что еще вам рассказать? Я ведь в лесу по совместительству и ветеринаром работаю. Да-да! Чуть кто из животных захворал, к кому обратиться? Ясное дело — прямиком ко мне. Особенно зимой, когда нет лечебных трав... Летом-то захворавшие травами лечатся и к роднику подходят. Есть у нас здесь недалеко святая лечебная водица. Ее даже женщины из деревень в бидоны, кувшины набирают. Та вода омолаживает. А больных вылечивает.

Но это летом, а зимой, повторяю, зверье приходит ко мне. Вон на стене и сухие лечебные травы: мята, медуница, зверобой... Зверобой, скажу вам, самая целебная трава — целую аптеку заменяет. Где зверобой растет, я предупредительные дощечки устанавливаю — вроде охранных грамот.

ОБИТАТЕЛИ ЛЕСА

Вижу — вы городские ребята, ведь так? Ясенько! Но вижу также — понятие о грибах имеете, уважаете благородный гриб; в корзинах-то белые, подберезовики...

Честно скажу — мне уже про вас Михалыч доложил, хе-хе! Михалыч — наш местный медведь. Живет с семейством в двух километрах отсюда. Час назад Михалыч здесь объявился, обнял меня и сказал: «По лесу шастает компания грибников. Обобрали всю малину, нам ничего не оставили. Все цветы, — сказал, — оборвали, все затоптали, поломали. Арестовать их надо!»...

Ничего не рвали, не топтали, говорите? Я вам верю. Видимо, Михалычу так все нарисовалось. Он под старость очень уж прижимист стал.

Все просит меня оформить его сторожем — сторожить лес от людей. Но не знаю, назначать его или нет? Еще чего доброго, начнет с деревенских взятки брать. Малиной там, медком, брусничным вареньем — у него губа не дура! Сами понимаете, деревенским нужен и хворост и дровишки. Так что, не знаю, допускать ли Михалыча к этой ответственной должности?..

Нельзя?! Вы совершенно правы! Пожалуй, лучше назначить сторожем Лося — тот честный зверь. И справедливый, рассудительный, живет прилично и скромно...

Как вы знаете, животные когда-то были людьми. Не знаете?! Хм, странно. И чему вас только в школе учат?! Ну, слушайте.

В животных переселились души умерших людей. Другими словами — они околдованы любовью или гневом, смотря какой был человек. И теперь состояние их души передается другим. Взять Кабана. Вот уж зануда, брюзга, придира! Все-то ему не так. Потому, идет по лесу, и даже травы увядают.

А Дергач — кулик такой, тот наоборот — веселяга, игрун. Распушит оперенье и танцует, и всем вокруг становится веселее. Кстати, Дергач в теплые края ходит пешком, знаете? Да, да! Он почти не летает. Весной придет сюда выведет птенцов, научит их ловить жуков и спешит назад. Путь-то неблизкий, надо успеть до зимы...

Открою вам великую тайну, я ведь в лесу считаюсь мировым судьей. Да, да, серьезно! Разрешаю споры зверей, выслушиваю их жалобы, просьбы. Прошлой осенью Волк отобрал у Зайца морковь. Заяц прибежал ко мне весь в слезах. Ну, я сказал Вороне, моей секретарше по судебным делам — она, кстати, самая умная из птиц. Да, наша обыкновенная серая Ворона — гений среди пернатых! Потому и выбрал ее в секретари. К тому же, Ворона любопытная и всегда знает, где что происходит и докладывает мне.

Так вот, после того, как Волк отнял у Зайца морковь, я говорю Вороне:

— Слетай-ка, позови Волка!

Приходит Волк и, нагло так, оправдывается:

— Ну, взял морковь у Косого, и что? Взял-то одну штуку, а у него их было две.

А надо сказать, Волк в лесу нашел себе легкую работенку — учетчика. Учитывает, кто сколько ест. Вот и посчитал, что две моркови для Зайца слишком много. Такие у него своеобразные понятия. Само собой, я сделал ему внушение, и заодно сказал:

— И вообще, ты, Волк, мог бы себе другую работу подыскать. Здоровый малый, на тебе пахать можно, а занимаешься чепухой. Не солидно, не к лицу тебе, Серому, это.

Ушел понурый, обещал подумать. А на следующий день сообщил мне, что решил устраивать в лесу конкурсы: у кого самые длинные когти, больше всего зубов? Я распознал его хитрость и усмехнулся:

— Устраивай, но на первое место не рассчитывай. Самые длинные когти у крота. По отношению ко всему телу. А по зубам — чемпион улитка. У нее их целых триста штук. Да, да, именно так! Поверьте мне, я знаю о чем говорю.

После моих слов Волк страшно огорчился, а уходя, пробурчал, что подыщет себе другую работу. Но вот что-то долго не заходит. Видимо, еще не подыскал.

А недавно я разбирал еще одно дело: плутовка Лиса выкинула номер: нагадила возле дома Барсуков. А те самые чистоплотные звери; и нора у них — образец чистоты и порядка. Ну, разумеется, после того, как Лисица натворила чудес, они покинули жилище. А Лиса-нахалка его заняла. Пришлось вмешаться, заставил Лису все вычистить и убираться восвояси. А Барсуков уговорил вернуться и, как вознаграждение за моральный ущерб подарил им зеркальце.

А зимой я делаю в лесу кормушки: раскладываю пучки сена, разные отруби. Случается, сюда к дому звери подходят целыми семействами. Ну, мы с Полканом выносим корки, очистки...

Но, скажу вам, самое сложное время здесь — в половодье, когда разливается река и затопляет лесные массивы. Тогда работы невпроворот. Спасаем с Полканом всякую живность. Бывает, на каком-нибудь островке соберется десятка два Зайцев, Кабанов, и тут же Лисица и Волк. Стоят рядом, прижавшись друг к другу — общая беда всех объединяет.

Кто еще доставляет беспокойство, так это охотники. Никак в толк не возьму, что за дикая страсть — убивать ради забавы и удовольствия?! Думаю, надо бы ввести строжайший закон об ответственности за такие убийства... Ну, понятно, где-нибудь в Сибири, в таежном поселке на семью можно повалить старого Кабана, хотя и там могли бы обойтись домашними животными, но здесь, в средней полосе!..

Я не раз писал в область, чтобы здесь устроили заповедник — все без толку. Теперь, как только объявляются охотники, увожу зверей в глухомань, а то и прячу у себя в сарае... И охотники, как бы это помягче сказать, — остаются с носом, хе-хе!

НЕЧИСТАЯ СИЛА

Хорошо побеседовать за чаем, верно? И Полкан любит беседы — ишь как вертится! Мы с ним тут немного одичали, вот я и разговорился. Вы уж не обессудьте. К нам ведь редко кто заглядывает. Только зверье, да Степан — местный Леший. Наведывается пошалить, каналья!.. Правда, он не вредный. Напрасно некоторые деревенские зовут его «Лесным Демоном». Напрасно. Он не злодей. Больше изображает из себя свирепого...

Где живет? В самой глуши леса, в шалаше из досок, которые натаскал из деревень. Доски, прохиндей, выбирал самые красивые — гладко струганные, с разводами, а шалаш собрал безобразно... Он вообще безалаберный мужик. За собой не следит, ходит небритый, оборванный, весь в репьях-колючках. У него в голове одно баловство, дурацкие забавы — напугать грибников, поставить капкан-рогульку на тропе, огреть шишкой по спине... Выкинет что-нибудь в этом роде, и гогочет и весь трясется от удовольствия, а то и танцует на пне, как заводной петрушка на шкатулке...

Иногда подходит к деревьям, пуляет в окна шишки... Позорно себя ведет, возмутительно, что и говорить! Но приходится мириться — живем-то в одном лесу, в непосредственном соседстве, и даже считаемся приятелями, хотя, конечно, он — недостойный приятель... Ничего не поделаешь — так устроен мир. Бог даже деревья сделал разные, а то людей! Скажу вам — так интереснее. Представляете, какая была бы скучища, если бы мы все были одинаковые, и в лесу росли бы одни, предположим, осины?! То-то же!..

Справедливости ради, замечу — Степан не лишен музыкального слуха. Например, с наслаждением слушает песню Овсянки. А у этой пичуги, и правда, хорошая песенка. Простая такая, умиротворяющая. Послушаешь, и сразу становится спокойно на душе. Не зря Степан и шалаш мастрячит под гнездом Овсянки. А если пичуга переселяется в другое место, и Степан перебирается следом за ней. Разбирает шалаш на пять частей и перетаскивает...

А по вечерам Степка подкрадывается к деревьям — любит слушать вечерние песни девчат. Иногда подпевает задорным голосом. Старается изо всех сил, но девчата пугаются.

В прошлом году пришел ко мне и говорит:

— Дай баян на неделю. Хочу научиться играть.

— Нет, Степан, — говорю. — Баян тебе в лес не дам. Отсыреет инструмент и тогда его только выбрасывай. Здесь в избе, играй, учись в свое удовольствие, мне не жалко, но в лес не дам ни за какие коврижки.

Обиделся Степан. Я предложил ему бутерброд, но он отказался — так сильно обиделся. Ушел, недовольно бурча, а вечером запустил мне в форточку бумажного голубя, на котором было написано: «Жмот!»

Теперь-то иногда заходит, играет на баяне. Я ему говорю:

— Разучивай задушевные песни. А он знай гнет свое — наяривает разухабистые песни, дурачится. «Я же не Овсянка», — твердит. От песен Степана даже Полкан прячется в конуру, а каково мне, представляете? Короче, измучился я с этим упрямым...

Что говорите, ребята? Не знаком ли с Водяным? Как же не знаком?! Не только знаком, но и поддерживаю дружеские отношения с Петром Налимычем.

Он живет в реке у ближайшей деревни; в его владеньях — водяная гряда. Там река довольно широкая, но Полкан, к примеру, переплывает ее спокойно, без напряжения. Когда ходит в гости к деревенским собакам. Верно, Полкан?.. У Полкана в той деревне и отец живет. А его мать ушла с Волками. Так-то!

Но я отвлекся, вернусь к Петру Налимычу. Что о нем рассказать? Он, вроде Лешего Степана, особой аккуратностью не отличается. Ходит по вязкому илистому дну, весь в болотной траве, на голове — тина... Вылезет из воды, становится прозрачным, потому его никто и не видит...

Но при желании может и проявиться — для тех, кого уважает. Скажу без ложной скромности, со мной Налимыч всегда принимает нормальный облик. Мы беседуем о том о сем, как сейчас с вами, хехе! Иногда беседуем на деликатную тему — о нашей холостяцкой жизни...

Вообще-то раньше у Налимыча была жена, осанистая особа русалочного типа. Ее звали Аквитания. Но характер у этой Аквитании был — хуже нельзя придумать. Только и ворчала: то, видите ли, Налимыч редко дарит ей лилии, то не развлекает; то подавай ей осетринку, то сережки, как у деревенских женщин; то вдруг начнет пилить Налимыча — будто бы он засматривается на деревенских женщин. А сама, между прочим, строила глазки рыбакам и зазывала их в глубину. Короче, пока с ней Налимыч не имел. О счастье я и не говорю. В конце концов они развелись. Аквитания всем объявила, что «ошиблась в своих чувствах» и перебралась в дальнюю старицу — заливную низину. Налимыч сделал вид, что страшно огорчен, но наедине мне признался, что давно мечтал пожить один, спокойно...

Но чаще мы с Налимычем ведем серьезные разговоры о том, что разные безмозглые механизаторы загрязняют реку, что народ стал безответственный — ставят сети-трехстенки, а некоторые еще и глушат

рыбу взрывчаткой. Недавно рванули так, что Налимыч стал глуховат на одно ухо. Неудивительно, что Налимыч презирает многих деревенских, и при случае, портит сети, делает в лодках дырки.

А однажды проучил одного заядлого рыбака. Тот наловил ведро рыбы, но ему все мало. Тогда Налимыч взял и нацепил на крючки нарисованную фигу. Рыбак вытащил снасть и хлопнулся в обморок. И поделом хапуге, хе-хе!

И многих животных Налимыч недолюбливает. Я его понимаю. В самом деле, подойдет на водопой стадо Кабанов, все вытопчут, переломают, взбаламутят... Ну а к тем, кто ведет себя как подобает, ничего не нарушает в природе, и рыбу ловит только по необходимости, а не ради забавы или корысти, к таким Налимыч относится вполне дружески-любно. Особенно это касается водоплавающих — к ним Налимыч испытывает самые теплые чувства.

— Вот смотри, — не раз говорил мне Налимыч, — как прилично ведут себя Гуси, Утки... Не торопясь огибают каждую кувшинку, достают корм со дна ровно столько, сколько нужно. Ни грамма больше. Потому и сохраняется в реке строжайшее равновесие. А подойдет к реке какой-нибудь нерадивый человек, жди катастрофы: или перепашет сетью все дно, или запустит мотор — перепугает насмерть мальков, поднимет волну, подмоет берег. А то еще, чего доброго, и бензин сольет в воду...

Горькая правда в этих словах, ребята! Больше скажу — после набегов разных туристов, на берегах реки, по опушке леса остаются следы кострищ, порубки, свалки. Это незаживающие раны на теле природы, если можно так выразиться. А выразиться так можно, потому что это горькая правда. Очень горькая. Надеюсь, вы не такие туристы-варвары?.. Я так и думал.

...Ну, вот и Харитоныч застучал на чердаке — подает мне знак — пора закрывать черный туюсок. Хватит дождя, уже лес сполна напоили, хе-хе!.. Та-ак, туюсок закрыли, сейчас дождь кончится... Кто такой Харитоныч? Как кто?! Наш с Полканом Домовой!.. Харитоныч мужик строгий, во всем любит порядок. У него на чердаке — ни пылинки ни соринки; он чрезвычайно занятой, бережливый; целыми днями колдует над разными железками, деревяшками; все обстоятельно расставляет по местам...

Харитоныч набожный, отмечает все религиозные праздники, при этом требует от меня медовухи. Он такой!.. Следит, чтоб я вовремя туюски открывал и закрывал, топил печь, когда холодно, да дровишек не жалел, хе-хе!.. А тут еще пригрозил Лешего Степана отлупить мет-

лой, если тот не прекратит свои вольные песни... Так и соседствуем с Харитонычем.

Я рассказал вам, ребята, о главных представителях нечистой силы. Про разных Духов, Ведьм и Привидений не говорю; те — мелкий народец. И трусливый — их легко напугать... И все это правда. Или почти правда, хе-хе...

Ну вот, пожалуйста, и дождь кончился. Можете спокойно идти домой. И всех благ вам!

РАССКАЗЫ СТАРОГО ВОДОЛАЗА

Для начала представлюсь, чтобы вы знали, с кем имеете дело: меня зовут дядя Леша, я — водолаз, который провел под водой немало времени, может быть столько, сколько вам сейчас лет. Еще в детстве, когда я ловил головоастиков, один прохожий мне сказал: «Тебе надо стать водолазом». Я и стал.

Теперь я старый «морской волк», можно сказать весь оброс ракушками. Но лучше этого не говорить, поскольку ракушек на мне нет, зато, как видите, на моем теле полно татуировок. Вот якорь, вот Акулы, с которыми я встречался не раз; этот дед с трезубцем — Морской царь Нептун, а это Русалки — они постоянно уговаривали меня остаться под водой навсегда. Но, сами понимаете, я непременно возвращался к жене, вот и клятва ей: «Любовь до гроба».

Моя жена, скажу вам по секрету, в тысячу раз лучше любой Русалки. Хотя, справедливости ради, отмечу — среди Русалок попадаются красивые до жути.

Кстати, Нептун тоже уговаривал меня остаться в его царстве, обещал довольно высокий пост — советника по связям с живущими на суше и плавающими на кораблях — это что-то вроде нашего министра иностранных дел.

Но зачем мне, скажите на милость, быть министром?!хлопот не оберешься! Меня и должность водолаза вполне устраивала. Так что, я благодарил старину Нептуна за доверие и вежливо отказывался от его предложения.

Вы, конечно, догадываетесь, что я повидал немало и знаком со всеми обитателями морских глубин. Скажу больше — знаю их как свои пять пальцев, а с некоторыми мы стали закадычными друзьями. Наверно, вам не терпится услышать мои рассказы. Угадал?

Хорошо, охотно расскажу вам пару-тройку захватывающих историй, и при этом не пожалею красок для их описания. Усаживайтесь поудобней на диване и слушайте.

НА ВОДЕ И ПОД ВОДОЙ

Прежде всего, мои юные друзья, расскажу вам об удивительных Рыбах, с которыми я имел приятельские отношения. Взять хотя бы Рыб-Парусников. Представляете, бывало наш водолазный бот только выйдет в море, а они сразу затевают игру — плывут с нами наперегонки, скользят по поверхности и управляют большим верхним плавником, как парусом. Ясное дело, они обгоняли наш тихоходный бот и, на радостях, выделяли разные сальто-мортале.

А Летучие Рыбы при нашем появлении и вовсе выскакивали из воды и, пролетая мимо бота, словно птицы, помахивали длинными боковыми плавниками — приветствовали нас, желали удачи в работе.

Ну, а когда я надевал скафандр и по трапу спускался в воду, меня окружали Морские Петухи и Коньки. Петухи, пока я работал, все норовили помочь мне — тыкались в трубопровод или сваи — смотря что я ремонтировал.

Случалось, подплывали к гаечному ключу или молотку — подсказывали, каким инструментом лучше производить ремонт. Честно говоря, они только мешались.

Вдобавок, еще придирчиво осматривали мою работу и, если я что упустил из вида или сделал по их мнению не так, подплывали, хватили за шланг, тянули назад. Бесцеремонные, настырные Рыбы, что и говорить!

Любопытные Морские Коньки всегда тактично стояли в стороне и внимательно наблюдали за каждым моим движением. Иногда, чтобы их позабавить, я выпускал из шлема воздух и они смотрели на цепочку серебристых пузырьков, как на чудо.

Я был для Коньков волшебником, не иначе. Они относились ко мне с величайшим почтением; целой стайкой неотрывно сопровождали меня по всему морскому дну, а когда я подходил к трапу, пытались вслед за мной подняться на бот.

Крепкая дружба меня связывала с Прилипалой — Рыбой с присосками на спине, которыми она прилепляется к Акулам, Китам и кораблям, и путешествует по водным просторам сколько хочет, не затрачивая на это ни малейших усилий. Такая у нее особенность.

На некоторых островах с помощью Прилипалы рыбаки ловят Морских Черепах: привязывают к хвосту Прилипалы веревку и забрасывают в воду. Прилипала прилепляется к Черепахе и рыбаки вытаскивают улов на берег.

Как только я входил в воду, Прилипала присасывалась ко мне и мы работали вдвоем. Она была как бы моим напарником. Особой помощи от Прилипалы ждать не приходилось, но она некоторым образом скрашивала мое одиночество, ведь я постоянно разговаривал с ней.

Впрочем, однажды... Так получилось, что моя сумка с инструментом осталась довольно далеко от места работы. Не долго думая, я привязал к хвосту Прилипалы веревку и сказал:

— Прилипала! Хватит ездить на мне верхом! Тащи инструмент!

И Прилипала тут же притащила моя сумку.

Со временем Прилипала стала моим самым исполнительным помощником, даже доставляла на бот записки, которые я писал под водой. Да, да, под водой! Это несложно. Попробуйте!

Кроме Рыб под водой я общался с Раком-Отшельником. Это хитрец тот еще! Живет в раковине, которую всюду волочит за собой, а на раковине, точно распрекрасный цветок, колышется ядовитая Актиния.

Спешу заметить, что под водой самые безжалостные хищники имеют яркую, привлекательную внешность. И наоборот, обитатели, страшные на вид, как правило, довольно безобидны. Например, самая огромная Акула — Китовая, поедает всего лишь мелких Рачков.

Так вот, доверчивые Мальки то и дело подплывают к «цветку» — Актинии, а Рак их — хватать! И лопают. Актинии тоже кое-что достается — Рак подкидывает ей рыбью труху. Когда Рак вырастает и уже не помещается в раковине, он находит себе другую, более просторную, и Актинию забирает с собой — пересаживает на новое местожительство.

У меня с Раком были весьма прохладные отношения. Пока я работал, он пристально следил за мной из раковины, но стоило мне присесть на камень передохнуть, осторожно подползал: то ли просто хватался своей Актинией, то ли хотел, чтобы она «ужалила» меня и я убрался из его владений. Не знаю, что именно у Рака было на уме, но смотрел он как-то недружелюбно.

А вот с Рыбой-Брызгун у меня сложились самые теплые отношения. Сразу должен вам пояснить, почему Рыба называется «Брызгун». У нее необычные, своеобразные повадки: заметит над водой насекомое, наберет в рот воды и «плюнет» длинной точной струей. Собьет насекомое и проглотит, и сразу танцует в воде, выписывая круги — радуется удачи, гордится своей ловкостью. Такая веселяга!

Когда я выходил из воды, Рыба-Брызгун встречала меня первой, встречала ликующим фонтаном, а иногда, ради озорства, и брызгала в мою маску. Я отвечал шалунье тем же, но не плевал, конечно, а брызгал в нее рукой.

Некоторое время Брызгун крутилась около меня, потом неслась к боту и там устраивала фонтан — извещала матросов о моем благополучном возвращении.

Был случай — я находился под водой, а на море неожиданно опустился туман. Выйдя на поверхность, я еле различил бот, но Брызгун испугалась, что я его не вижу и начала носиться между мной и судном, поднимая каскад фонтанов — как бы указывая мне путь.

Кстати, обитатели морей частенько помогают друг другу. На Дальнем Востоке я был свидетелем, как к берегу плыл Морской Лев, и вдруг его стали окружать Касатки. Лютые хищницы уже почти приблизились;

в страхе бедняга Лев истошно заревел; его услышали Дельфины, на огромной скорости подлетели и разогнали Касаток. Как известно, Дельфины — самые бескорыстные и преданные друзья.

Да, дорогие мои, в морских пучинах случается такое, что и во сне не приснится. Там есть над чем посмеяться и погрузиться. Я, например, своими глазами видел, как одна нерасторопная Рыба попала на крючок, но рыболов никак не мог ее вытащить — Рыбу удерживал Краб: одной клешней уцепился за хвост рыбы, другой за скалу. И так держал до тех пор, пока не подплыла Рыба-Пила и не перепилила леску.

Вот такая взаимовыручка у них, морских обитателей, не в пример некоторым людям. Согласитесь, у вас есть знакомые, которые могут и не заметить, что вы попали в беду. К счастью, таких мало, и о них говорить не хочется.

МОРСКОЙ ЧЕРТ, РЫБА-ШАР И ДРУГИЕ

...Охо-хо, где я только не погружался в воду! Помню в тропиках, в теплом море проверял подводный кабель. Это была не работа, а так, легкая прогулка. Бывало, идешь по песчаному дну, над тобой колышутся Медузы, справа плывет Морской Черт-удильщик, слева — Рыба-Шар, вся в шипах, перед маской — стайка Мальков-карапузов. Сонные Медузы на меня — ноль внимания, Черт тарашится, никак в толк не возьмет, кто я такой; Шар надувается, пугает меня, а Мальки прямо перед моим носом устраивают цирковое представление: гоняются друг за другом, винтообразно крутятся, а то и вовсе плывут вниз головой — вот уж кто умеет радоваться жизни!

Кстати, знаете почему Черт называется удильщиком? У него от верхней губы тянется «удочка» — отрост с прямо-таки настоящим червяком, да еще светящимся! Доверчивые Рыбешки подплывут к «приманке», да попадут к Черту в пасть.

А Шар надувается, когда видит что-нибудь необычное, он слишком самонадеян — думает, его все боятся, за что и платится. Местные ребята его вытаскивают из воды, а он так и остается раздутым. Потом высохнет, шипы опадут — отличный мяч получается. Ребята играют им в футбол.

В том теплом море не счесть обитателей: есть крохотные Моллюски и Рачки, которых и не разглядишь без увеличительного стекла, и есть гигантские Скаты, вроде Морского Дьявола, который, когда плывет, напоминает одеяло, развевающееся на ветру. Великолепное зрелище, скажу вам!

Надо отдать Дьяволу должное — он уважительно относился к моей работе — плавал в отдалении и не приставал с дурацкими вопросами, не то что Морские Петухи, которые просто замучили меня; от них только и слышалось: «Зачем это?» «Почему так?».

Кстати, должен со всей ответственностью заявить: абсолютно не верно выражение: «нем, как рыба». Рыбы разговаривают. И еще как! А Петухи так и вовсе болтливы. До неприличия. Поверьте мне, ведь я прекрасно изучил язык подводных обитателей. Хотите убедиться, пригласите к себе, если у вас есть аквариум.

Пойдем дальше. Некоторые обитатели теплого моря — неразлучные друзья, просто не могут жить друг без друга. Например, Акула и Лоцманы — небольшие, но суетливые Рыбешки, которые постоянно вертятся перед носом своей грозной повелительницы. Они-то и наводят близорукую Акулу на косяки Рыб. Потому и называются Лоцманами. Удобно устроились, между прочим, — ведь им тоже немало остается после трапезы Акулы.

Правда, Лоцманы глупые: если Акулу поймают, плывут перед бочкой или бревном и тех наводят на разбой, и никак не поймут, почему их новый деревянный друг не нападает на Рыб.

Некоторые обитатели обладают недюжинными способностями. Взять хотя бы Краба; он больше всего любит пообедать Моллюском. Но как его достать? Моллюска надежно укрывают створки, крепкие, как рыцарские доспехи. Краб долго выжидает, но стоит створкам чуть раскрыться, швыряет в них камешек, чтоб они не смогли сомкнуться. Ну, а после этого уже без труда достает Моллюска.

А теперь представьте себе холодное Охотское море — «всесоюзный холодильник», как его называют, и наш бот посреди льдин (они плавают даже летом).

Как-то я осматривал одну затонувшую посудину. Должен вам сказать — работа подо льдом — крайне сложная штука. И опасная. Да, да, поверьте мне, крайне опасная! Я был в гидрокостюме, с дыхательным аппаратом за спиной; под гидрокостюмом, разумеется, шерстяная одежда, иначе вмиг замерзнешь. Холодное море — это вам не холодный дождик и не холодный душ в ванной! Это огромная темная масса, которая, словно иглами, пронизывает насквозь. Так то!..

И вот я, значит, высвечиваю фонарем эту посудину, а она наполовину в грунте, обросла бурыми водорослями... и внезапно чувствую — веревка от бота ослабла. Тяну ее на себя и вдруг вижу — измочаленный конец.

Да, да, правильно! Вы почти угадали — только не лопнула, а перетерлась об острые края льдины. Заспешил я назад, пошел наверх, да

ударился головой об лед. Осмотрелся — вокруг сплошной ледяной потолок. Куда ни поплыву — никакого просвета. Дело принимало неприятный оборот. А воздух в баллонах уже подходит к концу, и фонарь садится — уже еле светит.

Я не испугался, но, скажу честно, меня зазнобило. И тут, на счастье появился Тюлень. Подплыл прямо к маске, коснулся усатым носом стекла, и хотите верьте, хотите не верьте — подмигнул мне: «Не пугайся! — сказал. — Выведу тебя к боту!» И поплыл. Я устремился за ним. Он то и дело оборачивался, чтоб убедиться, что я не отстаю. Так и подвел меня к трапу.

А на боте уже была паника; я только ухватился за трап, матросы потащили меня на палубу; я поднял руку — подождите, мол, ребята. Снял маску, обнял Тюленя и поцеловал в усатую морду.

«Спасибо, друг», — говорю.

Такой был случай. Если б не Тюлень, не сидел бы сейчас с вами.

С того дня мы с Тюленем стали настоящими друзьями — не разольешь водой. Он с утра поджидал меня у бота: залезет на льдину, бьет ластой по животу, ревет: «Эй, там на боте! За работу пора!»

Я надевал гидрокостюм, спускался к Тюленю, угощал его бутербродом из рыбных консервов, потом мы вдвоем уходили на дно осматривать затонувшую посудину и мой новый друг ни на минуту не оставлял меня одного.

ЖЕМЧУЖИНА

Странная вещь — погода на морском побережье! То спокойный денек, на море — полный штиль, с берега видны все глубины и отмели, то совершенно неожиданно разыграется шторм. Однажды под водой я обследовал какую-то штуковину, вдруг вижу — все Рыбы устремились в глубину, Крабы поползли в расщелины скал, Актинии свернули свои ядовитые лепестки.

«Что-то не так», — думаю, но мое сердце бешено не заколотилось, мы водолазы — люди бывалые; продолжаю работать — обследую эту самую штуковину. Кажется, это был затонувший железный ящик, но может и подводная лодка — точно не помню. По сути дела это не важно, к рассказу ни ящик, ни лодка не имеют никакого отношения. Ровным счетом никакого. Короче, когда я закончил работу и «пошел на поверхность», как у нас говорят, меня вдруг начало раскачивать из стороны в сторону. Я почувствовал себя прямо-таки пьяным, словно не работал под водой, а пил вино с Нептуном.

Кстати, я не любитель крепких напитков. И курить давно бросил. Одно время курил; бывало, так накурю в комнате — хоть топор вешай, голова звенит. Но потом сказал себе: «Все, баста! Это мешает работе». И бросил. Я обладаю невероятной силой воли.

Но не будем отвлекаться. Так вот, в тот шторм я «пошел на поверхность» и чем выше поднимался, тем сильнее чувствовал качку, а очутившись на поверхности, увидел волны, высотой с десятиэтажный дом. Эти высоченные волны швыряли наш водолазный бот, как щепку. С помощью друзей я все-таки забрался на палубу; мы с трудом дошли к берегу, с еще большим трудом — просто невероятным, пришварто-вались у причала.

А на утро, когда море успокоилось, я увидел на берегу Русалку — ее выбросило штормом на берег. Бедняга была без сознания — видимо сильно ушиблась о камни, на ее боку темнел огромный синяк. Я отнес Русалку в воду, она ожила, поблагодарила меня за спасение, улыбнулась и уплыла — вот так все просто и произошло, как в кино.

В полдень, когда я вновь обследовал ящик или подводную лодку — повторяю, не помню, что именно, Русалка неожиданно объявилась; ее синяк уже почти исчез — известное дело, морская вода — лучшая лечебная ванна.

Русалка представилась дочерью самого Нептуна и нетерпеливо про-
бормотала:

— Отец зовет вас в гости.

Я хмыкнул и ответил:

— Я, конечно, уважаю подводную власть, но работа для меня превыше всего. Передай отцу — приду, когда закончу работу.

Позднее заглянул во дворец Царя. Ну, скажу вам, и хоромы он себе отгрохал! Чего там только нет. И золотишко, кстати, имеется. Сами догадывайтесь откуда.

Нептун встретил меня как ближайшего родственника: обнял, расцеловал и, в награду за спасение дочери, подарил огромную жемчужину, вот она на столе, полюбуйте! Это самая высокая награда Нептуна, как орден Славы у нас.

Но это еще не все. На следующий день Нептун сам явился к месту моей работы. Явился со всей свитой и заявил:

— Никому не показывал, а тебе, Алексей, покажу, где лежит пиратский корабль. Там полно сокровищ.

И показал. Действительно, трюмы того пиратского судна были забиты сундуками с награбленными драгоценностями. Видели бы вы, что это такое! Ошеломляющее зрелище!

Я таскал сундуки на бот несколько дней. Измучился жутко. А потом, конечно, все это добро передал нашим городским властям. С тех пор мы и живем припеваючи. А вы думали, с каких пор?

Кстати, один из сундуков предложили мне как долю от клада, но я с нескрываемым презрением отверг это предложение и сказал: «Богатство — чепуха, главное — иметь любимую работу». И это в самом деле так, поверьте мне, старому водолазу. Любимая работа и верные друзья — лучшее, что можно иметь в жизни.

НА ПЕСЧАНОМ ДНЕ

Ну, кто из вас всезнающий, кто назовет мне животное, которое движется, как реактивный самолет, меняет цвет в зависимости от местности, имеет огромные глаза и клюв, и чернильный мешок на случай нападения врагов, и целых восемь ног с присосками?!

Сдаетесь?! То-то же! Ладно, не буду вас мучить, отвечу на этот самый сложный вопрос — осьминог, вот кто! Именно осьминог втягивает в себя воду и, выпуская ее сильной струей, несется в плотной водяной массе — точь-в-точь, как реактивный самолет в воздухе. Именно осьминог меж камней приобретает серый цвет, а притаится среди зеленых водорослей, становится зеленым. А если на него кто-то нападет, моментально выбросит «чернила» — густосинюю жидкость, и нападавший, оказавшись в темноте, остановится ошарашенный и, пока будет разбираться что к чему, осьминог преспокойно уплывет. Ну, а клюв совершенно необходим, чтобы разламывать твердые морские звезды — излюбленное лакомство осьминогов.

Как-то на песчаном пятаке, среди Морских Лилий, я обнаружил необычный дом. Он был сложен из камней и больших раковин. На вид — никудышное строение, так себе домик, но внутри вполне просторный и чистый. В том доме жила семья осьминогов. Целый месяц я работал по соседству с ними и вот что увидел.

Глава семьи — огромный осьминог целыми днями охотился в коралловом лесу; лес начинался сразу за домом — такая темно-красная глушь.

Хозяйка дома — осьминожиха без усталости хлопотала по хозяйству: одними щупальцами прибирала в доме, другими разделывала рыбу, третьими укачивала новорожденного осьминожка, а четвертыми проверяла школьные тетрадки старшего сына. Я не оговорился.

Старший сын осьминогов был школьником и плавал в Морскую школу.

Да, да, не удивляйтесь! Морские обитатели тоже учатся и, кстати, более усердно, чем мы, люди. И это понятно. Рыбам, осьминогам,

Морским Конькам нужны немалые знания, чтобы избежать сетей и крючков, грозных Акул и птиц — Бакланов. Чтобы знать, когда приближается шторм и уйти на глубину, иначе может выбросить на берег.

Что и говорить, нелегкая жизнь под водой — опасностей в ней больше, чем на земле. Ко всему, следует добавить — в школу Осьминожек плавал без провожатых. Родители приучали его к самостоятельности, не то, что у нас в некоторых семьях, где на ребенка боятся дышать — выращивают из него парниковый цветок.

Однажды, с разрешения учительницы — старой мудрой Черепахи, я присутствовал на занятиях в школе, правда, Черепаха поставила условие — чтобы я не подсказывал.

Учеников было двое: Осьминожек и Морской Конек. Они сидели на камнях; напротив них возвышалась скала с рисунками рыболовных принадлежностей и разных зубастых хищников.

Вначале Черепаха спросила Осьминожку: «Сколько будет, если к одной Рыбе прибавить еще две?» Осьминожек ответил недостаточно блестяще, то есть некоторое время путался, потом все же сосчитал правильно. И получил четверку.

Затем Черепаха попросила Конька показать на скале изображение Морского Ангела. Конек долго крутился возле рисунков семейства Акул, но так ничего и не показал. Тем не менее получил тройку, потому что все-таки искал Ангела среди Акул, а не среди крючков и сетей.

Возвращаясь из школы, ученики плыли наперегонки: вначале до Стекланных Губок, потом до дальней скалы с ярусами водорослей.

Около скалы они вдруг услышали слабые призывы о помощи. Подплыв ближе, Осьминожек и Конек увидели Летучую Рыбу; эту растяпу угораздило попасть в сеть. Даже вдвоем Осьминожек с Коньком не смогли освободить пленницу, и тогда, как вы догадываетесь, они понеслись за подмогой ко мне.

Втроем-то мы, конечно, распутали сеть. Летучая Рыба горячо поблагодарила меня, а Осьминожка с Коньком вызвалась прокатить на спине.

Вначале совершил воздушное путешествие Конек. Затем полетел Осьминожек, но... не вернулся.

Только позднее я узнал, что случилось.

Оказывается, в воздухе с Летучей Рыбы его сдул порыв ветра. Приводнился он мягко, поскольку раскрылся, как парашют, но в незнакомом месте. В совершенно незнакомом и немного страшноватом, да.

Первым, кто подплыл к Осьминожку, был маленький Электрический Скот.

— Ха-ха! Во фокус! Пучеглазая многоножка! Ни плавников, ни хвоста! Как же ты плаваешь?!

— Я Осьминожек, — тихо проговорил Осьминожек. — А ты кто?

— Я — Электрический Скат, — гордо произнес Скат.

— Ты можешь светиться, как фонарь водолаза? — поинтересовался Осьминожек.

— Нет, светиться не могу. Но во мне электричества больше, чем в батарейке карманного фонарика. Если я до тебя дотронусь, тебя дернет так, что искры из глаз посыпятся. Меня даже Акула боится.

— Завидую тебе, — вздохнул Осьминожек. — Но как мне попасть домой? Ты не знаешь, где мой дом?

— Не знаю, — покачался Скат.

— Ну может быть, ты знаешь водолаза Дядю Лешу (меня, то есть)?

— Хм, водолаза дядю Лешу отлично знаю, — хмыкнул Скат. — Кто ж его не знает?! Он работает на песчаном пятаке около Морских Лилий.

— Вот-вот, — обрадовался Осьминожек. — Там и мой дом. Меня уже заждались родители.

— Это недалеко, — Скат показал, в какой стороне песчаный пятак.

— Приплывай в школу! — крикнул на прощанье Осьминожек.

Но не успел он отплыть и нескольких метров, как перед ним возникла... Кто бы вы думали? Правильно! Акула! Огромная Акула, в сопровождении Лоцманов.

— Это что за каракатица на моем пути?! — грозно спросила Акула.

— Осьминожек — противная мелюзга! — затараторили Лоцманы. — Съешьте его!

Но Акула не успела раскрыть пасть, как Осьминожек, выпустив чернильную жидкость, опустился на дно и притаился среди камней.

— Негодный головастик! Облил меня чернилами и скрылся! — завопила Акула. — Это ему просто так не пройдет!

— Мы ему покажем! Мы его подкараулим! — затараторили Лоцманы.

Ну, самом собой разумеется, Осьминожек благополучно вернулся домой. А дальше события развивались таким образом.

Через некоторое время Акула неожиданно нагрянула в школу. У меня в тот день был выходной, и все, что произошло, я узнал позже.

— Вот школа старухи Черепахи! Она всем говорит, что вы бессовестная разбойница! — наперебой кричали Лоцманы. — Она опозорила вас на всю морскую округу! Громите эту дурацкую школу! И съешьте этих ученых малявок!

Съесть Акула никого не успела — Черепаха с учениками спрятались в коралловом лесу, но школу злодейка разгромила.

— Теперь вы нас надолго запомните! — кричали, уплывая, Лоцманы. — До скорой встречи, старая карга!

— Надо прочить разбойницу, — сказала Черепаха, вылезая из укрытия. — Надо построить большую клетку и в нее заманить Акулу.

Два дня они строили западно: Черепаха таскала с берега прутья, укрепляла их в грунте, ученики связывали прутья водорослями (к тому времени учеников уже было трое — школу посещал Электрический Скот). В разгар строительства западни я и спустился под воду и, узнав о случившемся, сказал:

— Решение строить клетку — абсолютно верное, — после этих слов принес с бота увесистый замок для клетки и добавил:

— Как только Акула появится, немедленно сообщите мне. Я оглушу ее молотком, запихну в клетку и дело с концом!

— Обязательно сообщим, дядь Леш! — хором откликнулись Черепаха и ученики.

Я спокойно отправился работать — это приблизительно в сотне метров от школы. Но меньше, чем через час за мной приплыл Осьминожек. Он был невероятно возбужден.

— Дядь Леш! Мы поймали злодейку Акулу! — радостно заголосил он. — Пойдемте скорее, она уже в клетке!

По пути, сбивчиво, запинаясь, Осьминожек рассказал, как было дело. Вот как оно было.

Только я ушел, явилась Акула. Хорошо, что Черепаха и ученики успели доделать клетку, и даже замаскировали ее всякими растениями... Электрический Скот сразу оглушил Лоцманов, и Акула стала растерянно озираться, звать своих поводырей.

— Эй, мои спутники! Куда вы запропастились?

Черепаха схитрила:

— Простудились они и слегли. Вмиг, все сразу. Напрасно вы до сих пор не купили очки. Но к вашему дому вас может проводить мой ученик — Осьминожек.

— Это тот негодный головастик, который облил меня чернилами? — зло спросила Акула.

— Это он сделал нечаянно. А сейчас он покажет вам самую короткую дорогу к дому. Мои ученики уважают старших.

Осьминожек нырнул в клетку и выплыл меж прутьев с другой стороны. Акула ринулась за ним, но застряла. В тот же миг Черепаха хлопнула дверь клетки и навесила мой замок.

— Это ваш новый дом, — сказала Черепаха Акуле.

— Очень уютный домик! — хихикнули Конек и Скот.

Здесь подошел я.

— Привет, Акула! — говорю.
— Ой, дядя Леша! Известный водолаз! — запела Акула.
— Представляете, Черепаха и ее невоспитанные ученики вздумали сыграть со мной злую шутку. Пожалуйста, выпустите меня!
— Нет уж дудки, дорогая! — твердо сказал я. — Твое место в музее, — и потащил клетку на бот.
Вот такие истории случаются в море.
Ну, на сегодня хватит. В следующий раз еще что-нибудь расскажу. Заходите, не стесняйтесь! А пока всего вам хорошего! Кстати, на Акулу можете взглянуть в зоологическом музее. Там выставлено ее чучело, и есть надпись, где указано, кто ее поймал и когда. Ну, и кто доставил в музей, то есть я, водолаз дядя Леша.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ КАК ПРИЛОЖЕНИЕ К РАССКАЗАМ

1. Морские Петухи — напоминают озерных окуней; естественно, не кукарекуют, но драчливы не меньше, чем их земные тезки.
2. Бурые водоросли — морская капуста, на вкус не хуже капусты с грядки; бывают свободноплавающие, похожие на мешок для картошки.
3. Синяки у Русалок (от ушибов о камни) — обычное явление, такое же, как у людей простуда.
4. Морская Лилия — донное животное, похожее на чашку, из которой пьют чай; «чашка» держится на стебле и вместо стенок имеет ветвящиеся лучи — они, словно сеть, вылавливают мелких Рачков.
5. Рак-Отшельник — угрюмый тип, да еще скряга — готов скорее влезть на высоченную скалу, чем расстаться со своей Актинией.
6. Морской Конек — животное, голова которого — копия лошадиной; к сожалению, на Коньке нельзя кататься — он слишком маленький.
7. Медузы — студенистые прозрачные тарелки; первыми предчувствуют шторм и уходят на глубину, чтобы не выкинуло на берег.
8. Морские Ангелы — семейство Акул, с далеко не ангельскими характерами.

СКАЗКИ

ГЛАВНАЯ КРАСКА

Однажды поспорили краски, какая из них главная.

— Я самая главная, — важно объявила красная краска. — Я — маки, розы, гвоздики, клубника, арбуз и многое другое. Я самая главная краска потому, что приношу людям радость.

— Неправда! — торопливо возразила синяя краска. — Ты приносишь людям горе! Ты — это кровь и пожары! Я главнее. Меня больше всего в мире, и я дарю людям только хорошее. Я — цвет неба, рек, морей и озер, цвет васильков, винограда и слив...

— А синяки у мальчишек и кляксы в тетрадках — это тоже ты! — перебила ее зеленая краска. — Я главнее. Я все самое красивое на земле. Я — цвет лугов и листья деревьев, цвет изумруда и открытого светофора в пути...

— Нет, нет! — возмутилась желтая краска. — Ты все уродливое в мире! Ты — жаба, крокодил, болото, крапива! Я главнее, потому что я — все самое веселое и самое вкусное. Я — солнце и рожь, купавы и мимоза. Я — сладкая дыня, бананы, айва.

— Ты — жаркая пустыня! — вновь подала голос красная краска. — Ты рыбий жир и касторка!..

Долго спорили краски и в конце концов решили пойти к Художникам и посмотреть, какой из красок они будут рисовать только красивое, полезное, вкусное, та и будет самой главной.

Вначале краски пришли к Художнику, который был в прекрасном настроении. Красной краской он нарисовал теплое заходящее солнце, синей — букет тюльпанов, зеленой — высокие травы, желтой — бабочек-лимонниц.

Потом краски пришли к Художнику, который был в плохом настроении. Он нарисовал красные ядовитые мухоморы, синие гроздовые тучи, зеленую змею-удава и желтого свирепого леопарда.

Одними и теми же красками Художники нарисовали радостное и грустное, красивое и страшное. Так и не разрешили своего спора краски. До сих пор они ходят от одного Художника к другому, и то одна становится главной, то другая. Все зависит от Художника, от того, как он смотрит на мир.

СТАРАЯ ЛЕСТНИЦА

В том крайне старом доме была деревянная винтовая лестница — тоже старая, с отполированными перилами и стертymi ступенями. Лестницу сделал Большой Мастер. Сделал как нельзя лучше, добротнo, вложив в этот труд всю свою любовь к дереву. И частицу души. Поэтому

му те, кто ходили по лестнице, не просто любовались ее красотой и темно-красными смолистыми прожилками в дереве, но и ощущали частичку души Мастера.

С утра до вечера по лестнице поднимались и опускались жильцы, и весь дом наполнялся скрипами, шорохами, вздохами. А ночью, когда все спали, слышался тонкий писк — это спорили ступени с перилами: кто из них важнее и красивей?

— Без нас никто не поднялся бы на второй этаж, — тараторили ступени. — Мы ровные и гладкие. Нас так берегут, что застилают мягкими коврами.

— А по перилам катаются мальчишки и девчонки, — возражали перила. — За нас держатся пожилые люди. Мы точеные, фигурные. На нас приятно смотреть. Не зря же все нас поглаживают.

Много лет длился этот спор, пока однажды в дом не заглянул Большой Мастер. Он зашел, чтобы узнать у жильцов, как им служит его лестница, не настало ли время ее отремонтировать?

Жильцы наперебой стали расхваливать лестницу. Говорили, что она главная достопримечательность в доме, что она, конечно, старая, но в ремонте совершенно не нуждается.

Мастер улыбнулся, кивнул, и уже хотел попрощаться, как вдруг услышал тонкий писк. Неожиданно, среди белого дня перила со ступенями затеяли свой давний спор — они нарочно начали спорить при Мастере, чтобы он рассудил их.

Мастер внимательно выслушал тонкое пищанье и усмехнулся:

— Вот чудачки! В настоящих вещах ничего нет лишнего, важно все. А красиво то, что удобно.

— Мы не чудачки, — растерянно забормотали жильцы; они не слышали тонкого писка и подумали, что Мастер обращается к ним.

— Не чудачки, — повторили жильцы. — Мы знаем, что красиво, что не красиво. Мы умеем ценить красоту, поверьте нам.

— Да, да, — продолжал Мастер, — если вещи сделаны на совесть, они радуют взгляд.

— Да, да, — поспешно согласились жильцы. — Лестница именно так и сделана. Мы ее очень любим. Спасибо вам за нее огромное! Вы настоящий Художник по дереву.

СИНИЕ И ЖЕЛТЫЕ ЕЛКИ

Мало кто знает, как появились зеленые елки. А между тем, они появились совершенно случайно. В лесу на одной из полян росли стройные синие елки. Когда на поляну налетал ветер, синие елки раскачивались, и с них синим дождем сыпались искрящиеся хвоинки.

— Мы самые красивые в лесу! — шумели синие елки, гордо поглядывая на другие деревья. А на разные кусты вообще не поглядывая.

В том же лесу на соседней поляне росли пушистые желтые елки. Когда налетал ветер, с желтых елок, точно золотые блестки, сыпались желтые хвоинки.

— Мы самые красивые в лесу! — шуршали желтые елки, небрежно поглядывая на другие деревья. А кусты и вовсе не замечая, не говоря уже о цветах и травах.

Целое лето спорили елки, какие из них самые красивые. Иногда их споры становились такими жаркими, что переходили в ссоры. Весь лес приходил в невероятное возбуждение. Однажды это возбуждение докатилось до старого дуба, который возвышался в глубине леса.

— Кто там нарушает спокойствие в лесу? — заскрипел великан и зашатался, замахал могучими ветвями, поднял сильный ветер. С синих елок полетели синие хвоинки, с желтых — желтые. Весь день и всю ночь кружили над полянами хвоинки, пока не смешались в сине-желтом вихре.

А утром на полянах появились новые елки — зеленые. Такие же стройные как синие, и такие же пушистые как желтые. Они скромно стояли на полянах и ни перед кем не хвастались своей красотой, и от этого выглядели еще красивей.

В ПЕКАРНЕ

В одном городе жил Пекарь, толстый розовощекий старичок. Целый день он пек булки, батоны, сдобы, кренделя, пышки, плюшки, слойки, калачи; делал пирожные и печенье, сухари и баранки, и многое другое. Жители города называли Пекаря «Большим Мастером, Художником пекарного дела».

Каждый вечер Пекарь ставил изделия на полку, гасил огонь в печи и уходил домой. Однажды, когда пекарь собирался запирать пекарню, на полке что-то зашевелилось, зафыркало, и из-под муки вылезла сдоба.

— Апчхи! — чихнула она, стряхнув с себя муку. — Давай быстрее уходи, старикашка. Надоело без дела сидеть на этой дурацкой полке.

— Нерасторопный какой-то дед, — проговорила калорийная булка. — Канителится. Еще, чего доброго, останется ночевать.

— Ушел! — радостно пропел батон и спрыгнул с полки на стол. — Теперь устроим карнавал, и я буду самым главным, потому что я больше всех.

— Нет, главной буду я, — возразила сдоба, слезая с полки. — Я сделана из муки высшего сорта.

— Не хвались! — подала голос калорийная булка и тоже заспешила к столу. — В тебе нет ни одной изюмины. А во мне их полно. Некоторые даже вылезают наружу.

— Как можете вы, толстухи, хвастаться? — возмутился крендель. — Посмотрите, какой я изящный! Какая на мне сахарная пудра! Только конфета может сравниться со мной, да и то не всякая!

Подбежали сухари и захрустели:

— Мы не хуже вас. И потом, людям, у которых болят животы, ничего, кроме нас, есть нельзя. А животы болят у многих.

— Я слаще всех! — заволновался пирожок с вареньем. Он так быстро подбежал, что от натуги выпустил из себя половину начинки.

— Перестаньте спорить! — послышалось вдруг из угла пекарни, где лежали буханки черного ржаного хлеба. — Вас могут услышать мыши. Если они прибегут, нам всем несдобровать!

— Уж вы помолчали бы! — отозвалась сдоба. — Деревенщина! Вас-то все равно мыши есть не станут.

— На вас даже никто и не посмотрит, — поддержал сдобу калач.

Буханки обиженно замолчали. Все тут же о них забыли и продолжили спор, правда уже шепотом.

Так и проспорили всю ночь. А утром пришел Пекарь и выставил все изделия на прилавке булочной. Первой в булочную вошла старушка.

— Мне, пожалуйста, сдобу, — мягко сказала она продавцу. — И буханку черного хлеба.

Потом в булочную зашел рабочий.

— Две городских булки, — проговорил он. — И буханку черного хлеба.

В булочную заходили разные люди, выбирали сдобы, булки, батоны, но все покупали и черный хлеб, потому что он — основной хлеб. И, как известно, самый полезный.

ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ

Многие, покупая воздушные шары, не задумываются, какой из них самый лучший: желтый, красный, зеленый или синий? Обычно те, у кого хорошее настроение, покупают желтые и красные шары. У кого настроение неважное, — зеленые и синие.

А надо бы поступать наоборот: когда грустно, купить какой-нибудь яркий шар — желтый или красный. А еще лучше — и тот, и другой. Идешь с такими шарами по улице, они вьются над головой, расцвечивают воздух, и кажется — в жизни все не так уж и плохо. Ведь желтый цвет — цвет веселья, а красный — цвет бодрости.

Тем, кто слишком развеселился, не мешает купить зеленый или синий шар, чтобы немного успокоиться и даже погрустить — вспомнить о тех, кому в этот момент не очень весело. Ведь зеленый цвет вселяет в нас спокойствие, а синий наводит грусть.

Обо всем этом знает каждый Художник. Художники также знают, что если купить несколько разноцветных шаров, то непременно увидишь цветной сон. Но даже Художники не знают, что на обычных надувных шарах можно летать. Для этого нужно купить шары в определенном сочетании: три желтых, два синих, один зеленый и один красный. Если перед сном эти шары привязать к кровати, то ночью можно улететь в удивительные страны.

Один Юный Художник случайно купил связку таких шаров и на ночь, чтобы шары не летали по комнате, привязал их к кровати. Потом забрался под одеяло, закрыл глаза и вдруг... полетел.

Вначале шары перенесли Юного Художника в страну Весельчаков. У жителей этой страны были улыбки до ушей, они только и знали, что отмечали праздники — по всякому поводу, даже самому пустяковому. Они мало работали и жили довольно бедно, но веселились каждый день. И разгуливали только с желтыми и красными шарами.

— Отчего вам так весело? Что у вас за праздники? — поинтересовался Юный Художник.

— Праздники выдумывает наш Правитель, — ответили Весельчаки. — Он говорит, что мы богатые и живем интересней всех. Сам смеется с утра до вечера и нас заставляет. Он перестанет смеяться только в том случае, если кто-нибудь заставит его загрустить. Пока это никому не удавалось.

Юный Художник, как все Художники, прекрасно знал, что синий цвет — цвет грусти. Взяв синие шары, он отправился к Правителю.

Правитель сидел на троне, выдумывал очередной праздник и громко хохотал. Вокруг стояли Придворные и хохотали еще громче — они просто гоготали, схватившись за животы.

Увидев синие шары, Правитель внезапно перестал смеяться и немного загрустил, но Придворные смотрели не на шары, а на Правителя, и потому продолжали хохотать и гоготать.

Чем дольше Правитель смотрел на шары, тем печальней становилось его лицо. Синий цвет так сильно на него подействовал, что он даже заболел. А Придворные подумали, что он нарочно гримасничает и продолжали трястись от хохота. Даже Доктор, обращаясь к Правителю, хихикнул:

— Вам плохо? Но ничего, если Вы умрете, мы все равно будем смеяться, будьте уверены!

— Как?! И вам меня не жалко?! — плаксиво вскричал Правитель. — Да, когда я умру все должны грустить! Только я никогда не умру! Я буду бессмертным!

И все же, на всякий случай, Правитель отменил половину праздников и разрешил продавать зеленые и синие шары. Само собой, после этого Весельчаки перестали бездельничать, втянулись в работу и вскоре из бедных превратились в зажиточных.

В другой раз Юный Художник на воздушных шарах прилетел в страну, где царило уныние. Правитель той страны запрещал смеяться и улыбаться, открывать веселые аттракционы и отмечать праздники. Жители той страны выглядели угрюмыми. Они много работали и ни в чем не нуждались — имели не дома, а дворцы, забитые дорогими вещами, но жили эти богатеи однообразно, уныло, неинтересно. И ходили они сплошь с зелеными и синими шарами.

— Мы только и маршируем с работы и на работу, а дома подсчитываем богатства, — пожаловались они Юному Художнику. — Наш Правитель грозит, что еще введет ночную работу и черные шары, да еще с номерами — чтобы следить за теми, кто плохо работает. А мы давно устали от работы, нас просто тошнит от богатства, нам хочется хотя бы немного пожить в свое удовольствие, интересно, весело... Но наш Правитель отменит свои дурацкие указы только если его кто-нибудь развесят. А как это сделать, мы не знаем.

— Я развеблю его! — уверенно заявил Юный Художник и направился к Правителю. Нетрудно догадаться, какие он взял с собой шары.

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

Это был самый обыкновенный кленовый лист, и, вместе с тем, не совсем обыкновенный. Он появился весной из набухшей почки, как только ее пригрело солнце; появился первым на всем большом дереве. Бледно-зеленый, маленький и слабый, он дрожал на весеннем ветру и еле держался на ветке. Постепенно рядом с ним появились его братья; день ото дня большой клен питал листки живительными соками, и с наступлением лета они превратились в большие густо-зеленые листья. Особенно крупным стал первый листок.

Клен возвышался посреди сквера и был самым могучим деревом с раскидистой кроной. Не случайно и единственная скамейка находилась именно под ним. Первый лист часто слышал голоса, доносящиеся со скамейки. Мужчины и женщины говорили о погоде, обсуждали будничные дела. Иногда слышались старческие голоса — тогда говорили о прошлом и болезнях. А однажды лист услышал юные голоса.

— Ты в каком классе учишься? — спросил мальчик.

— В третьем, — ответила девочка. — А ты?

— В четвертом, — важно произнес мальчик, давая понять, что он уже почти взрослый.

Некоторое время они рассматривали цветы на клумбе, потом мальчик сказал:

— Я уже тебя видел и знаю, в каком доме ты живешь. Ты там гуляешь с собакой.

— Мой Тишка такой игрун! — откликнулась девочка. — Готов играть весь день... Мы с ним тоже тебя видели... Хочешь, будем вместе гулять с Тишкой?

— В кинотеатре идут смешные мультики, — помолчав сказал мальчик. — Давай сходим?

— Давай! — девочка вскочила со скамейки, и они побежали в кинотеатр напротив сквера.

До начала занятий в школе мальчик с девочкой еще несколько раз бывали в сквере. Они договорились дружить до конца жизни.

Наступила осень. Лист пожелтел, стал ярко-оранжевым. В один из ненастных дней под кленом вновь послышались знакомые юные голоса. Лист радостно закачался, но тут же сник — мальчик с девочкой явно ссорились.

— Ты предательница, — сердито твердил мальчик. — Мы договорились дружить, а ты ходишь в кино с другим мальчишкой.

— Но мы с ним еще вместе ходили в детский сад, и наши мамы дружат, — оправдывалась девочка. — Я сходила с ним только разочек, и потому что тебя не было дома. Больше с ним в кино не пойду.

— Все равно ты предательница, — буркнул мальчик и вдруг направился к выходу из парка.

А у скамейки вначале послышался шорох переминающихся сапожек, потом всхлипывания.

Лист задрожал, сорвался с ветки и помчался вдогонку за мальчиком. Он летел по ветру, плыл по лужам — почти выбился из сил, но догнал мальчика, прилип к его руке, потянул назад.

Мальчик пошел медленнее, потом остановился в раздумье и побежал к скамейке. А лист обессиленный упал на дорожку сквера.

На следующий день дворник подметал опавшую листву и вместе с другими листьями смел в кучу и ярко-оранжевый лист; потом поджег листву и присел отдохнуть на скамейку.

В сквере появились мальчик с девочкой. Взявшись за руки, улыбаясь, они прошли мимо скамейки, постояли у костра, разглядывая спиральки дыма, и, весело перекидываясь словами, побежали к кинотеатру.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АВТОМОБИЛЯ

Маленький ярко-желтый автомобиль-легковушка беспечно катил по улицам. Малыш был совершенно новенький — его недавно сделали на заводе, и он впервые выехал из своего дома-гаража. Вымытый, сверкающий, он отправился знакомиться с улицами города и был уверен — совершит замечательную легкую прогулку. А между тем его подстерегали неожиданности.

Желтый крохотуля думал — на улицах все машины вежливые, воспитанные, и к нему, как к самому маленькому, будут проявлять особое внимание. Некоторые машины, действительно, отличались хорошими манерами: не сигналили сзади, не подгоняли неопытного малютку, уступали ему дорогу. Другие тоже вели себя вполне прилично: если и обгоняли его, то включали предупредительный сигнал, а обогнав, мигали красными фонарями, как бы говорили:

— Извини, карапуз, спешим!

«Какие все заботливые, предупредительные», — подумал маленький автомобиль, как вдруг его догнал мотоцикл-грубиян и резко затормозив, оглушительно просигналил:

— Эй, шкет! Плетешься, как черепаха! Кати ближе к тротуару! Мешаешь транспорту!

А потом какой-то нахальный самосвал пронесся мимо на бешеной скорости, забрызгал маленький автомобиль грязью, да еще обдал облаком гари:

— Не путайся, карлик, под колесами!

Но это еще полбеды. Улицы то и дело перебежали собаки и кошки; при этом они неуважительно фыркали в сторону маленького автомобиля:

— Мы тебя, кроха, совсем не боимся!

А разные невоспитанные мальчишки и девчонки и вовсе перебежали улицу прямо перед носом маленького автомобиля, и вообще не обращали на него никакого внимания:

— Вот еще, игрушечный карапет! Мы пожарную машину видели, не то, что какую-то желтую мыльницу!

Маленькому автомобилю приходилось все время испуганно тормозить, постоянно быть крайне внимательным. Прогулка по улицам оказалась далеко не легкой.

Часто на дороге попадались ямы и трещины, и маленький легкий автомобиль подбрасывало так, что звенели его стекла. А в одном месте он наехал на гвоздь и проколол колесо. И остановился в растерянности.

Два грузовика промчались мимо, сделав вид, что не замечают бедолагу — «подумаешь, какая-то машинешка! Замухрышка-фитюлька! Ка-

тается в свое удовольствие! Нам, работягам, некогда возиться с разными недоростками, у нас дел полно». Но потом около маленького автомобиля притормозили «Скорая помощь» и фургон «Хлеб», затем подъемный кран, милицейская машина и пикап, который вез овощи. Все они предлагали свои запасные колеса, но их колеса оказались слишком большими.

К счастью, на улице появился синебокий юркий микроавтобус. Увидев попавшего в беду желтого родственника, он поспешил на выручку. Подрулил и весело пропыхтел:

— Привет, желтопузик! Не вешай нос! Сейчас все устроим. Ты мой брат, мы оба маломерки. И колеса у нас одинаковые. Бери! — он открыл багажник, где лежало запасное колесо.

Маленький автомобиль поблагодарил синебокий микроавтобус за помощь и спросил, куда ему потом подвести колесо.

— Вернешь, когда встретимся снова! Мы все должны помогать друг другу, верно? — микроавтобус пустил белые кольца дыма и укатил.

На следующий день в доме-гараже Механик поставил заплатку на колесо маленького автомобиля и сказал:

— Конечно, колесо микроавтобусу можно отдать и при встрече, но лучше отвезти сейчас. Во-первых, в большом городе не так-то просто встретиться. Во-вторых, и с синебоким может случиться неприятность, он тоже может наехать на что-нибудь острое. Кто ему тогда поможет?

Механик пользовался огромным уважением у всех машин, а маленький автомобиль воспринимал его слова, как приказ. Поэтому сразу отправился на поиски микроавтобуса. Он ездил по улицам до позднего вечера и у всех машин спрашивал, где находится дом-гараж микроавтобуса. Но никто не знал, даже всезнающий мусоровоз.

Уже приближалась ночь, в домах гасли окна, а маленький автомобиль все колесил по городу. Расстроенный, утомленный, он все-таки решил не возвращаться домой, пока не разыщет синебокого брата и не отдаст ему запасное колесо.

На одной из улиц шуршанье колес маленького автомобиля разбудило спящую у тротуара бездомную легковушку. Приоткрыв глаза, она сонно проурчала:

— Что это еще за малявка раскатывает по ночам?! Тарахтит, мешает спать порядочным машинам?!

— Понимаете, я ищу дом-гараж микроавтобуса. Я должен отдать ему колесо. Вы случайно не знаете, где живет синебокий микроавтобус?

— Точно не знаю. Кажется, в парке за площадью. В парке для машин, разумеется, а не там, где гуляют люди. А вообще, поезжай-ка домой. Колесо отдашь завтра. Малышам давно пора спать.

Маленький автомобиль был очень маленький, но имел настойчивый характер, и решил довести дело до конца. Он подъехал к площади и увидел на противоположной стороне парк, но в нем стояли троллейбусы со спущенными усами-токоприемниками.

— Наш парк троллейбусный, — вежливо пояснил крайний троллейбус, когда маленький автомобиль рассказал, что он ищет. — Автобусный парк совсем в другой стороне. Поедешь по широкой улице, потом по узкой, там будет мост, около моста автобусный парк. Жаль, не могу тебя проводить — ночью в проводах нет электричества.

В этот момент около парка разворачивалась поливальная машина — она смывала с улиц дневную пыль. Услышав разговор маленького автомобиля с троллейбусом, «поливашка» торопливо вмешалась:

— Я прекрасно знаю, где находится автобусный парк. Пристраивайся, невеличка, за мной, провожу тебя.

Так они и поехали по ночным, тускло освещенным улицам: впереди «поливашка» с водяными струями, за ней — маленький автомобиль; он сильно устал и еле крутил колесами, но старался не отставать.

Около автобусного парка «поливашка» остановилась.

— Отнеси колесо и побыстрее возвращайся, провожу тебя к дому-гаражу, а то еще заблудишься.

В автобусном парке все автобусы уже спали. Но особенно крепко спал Сторож парка — маленький автомобиль разбудил его с немалым трудом, и стал объяснять что к чему.

— Э-э, да ты, коротыш, не туда попал, — зевая прохрипел Сторож. — В нашем парке только большие автобусы. А твой синебокий брат живет в детском саду, возит ребятам продукты, игрушки. Это на соседней улице, за углом.

— Я сейчас! — известил «поливашку» маленький автомобиль и свернул за угол.

Детский сад днем и ночью охраняла дворняжка Пальма. Она сразу заявила маленькому автомобилю, что синебокий микроавтобус давно спит, и она никому не позволит тревожить его сон, даже его брату, потому что сегодня микроавтобус весь день ездил за подарками, а утром повезет ребят в зоопарк.

— ...Так что, колесо можешь оставить мне, — прогавкала Пальма. — Утром его передам микроавтобусу.

Маленький автомобиль оставил колесо с запиской, в которой от всего сердца благодарил синебокий микроавтобус и приглашал его в гости, обещал познакомить с самым заботливым на свете Механиком.

Ну, а потом «поливашка» проводила маленький автомобиль до дома-гаража и перед тем, как уехать, направила на него водяные струи.

— Тебя, невеличка, надо помыть, ты сильно запылился.

На прощанье «поливашка» тихонько посигналила:

— Спокойной оставшейся ночи!

— Спасибо за все! — откликнулся маленький автомобиль и въехал в ворота дома-гаража.

— Где же ты пропадал? — встревожено встретил его Механик.

И маленький автомобиль рассказал про все машины, которые встретил, пока искал дом микроавтобуса, про троллейбусный и автобусный парки, про «поливашку», детский сад...

— Похвально, что ты такой обязательный, упорный, но все-таки ездить ночью опасно, — сказал Механик и, поразмыслив, добавил: — Хотя, конечно, эти ночные приключения для тебя не пройдут даром. Во-первых, ты окончательно понял, что без друзей в пути никак не обойтись. А во-вторых, что добросердечных, отзывчивых машин на улице все-таки больше, чем равнодушных. Так же, как и людей, впрочем.

СОДЕРЖАНИЕ

МОЙ БЕГЕМОТ	5
МОИ ЧУДАКОВАТЫЕ РОДСТВЕННИКИ.....	19
СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА УЛИЦЫ (повесть).....	61
СОБИРАТЕЛЬ ЧУДЕС (рассказы)	99
КАК НА КАЧЕЛЯХ (рассказы о школе)	121
НА ОКРАИНЕ	141
ДУХОВОЙ ОРКЕСТР.....	169
КОГДА Я БЫЛ МАЛЬЧИШКОЙ.....	177
РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ.....	189
ПЛУТИК.....	191
СИМА	195
ЧИЖУЛЯ.....	201
МЕДВЕДЬ	204
ЕЖИК.....	208
У СТАРИКА ЛУКЬЯНА.....	210
БУРАН, ПОЛКАН И ДРУГИЕ.....	216
БЕЛЫЙ И ЧЕРНЫЙ.....	223
ЩЕНОК.....	228
АНЧАР.....	233
ПОЧТАЛЬОН ТИШКА.....	240
ЛЮБОВЬ К ЖИВОТНЫМ.....	245
АЛДАН.....	255
ЗВЕРИНЕЦ В МОЕЙ КВАРТИРЕ.....	261
В ДОЖДЬ У ЛЕСНИКА.....	275
РАССКАЗЫ СТАРОГО ВОДОЛАЗА.....	285
СКАЗКИ.....	299